

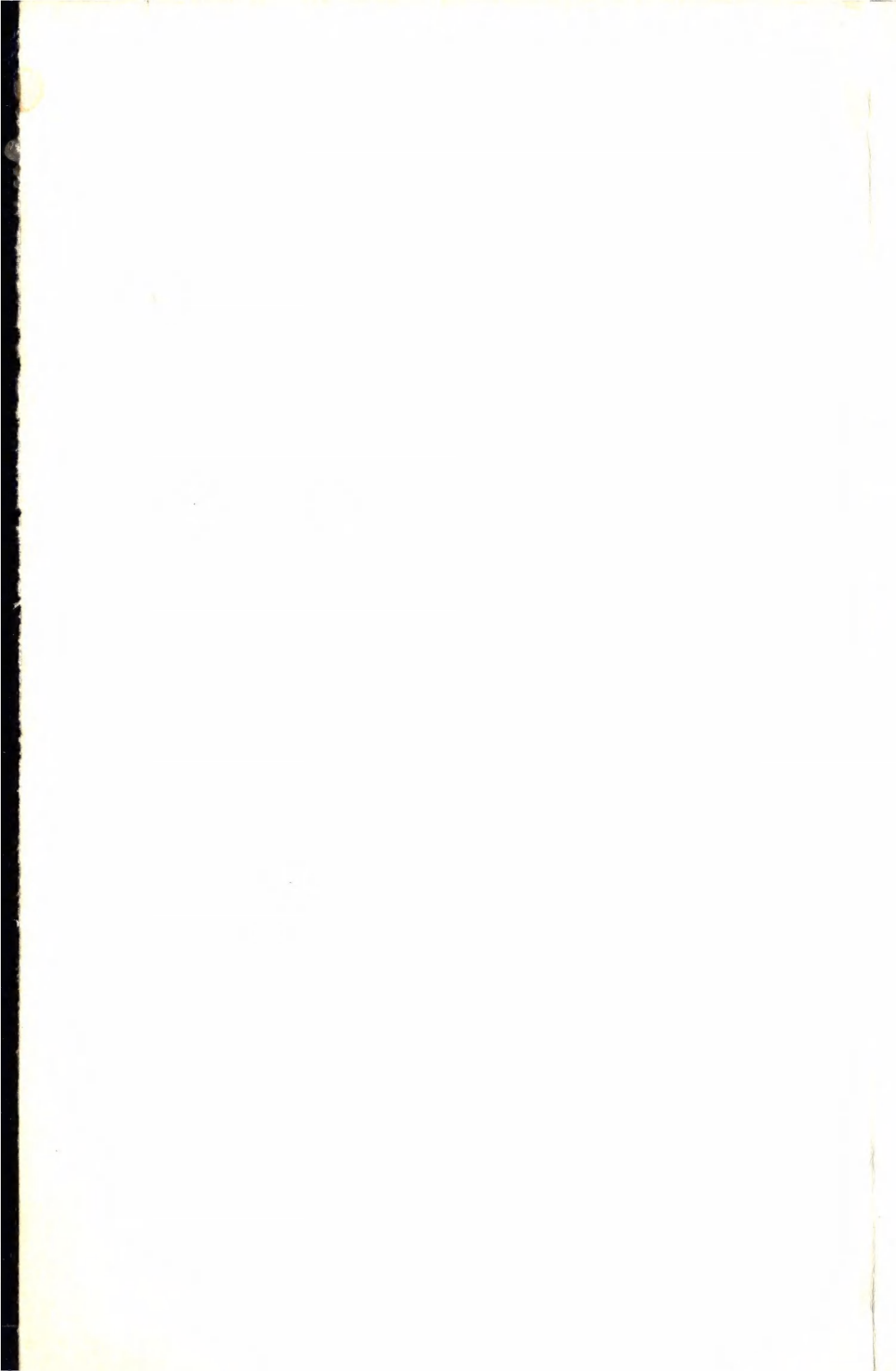
СОВЕТСКИЕ

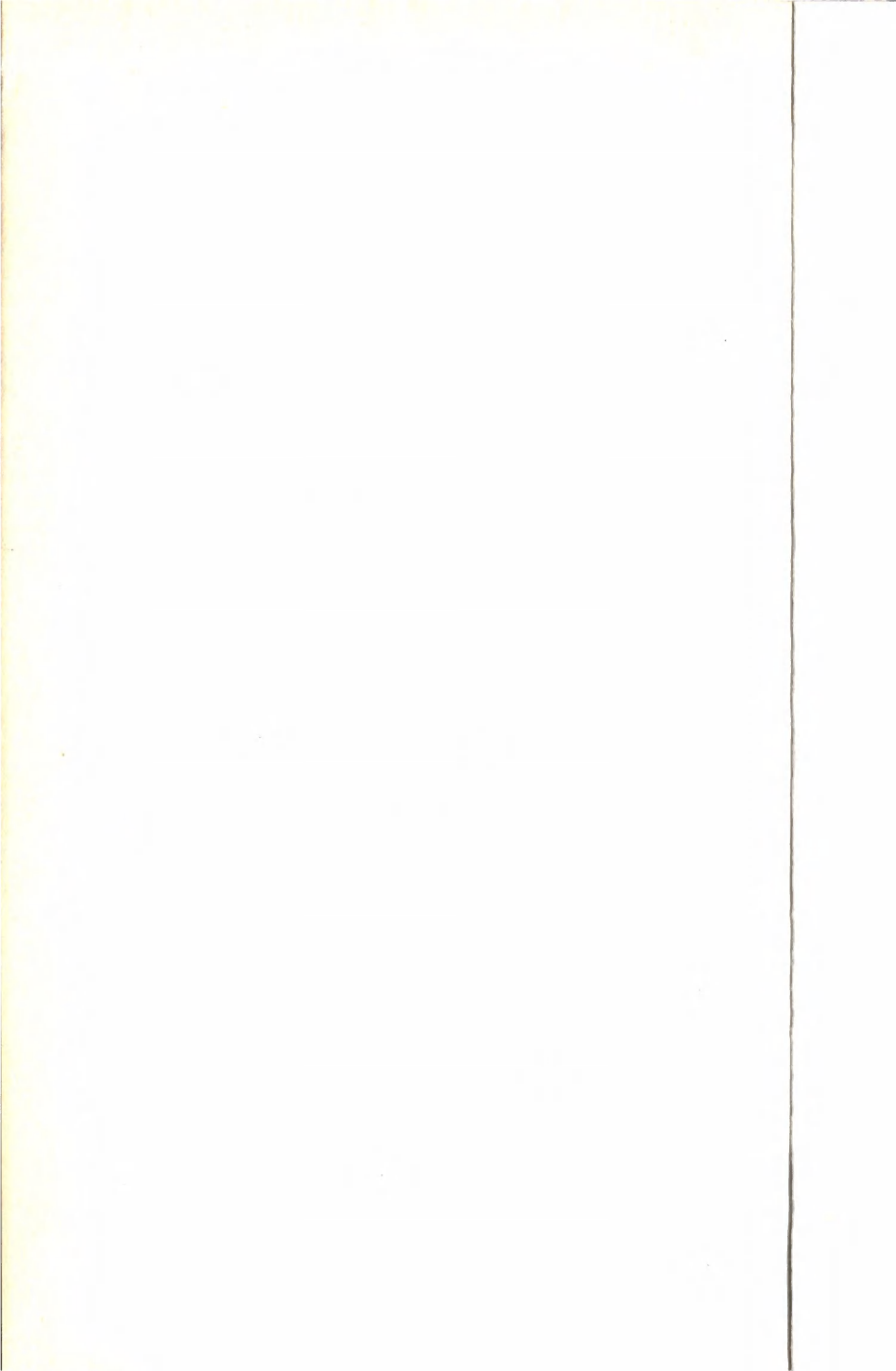

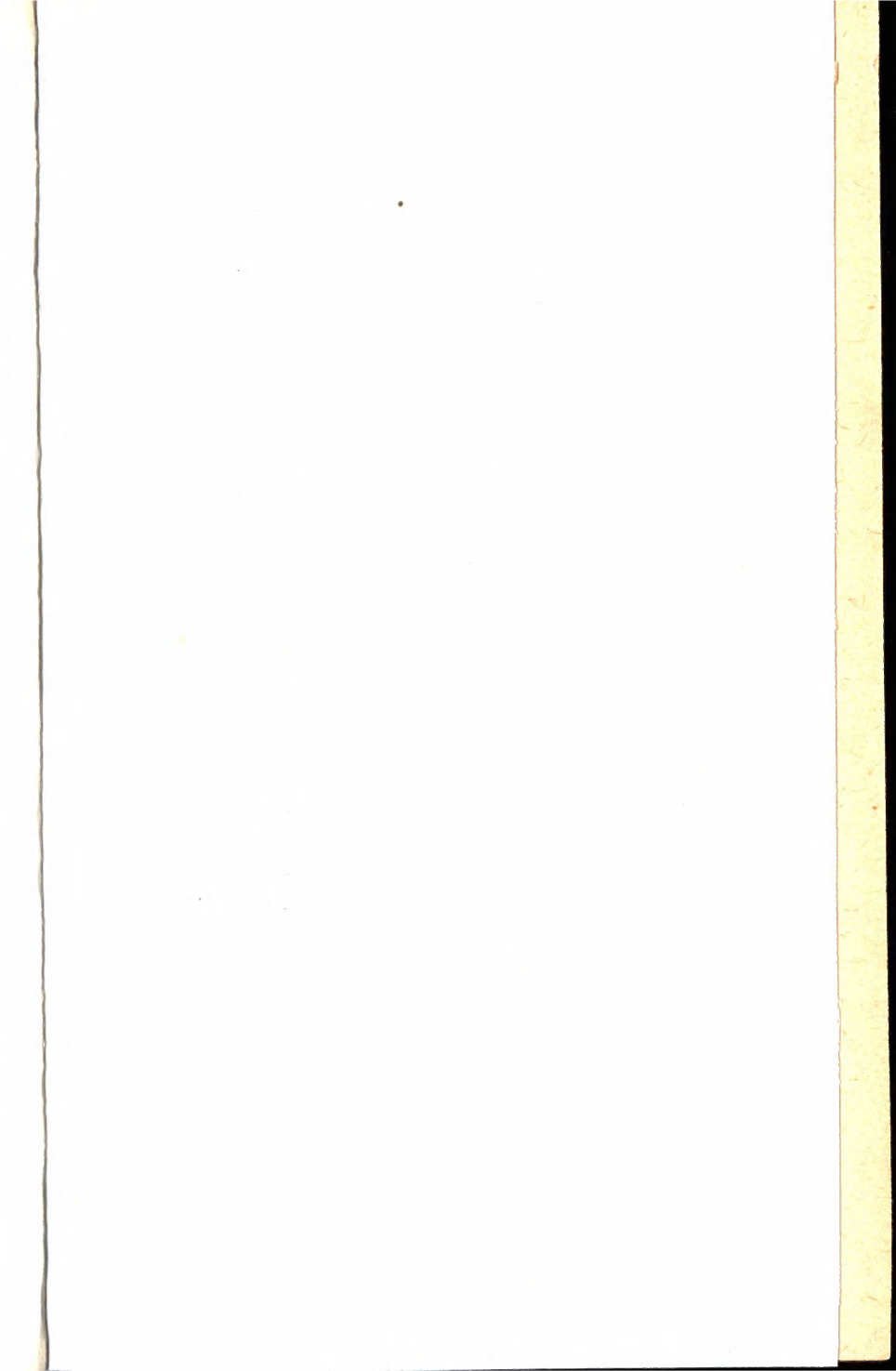
С. А. ЗОНИН

Адмирал

Л. М. ГАЛЛЕР

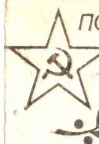

Л. М. Галлер

СОВЕТСКИЙ

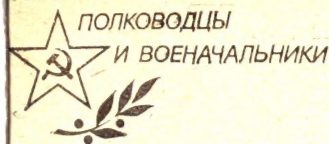

Адмирал

Л.

МОСКВА
ВОЕННАЯ
1991

СОВЕТСКИЕ

С. А. ЗОНИН

Адмирал

Л. М. ГАЛЛЕР

Жизнь
и флотоводческая
деятельность

МОСКВА
ОБЩЕОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 68.49(2)243

З-84

Редактор *Н. А. Ступников*

Зонин С. А.

З-84 Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М.: Воениздат, 1991. — 415 с., 5 л. ил., портр. — (Советские полководцы и военачальники).

ISBN 5—203—00865—5.

Бывшего офицера царского флота Л. М. Галлера, всецело принявшего идеи Великого Октября, многократно испытывали крутые повороты судьбы. В труде рассказывается о жизни и деятельности, заточении в тюрьму по ложному обвинению и преждевременной кончине адмирала, внесшего большой вклад в развитие Военно-Морского Флота СССР и в победу над гитлеровской Германией.

Книга издана по программе подготовки к 300-летию (1996) отечественного флота и рассчитана на массового читателя.

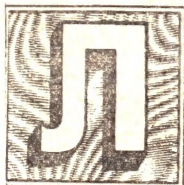
З 1305010000—020 61—91
068(02)—91

ББК 68.49(2)243

ISBN 5—203—00865—5

© С. А. Зонин, 1991

В Морском корпусе

ев Михайлович Галлер родился в Петербурге, в семье российских немцев, крещен в Выборге. Его дед по отцу — врач, полковой лекарь Фердинанд Адольф фон Галлер, в 1855 году был похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге. Дворянство дед получил, дослужившись до коллежского асессора — чина 8-го класса. Два его сына — Михаил и Карл — окончили Николаевское инженерное училище, то самое, что находилось в знаменитом Инженерном замке. Поступили они туда на следующий год после смерти своего отца, так как у вдовы не имелось средств на статское образование детей. В послужном списке у братьев было записано одинаково: «Недвижимого, благоприобретенного или родового имущества — нет». А вот старший их брат титулярный советник Оскар Фердинандович фон Галлер окончил Петербургский университет и всю жизнь, до самой кончины в 1910 году, прослужил в Императорской Академии наук и Императорском Географическом обществе. Еще читал вроде бы географию в гимназии.

Поручик Михаил Фердинандович фон Галлер после производства в офицеры служил по инженерной части в Великом княжестве Финляндском — в инженерном управлении Свеаборгской (Суоменлинна) крепости, в штабе Финляндского военного округа в Гельсингфорсе (Хельсинки). Вот тут-то в 1866 году и женился на русоволосой Юлии, дочке выборгского пастора Гуго Рихарда Паукера. Понятно, что отец мечтал о сыне, но Юлия Гуговна вначале подарила мужу пять дочерей. Лишь в нояб-

ре 1883 года родился сын, по лютеранской традиции получивший в свидетельстве о крещении длинное имя — Лев Юлий Александр Филипп. К этому времени отец его имел чин полковника и служил начальником Выборгского крепостного инженерного управления. Четыре года спустя семейство Галлеров в Кронштадте — Михаил Федорович фон Галлер назначен начальником Кронштадтского инженерного управления. Здесь у него родился второй сын — Вернер Карл Эрнст. Замена отчества Фердинандович на Федорович не случайна. Александр III демонстрировал нелюбовь к немцам, хотя русской крови в нем было маловато. В его царствование многие дворяне-лютеране ради карьеры перешли в православие, многие изменяли написание имен и отчеств. Вот и братья Михаил и Карл, оставшись лютеранами, на время, до вступления на престол Николая II, стали Федоровичами¹.

В семье Галлеров говорили на русском, немецком и шведском. Мать Юлия Гуговна выросла в Выборге в немецко-шведской семье, до конца дней произносила русские слова с забавным акцентом. Благодаря ей дети знали скандинавские языки и немецкий, в оригинале познакомились с Андерсеном и Шиллером, Стриндбергом и Гете. Повседневное, однако, доминировали русский язык и русская литература. И с течением лет все больше. Вечерами было принято собираться в гостиной, отец и старшие сестры читали вслух Карамзина и Пушкина, Гоголя и А. К. Толстого. Иногда чтение заменяли домашними концертами. Отец вынимал из футляра скрипку, кто-то из сестер садился за рояль. Лет с десяти участвовал в этих концертах и Лев, играя на виолончели — той самой, что будет сопровождать его всю жизнь...

С детства Лев Галлер жил у моря — в Выборге, в Кронштадте. Ему было восемь лет, когда отца перевели на далекий юг начальником Очаковского крепостного управления. Здесь море совсем другое — теплое, ласковое. Всего лишь год прожили Галлеры на благодатном юге. Льву было жаль расставаться с Черным морем, новыми друзьями, с которыми ходил под парусом в лимане, ловил рыбу. Но в 1892 году большое семейство Галлеров — пять дочерей и два сына! — в Санкт-Петербурге. Дочери учатся в петербургских и дерптских пансионах и инсти-

¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (далее ЦГАВМФ), ф. 435, оп. 5, д. 8288, л. 1—6.

тутах благородных девиц, Лев — в гимназии. На попечении матери лишь пятилетний Вернер. Глава семейства занимается в Николаевской инженерной академии, куда несколько раньше поступил брат Карл, также уже полковник. Братья даже живут рядом, сняв квартиры в 6-й роте Измайловского полка (ныне 6-я Красноармейская улица), в домах, стоявших почти напротив друг друга, — в № 15 и 16.

Семья Галлеров живет весьма скромно, мать с немецкой тщательностью считает каждый гривенник, хотя отец подрабатывает, консультируя строительную контору «Наследники барона Таубе». Деньги на книги Льву, однако, дают, и он изредка покупает сочинения по истории и географии, читает и перечитывает их.

Лев иногда на конке ездит к Оскару Федоровичу на Васильевский остров. В уютной холостяцкой квартире на Среднем проспекте, в которой идеальный порядок поддерживает экономка, старая дева из Вюртемберга, Льва манит кабинет с книжными полками во всю стену. Он любит забраться с ногами на громадный диван черной кожи и, прибавив огня в керосиновой лампе, рассматривать великолепные гравюры и карты в томах путешествий по Африке, Азии и Америке, по всем океанам. Он читает по-немецки отлично изданные записки Крузенштерна и следит за маршрутом плавания первых российских кругосветников по им же составленному атласу. Атлас, правда, столь велик по формату, что приходится класть его на толстый ковер, покрывающий пол кабинета.

Отец собирается со временем определить старшего сына в Инженерное училище и однажды заводит об этом разговор. Но вдруг оказывается, что Лев не склонен выполнять родительскую волю: он хочет поступить в Морской корпус. Его манит океан, дальние страны, он преклоняется перед русскими кругосветниками — Лисянским, Коцебу, Лазаревым... И вместе с тем воображение мальчика поражают броненосцы, чьи громадные остовы, чем-то схожие со скелетом кита в Зоологическом музее, возвышаются на расположенных вдоль Невы стапелях Нового Адмиралтейства. Лев восхищенно рассматривает строящиеся корабли, когда семейство Галлеров отправляется в воскресный день на пароходе в Петергоф любоваться дворцами и фонтанами. Он хочет плавать на броненосцах — средоточии всего нового в технике, стрелять из орудий чудовищной силы!

Но Михаил Федорович вовсе не желает отдавать сына в Морской корпус. Карьера военного инженера-фортификатора кажется ему более надежной. Он надеется, что Лев одумается. Нужно лишь время. И в 1898 году Лев Галлер учится в 1-й Тифлисской гимназии. «Моряком ты не будешь», — решил отец. В Тифлисе Галлеры живут на Бяратинской улице, в доме 19. Михаила Федоровича неделями нет дома. По своей должности инспектора работ — инженера окружного инженерного управления Кавказского военного округа он следит за работами, принимает у вороватых подрядчиков законченные строительством мосты и дороги в тех уездах многострадальной Армении, которые присоединены к России после последней победоносной русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Он трудится над проектами укреплений Карса и Ардагана, добывается средств на их строительство. В немногие вечера, которые генерал-майор фон Галлер посвящает сыновьям, он рукою опытного рисовальщика набрасывает планы будущих крепостей, показывает возможные пути вторжения турецких колонн в российские пределы. И вместе с сыном изучает на картах пограничные районы Закавказья, рассказывает о попытках продвижения британцев в Афганистан, об их проникновении в Персию и внушает Льву, что именно армия надежный гарант безопасности границ Российской империи. Но как действовать армии без дорог и мостов, как обороняться без крепостей?! И в наступлении, и в обороне так велика роль военно-инженерной службы! Михаил Федорович поглядывает на сына, но Лев хмурится, упрямо наклоняет голову. Лев читает по-английски «Влияние морской силы на историю» капитана Махэна, присланную дядей Оскаром из Петербурга. Лев убежден в правоте автора и уверен, что не только Британии, Франции, Испании и Северо-Американским Соединенным Штатам необходим флот. Могучий флот нужен и России! Будь у России сильный флот, разве смогли бы Великобритания и Франция добиться пересмотра Сан-Стефанского договора и тем самым во многом лишить Россию плодов побед ее армий над турками на Балканах и на Кавказском фронте? Он по-прежнему мечтает о флоте, не может забыть величественную картину — стоящую на Транзундском рейде на якоре эскадру Балтийского флота. То было за год до переезда в Тифлис, когда Галлеры возвращались морем в Петербург после визита в Выборг к деду — пастору Паукеру...

И отец сдается. В 1902 году летом, уже после конца общего приема в младший специальный класс Морского корпуса, генерал-майор фон Галлер добивается разрешения для своего сына Льва держать экзамены.

Экзамены в младший специальный класс прошли в мае и принятых «нигилистов» — так прозвали «старые» кадеты поступавших после окончания гимназии — спешно обмундировали и отправили в плавание на учебных судах. Но два будущих кадета — Лев Галлер и барон Борис Нольде на экзамены опоздали и по прибытии в корпус сразу же попали на крейсер «Князь Пожарский». Экзамены им предстояло держать в Петербурге по возвращении из плавания. Заранее скажем, что сдал их Галлер благополучно, хотя спрашивали строго, придирчиво — подумаешь, золотая медаль провинциальной тифлисской гимназии! К тому же характеристика из той же гимназии показалась корпусным офицерам неумеренно лестной. «Способности всегда хорошие, ...успехи всегда отличные. ...Одним словом, юноша прекрасный во всех отношениях и вполне благовоспитанный. ...С товарищами дружелюбен всегда. ...Характера в высшей степени кроткого», — писал классный наставник И. Соловьев². Однако, сдав на пять письменные экзамены по тригонометрии, русскому языку и географии, получив такую же оценку на устном экзамене по физике, Галлер поддерживал честь своей гимназии. Здоровье тоже оказалось в норме, хотя основания для волнения у Льва были. Ведь директор Иван Христофорович, по прозвищу Большой Ван, несмотря на все мольбы своего бывшего ученика, в характеристике указал: «Обладает не особенно крепким здоровьем и с бледным цветом лица юноша».

Волновался юный кадет напрасно. Лев Галлер — доказало плавание на крейсере «Князь Пожарский» — к морской службе пригоден. Крейсер I ранга, еще недавно именовавшийся «броненосным батарейным фрегатом», имел три мачты с полным «корабельным» парусным вооружением, огнетрубные котлы и паровую машину. Когда-то под парами «Князь Пожарский» давал 12 узлов³. Те лучшие дни, однако, остались уже в прошлом, и командир крейсера капитан 1 ранга Куприянов предпочитал ходить под парусами, а машиной пользоваться при выходе из порта и заходе в оный. Кадет расписали по

² ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 8288, л. 6.

³ Узел — скорость, равная 1852 метрам в час.

мачтам, и вскоре марсовой Галлер лихо взбирался по вантам на фор-марсовую площадку, с бьющимся сердцем пробегал по фор-брам-рее к ноку, занимал свое место, чтобы работать с парусом-марселем. Высоты, как оказалось, он не боялся, в качку работоспособности не терял, в том числе и в шестибалльный шторм.

Первое плавание запоминается на всю жизнь. И много лет спустя Лев Михайлович любил рассказывать молодым командирам, как красив корабль в четыре с половиной тысячи тонн водоизмещения, идущий полным ветром под всеми парусами. «Начинать надо с плавания под парусами!» — говаривал он, энергично попыхивая трубкой.

Тем летом 1902 года на «Князе Пожарском» кадет Галлер познавал азбуку флотской службы.

Первые недели суда учебного отряда Морского корпуса больше стояли на Транзундском рейде, ходили мало. Якорный день начинался трельями боцманской дудки, высвистывавшей в 6 утра побудку, с команды «Койки вязать!». Галлер научился быстро снимать и туго шнуровать парусиновую койку, потом — бегом на верхнюю палубу, чтобы вовремя уложить койку в сетку. Задерживаться нельзя, начинается следующее действие: подъем по вантам на салинг — площадку у основания стеньги, спуск от нее к палубе по толстым канатам — бакштагам. Как после этого вкусен сладкий чай с теплой, испеченной под утро булкой! Затем построение на подъем флага... Галлеру нравились шлюпочные учения, хотя не сразу затвердели на ладонях мозоли от тяжелых весел. В 11 ч — обед, а после, когда на стеньге взвывается флаг «О», означающий разрешение на отдых, — крепкий молодой сон. Но вот в 14 ч спущен «О», его сменяет трехфлажный сигнал «ЖКФ» — занятия по усмотрению командиров. Галлер вместе с товарищами-кадетами банит стволы пушек и изучает устройство судна, учится вязать узлы и заводить пластырь на пробойну... Прошло не так много времени, и «нигилисты» подтягиваются по морской подготовке к «старым» кадетам — к тем, что поступили в Морской корпус после 3-го класса гимназии и уже три года носят морскую форму.

Когда кадеты в должной мере осваивают постановку и уборку парусов на якоре и во время непродолжительных выходов в залив, директор Морского корпуса капитан 1 ранга Доможиров, недавно еще командир крейсера «Россия», решает, что учебному отряду Морского кор-

пуса настала пора идти в совместное плавание. Колонну судов возглавляет «Князь Пожарский», за ним в кильватер следуют учебные суда «Рында», «Верный» и «Вонин».

Они идут под парусами, как корветы, на которых плавали герои Константина Станюковича. Галлер зачитывается его рассказами. По ним он представляет себе матросов. Тех самых, что работают вместе с кадетами на мачтах, грузят уголь и всякие припасы, делают четыре раза в день приборку на верхней палубе и в кубриках, несут вахты. Эти сильные, ловкие, все умеющие люди ему столь же непонятны, как фантастические обитатели Луны из только что прочитанного нового романа Уэллса. Галлер пытается поговорить с одним из них, рослым марсовым. Но из разговора ничего не получается. Да и что кадет может спросить? Разве задать стандартный вопрос — «Ты из какой губернии»? И получить предопределенный стандартный ответ — «Из Калужской, господин кадет». Кадет и нижних чинов — матросов, унтер-офицеров разделяет невидимая стена. К кадетам все обращаются на «вы», к нижним чином только на «ты». Форма внешне одинакова, но платье у кадет — рубахи-голландки и брюки из тонкого белого льняного полотна, а не из грубой ткани, похожей на брезент. Кадеты не участвуют в приборках. Обувь, медные пуговицы им чистят до блеска, белье, голландки и брюки стирают и гладят вольнонаемные дневальные — старики из бывших матросов, взятые на судно из Морского корпуса. И здесь, и в корпусе каждый кадет платит им рубль в месяц. Галлер убеждается, что кадеты и нижние чины — из разных миров. Недаром седой, сивоусый боцман, побывавший в кругосветном плаваньи, почтительно называет кадет «баричами».

Куда легче да и вроде бы полезнее поговорить с офицерами. Особенно интересно Галлеру в штурманской рубке, где хозяином старший штурман лейтенант А. А. Родкин, окончивший не только Морской корпус, но и физико-математический факультет Петербургского университета, к тому же знаток морской истории. Родкин не жалеет времени на любознательного кадет. Он рассказывает не только о сути штурманского дела, но и из истории русского флота. Называет даты сражений с шведским флотом и показывает на карте, где они происходили. В Рилакс-фиорде, куда заходит отряд, обращает внимание Галлера на черный пирамидальный крест —

памятник Гангутской битве. Здесь проходила просека, которую Петр Великий приказал прорубить через полуостров. По ней протащили галеры, обманув шведов, поджидавших русский флот у южной оконечности полуострова Гангут. Замечательно еще стоять вахту с лейтенантом И. Е. Тимме. И на ходу и на якоре тот находит время, чтобы объяснить все свои решения и приказания. А однажды, на ночной вахте во время перехода из Балтийского порта (Палдиски) к Кронштадту, с горечью говорит о слабости российского флота. «Страна наша богата, порядка только нет...» — заканчивает он, цитируя А. К. Толстого. Но кадет Лев Галлер не понимает горечи слов лейтенанта. Ему все кажется замечательным: корабли — красавцами, нижние чины — лихими молодцами. Его не смущает даже то, что на крейсере пушки главного калибра — четыре достойные музея восьмидюймовки (203 мм) — на деревянных станках, после выстрела их надо накатывать вручную. С таким настроением возвращается Галлер в Морской корпус после 47 дней практики на «Князе Пожарском» — первого знакомства с флотом. С Родкиным и Тимме ему более встретиться не придется: старший штурманский офицер Родкин погибнет в сражении при Цусиме на броненосце «Князь Суворов», Тимме, пройдя через трагедию Цусимы на броненосце «Император Николай I» командиром носовой двенадцатидюймовой башни, после возвращения из японского плена оставит флот.

Посетив Гельсингфорс, Балтийский порт и Ревель (Таллинн), учебный отряд судов Морского корпуса возвращается в Петербург. Выдержав экзамены, Галлер получает отпускной билет. Первый отпуск — целых 28 дней! Он надевает форму, только что выданную и подогнанную в корпусной швальне, застегивает мундир. Красиво! На рукавах и воротнике бушлата золотые галуны, фуражка-бескозырка с черной лентой, на которой золотыми же буквами — «Морской корпус». Теперь на вокзал, чтобы купить билет до Тифлиса. Он соскучился по родителям, сестрам и брату...

Занятия начались 1 сентября. Галлер с увлечением занимался специальными предметами — навигацией и лоцией, мореходной астрономией, корабельной архитектурой. Преподаватели довольны его успехами и в других науках: высшей математике и сферической тригонометрии, теоретической механике и английском. Кадет Лев Галлер обращает на себя внимание усердием в за-

паниях, стремлением к глубоким знаниям. Ему же, в свою очередь, нравятся те из преподавателей, кто старается читать курс с привлечением дополнительных материалов. В. И. Сухомель знакомит кадет с началами теории вероятности и ее применением к артиллерийской стрельбе, корабельный инженер А. П. Шершов (за легкое заикание кадеты дали ему прозвище Чиф-чиф), в прошлом строитель броненосного крейсера «Громобой», делится мыслями о проекте броненосца водоизмещением чуть ли не в два десятка тысяч тонн, признается, что мечтает строить такой броненосец. Он в скором времени действительно станет строителем броненосцев «Андрей Первозванный» и «Император Павел I», которых после спуска на воду отнесут к линкорам.

По субботам и воскресеньям кадет Галлер получает отпуск (нынче бы сказали — увольнение) в город. В сохранившемся в архиве кадетском деле значится, что отпускной билет выписывается ему к дяде, капитану и геодезисту Федору Рихардовичу Паукеру, брату матери. В скромной квартире дяди в Дмитровском переулке, соединяющем Колокольную улицу со Стремянной, его окружает домашнее тепло и внимание. Дядя и тетюшка завязые театралы, и быстро приохочивают племянника к опере и балету. Не беда, что кадетам в Маринке положено занимать места только на галерке. Там, среди веселых студентов, Льву даже интереснее. Он покoren «Лебединым озером» и с упоением, не один раз, смотрит все четыре картины удивительного балета. Любуется чудесными хороводами белых и черных лебедей, восхищается тридцатью пятью турами Одиллии — Кшесинской и грациозными прыжками Принца — Николая Легата. И всякий раз с восторгом слушает знакомые звуки веселой и вместе с тем чуть щемящей сердце музыки.

Кончается бесконечная петербургская зима, и кадеты вновь отправляются в плавание. Все девяносто два дня летней практики 1903 года на Балтийском море Лев Галлер проводит на «Верном». Скоро он убеждается, что все похоже на прошлогоднее плавание: кадеты ходят по Транзундскому рейду на шлюпках — на веслах и под парусом, участвуют в парусных учениях, когда судно в считанные минуты одевается белопенным полотном. Полезны и нужны занятия мореходной астрономией и навигацией, но «Верный», конечно, не боевой корабль. А командир капитан 1 ранга Воеводский «выплаывает» не-

обходимый ценз, чтобы получить очередное звание, ему лень заниматься кадетами. Даже на мостик он поднимается с французским романом в желтой обложке. Хорошо бы пойти в плавание на современных кораблях-броненосцах, крейсерах или миноносцах! Но командир роты полковник по адмиралтейству Анцев успокаивает будущих гардемарин — куда спешить? Все придет в свое время. Издавна принято, что кадеты плавают в кампанию на судах учебного отряда Морского корпуса, и только на них...

Второй учебный год в Морском корпусе Галлер начинает уже в младшем гардемаринском классе. На синей фланелевой рубашке у него теперь погончики с якорем и двумя белыми поперечными нашивками младшего унтер-офицера.

Будущее видится Льву Галлеру predetermined, ведь все течет по привычному руслу. Ему кажется, что нарушить это течение могут разве что катаклизмы стихии, вроде сильного наводнения в декабре, затопившего на несколько часов улицы Петербурга. Смотреть на ушедшие по самую ось в воду пролетки извозчиков и телеги с набившимися до отказа седоками было даже забавно. Вода тогда вскоре ушла в Неву и каналы, оставив деревянные баржи на Английской набережной...

Ошибался, однако, младший гардемарин, что, впрочем, ему простительно. Но ошибались, как оказалось, и правящие классы России, и сам самодержец, уверенные в неизбежности российских порядков. Империя стремительно приближалась к рубежу грозных социальных бурь. Детонатором стала ненужная и непонятная странная война с далекой Японией.

В конце января Галлер и его товарищи по роте прочитали в газетах о внезапном нападении японских миноносцев на корабли Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. Занятия отошли на второй план. Обступив корпусных офицеров, гардемарины выспрашивали о подробностях. Но те и сами мало что знали, да и судить о случившемся по первым известиям воздерживались. Лишь лейтенант А. Н. Щеглов, читавший военно-морскую историю, с гневом обронил: «Ведь предупреждал же Степан Осипович Макаров, что опасно держать суда на внешнем рейде Порт-Артура! И еще, зачем, спрашивается, наместнику Алексею в донесении в Петербург приводить названия поврежденных японскими минами судов, сообщать о характере повреждений? Зачем это доне-

сение печатать в газетах? Японцам-то, их разведке как раз это и нужно знать...»

На следующий день все шесть рот Морского корпуса выстроили вдоль стен столового зала. Гардемарины и кадеты стояли молча, посматривая на модель парусного корабля — подарок Морскому корпусу адмирала П. С. Нахимова. Ждали царя...

Николай II появился в сопровождении генерал-адмирала Алексея Александровича, управляющего Морским министерством адмирала Ф. К. Авелана и свиты. «Дерзкий враг напал на нас...» — так начал царь⁴. Он говорил, что Япония будет наказана, что храбрые русские воины сокрушат неприятеля. Затем старших гардемаринов произвели в мичманы. Одним предстояло немедленно отправляться в далекие Порт-Артур и Владивосток, другим — пополнить экипажи спешно достраивающихся броненосцев. Война началась за год до завершения судостроительной программы, в момент, выгодный Японии: ее флот был готов к сражениям и имел численное преимущество перед Тихоокеанской эскадрой русского флота, стоявшей в Порт-Артуре.

Обо всем этом, конечно, не знал младший гардемарин Галлер. Как он завидовал старшим гардемаринам 1-й роты! На полгода раньше стали офицерами! Они-то успеют вступить в бой с японцами. А ему еще почти два года учиться в корпусе. Нет, их роте не успеть выйти на флот, прежде чем разгромят японцев...

Вскоре, однако, стало ясно, что события на Дальнем Востоке развиваются далеко не так, как все ожидали. Никаких побед, напротив, в первые недели войны погибли заградитель «Енисей», крейсера «Боярин» и «Варяг», канонерские лодки «Кореец» и «Сивуч»; близ Владивостока потерпел аварию, выскочив на камни, крейсер «Богатырь»... Дядюшка Оскар пофыркивал: «Плохо, кое-как воюют твои моряки!» Война не перекинулась на Японские острова, как надеялись в петербургском обществе, наоборот, японские армии, высадившись на материк, заняв Корею, все дальше продвигались в Маньчжурию, осадили Порт-Артур. Затонул, подорвавшись на минах, броненосец «Петропавловск», погиб адмирал С. О. Макаров — надежда флота. После битв при Ляояне и Мукдене русские войска отходили «на заранее укрепленные

⁴ ЦГАВМФ. Рукопись воспоминаний В. А. Белли. Ф. 2224, оп. 1, д. 2, л. 113.

позиции». Бывая в гостях у дядюшек, Галлер внимательно вслушивался в разговоры взрослых. Недовольство чиновного Петербурга находило выход в злословии по адресу царствующего дома, в легком дворянском фрондёрстве. Особенно доставалось генерал-адмиралу Алексею Александровичу, прозванному «куском августейшего мяса». Говорили, что он выкинул немалые деньги, и, кажется, казенные, на свою любовницу-итальянку. Флотом «августейший шеф» практически не занимался. «Загубили «Варяг» — прекрасный крейсер! — возмущался кто-то из гостей. — Неужели вовремя не могли уйти из Чемульпо?! И затопили-то, говорят, на мелком месте. Теперь японцы его поднимут и отремонтируют...» «Как хорошо сказал давным-давно Державин: «О! Жалкий полубог, кто тщетно носит сан: Пред троном он ничто, на троне истукан!» — говорил другой гость.

Галлер скорее всего понимал правоту фрондирующих статских, хотя это было и нелегко для юноши, избравшего своей стезей флотскую службу. Он ожидал, надеялся, как, пожалуй, и большинство «в обществе», что 2-я Тихоокеанская эскадра из судов Балтийского флота отомстит японцам. Командующий японским флотом адмирал Х. Того непременно потерпит поражение под ударами соединенных русских эскадр — Тихоокеанской и пришедшей из Балтики! Ведь на заводах Нового Адмиралтейства и Балтийском, в Кронштадте тысячи рабочих трудились на достраивающихся бронепосах, на крейсерах. Им предстоял долгий путь через три океана на Дальний Восток.

Как бы то ни было, события на берегах Тихого океана — одно, а повседневная жизнь Морского корпуса — другое. Скончавшегося Доможирова сменяет адмирал Чухнин. Кадеты осваивают премудрости флотских наук, мечтают о все приближающемся времени, когда, отплавав еще одну кампанию на судах учебного отряда, станут старшими гардемаринами. И все-таки что-то нарушилось в привычном течении дней, что-то менялось в Морском корпусе. О поражении Крымской войны забыть успели давно, из последней русско-турецкой 1877—1878 годов помнились лихие дела молодого С. О. Макарова на пароходе «Великий князь Константин» — носителе минных катеров да дерзкие атаки минных же катеров на Дунае, топивших вражеские мониторы. А теперь одна за другой неудачи на суше и на море в войне с японцами. Тихоокеанская эскадра практически блокирована в Порт-

Артуре. И даже гибель двух лучших броненосцев адмирала Того на минах, поставленных заградителем «Амур», почему-то не меняет дела, хотя соотношение сил после этого благоприятствует русскому флоту. Лейтенант Щеголов как-то говорит гардемаринам, что, по его мнению, эскадре нужно, не теряя времени, прорываться из Порт-Артура во Владивосток, но проходят недели и все остается по-прежнему. Быть может, после гибели Макарова на мостике флагманского броненосца Тихоокеанской эскадры нет волевого адмирала? Впервые Галлер задумывается: так ли все хорошо в российском флоте, состоятельны ли решения, принятые Главным морским штабом и наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым?

Для гардемарин наступает пора экзаменов. На Неве, у набережной напротив Морского корпуса, уже ошвартовались все те же суда учебного отряда — впереди очередное плавание. Гардемарины и кадеты без сожаления прощаются с недолго правившим корпусом Чухниным: он назначен на Черноморский флот. В Морском корпусе скоро забудутся его гонения на кадет, излишнее увлечение шагистикой. Но в историю-то он войдет — кровавым палачом доведенных до отчаяния и восставших матросов Черноморского флота. Чухнина сменяет контр-адмирал Н. А. Римский-Корсаков, мягкий и интеллигентный человек. Под его флагом отряд судов Морского корпуса покидает Кронштадт.

Сорок пять дней на «Адмирале Корнилове» проходят быстро. Затем рота отправляется в плавание на «Вестнике», крейсере II ранга, по Балтийскому морю.

5 августа 1904 года «Вестник», бывший корвет, оставивший за кормой тысячи тихоокеанских миль в последние десятилетия минувшего века, проходит Большой Кронштадтский рейд, ложится на створы Морского канала, ведущего от Котлина к устью Невы. На рейде стоят на бочках новейшие красавцы броненосцы «Князь Суворов», «Бородино» и «Император Александр III» и те, что постарее, — броненосцы «Сисой Великий» и «Наварин». Тут же крейсера... Высокие борта выкрашены в черный цвет, трубы, надстройки и орудийные башни — в желтый. Им предстоит выйти на просторы Тихого океана. Как красивы и могучи эти корабли, думает Галлер. Эскадра, которую поведет через полмира сам начальник Главного морского штаба вице-адмирал Рожественский, непременно сокрушит врага! Ведь флот России — третий по силе после флотов Британии и Франции. Рожествен-

ский не повторит, конечно, ошибок командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Витгефта в июльском сражении в Желтом море, будет действовать смело и решительно. А пять броненосцев, вернувшихся в Порт-Артур после гибели Витгефта, присоединятся к эскадре Рожественского, еще более усилив ее мощь. Андреевский флаг будет победоносно реять в водах Японского моря...

Осенью 1904 года на погонах Льва Галлера три белых нашивки — он старший унтер-офицер. Усиленные занятия не мешали усердному чтению. Только теперь внимание Галлера все больше привлекала периодика. В субботу или воскресенье он старался зайти в читальный зал Публичной библиотеки, чтобы просмотреть последние лондонские и берлинские газеты. Новости, в них содержащиеся, весьма огорчительны. В декабре 1904 года спустивший российский флаг в Порт-Артуре, перестала существовать Тихоокеанская эскадра, ее корабли затоплены или интернированы в нейтральных портах. Патриотические чувства Галлера уязвлены...

В Публичке Галлер читал и газеты, и журналы, знакомство с которыми не рекомендовалось гардемаринам. Среди них газету «Речь», издающуюся в Штутгарте, журнал «Освобождение», что печатают «земцев» — деятелей из образовавшегося в январе прошлого года «Союза освобождения», будущих членов партии конституционных демократов. Его привлекают критические материалы о военных действиях в Маньчжурии, от номера к номеру все более резкие высказывания в адрес морского ведомства. Но Галлер чувствовал: главное из происходящего в стране не попадает на страницы прессы. Это ощущение приходит благодаря разговорам, которые он слышит на улицах и в вагоне конки, рассказам дяди Оскара, у которого он продолжает бывать, о «подпольных революционерах». В последнем вообще-то для Галлера нет ничего неожиданного. Он помнил об убийстве революционером министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина в год поступления в Морской корпус, о недавнем, 15 июля 1904 года, убийстве фон Плеве, опять-таки министра внутренних дел и шефа жандармов. «Почитай историю французской революции господина Тьера, — советует Оскар Фердинандович. — Не кажется ли тебе, что наши либералы стараются походить на легкомысленных французов?!» Племянник, однако, не согласен с дядюшкой. Ведь российские либералы не покушаются на госу-

дарственные установления. «Земцы», на его взгляд, предлагают лишь некоторые и вполне разумные преобразования.

Гардемарины Галлеру кажется, что государь и сам прекрасно знает социальные проблемы России: 12 декабря издается царский указ с обещаниями реформ.

9 января ротные командиры объявляют, что нынче кадетам отпусков в город не будет. Полковник Анцев собирает старших гардемаринов, чтобы рассказать о событиях в столице. Из сказанного им понять что-либо трудно. Будто бы под предводительством некоего священника Гапона многие тысячи рабочих и их жены направились к Зимнему дворцу, дабы принести жалобы государю на тяжкие условия жизни. Но злоумышленники (Анцев делает многозначительную паузу) воспрепятствовали мирному течению шествия, войска открыли огонь...

Несколькими днями позже Галлер, отпущенный в город из корпуса, узнает из рассказов родственников и из газет о чудовищных событиях 9 января, о сотнях убитых и тысячах раненых, обогривших свою кровью мостовые Петербурга. О забастовках, охвативших заводы и фабрики города. «Как бы не оказалась поколебленной извечная вера русского простолюдина в доброго царя-батюшку», — бурчит дядюшка Оскар. Но Лев Галлер наивно полагает, что происшедшее, при всем ужасе гибели безвинных, лишь следствие нераспорядительности и ошибок ответственных лиц, таких, как командующий Петербургским военным округом и гвардией великий князь Владимир Александрович. Конечно, в народ стрелять не следовало...

Прошло много лет, прежде чем Галлер понял: в те дни 1905 года действительно главное из происходящего, определявшее ход истории и тем самым и будущее России, казалось ему второстепенным. Гардемарины следили по карте за продвижением на Дальний Восток эскадры З. П. Рожественского, оставившей в начале октября прошлого года Либаву (Лиенау). Здесь, думал тогда Галлер, решается судьба войны с Японией, судьба России. Победа позволит решить и другие проблемы, например, помочь бедным классам, а это избавит от народных волнений. Но вскоре и вера в предстоящую победу 2-й Тихоокеанской эскадры вдруг поколебалась: Галлер прочитал в газете «Новое время» статью, подписанную неким Прибоем. Почти сразу автор стал известен. Им оказался капитан 2 ранга Н. Л. Кладов, преподаватель Ни-

колаевской морской академии, располагавшейся на втором этаже здания Морского корпуса, в той его части, что выходит на Неву. Галлер не раз его видел. В статье было сказано, что на успех эскадры Рождественского есть лишь надежда, уверенности — нет! Этот номер «Нового времени» запретили читать гардемаринам — Кладо резко критиковал порядки в Морском министерстве, обвинял руководство флота в непродуманных и неправильных действиях! Кладо также утверждал, что эскадра адмирала Того в 1,8 раза сильнее Тихоокеанской эскадры. А ведь последней придется вступить в бой у чужих берегов с полным сил противником. На помощь Владивостокского отряда крейсеров надеяться не следует, а 1-я Тихоокеанская эскадра погибла в Порт-Артуре.

Правда, Галлера и его друзей-гардемаринов смутил способ подсчета сил флотов противников: коэффициенты, которыми пользовался Кладо, вызывали сомнение. Но и без коэффициентов нельзя было не согласиться с утверждением о преимуществе японского флота перед эскадрой Рождественского. Кладо предлагал и способы устранения этого неравенства: усилить 2-ю Тихоокеанскую эскадру кораблями Балтийского флота — броненосцем «Слава» (но его еще предстояло достроить) и старыми броненосцами «Император Николай I» и «Император Александр II», тремя броненосцами береговой обороны. И, наконец, главное — послать к Рождественскому три новых броненосца Черноморского флота: «Князь Потемкин-Таврический», «Три святителя» и «Ростислав». Кроме того, направить по железной дороге во Владивосток малые подводные лодки и миноносцы...

Статью Н. Л. Кладо живо обсуждали не только гардемарины и офицеры флота. Имела она успех и в кругах петербургского общества, но очень, впрочем, разбиравшегося в сути дела. Царское правительство решило успокоить общество. К походу на Дальний Восток начала спешно готовиться эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова — 3-я Тихоокеанская эскадра, составленная из устаревших кораблей. Нетрудно было предвидеть, что она не только не окажет помощи Рождественскому, но и свяжет, ослабит его эскадру. По скорости и по дальности стрельбы артиллерии, по средствам защиты кораблей Небогатова значительно уступали японским и не могли выдержать с ними бой. 3-я Тихоокеанская эскадра ушла, не дождавшись окончания строительства «Славы», вывести же броненосцы через Черноморские проливы цар-

ское правительство не решилось, опасаясь противодействия Лондона. А ведь лишь эти броненосцы и «Слава» могли реально усилить 3-ю Тихоокеанскую эскадру. После ухода эскадры Небогатова лейтенант Щеглов хмуро сказал гардемаринам: «Господа, думаю, что радостных вестей не будет...» Юношеский оптимизм Галлера, питавшийся привычными штампами о мощи флота российского, уходил, сменялся тревожным ожиданием. Удручали и невеселые рассказы преподавателей «портартурцев» лейтенанта А. И. Шейковского — бывшего штурмана крейсера «Новик» и лейтенанта Н. К. Подгурского, Георгиевского кавалера. Это были офицеры с интернированных кораблей и из числа отпущенных японцами из павшего Порт-Артура под честное слово не принимать участия в боевых действиях до конца войны.

Свидетельства очевидцев и газетные сообщения не позволяли Галлеру составить целостную картину событий на Дальнем Востоке, понять причины систематических неудач флота. Представление о том, как развивались события у далеких берегов, он получил, побывав на лекциях капитана 1 ранга Н. О. фон Эссена, которые читались в зале Главной морской библиотеки в Адмиралтействе. Гардемарины занимали места на хорах. Внизу, в креслах, блистали золотом и серебром погоны адмиралов и генералов по Адмиралтейству, офицеров. Чернели и сюртуки статских, желавших послушать Георгиевского кавалера и героя Порт-Артура, прославленного командира крейсера «Новик» и броненосца «Севастополь», единственного корабля, до последнего часа не прекращавшего вести огонь по японцам. Мест не хватило — в проходах ставили стулья. Эссена, коренастого, крепко сбитого офицера, не смущали первые ряды, заполненные адмиралами и генералами. Он говорил резко и нелюбезно, называя имена, звания и должности виновных в позорной, как он убедительно доказывал, сдаче Порт-Артура. Проступали контуры впечатляющей картины легкомыслия и неподготовленности к войне с сильным противником, неразберихи, в которой были виновны и Морское министерство, и Главный морской штаб, и наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев... Эссен делал паузу, вытирал платком бритую голову, расправлял рыжие усы и переходил к необходимости реформ морского ведомства. Тут было и об изменениях взаимосвязей береговых экипажей и судовых команд, о качестве снарядов и дальномеров, управления эскадрой в бою... Не все из ус-

лышанного понимал старший гардемарин Галлер, по не мог не осознать необходимость серьезной ломки порядков в морском ведомстве. «Может быть, не так все плохо? — думал он. — Может быть, стоит подождать успеха эскадры Рождественского?»

Галлер и его соученики по 1-й роте окончили Морской корпус раньше, чем ожидали. О том, что производство в офицеры может состояться досрочно, старшие гардемарины поговаривали: новые мундиры им шили спешно. К середине февраля 1905 года сдали экзамены... И вот старшие гардемарины в строю, и ротный командир торжественно зачитывает телеграмму директору Морского корпуса от министерства двора: 21 февраля в Царскосельском дворце «будут пметь счастье представиться Его Императорскому Величеству государю императору удостоенные к производству в офицеры — гардемарины вверенного вам корпуса (в гардемаринской форме)».

В Царское Село выехали в 10 ч 00 мин специальным поездом. На станции гардемарин ожидали придворные экипажи — каждый на четверых, доставившие к дворцу. Церемония не заняла много времени. Царь в мундире капитана 1 ранга обошел строй, поздравил с досрочным производством в мичманы, сказал несколько общих слов... В два часа дня новые офицеры флота, взволнованные и счастливые, поездом выехали из Царского Села в Петербург. Было, однако, и чувство разочарования: почему-то государь ничего не сказал о драматических событиях войны — бое в Желтом море, сдаче Порт-Артура, неудачных сражениях на полях Маньчжурии. Зато, выказывая известную в обществе отличную память на лица, спросил Жоржа Клодта фон Юргенсбурга, будущего адъютанта морского министра, о здоровье его батюшки-камергера...

Высочайшим приказом по морскому ведомству от 21 февраля 1905 года из Морского корпуса вышел во флот и был произведен по экзамену в мичманы 121 человек. Мичман Галлер, бывший старший унтер-офицер 3-й роты, в списке, составленном по старшинству выпуска, числился двадцать шестым. В числе 67 других мичманов он «вышел в Балтийское море» и получил назначение в 12-й Ея Величества королевы Эллинов флотский экипаж⁵.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 785, л. 1.

Два месяца, до конца апреля 1905 года, Галлер обучал призванных на флот новобранцев строю и словесности. Мичман скучал, с нетерпением ждал весны, надеясь уйти в плавание. Действительно, в последних числах апреля 1904 года циркуляром Главного морского штаба его перевели во 2-й флотский экипаж и назначили вахтенным начальником на крейсер II ранга «Азия»⁶. Галлер был рад расстаться с надоевшей службой на берегу, но «Азия» была такой развалюхой... Название части света носил бывший клипер, купленный в Северо-Американских Соединенных Штатах перед войной 1877—1878 годов: под машинами ход 13 узлов, две мачты с прямым парусным вооружением, бизань-мачта — с гафельным. И все-таки это старое судно, водоизмещением в две с половиной тысячи тонн, стало первым кораблем Галлера, на котором он обладал частью власти и ответственности. А у командира крейсера капитана 2 ранга А. А. Баженова, ходившего ранее в океанские плавания на учебном крейсере «Герцог Эдинбургский», было чему поучиться.

На Балтийском флоте было неспокойно. Офицеры «Азии» знали о волнениях матросов в Либавском флотском экипаже в прошедшем феврале, о недовольстве среди нижних чинов на Черном море. Александр Александрович Баженов в свои сорок пять отличался спокойным характером и благоразумием. «Что необходимо, дабы на судне был порядок и команда не имела недовольства?» — спросил он офицеров, собравшихся в кают-компанию на второй день после переселения с берега на «Азию». И сам же ответил: «Офицеры, и командир в их числе, должны заботиться о команде. Матрос должен быть сыт, пища его свежа и вкусна. Господ офицеров прошу обходить кубрики и спрашивать, нет ли претензий. Одежду и сапоги починять своевременно: есть у нас сапожники и портные. Исполнение сего спрашивать строго с унтер-офицеров. По экономическим деньгам, что на питание положены, ревизору перед артельщиками, на баках избираемым, отчет делать раз в месяц. Затем то же артельщикам перед нижними чинами своих баков»⁷. Много чего еще сказал опытный командир, но наибольшее впечатление

⁶ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 785, л. 1.

⁷ В дореволюционном флоте команда на кораблях делилась на баки, иначе артели (отсюда старший бака — артельщик), для совместного получения и приема пищи.

чатление произвело на Галлера недвусмысленное запрещение рукоприкладства. Он смотрел на Баженова влюбленными глазами. Да, он, Галлер, ни за что не позволит себе обидеть матроса. Он будет заботлив, он будет обучать своих подчиненных грамоте, он постарается подобрать для них библиотечку — в ней будут книги о природных явлениях, о разных странах и народах, о славных подвигах российских мореходов...

Однажды «Азия» отдала якорь на Транзундском рейде после плавания в Финском заливе. Подошедший буксир доставил свежие продукты и почту. И тотчас в каюткомпании офицеры развернули газеты. «Господи...» — обронил кто-то горестно. И Галлер понял почему: он и сам на первой странице «Руси» прочитал сообщение о сражении при Цусиме. Эскадра Рождественского перестала существовать. Война проиграна... Это было ужасно, позорно, унижительно. Что же будет теперь — японцы высадятся во Владивостоке, захватят Сахалин? Нужен мир... Оставалось ждать, следить за сообщениями газет о поездке в Штаты графа Витте. Председатель кабинета министров отправлен государем для заключения мира при посредничестве североамериканского президента Вильсона.

Между тем шло время. «Азия» курсировала между Ревелем и Гельсингфорсом, Галлер все увереннее чувствовал себя на мостике, вахту нес исправно. Да и с подчиненными никаких осложнений.

Вскоре газеты принесли новые вести, не менее волнующие: в июне на Черном море восстала команда броненосца «Князь Потемкин-Таврический»! К «Потемкину» присоединился миноносец. А когда восставшие корабли ушли в Румынию, взбунтовался учебный корабль «Прут». Была надежда — на Черном море какие-то особенные обстоятельства, быть может, адмирал Чухнин уж слишком жесткими методами наводит дисциплину и порядок. Ведь такого в России не бывало! Но вскоре капитан 2 ранга Баженов, собрав офицеров, известил о волнениях среди нижних чинов и в Кронштадте. Причина — будто бы плохое, однообразное питание. «Гороховые бунты, — сказал кто-то. — Закормили дрянью затхлой...» Главный командир Кронштадтского порта адмирал Никопов обещал матросам, что поводов для недовольства более не будет, горох заменили пшеном. После арестов бунтарей на броненосце «Император Александр II» команду вновь приводили к присяге. А чуть позже поря-

док на крейсере «Минин» удалось навести только под угрозой обстрела артиллерией кронштадтских фортов. Не успели успокоить Кронштадт, как вновь взбунтовались во флотском экипаже в Либаве. Две тысячи матросов из Либавы под конвоем привезли в Петербург и поместили в Михайловском манеже под охраной лейб-гвардии Павловского полка.

День за днем все более тревожные вести сообщала кронштадтская газета «Котлин», когда-то интересная лишь местными сплетнями. Галлеру казалось, что революционные волнения распространяются по России подобно лесному пожару. И с каждым днем он становится все опаснее. Нет, дело, видно, не в горохе, не в мясе с запашком. Галлер вглядывался в такие знакомые лица комендоров и рулевых, кочегаров и машинистов... Неужели они его ненавидят, ненавидят всех офицеров? Командира Баженова, заботящегося, чтобы они были сыты, и запретившего не только рукоприкладство, но и ругань; его, Галлера, учившего грамоте, читавшего им из Ключевского и Карамзина, «Антоня Горемыку» и «Муму», вместо того чтобы сидеть в веселой компании в Морском офицерском собрании. Что хотят матросы, чего добиваются, почему бунтуют? Ответа на эти вопросы он не знал.

Мир с Японией, заключенный 23 августа, не сбил пламени революционных пожаров. «Боюсь, России придется выдержать немалые испытания, — сказал Льву Галлеру отец, приехавший из Тифлиса в Петербург по делам. — И у нас в Закавказье — в Тифлисе, Баку, Эривани тоже беспокойно...»

Чтобы занять матросов делом и исключить общение с революционерами, главный командир Кронштадтского порта отправляет в море все суда, имеющие ход. «Азия» совершает длинные и неторопливые переходы под парами или под парусами, посещает Гельсингфорс и Або (Турку), заходит на Оландские (Аландские) острова и в Балтийский порт, в Ревель и Гангэ (Ханко). Командир предпочитает стоянки на рейдах заходам в гавани. Так спокойнее... Газеты, однако, спокойствию не способствуют. Галлер отмечает, что манифест государя от 14 октября «с дарованием» свобод вовсе не уменьшает народных волнений, наоборот — вызывает новые. Та же газета «Котлин», да и петербургская «Сын отечества» в последних номерах октября сообщают о митинге на Якорной площади в Кронштадте, состоявшемся, несмотря на запрет

главного командира порта и коменданта, о демонстрациях вооруженных нижних чинов большинства кронштадтских экипажей, о пожарах, разгроме винных лавок и Морского собрания... «Пугачевщина!» — хмуро роняет Баженов. Командир для Галлера наивысший авторитет. И он решает, что на непросвещенную темную толпу дурно влияют революционеры якобинского толка. Нужно вырвать нижних чинов из-под их влияния, нужно, чтобы офицеры были ближе к матросам, знали их нужды и чаяния. Матросы — как дети. На добро они должны ответить добром... Галлер радуется, когда узнает, что в Кронштадте удалось обойтись без жестокостей Чухнина, санкционировавшего расстрелы матросов-революционеров в Севастополе.

Однако проходит неделя-другая, и он узнает, что волнения распространяются на петербургские 8, 14 и 18-й экипажи. 24 октября здания казарм окружают казаки и солдаты гвардейских полков — Преображенского и Измайловского. Потом подвозят и пушки Конногвардейской батареи. В ночь на 25 октября матросов отправляют в тюрьмы Петербурга и Кронштадта...

25 ноября «Азия» в гавани Кронштадта, кампания заканчивается. Мичман Галлер и другие офицеры «Азии» отъезжают в отпуск. Дорога на Тифлис некоротка, и Лев Михайлович запасается немалым числом газет и журналов, русских и немецких. Он читает о восстании в Севастополе, о принявшем на себя командование флотом лейтенанте Петре Шмидте. Выходит, что в Севастопольской бухте произошло настоящее сражение между восставшим крейсером «Очаков», другими поднявшими красный флаг кораблями и теми, что сохранили верность государю... Все это ужасно, и, кажется, нет выхода из положения.

Свидание с близкими на этот раз заканчивается преждевременно: Галлера телеграммой спешно вызывают в Кронштадт. 16 декабря в экипаже ему вручают предписание с назначением в 1-й морской батальон 1-й флотской дивизии⁸. Создание использовавшегося для подавления революционного движения 1-го морского батальона, куда злая судьба определила Галлера (так оценивал он многие годы спустя свое назначение взводным в этот батальон), имеет свою историю. И здесь не обойтись без цитаты из «Воспоминаний» С. Ю. Витте. «В западные

⁸ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 785, л. 2.

прибалтийские губернии, — писал, выйдя в отставку, бывший председатель Совета министров, — были даны некоторые военные части из Виленского военного округа... а в ревельский район войск послать было нельзя. Соллогуб (прибалтийский генерал-губернатор в 1905—1906 годах. — С. 3.) просил у меня войск по телеграфу, а главнокомандующий великий князь и военный министр отвечали мне, что войск нет. Я как-то о таком положении вещей говорю морскому министру (адмирал А. А. Бирлев — морской министр в 1905—1907 годах. — С. 3.). Он мне ответил: «...предложите сформировать батальон из тех моряков, которые взбунтовались в Петербурге, а теперь находятся под арестом в Кронштадте (из матросов 8, 14 и 18-го флотских экипажей. — С. 3.). Они будут отлично исполнять свою службу»⁹.

Нельзя не оценить изощренно иезуитский склад мышления адмирала, решившего, что «бунтовщики» станут палачами крестьян-иностранцев», спасая свою шкуру. Плохо, однако, Бирлев знал русского матроса... Таки иначе, но морской министр доложил свое предложение царю, и «Его Величество предложение адмирала Бирлева одобрил. Был сформирован батальон и отправлен в ревельский район усмирять революционеров», — продолжает Витте.

В Ревель из Петербурга батальон перебросили за ночь по железной дороге. После завтрака во флотском полукэкипаже рота капитана 2 ранга барона О. О. Рихтера получила приказ выехать поездом на Разик (Раазика), что в верстах двадцати пяти от Ревеля. В пути, собрав своих офицеров, командир роты объявил, что, по полученным им в Ревеле сведениям, бунтовщики из батраков-астов нападают на дворянские мызы, грабят, насилюют женщин, убивают. «Имею приказ — грабителей и убийц расстреливать на месте! — сказал Рихтер. — Я сам дворянин Эстляндской губернии, знаю местных мужиков, поверьте, их может привести в чувство лишь грубая сила. Никаких сантиментов, господа. Мы будем действовать в составе летучего отряда генерал-майора Безобразова. Покажем армейцам нашу преданность долгу и дисциплину...»

Мичманы — командиры взводов роты Рихтера, и среди них Галлер, вернулись в свое купе, помолчали. Потом прорвало: они не желают выполнять жандармскую

⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, М., 1960. Т. 3. С. 157.

работу, они — офицеры флота. Но что делать, заявить свою позицию оголтелому карателю Рихтеру? Не поможет.

Тем временем эшелон стал. Вот и мыза Разик, сгоревший барский дом, точно вымершие дома крестьян. Барон, владелец мызы, был в отъезде, зато управляющий проявил немалую активность. Он и назвал имена четырех «грабителей и убийц», их тут же арестовали. В присутствии согнанных к барскому дому крестьян Рихтер объявил, что четверо арестованных за свои преступления приговариваются к смертной казни через расстреляние. Крестьяне угрюмо и безнадежно молчали, ни слова не проронили и осужденные. Писарь батальона тут же оформил приговор, Рихтер поставил подпись...

Карл Христианович Звейнек, унтер-офицер и машинист на эсминце в первую мировую войну, командир БЧ-V на линкоре «Марат» в 30-е годы, рассказывает, как Л. М. Галлер вспоминал однажды о своем пребывании в роте Рихтера.

«Расстреляем по дороге к Козе, взять по одному негодяю в каждый взвод. До Козе командирам взводов привести приговор в исполнение и доложить мне», — приказал Рихтер взводным. Рота выступила из мызы Разик повзводно. 4-й взвод Галлера замыкал походную колонну. Приговоренного к казни вели следом под охраной отделения. Он шел спокойно, поглядывая по сторонам, точно прощаясь с родными местами. У Галлера впервые в жизни защемило сердце.

«Ваше благородие, разрешите доложить, — обратился к Галлеру унтер-офицер Васильев, с которым Галлер успел познакомиться в пути. Оказалось, Васильев служил на «Герцоге Эдинбургском», ходил с Баженовым к Азорам. — Ваше благородие, мужик этот мне знаком. Так что марсовой был на «Герцоге», в 1901 году службу закончил. Помню его — лихой, справный матрос был...»

В голосе невысказанная просьба — спасти. Но как? Галлер понимал, что если не сделает что-то, будет каяться всю жизнь. Сам себе не простит. Ведь расстрел! Без суда. Он вспомнил слова, которые любил приводить дед Рихард, пастор: «...если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его». Впрочем, враг ли? И он приказал Васильеву: «Приготовься к исполнению приговора. Подбери пиятерых добровольцев, по готовности доложишь...»

Васильев помолчал, внимательно посмотрел на мичмана, как положено повторил приказание... Пропустив взвод вперед, бывшего флотского расстреляли на опушке соснового бора. Галлер вспоминал, что по команде Васильева винтовочный залп ударил дружно, приговоренный упал как подкошенный. Приказав захоронить расстрелянного, Галлер догнал взвод...

В журнале военных действий летучего отряда генерал-майора В. А. Безобразова значится, что 25 декабря 1905 года капитан 2 ранга Рихтер с ротой моряков находился на мызе Разик, где был сожжен барский дом, захвачены 4 грабителя и убийцы приговорены для расстреливания в пути, один из них притворился мертвым и бежал, но был выдан волостными властями генерал-майору Безобразову и по его приказанию расстрелян, причем капитану 2 ранга Рихтеру дано знать письмом о случившемся и приказано произвести дознание о странно неудачных выстрелах моряков¹⁰.

Как вел расследование взбешенный Рихтер, нам неизвестно. Но «притворившийся мертвым» был тот приговоренный, которого «расстреливали» матросы взвода Галлера. Все-таки оборвалась жизнь бывшего лихого марсового... Так рассказал капитану 1 ранга К. Х. Звейнеку о трудном дне своей жизни Лев Михайлович. То время для него действительно было тяжелым. С позиций сегодняшнего дня, быть может, кто-то и осудит мичмана Галлера: мог отказаться участвовать в карательной экспедиции, даже уйти с флота. Такие случаи были. Галлер, однако, этого не сделал: довлекла над сознанием святость верности присяге.

Он вернулся в Петербург в составе роты Рихтера лишь 9 марта 1906 года. Тогда же, в конце марта, прочитал в газете волнующие слова проповеди священника и ученого П. А. Флоренского, произнесенной в Троице-Сергиевой лавре: «Волны крови затопляют родину. Тысячами гибнут сыны ее — вешаются, расстреливаются, тысячами переполняют тюрьмы. Людей, не имеющих куска хлеба, расстреливает живущий за счет их трудов...»¹¹ Слова эти были близки и понятны, отвечали чувствам и настроениям молодого офицера.

О Рихтере Галлер тому же Звейнеку сказал: «Это был бешеный пес...» Характеристику Галлера подтверждают

¹⁰ См.: Материалы по истории СССР. М., 1957. С. 215—216.

¹¹ Литературная газета. 1987. 2 сент.

воспоминания С. Ю. Витте. Рихтер действовал столь зверски, что генерал-губернатор Соллогуб телеграммой просил председателя Совета министров воздействовать на него с тем, чтобы не казнили «без всякого суда и лиц не сопротивляющихся». Витте телеграмму эту представил Николаю II, который, однако, написал на ней: «Ай да молодец!» Комментарии излишни...

Мичман Галлер ничем себя не запятнал в дни, когда был в Прибалтийском крае. Многие матросы из того батальона после свержения самодержавия включились в активную политическую деятельность, но никто с какими-либо обвинениями в адрес Льва Галлера не выступил. А вот капитана 1 ранга барона Оттона Оттоновича Рихтера в 1917 году тщетно искал Центробалт — он сумел скрыться. До революции барон успел сделать карьеру — командовал эсминцами и линкором, в первую мировую состоял в Главном морском штабе... Судьба его дальнейшая нам неизвестна.

В дальних плаваниях

Галлер мечтал уйти в плавание. И надолго — пусть на год или на два. Чувствовал — не выдержит, если вновь пошлют подавлять бунты. Придется подавать в отставку.

С Дальнего Востока возвращался Владивостокский отряд крейсеров и те корабли, что простояли долгие месяцы интернированными в портах Китая, Филиппин, французского Аннама. Вернулись броненосец «Цесаревич», крейсера «Диана», «Олег», «Аврора», «Богатырь», «Россия», «Громобой».

Жалкие остатки былой мощи. Из 15 эскадренных броненосцев, входивших в Тихоокеанские эскадры, остался один, из 3 броненосцев береговой обороны — ни одного, из 14 крейсеров 1 ранга — половина, из 5 крейсеров 2 ранга — два, из 2 минных заградителей — ни одного. Но и уцелевшие становились в длительный ремонт. Их команды Главный морской штаб менял полностью: увольняли закончивших срок службы, убирали подозреваемых в неблагонадежности. Говорили, что на переходе с Дальнего Востока на крейсерах имели место волнения матросов. Командир отряда контр-адмирал К. П. Иессен, будто бы не проявивший при этом должной строгости, был уволен в отставку. Поэтому мичману Галлеру не удалось получить назначение на боевые корабли. Но в

плавание он все же ушел — помог А. А. Баженов, принявший командование учебным судном «Генерал-адмирал». «Понимаю ваши устремления, Лев Михайлович, — сказал он Галлеру. — Будут вам со временем и броненосцы, и крейсера — что захотите. Сейчас же советую отправиться со мной на «Генерал-адмирале». Морскую службу на Балтике не прочувствовать. А в Атлантике совсем другое дело. Думаю, скоро пойдём...»

Так Галлер вновь оказался под началом А. А. Баженова. Теперь он был вахтенным начальником и исполняющим должность ревизора¹². Ревизор в дореволюционном флоте — офицер, ведающий хозяйством корабля. Должность ответственная, по служебной лестнице соответствовала старшим специалистам корабля — старшему штурманскому офицеру, старшему артиллерийскому офицеру. В то время корабли не снабжались продуктами питания централизованно. Кораблю отпускались установленные «экономические» денежные суммы, у поставщиков закупалось все необходимое, с учетом норм матросского пайка. Всем этим ведал ревизор, он же получал деньги для выплаты жалования. Еще выше была ответственность ревизора в заграничном плавании, когда приходилось закупать не только продовольствие, но и топливо, необходимые предметы корабельного снабжения. Сбереженные «экономические» деньги выдавались матросам на руки. Разные случались ревизоры. Бывали и такие, что после длительного заграничного плавания оказывались владельцами приличного капитала. Капитан 2 ранга Баженов полагал, что недовольства нижних чинов можно избежать, если хорошо кормить, не утруждать ненужными тяжелыми работами, проявлять заботу, чтобы нижние чины были одеты и обуты, имели возможность отдохнуть и на борту, и на берегу. Поэтому должность ревизора полагал важной и заботился, чтобы исполняли ее офицеры, коим доверял. Отсюда и назначение Галлера ревизором.

Однако выйти в Атлантику на «Генерал-адмирале» Галлеру не пришлось. Приняв кадет Морского корпуса и матросов-новобранцев — будущих боцманов и строевых матросов, учебное судно до конца августа 1906 года ходило в Балтийском море. И все же Галлер был бесконечно благодарен командиру: останься он в экипаже, не избежал бы назначения в какой-нибудь батальон карате-

¹² ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 12, л. 5.

лей или участия в подавлении бунтов в самом Кронштадте или Свеаборге. В самом деле, во второй половине июля вспыхнуло восстание в Свеаборгской крепости. К солдатам крепости чуть было не присоединились команды минных крейсеров, стоявших в Гельсингфорсе. 18, 19 и 20 июля в Свеаборге шли настоящие бои. Для подавления восстания подошли броненосцы «Цесаревич», вернувшийся с Дальнего Востока, и «Слава», крейсер «Богатырь». Под прикрытием огня кораблей, обрушившихся на восставших более четырехсот двенадцати- и шестидюймовых снарядов, перешел в наступление Финляндский полк и другие части, срочно присланные из Петербурга. Восстание было подавлено... В те же дни восстали матросы на крейсере «Память Азова», стоявшем в бухте Папонвик близ Ревеля, матросы 1-й и 2-й морских дивизий в Кронштадте. 1 сентября, сообщили газеты, были расстреляны руководители восставших свеаборжцев подпоручики А. П. Емельянов и Е. Л. Кохановский, молодые офицеры, только в 1905 году окончившие в Петербурге Михайловское артиллерийское училище. Прочитав об этом, Галлер подумал, что мог видеть их где-нибудь на Невском или в театре... С нижними чинами расправлялись еще быстрее. 30 июля газета «Котлин» писала о процессе над бунтовщиками — 2000 обвиняемых! Царский неправый суд был скор. Тела казненных топили в море у Толбухина маяка. А 5 августа казнили 18 человек с «Памяти Азова», приговоренных судом, председателем в котором был капитан 1 ранга А. И. Русин, командир броненосца «Слава». И здесь тела казненных с привязанными к ногам колосниками сбросили в море с буксира «Карлос» у острова Нарген (Найсар)... Галлер, конечно, знал о кровавых расправах. В те дни он писал отцу: «...вы наверняка знаете из газет о происходящем. Признаюсь, не сплю ночами. Нет, не из страха, из чувства какой-то безысходности. С одной стороны, бунт нарушивших присягу должно пресекать. Но ведь нынче не на войне, не от снаряда врага гибнут русские матросы. Все вроде бы по закону. Однако если закон способствует пролитию моря крови, он нуждается в изменении. Где же милосердие военачальника, наконец, Государя?» Мичмана Галлера, как видно, ужасали массовые казни матросов. Но осознать происходящее, подняться до понимания драмы, понять причины и цели свершавшейся революции в России ему было тогда не дано.

В конце августа «Генерал-адмирал» возвратился в

Кронштадт. Баженова уже ждал приказ Главного морского штаба о назначении командиром на учебное судно «Герцог Эдинбургский». Он сменил Воеводского, получившего чин контр-адмирала и вступившего в должность директора Морского корпуса и начальника Морской академии. Баженов тут же предложил мичману Галлеру перейти к нему вахтенным начальником: «Пойдем наконец в Атлантику, соглашайтесь!» Галлер не колебался ни минуты. Он хочет верить, нет, скорее, заставляет себя верить, что мудрый Баженов создаст на корабле обстановку, исключаящую всякое недовольство матросов. Он все больше убеждается — кровавой расправой порядок не восстановить. Как в физике — действие рождает противодействие. 28 июня в Севастополе матрос Я. С. Акимов убивает вице-адмирала Г. П. Чухнина... Нет, действовать надо добром. Тогда, быть может, будет единение офицеров и команды.

29 сентября 1906 года в 9 ч вахтенный начальник мичман Галлер записывает в вахтенный журнал учебного судна «Герцог Эдинбургский»: «Снялись с якоря с Большого Кронштадтского рейда. Дали ход машинами. Курс... скорость...» Плавание началось.

Впервые Галлер за пределами Балтики. Пройдя проливную зону, «Герцог Эдинбургский» ставит паруса. Приятно смотреть, как одеваются белыми полотнищами мачты. Команда и взятые в плавание ученики-новобранцы работают споро. Кренясь на подветренный борт, корабль набирает ход, оставляя за кормой пенный след. После недолгой стоянки в Портсмуте — снова в путь. «Герцог Эдинбургский» заходит на Канарские и Азорские острова, в Гибралтар, в порты Испании и Португалии, плавает в Средиземном море. Дни идут медленной чередой, на судне никаких происшествий. В море экипаж встречает и рождество, наступает новый, 1907 год.

Уже в апреле, возвращаясь в Россию, «Герцог Эдинбургский» отдает якорь на рейде испанского порта Виго. Здесь стоит «отряд благих намерений» — так флотские остряки прозвали недавно образованный «Отдельный отряд судов, назначенный для плавания с корабельными гардемаринами». В его составе оба балтийских броненосца «Цесаревич» и «Слава», крейсер «Богатырь». В кают-компаниях появляются гости — офицеры с кораблей отряда, их забрасывают вопросы о том, что делается на Родине. Впрочем, из лондонских и парижских газет офицеры «Герцога Эдинбургского» знают о декабрьском

восстании в Москве в 1905 году, жестоким подавлении его войсками под командованием адмирала Дубасова. В кают-компаниях полагают, что, судя по всему, в России революция идет на убыль. И Галлер, как и многие офицеры, надеется, что Государственная дума будет содействовать преобразованиям на либеральных началах.

Возможно, теперь у правительства найдется время, чтобы заняться восстановлением флота? Ведь на Балтике и Тихом океане морскую силу нужно создавать практически заново, говорят офицеры. По словам гостей кают-компаний, перемены на флоте действительно наступают, и это не может не радовать. Старые корабли, среди них броненосец «Император Александр II», переводятся в учебные, пошли на слом плавучие батареи и мониторы. И самое главное — все больше появляется новых кораблей. Один за другим вступают в строй, приближаясь к двум десяткам, миные крейсера водоизмещением по 500—700 тонн (в скором времени их переименуют в эскадренные миноносцы), в Англии строится под наблюдением капитана 1 ранга Н. О. Эссена броненосный крейсер «Рюрик». Говорят, что Эссена постаралось услать подалеже Морское министерство, чтобы не беспокоил адмиралов предложениями всякого рода новшеств. А в Петербурге наконец возобновляются работы на недостроенных броненосцах «Император Павел I» и «Андрей Первозванный». И даже ходят слухи о возможной закладке новых линейных кораблей типа британского «Дредноута», спущенного на воду в 1906 году. Галлер читал о «Дредноуте» в английском журнале. Водоизмещение около 18 тысяч тонн, ход благодаря турбинам, заменившим поршневые паровые машины, 21 узел. Но главное — десять 12-дюймовых (305-мм) орудий в пяти башнях! Да еще отличное бронирование. О подобном корабле можно лишь мечтать. Доведется ли стоять на мостике такого линкора? Об этом думал Галлер, прощаясь в мае 1907 года с «Герцогом Эдинбургским» после возвращения в Кронштадт. Он уже знал, что капитан 1 ранга Баженов будет командовать броненосцем «Слава». На нем же предстоит после отпуска служить и мичману Галлеру вахтенным начальником. А еще командир предупредил, что, быть может, опять придется исполнять обязанности ревизора. Что ж, он согласен: хочется служить на настоящем боевом корабле.

Галлер впервые на настоящем боевом корабле. «Слава» — самый новый, по времени вступления в строй,

броненосец российского флота. С 1907 года он именуется линкором. Водоизмещение полное — почти пятнадцать тысяч тонн, четыре 12-дюймовых орудия в двух башнях, двенадцать 6-дюймовых (152-мм) и по двадцать 75- и 47-миллиметровых. Сила! В Тифлисе он сказал отцу: «Мне повезло!» И в самом деле, корабельных офицерских вакансий не так-то много...

Обязанности ревизора — Галлер сразу же был назначен исполнять его должность — хлопотливы, отнимают много сил и времени. Так что лишь иногда находится время взять в руки смычок виолончели, неперенной его спутницы в любом плавании. Мичман стремится максимально обеспечить команду всем необходимым. Его не смущают насмешки старшего артиллерийского офицера лейтенанта Готфрида Дорна по поводу излишних забот о нижних чинах. Дори полагает, и в этом его поддерживает большая часть кают-компаний, что разводить сентименты с матросами незачем. В своей деревне мужик счастлив, если у него на столе пустые щи да каша. Галлер в спор не вступает, но от своих планов не отказывается. Он договаривается с купцом Синягиным о неперенной поставке части муки из лучшей пшеницы, почти не уступив в цене. И на кораблях в Кронштадте вскоре все узнают о необыкновенно вкусном хлебе пекарни «Славы». Вестовые кают-компаний «Цесаревича» и «Громобоя» прибегают попросить буханку-другую для господ офицеров. Галлер не раз обсуждает с баталером, солидным кондуктором¹³ Музаренко способы хранения мяса на борту. Ревизора волнует, что холодильники не обеспечивают нужной температуры, а это грозит порчей. Как быть, нельзя же кормить команду лишь солониной! И он убеждает командира разрешить перед выходом в заграничное плавание устроить свинарник в носу, под палубой бака, и поручает Музаренко закупить трех подсвинок... Баженков помнит, с чего начался бунт на «Князе Потемкине-Таврическом», и благоразумно поддерживает деятельного ревизора. Как-то во время обеда, будучи гостем кают-компаний, он тактично останавливает язвительные шутки мичмана барона Фитингофа относительно странных сельских увлечений Галлера.

¹³ Кондукторы в дореволюционном флоте — ближайшие помощники офицеров-специалистов. Подбирались из унтер-офицеров, закончивших обязательный срок службы и выдержавших специальный экзамен. В Советском ВМФ кондуктор соответствует мичману.

Разумеется, несмотря на все эти хлопоты, изучение корабля, освоение его оружия шло своим чередом. Ведь Галлер не только ревизор, он командует носовым плутонгом¹⁴ башен 6-дюймовых орудий. Он не стесняется помощи опытных унтер-офицеров и вскоре становится знатоком своего сложного хозяйства и даже может в темноте разбирать и собирать стреляющее приспособление в орудийном замке. Немало заботят его погреба, в которых хранятся 2775 6-дюймовых снарядов. Каждый день командир плутонга спускается вместе с дежурным унтер-офицером в погреба, обходит стеллажи, осматривает унитарные патроны. Медь их гильз под легким слоем смазки тускла, на клетчатых лентах термографов чуткое перо чертит свою линию в положенных пределах, относительную влажность не более разрешенной показывают и гигрографы.

На тренировках расчетов своего плутонга Галлер стремится превзойти установленные нормативы заряжания орудий, добивается четкости действий каждого комендора. Он видит, что матросы стараются, работают быстро и весело, охотно откликаются на шутку. По вечерам Галлер часто спускается в кубрик, преодолевая неловкость (трудно начинать разговор!), рассказывает об Испании и Португалии, Средиземном море и Африке, о портах, которые предстоит посетить «Славе». Его слушают с интересом и задают вопросы. Неужели это те самые матросы, думает Галлер, опасаясь которых два месяца тому назад, в начале июня 1907 года, комендант Кронштадтской крепости генерал-лейтенант Иванов приказал снять замки орудий, спрятать все боевое оружие, сдать боеприпасы?! Мичман Лютер, новый товарищ, младший штурман «Славы», рассказал, что командир отряда контр-адмирал Эбергард получил такой приказ, как только «Слава» и «Цесаревич» пришли в Кронштадт после полугодового заграничного плавания. Генерал мотивировал его имеющимися в полиции сведениями о наличии на кораблях революционеров. Эбергард приказ посчитал оскорбительным, и, даже после весьма острого разговора с комендантом, в судовые арсеналы снесли лишь винтовки и револьверы. Однако генерал не успокоился и донес о невыполнении его требования морскому министру ад-

¹⁴ Плутонг на корабле в дореволюционном флоте и Красном Флоте в 20-е годы — подразделение артиллерии, состоящее из орудий одного калибра. В дальнейшем плутонг стал именоваться батареей.

миралу И. М. Дикову, а тот — царю. Николай II поддержал коменданта. Из замков орудий вынули ударники...

Где же выход, как же российскому флоту готовиться к выполнению долга перед Отечеством, как возрождать морскую мощь, если не верить своим командам? Галлер, как и другие офицеры «Славы», читает брошюру «Дух и дисциплина нашего флота» капитана 1 ранга А. А. Ливена, начальника штаба Минной дивизии. Делает это с большим увлечением, чем читал «Парижские тайны» Эжена Сю в 3-м классе гимназии. Бывший отважный командир крейсера «Диана» в русско-японскую войну и будущий начальник Морского генерального штаба с горечью писал: «Мы дожили до того, что наши экипажи охраняются сухопутными войсками, что наши суда обезоруживаются перед роспуском Государственной думы, что большая часть рабочих на заводах (судостроительных, принадлежавших морскому ведомству. — С. З.) распущена. Я убежден, что причину всех наших бедствий надо искать не в обстоятельствах времени и не во внешних влияниях, а исключительно в нашем внутреннем строе, в нашей организации...»¹⁵

Разумеется, светлейший князь, из близкого ко двору семейства Ливенов (бабушка А. А. Ливена фрейлина Ливен воспитывала цесаревичей, будущих царей Александра II и Александра III), не понимал под сказанным гнилость самодержавия или хотя бы неотложность кардинальных реформ государственного строя России. Вся критика, подчас звучавшая весьма радикально, относилась лишь к морскому ведомству. И здесь, надо признать, правдива и резка. Ливен не скрывает вопиющих беспорядков. Именно грубые ошибки морского ведомства привели к поражениям флота, потому что «накануне объявления войны в Порт-Артуре запрещалось говорить о предстоящем разрыве с Японией. Считали, что такие разговоры произведут панику в личном составе. Мысль о войне всегда отодвигалась, как неприятная...»¹⁶ Сколько горечи в этих строках!

Предложения Ливена по оздоровлению флота путем проведения соответствующих реформ по душе большинству офицеров. Хорошо, наверное, служить под командо-

¹⁵ Ливен А. А. Дух и дисциплина нашего флота, Спб., 1908, С. 6.

¹⁶ Там же. С. 9.

ванием такого начальника! Галлер даже сожалел, что не добивался назначения в Минную дивизию, которой теперь командовал Н. О. Эссен. Ее дивизионы базировались на порт Александра III, т. е. военный порт Либавы.

Суть предложений Ливена состояла прежде всего в таком обучении и воспитании офицеров, чтобы они в совершенстве знали свое дело, были близки к нижним чинам, заботились о подчиненных. Поднятие воинского духа путем пропаганды боевых традиций, надеялся князь, укрепит воинскую дисциплину. Но для этого необходимо сплочение команды и офицеров, что не может быть достигнуто без постоянного пребывания на корабле. Вывод судов из кампании с переселением команд в береговые экипажи недопустим. Необходимо также надолго закрепить за кораблем командира и офицеров. Галлеру тогда казалось, что осуществление предложений Ливена восстановит на флоте порядок.

С нынешней позиции исторического опыта эти надежды Галлера кажутся легковесными. Но дело не в мичманском прекраснодушии. Подобная историческая социальная инфантильность была свойственна в то время многим офицерам флота, и с большим и более суровым опытом жизни.

Надо сказать, что ко времени начала похода «Славы» в Средиземное море преобразования во флоте России уже начались. Еще в конце 1905 года хорошо известный Галлеру преподаватель Морского корпуса лейтенант А. Н. Щеглов представил на имя морского министра докладную записку «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны», предназначенную для доклада царю. Записка содержала резкий и нелестный анализ причин поражения на море. Автор прямо называл виновников поражений, не стесняясь тем, что они продолжали удерживать в своих руках управление флотом. Он указывал пути, позволяющие в конкретные сроки создать необходимые государству военно-морские силы. Непременным условием при этом А. Н. Щеглов полагал организацию нового органа — Морского генерального штаба, который должен вести разработкой планов войны и боевой подготовкой флотов в целом. Как известно, тех или иных реформ морского ведомства требовали и многие из адмиралов и офицеров, прошедшие сквозь испытания войны с Японией. Первенство здесь принадлежит Н. О. Эссену.

Игнорировать резонные предложения, записку

А. Н. Щеглова было невозможно. В апреле 1906 года вопрос о создании Морского генерального штаба (МГШ) был решен. К МГШ от Главного морского штаба отошло решение оперативных и организационно-мобилизационных вопросов, планирование военного кораблестроения, руководство боевой подготовкой. Во главе МГШ встал талантливый офицер с боевым опытом капитан 1 ранга Л. А. Брусилов, бывший командир крейсера «Громобой». От управления морским ведомством в июне того же года был отстранен великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал. Общественное мнение с полным основанием винило его в покровительстве темным дельцам и присвоении немалых денежных сумм, выделенных на строительство флота. Актриса французской труппы Валетта, навсегда отбывая в Париж вместе со своим высоким покровителем, увезла бриллиантов чуть ли не на миллион рублей. И хотя причиной увольнения великого князя в царском указе значилось «расстроенное здоровье», истинные обстоятельства перемен в руководстве флотом были всем ясны. Правда, назначенный в июне 1905 года морским министром вице-адмирал А. А. Бирилев не имел достаточного боевого опыта, плохо знал современный флот. В 1907 году его сменил адмирал И. М. Диков, тоже не имевший особых достоинств. Но все же реформа морского ведомства началась, многое из предложенного Эсеном, Щегловым и Ливеном осуществлялось, становилось реальностью. Все меньше довели, мешали начальникам дивизий и отрядов, командирам кораблей всякого рода комиссии береговых учреждений морского ведомства и от Главного морского штаба, за которым оставались теперь лишь вопросы личного состава — служба офицеров и служба нижних чинов, награждение, хозяйственные и строевые дела. Но флотские бюрократические учреждения, методы их работы менялись медленно. «Всякие советы и комиссии и т. п., облеченные властью, суть зловердные грибы, выросшие на гнилой почве непонимания военной дисциплины, взаимного недоверия, боязни ответственности и вообще общей неспособности...» — писал о засилье бюрократии Ливен. Видно, и Минной дивизии весьма докучали «береговики»...

Начинается кампания 1908 года. Вахтенный начальник мичман Галлер усердно несет службу, добиваясь четкой работы рулевых и сигнальщиков, всей вахты. Он всегда вовремя замечает, когда начинает дымить труба, и строго выговаривает вахтенному механику. Летом лин-

кор плавает в составе отряда, выполняет положенные артиллерийские стрельбы...

На пороге осени «Слава» в составе Балтийского отряда переходит из Кронштадта в Биорке-зунд. Флагман отряда контр-адмирал В. И. Литвинов держит флаг на «Цесаревиче», рядом с которым по диспозиции отдает якорь «Слава». Тут же стоят еще два корабля отряда — крейсера «Богатырь» и «Олег». Нынче это, пожалуй, все, что могут выделить Морские силы Балтийского моря в дальнейшее плавание.

На кораблях начинается усиленная приборка и покраска. Перед отплытием отряда в Средиземное море предстоит «высочайший смотр». Об этом Галлер узнал еще до выхода из Кронштадта. Его однокашник и уже лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, адъютант начальника отряда, с важным видом поведал об ожидаемом приходе в Биорке (Приморск) Николая II на яхте «Штандарт». Начала похода с нетерпением ждут и офицеры, и командиры. Стоит, вероятно, отметить, что среди них старший офицер «Цесаревича» капитан 2 ранга Е. А. Беренс, тот самый, что был старшим штурманом на крейсере «Варяг» в бою у Чемульпо, будущий начальник Морских Сил Республики Советов в 1919—1920 годах. На «Цесаревиче» же служит вахтенным начальником мичман В. А. Белли, будущий преподаватель, а затем и начальник кафедры оперативного искусства Военно-морской академии. Не одно поколение советских флагманов будет обязано ему своими знаниями. Да и на других кораблях немало офицеров, которым предстоит служить в Красном Флоте. Но это еще далеко впереди. Никто из этих офицеров, разумеется, ни в малейшей степени не может представить себе, что ожидает его через десятилетие...

После «высочайшего смотра» Балтийский отряд уходит в Либаву. Отдельно переход совершает лишь «Олег», задержавшийся из-за неисправности рулевой машины. Напрасно, однако, сигнальщики стоящих в аванпорту Либавы кораблей ищут его на горизонте в назначенные часы прибытия. Командир «Олега» капитан 1 ранга А. К. Гирс преждевременно повернул к берегу, крейсер с полного хода вылетел на низкий курляндский берег. На следующий день его стягивают с грунта, ставят в док. А в кают-компаниях мичманы уже читают стихи про гвардейца, бывшего командира парохода «Онега» гвардейского экипажа, служившего «для поручений дворцо-

вого ведомства» и редко покидавшего место стоянки в Петербурге у Николаевского моста.

Галлер в письме к сестрам, рассказывая о начале плавания «Славы», не преминул приложить и незатейливые вирши:

Но капитан, рожденный в неге,
Он долго плавал на «Онеге»,
А тут случись большое горе:
Он вдруг повел «Олега» в море...

Да, разные офицеры служат в российском флоте — и по профессиональной подготовке, и по способности к восприятию нового, прогрессивного.

1 октября 1908 года Балтийский отряд выходит из Либавы в заграничное плавание. Норд-вестовый ветер несет мокрый снег, разводит волну. Серый с синевой корпус линкора, сливающийся по цвету с водой и осенним небом, то вспарывает носом встречный вал, то, опускаясь меж гребней, зарывается в воду до первой башни главного калибра. Вахтенный начальник мичман Галлер время от времени вытирает с лица соленые брызги, подносит к глазам тяжелый цейсовский бинокль — подарок отца. Он напоминает сигнальщикам, чтобы смотрели в оба. Видимость мала, а чем дальше к западу, тем больше встречных грузовых пароходов, идущих к российским портам или Кенигсбергу.

Первый порт захода — британский Плимут. Буксиры с тонкими высокими трубами подводят угольные шаланды к бортам кораблей отряда. «Славе» нужно погрузить пятьсот с лишним тонн до положенного полного запаса — тысячи трехсот. Меньше чем за восемь часов не управиться. Авральная работа под марши корабельного оркестра, расположившегося на спардеке, идет дружно, начавшись вечером, заканчивается под утро. В перерыв, после четырех часов работы, матросы получают любимое блюдо — макароны с мясом и компот (об этом позаботился ревизор Галлер), с новыми силами продолжают погрузку. «Отдых до 11.00», — приказывает Баженков. Но Галлер предпочитает воспользоваться приглашением командира военно-морской базы в Плимуте и присутствовать при спуске на воду нового линейного корабля, построенного Девонпортской верфью. Оркестр играет «Правь Британия морями», рядом с английскими офицерами стоят группой русские, любясь громадой «Нептуна» — очередного дредноута водоизмещением 19 000 тонн.

Мгновения скользит его корпус по уходящим в воду деревянным дорожкам-склизам и вот уже качается на воде. Двенадцать 12-дюймовых орудий, стволы длиною 50 калибров... Галлер с горечью сравнивает: на «Славе» всего четыре 12-дюймовых орудий, да и дальность их огня меньше. Наконец, турбины, заменившие в качестве главных двигателей паровые поршневые машины, позволят новому линкору развивать ход в 21 узел, «Слава» же больше 16—17 узлов не выжмет...

Что ж, пожалуй, хорошо, что крепнет английский флот, отвечая спуском двух линкоров на каждый новый германский. Великобритания приняла вызов Германии, грозящей ее господству на морях. Галлер помнит, что еще в 1906 году рейхстаг принял закон «об укреплении» вновь закладываемых броненосцев, т. е. о строительстве dreadnoughtов. Через год после этого с германских верфей спустили пять dreadnoughtов. И в дальнейшем планируется ежегодно закладывать не менее четырех таких линкоров. В 1908 году Германия сделала новый шаг в гонке морских вооружений. Адмирал Тирпиц, возглавлявший германское морское ведомство, добился принятия рейхстагом очередного закона об ускоренном строительстве линейного флота. В августе 1908 года, когда Балтийский отряд выходил с Транзаундского рейда, английский король Эдуард VII нанес визит Вильгельму II. Попытку договориться об ограничении морских вооружений кайзер отверг. Вот тогда-то британское правительство заявило, что будет закладывать «два киля против одного» германского. А ведь Германия вероятный противник и России.

В кают-компании «Славы» не раз вспыхивали споры о будущем российского флота. В какой-то мере это было продолжением дискуссий, которые велись в «Петербургском морском кружке» (некоторое время его возглавлял Н. О. Эссен), в «Лиге обновления флота». На заседаниях этих и других подобных им общественных организаций, возникших после поражения при Цусиме, в жарких прениях искали причины неудач минувшей войны, пути возрождения морской мощи России. Галлер бывал в первом из названных обществ. В него входили офицеры вновь образованного Морского генерального штаба, офицеры флота, прошедшие сквозь позор японского плена, пережившие горечь поражений.

Довелось мичману как-то присутствовать и на диспуте «Общества офицеров флота» в Кронштадте. Он внимательно слушал, сопоставляя противоречивые точки

зрения, записывая «рецепты» чуть ли не мгновенного возрождения флота. Галлер понимал, что это возрождение не может быть скорым: нужны миллионы рублей, необходимо обновить существующие и построить новые верфи, новые заводы и доки. С другой стороны, упущенное время не компенсировать ничем: Англия и Германия, Япония и Франция, Италия и даже Австро-Венгрия строят дредноуты. Что, если Германия, вступив в войну, бросит свой линейный флот против России? Остановить линкоры-дредноуты в устье Финского залива нечем. Значит, вероятен прорыв вражеской эскадры на восток, за меридиан реки Наровы, высадка десанта в Лужскую губу или на финляндский берег у самых подступов к столице империи... Такая угроза, даже только угроза, вынудит держать для обороны Петербурга многочисленную армию. Итак, на Балтике необходим мощный флот, который не допустит врага в Финский залив. И тогда Россия, отвлекая на себя часть германского флота, станет выгодным союзником для Англии. Ее значение в Антанте возрастет...

Необходимость восстановления флота хорошо понимали и новые его руководители, и в министерстве иностранных дел. Для получения необходимых ассигнований требовалось, однако, одобрение Государственной думы. Между тем еще недавно военный министр генерал А. Ф. Редигер заявил, что «флот представляет не элемент силы, а элемент государственной опасности. Требования государственной безопасности вынуждают флот раскисировать, оставив из его состава лишь совершенно здоровую и небольшую часть, состоящую из отборных элементов»¹⁷. С мнением Редигера, боявшегося участия флота в революции, солидаризировались и большинство членов комиссии под председательством великого князя Николая Николаевича, созданной специально для решения вопроса «что же делать с флотом». Неудивительно поэтому, что и пресловутый В. М. Пуришкевич, глава крайне правых в Государственной думе, заявил на заседании 24 мая 1908 года: «Каждый раз, когда отходит в плавание наша Черноморская эскадра, я боюсь, чтобы в ней не нашлось «Потемкина», а на «Потемкине» не оказалось бы Матюшенко»¹⁸. Сомневались «правые» в верности престолу и

¹⁷ Центральный государственный военно-исторический архив (далее ЦГВИА), ф. 400, оп. 290, д. 126022, л. 4.

¹⁸ Стенографические отчеты Государственной думы. События III, Сессия I. Спб., 1907, Ч. 3, стб. 1388.

Балтийского флота. Депутаты «правых» заявляли в Думе, что давать деньги на строительство флота — значит «только увеличивать число бунтарей». Борьба за выделение средств на воссоздание флота шла в высших эшелонах власти империи. Пока же в МГШ решили, что не будет лишним доказать походами Балтийского отряда существование флота как военной силы, показать, что флот вновь стал опорой и защитником империи. Стремление подтвердить этот тезис — вот одна из причин длительного плавания «Славы» и других кораблей отряда в Атлантике и Средиземном море.

После Плимута — штормовой Бискайский залив. Атлантика встретила отряд восьмibalльным ветром, волной. Особо туго приходится крейсеру «Богатырь». Галлер, стоя на мостике, видит, как накатываются на него пенные валы. На мгновение ему кажется, что на поверхности остались лишь стеньги мачт. Галлер, однако, знает, что беспокоиться не следует, что в море, если наблюдаешь со своего корабля, всегда кажется худшим положение другого. И действительно, минута-другая, и на волнах вдруг вздыбливаются бак и носовая надстройка крейсера, дымят все три высокие трубы...

Несколько дней корабли отряда стояли на рейде испанского порта Виго. Галлер не съезжал вместе с другими офицерами, чтобы провести вечер в клубе «Тертулия» за рулеткой. Еще в гимназии, прочитав «Игрока» Достоевского, поклялся себе не играть. И когда в первый раз оказался в Виго на «Герцоге Эдинбургском», позволил товарищам себя уговорить лишь взглянуть на «битву страстей». Галлеру куда приятнее ходить на двухмачтовом катере по бухте под парусом. Матросы его плутонга вначале были не очень-то рады, когда получали приказание готовить шлюпку к спуску. Но вскоре вошли во вкус: в Виго солнце грело, несмотря на осеннее время, катер скользил по подернутой рябью воде, мичман долго не подавал команды к повороту — галсы длинны... И матросы после первого настороженного молчания начинали переговариваться, шутить, забывая на время о тяжелой семилетней службе. Галлер молчал, попыхивая трубкой, незаметно поглядывал на матросов. Лица живые, открытые, и разговоры указывают на острый ум и сметку, склонность к юмору. Он все больше убеждался, что на корабле то ли перед офицером, то ли кондуктором или сверхсрочником-унтер-офицером матросы напускают на себя некую придурковатость, выказывают слепую го-

товность исполнить все, что прикажет всезнающее начальство. А сами себе на уме... Но во время работ в башне или погребе — при каком-нибудь ремонте, требующем сметки и специальных знаний, матросы забывают об избранной роли (Галлер про себя называл это матросской «мимикрией»), начинают говорить толково и свободно и, если надо для дела, вступают и с ним, офицером, в вежливый спор.

На «Славе» Галлер убедился, что сложная техника, имеющаяся на корабле, требует для ее обслуживания и использования матроса нового типа — грамотного и инициативного. Если такому комендору или гальванеру, машинисту или трюмному отказывать в уважительности, поровить чуть что — совать под нос кулак, как это делают (несмотря на строгий запрет рукоприкладства) некоторые офицеры на «Славе», толку не будет. А тогда не добиться и постоянной готовности к бою, требуемой от военного корабля. Но и офицер нужен иной, специализирующийся по артиллерии, минному вооружению, электротехнике — знающий досконально все, чем заведует. И такой офицер вдумчиво подбирает себе способных и толковых помощников из нижних чинов, чтобы опереться на них в работе. Как старается сделать он, Галлер. Тип «чистого строевика», «палубного офицера» отжил свой век, возможен разве что на допотопных «Герцоге Эдинбургском» или «Генерал-адмирале». Белые перчатки необходимо надевать лишь сходя на берег...

Такое понимание сути флотской службы, проникновение в психологию матроса, выработка для себя основ взаимоотношений с нижними чинами в разных условиях корабельной жизни — на вахте, на учениях и во время авралов, в работе по уходу за оружием и техникой, в немногие часы, когда команде разрешено «отдыхать, песни петь и веселиться», — происходят у Галлера постепенно.

Проходит неделя за неделей. После стоянки в Виго отряд входит в Средиземное море. На пути к Бизерте «Слава» и «Цесаревич» выполняют артиллерийские стрельбы по щиту, который буксирует «Богатырь». Корабли маневрируют по сигналу флага, проводя учения, заводя пластырь на условную пробоину. Стоянка в Бизерте — порту Туниса, находящегося под протекторатом Франции, оказалась длительной. После пополнения запасов угля борта и надстройки кораблей мыли с мылом от киля до клотика, подкрашивали. Галлер же занялся пополнением продовольственных запасов, пытаясь заку-

пить все необходимое, да еще подешевле. О, эти «сражения» с комиссионерами! О них рассказывал забавные истории и годы спустя. Но оставалось время и для развлечений. Офицеры кораблей отряда посещают пыльный неприметный Карфаген. Большинство эскурантов быстро решают, что им все ясно: камни — всего лишь камни. Мало ли древних развалин на берегах Средиземноморья! Но Галлер и мичман В. А. Белли с «Цесаревича» остаются. Они долго бродят по продуваемому ветром мысу, пытаются понять, где и как шли городские стены, где были причалы, от которых когда-то к берегам Испании отходили суда с отважными воинами Ганнибала. Оказывается, что оба восхищены «Саламбо» Флобера, что как один, так и другой почитают вечные книги древних, и среди них особенно «Записки о Галльской войне» Цезаря, «Жизнеописания» Плутарха и «Историю» Тацита.

В. А. Белли, до последнего дня долгой своей жизни сохранивший удивительную память и ясность ума, говорил, что тогда началась их многолетняя дружба с Галлером. Ему запомнился разговор о Таците. Галлер сказал, что историк с горечью пишет о падении нравов в Римской империи времен Траяна, о пренебрежении интересами государства теми, кто составляют основу власти. Не в этом ли причины падения Рима? И не кажется ли Белли, что, когда читаешь Тацита, напрашиваются невольные аналогии с внутренним состоянием России? Видимо, Галлер немало думал о волнениях и восстаниях во флоте, революционном брожении в стране и пытался понять причины происходившего.

...Из Бизерты отряд вышел к берегам Сицилии. Корабли, в том числе присоединившийся в Бизерте новый, недавно построенный во Франции крейсер «Адмирал Макаров», стали на якорь в бухте порта Аугуста. Раз в неделю они на несколько часов выходили в море, отрабатывая двухстороннее маневрирование, стреляя по щитам всеми калибрами поочередно. По субботам и воскресеньям половине офицеров разрешался съезд на берег. Побывали в Катанье, Мессине и Палермо.

13 декабря 1908 года капитан 1 ранга Кетлер, новый командир «Славы», сменивший Баженова, вручил Льву Галлеру лейтенантские погоны. Лейтенант — это уже зрелость 25-летнего офицера, плавающего почти три года. Лейтенанты уже командуют миноносцами... Об этом думал вахтенный начальник лейтенант Галлер, меряя шагами ходовой мостик. Ночь не была холодна, небо чис-

то — можно потренироваться в отыскании навигационных звезд. Вдруг созвездия точно стронулись со своих мест — корабль развернуло на 180 градусов, с берега послышались крики и шум. Однако вскоре все стихло. Галлер, доложив старшему офицеру, записал о случившемся в вахтенный журнал. Утром, после подъема флага, отряд вышел в море на стрельбы. Вернулись к ужину. На «Цесаревиче» еще гремела уходящая через клюз якорь-цепь, когда к борту подошел катерок с каким-то чиновником в куртке и цилиндре. От имени префекта Сицилии он сообщил о страшном землетрясении в Мессине. Командир отряда, оставив у Аугусты крейсер «Богатырь» для связи (в Мессине телеграф не работал), срочно вышел в море с остальными кораблями. Русские моряки помогут населению Мессины всем, чем возможно. Это дело чести флота, его достоинства, а их «должно пестовать». Так сказал флагман Балтийского отряда командирам кораблей, инспектируя перед походом.

Утром 16 декабря «Цесаревич», «Слава» и «Адмирал Макаров» подходили к Мессине¹⁹. Море усеяли обломки домов, столы, стулья, кровати и скамьи, всякого рода утварь. Только отдали якорь, и сразу же команда «Спустить шлюпки!». Галлер пошел на своем 12-весельном катере. Свезенные на берег матросы «Цесаревича» и «Славы» начали разбирать развалины зданий, освобождая заживо погребенных. Корабельные врачи в спешно поставленных палатках приступили к оказанию помощи раненым. Галлер же организовал нечто вроде камбуза и торопил корабельных коков поспешить с приготовлением каши. Рядом с запыхавшимися кострами уже собирались измученные люди — кто с миской, кто с тарелкой...

Как работали матросы! Галлеру с трудом удавалось уговорить своих, со «Славы», сделать перерыв, чтобы поесть. И как энергично, толково разбирали матросы развалины, с какой осторожностью переносили раненых. А обедая, тут же кормили из своих мисок чумазных детей. Посмотрев на сцены, достойные чувствительного пера какого-нибудь Шеллера-Михайлова, Галлер и Белли понимающе улыбнулись друг другу. Нет, русский простолюдин поистине загадка...

К вечеру подошел британский крейсер, а на следующий день — канонерские лодки «Гиляк» и «Кореец». Ко-

¹⁹ См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1978. С. 156.

манды их также сразу включились в спасательные работы. Тогда же на рейде стал на якорь итальянский линкор «Рома» под королевским флагом. На следующий день королева Елена побывала на «Славе». Черногорка по национальности, сестра жен великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, она неплохо говорила по-русски, во всяком случае, все поняли слова признательности русским морякам за немедленную и эффективную помощь мессинцам.

Вечером 17 декабря, приняв раненых и больных в батерейные палубы, корабли отряда вышли из Мессинской бухты: «Слава» и «Адмирал Макаров» — в Неаполь, «Цесаревич» — в Сиракузы. Здесь, в Неаполе, на борт «Славы» доставили два великолепных олеандра в садовых кадках — дар царской семье от королевы Италии в признательность за помощь русских моряков. И снова в море, в Мессину. Несмотря на продолжающиеся, но уже легкие толчки, заставляющие напуганных мессинцев с криками выбегать из домов, «Слава», «Адмирал Макаров» и подошедший «Богатырь» входят в гавань. И опять матросы разбирали развалины, помогали восстанавливать водопровод, снова медики принимали больных и раненых, а коки кормили голодных...

Нельзя сказать, что русские моряки совершили в Мессине нечто необыкновенное. Однако самоотверженность русских несомненна, благодарность итальянцев выражается весьма эмоционально и с южной экспансивностью, итальянская, а затем и европейская пресса восхваляет их мужество. Тронулся лед и в России. Отечественные газеты впервые после Цусимы помещают корреспонденции о мужестве и самоотверженности воинов своего флота. А кадетская «Речь», известная статьями против «цусимцев», на этот раз «призывает покончить с употреблением прижившихся в обществе унижительных словечек о моряках — «самотопы» и прочая».

Но Мессина все же лишь эпизод. Отряду следует продолжать плавание, обучение команд и совершенствование, как сказали бы сейчас, боевой готовности. Корабли встречают наступивший новый, 1909 год и рождество в порту Александрии. Стоит ясная и теплая египетская зима, сотни респектабельных британских леди и джентльменов, привыкших проводить зимние месяцы вдаль от туманов и дождей своей родины, заполняют отели Александрии и Каира, осматривают величественные пирамиды и сфинксов, гробницы халифов и мамлюков, Каирский музей.

Совершают экскурсии по достопримечательным местам и офицеры кораблей Балтийского отряда. Галлеру и часто-му его спутнику мичману Белли все интересно, они то и дело заглядывают во всезнающий Бедеккер, чтобы лучше разобраться в увиденном. Однако Галлер задумчив и слегка рассеян. И Белли, чувствуя некую смуту в душе старшего товарища, в конце концов решается спросить, что же случилось.

...В каюту подхода отряда к Александрии к лейтенанту Галлеру в каюту легонько постучал старший унтер-офицер его роты: «Разрешите доложить, ваше благородие...» Галлер взял протянутый листок. Небольшой, половина тетрадного. Неровные, чуть наискось, спешащие строки:

Победа за вами осталась, враги,
Борцов за свободу разбили.
Вы в общую яму их трупы свезли
И тайно среди ночи зарыли.
Но знайте — их дух вы убить не могли,
Он в нас, он остался меж нами,
Вам темные братья опять помогли
Свободу опутать цепями...

Крамольный листок найден за кабельной трассой, в батарейной палубе. В такое место мог спрятать всякий, да и когда? Сколько он там лежит? А раз так, можно и не искать его хозяина. Да и вообще — морской офицер не жандармский сыщик. Не стал Галлер докладывать ни командиру, ни старшему офицеру. Но подумал, что розовые его мечты о единении нижних чинов и офицеров вряд ли реальны.

Пройдя около одиннадцати тысяч миль в заграничном плавании, «Слава» и другие корабли отряда вернулись в Либаву. Офицеры надеялись, что стоянка в порту Александра III не будет долгой. Скорее бы в Петербург. Но на следующий день, после того как стали на бочки в аванпорту, все почувствовали, что времена изменились. Кораблям учинил смотр контр-адмирал Н. О. Эссен, бывший начальник Минной дивизии, а с конца ноября 1908 года начальник Соединенных отрядов Балтийского моря (на правах начальника Морских сил). Смотр проходит не как обычно. Эссен, конечно, доволен чистотой и порядком, но и его, и штаб больше интересует уровень боевой готовности. Через некоторое время начинаются выходы в море на боевую подготовку. Эссен поднимает свой флаг то на «Славе», то на «Цесаревиче». Линкоры выпол-

няют артиллерийские стрельбы и из носовых аппаратов стреляют торпедами. 22 апреля из Либавы выходят линкоры, крейсер «Адмирал Макаров» и эскадренный миноносец «Туркменец-Ставропольский». С мостика «Славы» Эссен наблюдает за маневрированием кораблей и атакой линкоров подводными лодками. Галлер стоит вахтенным начальником, когда кто-то из офицеров штаба Эссена сбрасывает со шкафута спасательный круг. Адмирал подзывает вахтенного начальника: «Человек за бортом!» Галлер командует быстро и четко. Подчиняясь командам вахтенного начальника, линкор, отбросив корму и описав координат, стопорит ход. Маневр выполнен отлично, и Эссен благодарит командира, отмечает быстроту реакции и правильность действий вахтенного начальника лейтенанта Галлера.

Конечно, это лишь эпизод в череде мероприятий боевой подготовки корабля — учений, стрельб, маневрирования. Но быть отмеченным Эссеном Галлеру все же приятно. Тем более что после успешной стрельбы 6-дюймовок галлеровского плутонга Эссен вызывает его к себе в салон. Эссен тогда посоветовал Галлеру поучиться зиму в артиллерийском офицерском классе, чтобы повысить квалификацию как артиллериста, а затем переходить на командование одним из плутонгов главного калибра. Флоту нужны превосходные офицеры-артиллеристы. Ибо лет через пять, а то и раньше на Балтике будет эскадра с дивизией линкоров-дредноутов. Двенадцати-, а то и четырнадцатидюймовый (356-мм) главный калибр будет решать исход морских сражений флотов...

До осени, однако, было еще далеко, и лейтенант Галлер еле поспевал исполнять положенное в круговерти напряженной корабельной службы. Отчеты за 1909 год, хранящиеся в архиве, свидетельствуют:

2.05 Линкоры, крейсера и 1-я дивизия эскадренных миноносцев пришли на рейд бухты Таге-лахт (Тага-лахт) на острове Эзель (Сааремаа). После проведения ряда учений все вышли в Кронштадт. В пути по команде Эссена отрабатывали движение на полных ходах. «Слава» шла со скоростью 17,6 узла. И опять различные учения.

8.05 «Слава» и «Цесаревич» стали на Большом Кронштадтском рейде.

15.05 «Слава» стала в док.

5.06 «Слава» и «Цесаревич» уже на Транзундском рейде, в Биорке-зунд. Снова учения.

19.06 Оба линкора в Либаве... ²⁰

В июле — вынужденный перерыв, томительная стоянка на рейде в аванпорту, после того как, возвращаясь с моря, «Слава» коснулась камня на фарватере. Водолазы долго его искали, потом еще дольше очищали фарватер. А в августе — снова учение за учением, маневры. 31 августа, на пути из Биорке в Либаву, линкоры и дивизия вели бой с «противником», которого изображал транспорт «Океан»... Лишь в ноябре «Слава» вернулась в Кронштадт, стала в ремонт, и лейтенант Галлер наконец-то отправился в отпуск к своим в Тифлис. Вот и дом № 19 на Барятинской, встреча с родными. Сильно сдал отец. Он собирался в отставку — до 70 оставалось меньше двух лет. Сестры по-прежнему жили с родителями, так и не вышли замуж.

Лев легко убедил отца, что время прощаться с Кавказом, перебраться в родной Петербург. Этого же хотели мать, сестры и брат Вернер, будущий географ, кончавший Петербургский университет. Да и Михаил Федорович все чаще вспоминал склеп фон Галлеров на Волковом лютеранском кладбище: там похоронен его отец, там уже лежит брат Карл. Там лежать и ему...

В этот отпуск Лев много времени проводит с сестрой Антониной. Она правится ему умом, независимостью суждений. После окончания частного пансионата в Юрьеве (Тарту) Антонина преподавала французский, а затем четыре года изучала французскую литературу и историю в Сорбонне. Уже несколько лет преподает она в тифлисских гимназиях. Десять лет в возрасте уже не разделяют их, и брат, ничего не скрывая, рассказывает сестре о случившемся на мысе Разику, о своих безуспешных попытках сблизиться с матросами или хотя бы понять их.

Антонина выслушивает его, долго молчит. А потом говорит, что вряд ли ему, офицеру, добиться доверия матросов. Разве забыты Свеаборг, Кронштадт и Севастополь недавних лет? «Они могут тебя уважать, даже полюбить, но никогда не будут откровенны. Ты барин, они мужики или мастеровые. Но ты сможешь понять их нужды, если будешь читать не только свои морские книги... Запомни слова Пушкина: «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют». Знаешь, в Париже я знала замечательных людей. Из опыта нашей жизни они сделали выводы, свои выво-

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 24, л. 8, 9.

ды... И я могла быть с ними, да не сложилось». Антонина умолкает, и Лев не решается спросить: что же случилось тогда в Париже. А что-то случилось...

В артиллерийский класс на зиму 1909/10 года лейтенанту Галлеру попасть не довелось. Главный штаб строго учитывает старшинство по выпуску. Очередь его придет лишь через год. А пока что Галлер вновь на «Славе», вошедшей после ремонта в вооруженный резерв. Линкор прочно вмерз в лед гавани Кронштадта. Галлер, привявший обязанности командира VIII плутонга, командовал теперь кормовой башней главного калибра. День за днем он осваивал сложное хозяйство. Конечно, его две 12-дюймовки в 40 калибров уступают в дальнобойности и скорострельности новым орудиям германских или английских дредноутов. Но он был уверен, что и с этой боевой техникой можно сделать немало. Так, дальность стрельбы главного калибра возможно несколько увеличить за счет большего угла возвышения. Для этого следует сделать вырезы в броне башен. Пока же при стрельбе бортом нужного угла возвышения орудий можно добиться за счет искусственного крена...

Он понимал, конечно, что все эти и некоторые другие усовершенствования никак не решают проблемы восстановления морской силы на Балтике. Нужны новые корабли всех классов. 16 июня 1909 года происходит знаменательное событие в истории отечественного военного флота — на Балтийском заводе в тот день закладываются линкоры-дредноуты «Севастополь» и «Петропавловск», а на верфи Нового Адмиралтейства — «Гангут» и «Полтава».

Закладка четырех балтийских линкоров венчала длительную борьбу за строительство нового флота. Еще в конце 1906 года Морской генеральный штаб представил в Совет Государственной Обороны проект «малой судостроительной программы на ближайшее четырехлетие»: четыре линкора-дредноута водоизмещением по 21 000 тонн, один броненосный крейсер водоизмещением в 18 000 тонн, три легких крейсера и десять эсминцев. Однако одновременно в Совет Государственной Обороны (СГО) представил проект строительства флота и морской министр Бирилев. Проекты МГШ и морского министра различались, их несогласованность произвела плохое впечатление. Вот тогда-то и сменил Бирилева адмирал Диков. Прежде чем вновь заняться программой судостроения, требовалось разобраться с задачами, которые предстоит решать флоту

на всех морских театрах возможных военных действий — на Балтийском и Черном морях, на Тихом океане.

Начальник Генштаба Ф. Ф. Палицын и начальник МГШ Л. А. Брусилов представили в СГО совместный доклад. По Балтийскому театру в нем говорилось: сухопутной армии важно быть уверенной, что морские силы империи в этих водах (Финского залива. — С. 3.) в состоянии помешать и в крайности затруднить десант восточнее меридиана реки Наровы. Положение сухопутной армии было бы обеспечено, если бы указанная граница, по имеющимся морским средствам, могла бы быть отодвинута западнее к меридиану Ревеля или, еще лучше, к Оланд-Моонзунду²¹. Это было сутью той части доклада, которая относилась к Балтийскому театру. После того как совместный доклад ГШ и МГШ был одобрен Николаем II, в марте 1907 года ему же от имени МГШ были представлены «Стратегические основания для плана войны на море». На Балтийском театре, указывалось в секретном документе, вероятный враг России — Германия. Она имеет мощный флот и способна произвести десант на наше побережье в тыл развернутой армии. Возможный союзник ее — Швеция. Наша оборона на море слаба, а потому вероятен удар Германии по столице империи — Санкт-Петербургу. МГШ делал вывод, что в существующих (на 1907 год) условиях российский флот на Балтийском море наступательных задач иметь не может. Характер действий его — оборонительный. Следовательно, необходимо возможно скорее создать «надежную оборону Балтийских вод». До того как это будет обеспечено, надлежит считать ближайшей задачей внешней политики России поддержание союза с Францией и дружественных отношений с Германией и «старание ослабить последнюю вовлечением ее в войну с Англией».

Для обороны на Балтике в будущем МГШ полагал иметь силы, способные бороться с германским флотом в открытом море. А потому предлагалось построить к 1920 году две эскадры. Вот состав каждой из них: линкоров — 8, линейных крейсеров — 4, легких крейсеров — 9, эсминцев — 36²². Кроме того, необходимо построить базы...

Но до 1920 года далеко... И МГШ призывал к использованию в случае войны «естественных позиций и при-

²¹ См.: Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. Л., 1926. С. 113.

²² См. там же. С. 116.

родных особенностей Балтийского моря», «Район Ревель — Порккала-Удд, — говорилось в «Стратегических основаниях...», — при надлежащем его укреплении может явиться рубежом, на котором флот не допустит прорыва в Финский залив сильнейшего противника». Для придания обороне на этом рубеже большей устойчивости МГШ предлагал оборудовать шхерные районы северного берега Финского залива «в качестве опорного пункта для миноносцев, расположив их в районе Або, Моонзунд, Рига для действий в тыл неприятелю» ²³.

В МГШ понимали, что предложение построить корабли для двух балтийских эскадр вызовет лишь ярость армейцев и председательствующего в Совете Государственной Обороны великого князя Николая Николаевича. Ведь средств на военные нужды не хватает. Поэтому составители «Стратегических оснований...», указав на максимальные потребности флота, далее благоразумно отступали. Учитывая, что часть морских сил Германии будет оставлена против Франции (в дни, когда составлялся документ, военного союза с Англией еще не было), МГШ полагал достаточным иметь на Балтике одну эскадру — 8 линейных кораблей, которые необходимо построить не более чем за 10 лет. За этот срок нужно укрепить Порккала-Удд и Ревель, создать в Ревеле базу флота, построить в Кронштадте док, способный принять новые линкоры. И за это же время спустить на воду новые эсминцы и подводные лодки.

Будут ли, однако, у России десять мирных лет? МГШ полагал, что первый этап создания морской силы на Балтике необходимо завершить много раньше — к 1912 году.

МГШ представил всего четыре варианта плана воссоздания морской силы России. По первому варианту предлагалось создать четыре полноценные эскадры (всего — 32 линейных корабля), по одной для Балтики и Черного моря и две — для Тихого океана. Второй вариант предусматривал три эскадры — две для Балтики и одну для Черного моря. Третий — по эскадре для Балтики и Черного моря, и, наконец, четвертый — одну эскадру для Балтики... ²⁴

Одобрив предложения МГШ, Николай II приказал внести на рассмотрение четвертый вариант судострои-

²³ Там же. С. 117.

²⁴ См. там же. С. 119.

тельной программы. Но и эту минимальную программу Совет Государственной Обороны не одобрил, а Государственная дума отклонила законопроект об ассигнованиях на ее осуществление. Тогда в обход Думы кредиты на военное судостроение отпустил Совет министров. 19 октября 1907 года этот акт одобрил царь... Однако до того как были заложены четыре балтийских dreadnought, прошло более полутора лет. Пока же из этих ассигнований деньги пошли на достройку «переходных» линкоров «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» — на Балтике и «Иоанн Златоуст» и «Святой Евстафий» — на Черном море; на строительство крейсеров «Баян», «Адмирал Макаров», «Рюрик» и «Паллада», минных заградителей «Амур» и «Енисей», двух подводных лодок и четырех эсминцев по 600 тонн водоизмещения. Часть этих же средств потратили на проектирование новых линкоров, на оплату расходов по объявленному Морским министерством международному конкурсу на лучший проект. Решением жюри в конце концов был избран для осуществления проект Балтийского завода, разработанный под руководством профессора Морской академии И. Г. Бубнова.

Разумеется, секретные документы Морского министерства и МГШ, определившие строительство российского флота и стратегические принципы его использования в войне на Балтийском и других морских театрах, знали лишь избранные. Однако закладка линкоров говорила о многом. Да и упразднение в августе 1909 года Совета Государственной Обороны — ярого и постоянного противника строительства мощного флота Галлер и другие морские офицеры рассматривали как свидетельство перемены в отношении к морской силе в правительственных сферах. Радовали их и многие другие изменения: образование в Морской академии «военного отдела» для подготовки офицеров для МГШ и других флотских высших штабов, разделение флота на соединения — отряды и дивизии, прекращение разоружения кораблей на зиму и своза на берег их команд... И конечно, на Балтике все видели самоотверженную деятельность контр-адмирала Николая Оттовича Эссена, с начала декабря 1909 года ставшего исполняющим должность начальника Действующего флота Балтийского моря. Соединения флота становились реальной боевой силой. В первую очередь это относилось к базирующейся в Либаве 1-й Минной дивизии, которой стал командовать А. А. Ливен. Ее эскадренные миноносцы отрабатывали групповые торпед-

ные атаки и постановку мин, плавали дивизионами в любую погоду и находились в боевой готовности круглый год. Флот креп, строился, росло боевое умение. В новое плавание на «Славе» лейтенант Галлер уходил с верой в скорое возрождение мощного флота на Балтике. Недалеко уже то время, надеялся он, когда честь и достоинство андреевского флага будут подкреплены реальной силой.

Уроки Тулона

Из Кронштадта вышли в мае 1910 года. И опять Балтийский отряд под командованием контр-адмирала Литвинова в уже хорошо знакомом Галлеру скучноватом Портсмуте. Все шло по известной схеме: приемка угля, обмен визитами с морскими властями и с кают-компаниями стоящих на рейде английских линкоров и крейсеров, выход в море. Однако на пути к Гибралтару случилось непредусмотренное: на «Славе» вышли из строя донки — насосы, питающие водой паровые котлы. Литвинов приказал «Цесаревичу» взять «Славу» на буксир. Донки ввели в строй лишь на рейде Гибралтара, и «Слава» уже своим ходом в составе Балтийского отряда направилась в Адриатику на празднование 50-летия короля Черногории.

Перед выходом «Славы» с рейда британской твердыни Галлер отправил письмо в Петербург. «Милая Тоня! — писал он. — Наконец-то собрался написать. Мешали обычные хлопоты и неожиданные неприятности, выпавшие на долю моего броненосца. Abs it omen! ²⁵ — как говорили твои римляне. ...Шлоссера я читаю не слишком усердно. С большим интересом знакомлюсь с обзором Чернышевского в «Современнике». Несколько номеров, начиная с 59-го года, мне удалось найти у букиниста в Кронштадте. Сжато излагая нашего Шлоссера, г. Чернышевский сопоставляет революции разных времен. Любопытна его мысль о неких сменах ритма исторического движения: выражаясь морским языком, полный (или даже самый полный) ход, потом «стоп», осознание опасности дрейфа по воле стихии, и снова телеграфы на «полный вперед». И так до бесконечности... Все это, представь себе, меня занимает. Можешь гордиться — твои наставления пошли на пользу. Я даже купил

²⁵ Пусть это не будет дурной приметой! (лат.)

в Гибралтаре все двенадцать томов «Истории французской революции» L. Blanc²⁶. Попытаюсь разобраться в трагедийном мире Первой республики. Любопытно, что L. Blanc защищает Робеспьера, предстающим у Шлоссера кровавым исчадием ада... Кажется, нам предстоит не один месяц провести в Тулоне. Времени у меня будет побольше, и поэтому надеюсь осилить все тома, стоящие у меня на полке в каюте. Но поможет ли прошлое понять политическое настоящее, занимающее меня не на шутку?»

Авария в Атлантике выявила, что ремонт нужен многим механизмам и системам «Славы». Из Петербурга пришел приказ идти в Тулон для основательного ремонта на заводах «Форж-и-Сантье» и «Бельвилль». Перечень работ определился после того, как стали к заводскому причалу; он оказался велик. Особенно много предстояло сделать по котельной части заводу «Бельвилль». Французы были довольны выгодным заказом, похоже, превышали необходимые объемы ремонта. Но и командир капитан 1 ранга Н. К. Коломейцев, сменивший в Тулоне Кетлера, и старший механик были вовсе не прочь простоять зиму 1910/11 года рядом с Марселем и французской Ривьерой — Лазурным берегом. Довольны были и другие офицеры, мечтавшие побывать не только в Марселе, но и в Париже.

Не будем утверждать, что двадцатисемилетнего Галлера не привлекала возможность познакомиться с Францией. Но некая склонность к аскетизму, нежелание заниматься пустым времяпрепровождением отличали его от большинства молодых офицеров.

Тулон был одним из центров военного кораблестроения Франции, здесь в это время строились линкоры «Жан Бар», «Курба», «Париж» и «Франция» с двенадцатью 305-миллиметровыми орудиями в шести башнях. А только что вошедший в строй линкор «Дантон» — «преддредноут», как «Андрей Первозванный» и «Император Павел I», стоял на рейде, когда «Слава» входила в порт Тулона. Галлер намеревался на правах офицера союзной с Францией державы побывать на новых кораблях, ознакомиться с артиллерийской техникой и организацией ее боевого использования. Хотел он осмотреть и верфи. Программа вполне позитивная — морской офицер

²⁶ Блан Луи — французский утопический социалист, историк.

желает совершенствовать свои знания, перенимать все ценное, что имеется во флоте другой страны. Хорошая, разумная программа! И выполнить ее было вполне возможно, тем более что в этом плавании Галлер не исполнял хлопотных обязанностей ревизора. «Пустое времяпрепровождение — зло», — любил повторять он в последующие годы, когда уже был флагманом.

Но была совсем другая программа, свои планы у матросов линкора, о которых не имел ни малейшего представления лейтенант Галлер. На «Славе» еще с 1905 года существовала революционная группа большевиков. И она, умело конспирируясь, продолжала свою работу.

Размышляя о «последусимском» российском флоте, видишь как бы два слоя, два течения в его жизни.

Офицеры и адмиралы, испытывавшие горечь поражения, смело боролись против рутины и некомпетентности в морском ведомстве, проводили в жизнь реформы управления и организационной структуры флота, добивались осуществления программ военного кораблестроения и создания необходимой береговой инфраструктуры — портов, баз и доков, морских крепостей и береговой обороны, системы разведки и наблюдения. Они воссоздавали флот на новом качественном уровне, стремясь ввести в его состав подводные лодки и авиацию, новые боевые и технические средства: минное оружие, радио, гидроакустику, освоить новые тактические приемы их использования. Усилиями передовых деятелей флота, таких, как Н. О. Эссен, флот готовился к будущей войне с Германией, отработывая на учениях и маневрах различные виды активных и оборонительных операций. С точки зрения обеспечения государственных интересов Российской империи на море, и конкретно на Балтике, — это было нужное и важное дело. Но разумеется, даже передовые адмиралы и офицеры не помышляли об изменениях политической системы и государственного строя России.

У крестьян и рабочих, одетых в морскую форму, были иные интересы и намерения. Царский флот стал для них тюрьмой, в которой приходилось отбывать положенный срок. А их командиры — офицеры и адмиралы — царскими слугами, теми, кто вынуждает не покидать пределы этой тюрьмы. Нельзя сказать, что у матросов отсутствовало чувство патриотизма, наконец, гордость за свой корабль, флаг. Но превалировала классовая ненависть к угнетателям-дворянам в мундирах, жажда мести за товарищей, сотни и тысячи которых погибли в годы первой

русской революции: были расстреляны и повешены, умерли в царских тюрьмах и на каторге. Эти чувства протеста, эти настроения, в значительной мере стихийные, старались организовать и направить в нужное революционное русло большевики. Подпольную работу вели и социалисты-революционеры — эсеры. И большевики, и эсеры целью своей революционной работы на кораблях ставили вооруженное восстание и свержение самодержавия.

Деятельность большевиков на «Славе» активизировалась с 1909 года, когда подпольную группу возглавил машинист А. К. Самсон, член РСДРП(б) с 1905 года²⁷. Его призвали на флот в 1908 году и направили в 1-й Балтийский флотский экипаж. Весной 1909 года он уже служит в машинной команде «Славы». Вскоре через земляков-латышей матросов Тапелса и Песса ему удалось установить связь с большевистской группой линкора. А некоторое время спустя он возглавил ячейку большевиков. В дальнейшем А. К. Самсон участвовал в Октябрьской революции, стал видным деятелем Компартии Латвии, вел революционную работу в подполье.

Новый командир «Славы» Н. К. Коломейцев установил суровые порядки. Матросы работали по десять — двенадцать часов в день вместе с рабочими-французами и рабочими петербургских заводов, прибывшими из России (их было 75 человек). Понятно, что ремонт корабля осложнял быт матросов. Но Коломейцев требовал неукоснительного соблюдения порядка, идеальной чистоты помещений и рабочего платья команды. Эти требования не подкреплялись заботой и вниманием к людям. К тому же ухудшилось — и это в условиях стоянки в порту! — питание. Матросов то и дело наказывали: сажали в карцер, ставили под ружье, назначали в часы отдыха на тяжелые и грязные работы, лишали схода на берег. Забыты были былые требования капитана 1 ранга Баженова, многие офицеры и кондукторы пускали в ход кулаки, а ругань, стремление унижить матроса вошли в обычай. Особенно хамски относились к нижним чинам младший артиллерист лейтенант барон Фитингоф, командир одного из плутонгов артиллерии мичман Чаплин, старший офицер линкора старший лейтенант Никольский. Кормить команду стали настолько плохо, что в начале февраля

²⁷ См.: Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 39.

1911 года матросы отказались от обеда и объявили голодовку.

Командир линкора, до этого практически не входивший в нужды команды, был напуган этим дружным выступлением. Беспорядки на корабле могли серьезно повредить его карьере. Чтобы показать матросам свою заботу, продемонстрировать, что он стоит на страже закона и справедливости, Коломейцев издает приказ по кораблю о наказании вахтенного начальника лейтенанта Гебгардта, который «позволил себе ударить матроса Леонова, своим дерзким поведением вызвавшего подобное воздействие...». Кончался приказ так: «Напоминаю, что такое воздействие на нижних чинов недопустимо законом, делаю лейтенанту Гебгардту строгий выговор». Заметим, что этот приказ, во-первых, как бы оправдывал рукоприкладство, ибо матрос «дерзким поведением» будто бы вызвал «подобное воздействие», и, во-вторых, был объявлен лишь офицерам. Нужны были, однако, и практические меры, чтобы успокоить команду.

Лейтенант Галлер, вспоминая В. А. Белли, к тому времени имел в кают-компании прозвище «демократ», полученное как-то после бурной дискуссии о правомерности и пользе реформ начала царствования Александра II. Фитингоф, Гебгардт и Чаплин доказывали, что судебная реформа, университетские вольности, наконец, деятельность земства лишь способствовали распаду устоев самодержавия. Тем самым, утверждали они, все это породило революционеров-террористов и в конечном итоге привело к убийству государя Александра II, к событиям 1905—1906 годов — восстаниям на флоте, в Москве и т. д. Галлер же и подполковник Невейнов — старший инженер-механик линкора убеждали в пользу демократических порядков, приводя в пример Англию и Францию: эти государства не испытывают бурных внутренних потрясений, подобных российским. Оба исходили всего лишь из желания найти способы укрепления государственной системы России. Дальше продвижения по пути реформ, конституционной монархии британского типа и не мечтали... Но и эта «розоватость» вызвала неприязнь тех офицеров, что стояли на сугубо консервативных позициях незыблемости самодержавия. Вот тогда-то старшего инженер-механика и Галлера в кают-компании стали называть «демократами». Надо думать, капитан 1 ранга Коломейцев учел и это, объявив приказом создание «хозяйственного комитета»: во главе его он поставил

Невейнова, заместителем — Галлера. Галлер также принял временное исполнение обязанностей ревизора от лейтенанта Энгельгардта, которого Коломейцев благодарно отправил в Россию. Команда ненавидела Энгельгардта не только за плохое питание, но и за грубость.

Питание команды новый ревизор наладил быстро, позаботился и о других нуждах матросов. А еще привез на «Славу» сеть, и на рассвете барказ с матросами-добровольцами стал выходить на рыбную ловлю; улов разнообразил матросский стол. С избранными ротами²⁸ артельщиками Галлер раз в неделю обсуждал, что закуплено из продуктов, сколько «экономических» денег израсходовано и сколько осталось.

Казалось, поводов для недовольства у команды более нет — еда обильна и вкусна, офицеры в основном перестали заниматься рукоприкладством. Не понимали, однако, ни Галлер, ни другие офицеры истинного положения, не знали они, чем живут в кубриках, что делают, где бывают моряки «Славы», сходя на берег.

Сейчас мы знаем, что с помощью рабочих-питерцев большевистская ячейка «Славы» установила связи с французскими социалистами — рабочими завода, на котором ремонтировали линкор. Один из них, известный матросам под именем Жак, снабжал кое-какой политической литературой, помогал найти места, где можно было встречаться в условиях конспирации, — это были и квартиры на окраине Тулона, и комнатухи в тавернах, в которые матросы проходили через комнаты хозяев. Во время встреч матросы обсуждали положение на корабле, читали литературу. По предложению А. К. Самсона и Н. Я. Кроненберга, члена РСДРП(б) с 1905 года, поддержанному Кузнецовым, Масловым и другими большевиками ячейки, решили, что необходимо наладить систематическую учебу под руководством опытного пронагандиста. Хотели матросы-большевики получить и советы о том, как вести подпольную революционную работу, как строить партийную организацию, какие ставить цели. В общем, был необходим опытный партиз-руководитель.

Через редакцию нелегальной газеты «Циня» — органа латышских большевиков А. К. Самсону удалось получить парижский адрес В. И. Ленина. И в Париж пошло письмо от ячейки «Славы»...

²⁸ Рота — здесь подразделение на корабле. По повседневной организации команда разбивалась на роты.

Н. К. Крупская рассказывает в своих воспоминаниях, что в письме большевики «Славы» просили литературу и особенно человека, который бы помогал вести революционную работу среди моряков. Ильич направил туда опытного конспиратора, который поселился в Тулоне²⁹. Посланец Ленина товарищ Алексей (фамилия его не установлена) помог большевикам «Славы», работа ячейки стала более целенаправленной и организованной. Регулярно проводились тайные собрания в Ла-Сейна — рабочем пригороде Тулона. В послереволюционные годы А. К. Самсон так вспоминал те дни: «...не хотелось дремать. Дрался и боролся и организовал хорошую группу из человек около 50. С большим трудом достал из Парижа... статского человека, который должен обучить нас. Он приехал, и дела пошли хорошо. Мы собирались на собрания, читали книги, обсуждали разные вопросы»³⁰.

«Разных вопросов» было более чем достаточно. Матросы хотели понять «причины неуспеха революции 1905 года», чтобы избежать повторения ошибок и выработать план действий. Встречаясь, говорили «о предстоящей борьбе против царизма, о восстании рабочих, крестьян, солдат и матросов, о том, как привлечь на сторону народа интеллигенцию». Товарищ Алексей помог также улучшить организационную структуру партийного коллектива. Были созданы тройки, входившие в партийную группу той или иной команды — например, машинистов, кочегаров, трюмных или артиллерийских плутонов. В судовой комитет вошло по одному представителю от команды и плутонга. Каждый член комитета знал только своих подпольщиков³¹.

В то время во Франции активно действовала заграничная служба российской политической полиции, тесно сотрудничавшая с аналогичной французской. Сыщики, присланные из Петербурга, выследили товарища Алексея, он был вынужден уехать из Тулона, чтобы не провалить большевиков «Славы». Связь с В. И. Лениным оборвалась. К этому времени охранке удалось внедрить в организацию эсеров линкора своего агента под кличкой Кириллов. Пользуясь тем, что эсеры плохо соблюдали пра-

²⁹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 162, 163.

³⁰ Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее ЦГАОР), ф. 102, оп. 242, д. 288, т. 2, ч. 1, л. 9.

³¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 11, л. 92, 403.

вила конспирации, агент выявил состав их судового комитета.

В ночь на 21 марта чины охраны произвели на корабле аресты. Вначале были схвачены четырнадцать матросов, сутки спустя еще пять. Среди арестованных оказался руководитель эсеров матрос Н. А. Молодцов. Большевицкая организация также понесла потери: взяли Петрова, Анашкина и некоторых других, может быть еще и не зная, кто они по партийной принадлежности. 12 апреля всех арестованных отправили в Кронштадт на транспорте «Океан». Впереди их ждал суд... Большевицкая организация практически оказалась нетронутой и продолжала свою работу.

Об арестованных товарищах команда «Славы» вновь услышит более чем через год, в июле 1912 года, когда их будут судить вместе с матросами кораблей Учебно-минного отряда — «Адмирала Корнилова», «Двины» и «Николаева». Это будет процесс «59 нижних чинов Балтийского флота».

«Аресты на «Славе», произведенные в Тулоне, — вспоминал в 20-е годы Галлер, — окончательно излечили меня от иллюзий»⁸². Он понял тогда, что нет и не будет единства интересов и целей офицеров и матросов, пока не произойдет в России нечто кардинальное. Для себя же решил: честному человеку и патриоту остается лишь одно — служить Родине. Для него это значило делать все, что только возможно, для созидания и укрепления ее морской силы. С такими мыслями выходил он в начале мая в море на испытания «Славы» после окончания ремонта. Контрольные выходы прошли успешно. В июле 1911 года «Слава» пришла в Либаву. Галлеру предстоял отпуск, а с осени — занятия в офицерском артиллерийском классе. Затем скорее всего служба на другом корабле.

Уже вернувшись из отпуска, Галлер узнал, что на «Славе» вновь прошли аресты. Жандармы увели с корабля закованного в кандалы машиниста А. К. Самсона. И опять-таки, как теперь известно, потеря опытного партийца не деморализовала большевиков линкора. Партийную организацию возглавил матрос Н. Я. Кроненберг. В октябре 1917 года он станет комиссаром эсминца «Самсон»,

⁸² Из воспоминаний К. Х. Звейнека, капитан-инженера 1 ранга в отставке, в конце 20-х годов старшего инженера-механика линкора «Парижская коммуна».

примет активное участие в свержении Временного правительства в Петрограде. Л. М. Галлер встретится с ним весной 1918 года после знаменитого Ледового перехода кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт. И только тогда узнает о том, чем жила команда «Славы» в 1910—1911 годах, как работали большевики линкора, готовя команду к будущим революционным сражениям...

Артиллерист «Андрея Первозванного»

В конце сентября 1911 года, успешно сдав экзамены, лейтенант Галлер начал занятия в Артиллерийском офицерском классе. Разные планы на дальнейшую службу имелись у двадцати двух лейтенантов, в нем обучавшихся. Были и такие, кто подумывал после окончания класса осесть в Петербурге или Кронштадте и тем самым покончить с беспокойной корабельной службой. Состоять в одном из учреждений Артиллерийского управления, иметь в подчинении лишь несколько писцов — кондукторов и унтер-офицеров, а не роту матросов-заговорщиков... Неплохо! Но Галлер был в числе тех, кто не мыслил себе дальнейшую жизнь вне корабля.

Заканчивая к лету 1912 года теоретический курс Артиллерийского класса и отправляясь на практику в Учебно-артиллерийский отряд, Галлер уже знал, что служить будет на линкоре «Андрей Первозванный». В то время кают-компания имела право пригласить того или иного офицера служить на своем корабле, согласовав это приглашение с командиром. Главный штаб в таких случаях безотказно проводил соответствующее назначение своим приказом. Для Галлера было приятной неожиданностью получение письма — приглашения с «Андрея», как для краткости называли новый линкор. Правда, предлагалась должность младшего артиллериста, но из конфиденциальной приписки командира линкора капитана 1 ранга А. П. Зеленого следовало, что нынешний старший артиллерист вскоре должен получить новое назначение.

Итак, все складывалось прекрасно: впереди служба на одном из двух новейших тогда линкоров на Балтике. С вводом в строй «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» в эскадре Морских сил Балтийского моря уже четыре линкора. А всего в 1914 году их будет восемь: тысячи рабочих строят четыре линкора типа «Севастополь». Вскоре начнут вступать в строй и эсминцы

типа «Новик», которым нет равных во флотах мира. Их должно быть построено на Балтике 36. Строятся и новые подводные лодки, тральщики, крейсера. Заложены также замечательнейшие корабли, четыре линейных крейсера типа «Бородино» по 32 000 тонн водоизмещения с двенадцатью 14-дюймовыми (356 миллиметров) орудиями. Российский флот живет, растет, набирает силу!

Рост морской мощи, при мысли о которой Галлер испытывал приятное волнение, он полагал для России совершенно необходимым. Ему было ясно, что для проведения этих планов в жизнь недостаточно только усилий морского ведомства, которое возглавил начиная с 1911 года адмирал И. К. Григорович, деятельный и талантливый человек. Стране нужен внутренний мир... Политику правительства — и внешнюю и внутреннюю — Галлер не раз обсуждал при встречах с В. А. Белли. Их занимали реформы председателя Совета министров П. А. Столыпина, в особенности законы, разрешившие крестьянам выход из сельской общины, в результате чего «наделник» получал землю в частную собственность. Одновременно правительством поощрялось переселение крестьян за Урал — в Сибирь, на Дальний Восток. Идеологи реформы утверждали, что, став фермером, крестьянин будет хозяйствовать более эффективно, разрешится аграрный кризис. И главное, крестьянство сойдет с революционного пути, так сказать, успокоится. В итоге внутреннее положение в России стабилизируется, надеялись Галлер и Белли, и это даст возможность надежно укрепить ее военную и морскую силу.

Иной путь, путь не реформ, а революции, Галлер в то время полагал невозможным, ибо считал его разрушительным. Реформы Столыпина казались и ему, и Белли лучшим способом быстрого аграрного и промышленного развития страны. Надеялись они и на постепенное продвижение Российской империи к конституционной монархии британского типа. О большем они и не мечтали. Рассуждая же о флоте, обдумывая, как исключить революционное брожение, видели выход в комплектовании команд кораблей матросами и унтер-офицерами по контракту, как в английском. Став богатой страной, Россия сможет себе это позволить. Прошло всего несколько лет, и они поняли всю беспочвенность своих либеральных мечтаний...

Летом 1912 года только что произведенный в старшие лейтенанты младший артиллерист Л. М. Галлер пред-

ставился своему новому командиру Александру Павловичу Зеленому. В течение трех лет — до 1915 года будет он служить на линкоре «Андрей Первозванный» под его началом. А потом судьба сведет их еще не раз: контр-адмирал А. П. Зеленой признает Советскую власть, и Совет народных комиссаров доверит ему командовать в 1919 году Балтийским флотом.

«Андрей Первозванный» к приходу на него Галлера лишь начинал свою службу в российском флоте: в строй линкор вступил 30 апреля 1912 года. Заложен же был еще в 1905 году, спущен на воду полтора года спустя. Затем работы были приостановлены. По требованию МГШ Адмиралтейский завод перерабатывал проект с учетом опыта русско-японской войны. Значительные изменения в проекте, задержка с выделением финансовых средств затянули достройку линкора. Таким образом, Галлер пришел на него в самом начале освоения командой оружия и техники. Конечно, офицеру легче входить в свои обязанности на корабле с уже основательно отработанной боевой и повседневной организацией, когда команда на своих боевых постах действует с положенной точностью и умением. Но есть преимущество и в освоении нового, входящего в строй корабля. В этом случае офицер и его подчиненные вместе постигают все тонкости применения оружия, использования механизмов и приборов, осваивают их эксплуатацию, выявляют капризы и характерные неисправности. Это совместное постижение еще и сплачивает офицеров и команду.

Артиллерия главного калибра «Андрея Первозванного» состояла из тех же 12-дюймовых орудий (по два в двух башнях, всего четыре), что и на «Славе». Но имелись и существенные отличия. Дальность стрельбы была большей, так как откидные броневые козырьки на башнях позволили увеличить угол возвышения орудий. А еще более чем в полтора раза возросла скорость заряжания орудий (с 65—70 секунд на «Славе» до менее чем 40 секунд на «Андрее Первозванном»). Дальномерные посты имели лучшие, более точные приборы. Наконец, на линкоре установили новую отечественную систему приборов управления стрельбой главного калибра, так называемую систему Гейслера, обеспечивавшую центральную наводку. Иначе говоря, управляющий огнем главного калибра мог дирижировать стрельбой со своего командного пункта — из боевой рубки. Все это повыша-

ло боевую мощь корабля. И Галлер, тщательно фиксируя все улучшения, думал о том, как их использовать для повышения боевой эффективности.

Как первый заместитель старшего артиллериста Галлер должен был, конечно, отлично знать и то, что относилось к прочему артиллерийскому вооружению линкора, а оно было немалым: четырнадцать 8-дюймовых (203-миллиметровых) орудий в четырех башнях и казематах, двенадцать 120-миллиметровых орудий противоминного калибра, да еще «мелкая артиллерия» и пулеметы. Понятно, что работать приходилось, не считаясь со временем. Ведь кроме артиллерии следовало в совершенстве освоить громадный корабль водоизмещением восемнадцать с половиной тысяч тонн. Наконец, нужно было познакомиться с офицерами и командой — в штате линкора значились 31 офицер, 26 кондукторов и 900 нижних чинов. Разве могло на все это хватить дневных рабочих часов? Поэтому изучать корабль, постепенно заполняя записями и схемами толстую тетрадь в твердом переплете, Галлер начинал обычно после ужина. Помогали ему опытные комендоры — артиллерийские унтер-офицеры 1-й статьи, начинавшие на «Андрее Первозванном» службу еще в 1908—1910 годах и знавшие на корабле все, — Василий Нефедов, Григорий Семенюк, Андрей Бортков, Григорий Павличев... Связь с первыми двумя он поддерживал долгие годы и в советское время. А в постижении электрической части артиллерии хорошо помог гальванер унтер-офицер Павел Варганов. Как и ранее на «Славе», Галлер не считал зазорным обращаться за помощью к нижним чинам. Тем более и людей узнаешь как следует, когда вместе пролезешь всяческие корабельные закоулки, прольешь семь потов, многократно спускаясь в корабельные недра и поднимаясь из них вновь по вертикальным скоб-трапам на броневую палубу, когда самолично убедишься в наличии двадцати пяти котлов Бельвилля в жарких кочегарках...

Техническая сторона, конечно, важна, но Галлер не забывал, что в артиллерийских ротах состояла большая часть команды линкора. Даже лица более чем пятисот человек запомнишь не скоро. А хотелось узнать и понять людей, рядом с которыми, быть может, примешь смертельный бой. Проникнешь ли, однако, в их души, поймешь ли их чувства и желания?

Старший лейтенант Виктор Лютер, младший штурман «Андрея Первозванного» и бывший сослуживец по

«Славе», рассказал Галлеру о совсем недавних событиях на корабле. 24 апреля 1912 года на линкоре арестовали группу революционеров-заговорщиков. А за несколько часов до этого, после отмены выхода эскадры в море, аресты начались на «Рюрике» и «Цесаревиче». Хорошо, что отменили выход, узнав о планах революционеров захватить корабли в море... Лютер закончил рассказ. Как во времена тягостной службы в роте палача Рихтера, у Галлера защемило в груди. Палубой ниже каюты, где они сидят, в кубриках, идет совсем другая, непонятная жизнь. Она развивается по своим непостижимым законам. И он, Галлер, лишен возможности что-либо в ней изменить...

В то время Галлеру было мало что известно о подпольных революционных организациях и их работе на кораблях. Правда, кое-что он мог узнать годом позже, когда в Кронштадте начались судебные процессы над арестованными в 1912 году матросами. Но полная картина революционного брожения на Балтийском флоте перед первой мировой войной раскрылась уже после Октября 1917 года.

В. И. Ленин еще на опыте первой русской революции указывал на четкую закономерность: революционное движение в армии и на флоте находится в прямой связи с революционным движением рабочих и крестьян³³. Общий подъем революционного движения в стране с 1912 года активизировал деятельность большевистских подпольных ячеек на кораблях. Зимой 1911/12 года они усилили свою работу на стоявших в Гельсингфорсе кораблях — линкорах «Император Павел I», «Цесаревич» и «Слава», на крейсере «Рюрик» и эсминцах. Финляндская социал-демократическая организация в апреле 1912 года создала Революционный комитет для руководства военными организациями³⁴. В него вошли А. В. Шотман, И. П. Воробьев, А. П. Тайм, И. И. Кондратьев, С. П. Думинов... Революционный комитет имел своих агитаторов и держал связь с Петербургским комитетом РСДРП(б). Тайм организовал у себя дома размножение большевистских листовок. Их проносили на корабли и в кубриках читали о Ленском расстреле, о подготовке к 1 Мая. Попадали к матросам и большевистские газеты «Звезда» и «Правда».

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 316—317.

³⁴ См.: Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969. С. 67.

Остановка на кораблях становилась все более напряженной. Эсеры, которые также имели свои подпольные группы на кораблях, подталкивали матросов к немедленному восстанию. 19 апреля на окраине Гельсингфорса состоялась сходка, на которой председательствовал И. П. Воробьев, отвечавший за партийную работу на бригаде линкоров. Представители кораблей настаивали на восстании в ближайшее время. Воробьев и Тайми не смогли убедить матросов в его несвоевременности. Было решено приурочить восстание к предстоящему выходу эскадры в море — к 24 апреля. План восстания предусматривал захват в море линкоров и крейсеров, последующую помощь командам эсминцев, стоящих в гавани Седрахамна в Гельсингфорсе, овладение Свеаборгской крепостью. Вести захваченные корабли решили поручить офицерам, которым матросы доверяли. Соответствующие кандидатуры были обсуждены. Как жаль, что мы не знаем имена этих офицеров!

Однако охранке стали известны планы восстания. В ночь на 24 апреля начались аресты... Арестованных матросов отправили в Петербург на эсминце «Уссуриец» и заключили в Петропавловскую крепость. А Шотману и Воробьеву удалось бежать. И. П. Воробьев, как вспоминала Н. К. Крупская, приехал в Париж и рассказал Ленину о неудавшемся восстании на кораблях. После этой встречи Владимир Ильич писал в августе 1912 года Горькому: «А в Балтийском флоте кипит! <...> Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть»³⁵. Когда писалось это письмо, Ленин, очевидно, знал и о событиях, последовавших после арестов на кораблях и в Гельсингфорсе в конце апреля. Но аресты лишь частично ослабили революционные организации матросов. И когда эскадра перешла из Гельсингфорса в Ревель, на берегу вновь начались сходки матросов, на которых опять-таки обсуждались планы восстания. Продолжались они и с переходом бригады линкоров на рейд Гугенбурга (Нарва-Йыэсу). Вновь матросы решились на восстание, назначили и дату — в ночь на 11 июля. В те дни у Гугенбурга стояли на якоре «Цесаревич», «Император Павел I» и «Слава». Ждали прихода из Ревеля «Андрея Первозванного». Но «Андрей» не пришел: провокатор охранки машинист Г. Бартош донес командиру корабля о подготовке восстания. Выход отменили. А на

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 84

кораблях, стоявших в Гугенбурге, 10 июля начались аресты. Всего на кораблях Балтийского флота с апреля 1912 по июль 1913 года арестовали до семисот нижних чинов...³⁶

Галлер пришел на «Андрея Первозванного» после описанных событий. Но, конечно, о них не забыли ни офицеры, ни матросы. Капитан 1 ранга Зеленой требовал от офицеров заботы о команде, рекомендовал заниматься подчиненных спортом, полагая это лекарством от революционных настроений. Практиковались шлюпочные гонки, перетягивание каната, поднятие тяжестей и упражнения с внушительными гириями. А зимой 1912/13 года, когда корабль вмерз в лед на Свеаборгском рейде, моряки встали на лыжи, купленные за счет командира. И конечно, было и рождество с елкой, с ряжеными, а потом, когда пришел срок, и масленица с горами блинов, и пасха с куличами...

Прошла зима. Грело солнце, рейд Свеаборга очищался ото льда. 19 апреля начальник Морских сил Балтийского моря перевел бригаду линкоров на Ревельский рейд³⁷. Рядом стали на бочки корабли бригады крейсеров контр-адмирала фон Шульца — «Громобой», «Адмирал Макаров», «Паллада» и «Баян», а также приданный ей эскадренный миноносец «Новик». Здесь же стоял и отряд заградителей капитана 1 ранга А. В. Канина — «Амур», «Енисей», «Ладога», «Волга», «Онега» и «Нарова»...

К началу кампании 1913 года на «Андрее» устранили выявленные заводские недоделки, подготовились к выполнению боевых упражнений и походам. Галлер вступил в ответственную должность старшего артиллерийского офицера.

С первых выходов в море началась напряженная боевая учеба — адмирал Эссен стремился быстрее довести до должного уровня боевую готовность соединений и особенно бригады линкоров. За лето и осень «Андрей Первозванный» выполнил 18 артиллерийских стрельб — об этом свидетельствуют отчеты, на листах которых стоят подписи старшего артиллериста Галлера.

Нелегка служба артиллериста. Прежде чем корабль в середине очередной кампании выполнит самые сложные зачетные стрельбы, нужно пройти длинный подгото-

³⁶ См.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. М.; Л., 1948. С. 453—458.

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 183, л. 301.

вительный курс артиллерийской подготовки. Тот, кому не довелось служить на флоте, должен понять, что процесс этот требует от артиллеристов напряженнейшей работы, максимум сил и внимания.

Этот курс начинался комендорскими стрельбами по неподвижному, а затем и буксируемому щиту. Тут проявлялось искусство наводчиков, а чтобы не изнашивать стволы орудий (в морской крупнокалиберной артиллерии стволы были рассчитаны на 100—150 выстрелов, после чего подлежали замене), огонь вели из стволов — винтовочных и 37-миллиметровых, закрепленных на стволах 12- и 8-дюймовок.

В середине мая, закончив комендорские стрельбы, приступили к плутонговым, управляемым уже офицерами. В июне Галлер проверил себя как управляющего огнем: «Андрей Первозванный» стрелял главным калибром по когда-то севшему на камни судну на Ревельском рейде и по щиту, который тянул буксир. Эффективность огня была высокой, и старший артиллерист надеялся, что его подчиненные не подкачают и на стрельбах 1-й полубригадой, в которую входили «Андрей Первозванный» и «Император Павел I». Лев Михайлович спускался в кубрики, спрашивал комендоров: «Не подкачаете, братцы?» И слышал в ответ дружное: «Будьте покойны, ваше благородие, пропусков не будет!» Казалось, матросы искренне хотят добиться успеха, разнести щит в щепки... Ожиданий Галлера они не обманули. Стрельбы полубригадой по щиту, который буксировал крейсер «Рюрик», прошли хорошо, флаг-офицер штаба бригады Г. В. Вахтия передал от имени начбрига благодарность.

Все это время стреляли практически снарядами, с августа пошли в ход боевые. По сигналу начальника бригады вице-адмирала барона В. Н. Ферзена линкоры снимались с якоря на рассвете, выходили с Ревельского рейда Сурупским (Суурупским) проходом на запад, начинали в утренней туманной дымке поиск щита. «Рюрик» и щит, который он буксировал, обнаруживали и дальнометры и визиры с площадок, высоко взнесенных над ходовым мостиком. Полубригада училась вести сосредоточенный огонь двумя кораблями по одной цели, залпы линкоров из 12- и 8-дюймовых орудий чередовались. Восемь орудий главного калибра «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» готовились противостоять десяти — двенадцати орудиям одного новейшего германского линкора.

Галлер многому учился у флагманского артиллериста штаба бригады линкоров капитана 2 ранга Вирениуса, великолепного специалиста. Николай Андреевич Вирениус не забыл испытаний русско-японской войны, в которой участвовал, в подготовку артиллерии вкладывал душу, сил не жалел. Сил же было не так много — сказывались ранения, полученные в Цусимском сражении. Вирениус и дело знал, и был чуток ко всему новому. Вот и предложение Галлера использовать при сосредоточенной стрельбе полубригадой «малое радио» (т. е. работу передатчика на малой мощности), выделив специальную волну для непосредственной связи старших артиллеристов линкоров, поддержал сразу же. Теперь управляющие огнем обменивались информацией о результатах пристрелочных залпов и, как результат, время перехода на поражение уменьшилось. А в морском бою побеждает, как известно, тот, кто первым поразит противника.

Генеральной проверкой полубригады стали стрельбы в начале августа, проведенные в присутствии царя и морского министра адмирала И. К. Григоровича. Начальник бригады шел на «Императоре Павле I», за ним — «Андрей Первозванный», ему в кильватер — крейсер «Рюрик», флагманский корабль Эссена, с царем и морским министром. Стреляли сразу же двумя калибрами и на оба борта: главным 12-дюймовым — по щиту, который буксировала «Слава», 8-дюймовым — по другому щиту, его вел на двадцатизуловом ходу миноносец «Всадник». Огонь был меток — главный калибр щит сбил, и он затонул. Николай II изъявил свое «монаршее удовольствие», а Вирениус, взяв в помощь Галлера, принялся за отчеты по артиллерийским стрельбам.

Кто из флотских артиллеристов не знает бессонные ночи за составлением отчетов — время на них в соответствии с правилами стрельбы строго лимитировано! В кают-компаниях разложены карта и бланки групп записей, фотоснимки падений залпов, сделанных с буксирующего корабля, различные графики. Дело находится каждому артиллеристу, а старший и флагманский артиллеристы обобщают, анализируют, делают выводы, нелицеприятно вскрывая недостатки. В архиве по сей день хранится часть безупречно исполненных отчетов по стрельбам 1913 года: отдельных кораблей, 1-й и 2-й полубригад (2-я — линкоры «Слава» и Цесаревич») и бригады линкоров. На аккуратнейшим образом оформленных листах подписи Вирениуса, Галлера... И четкие выводы: процент попада-

ний 12-дюймовками «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» — 31, их же 8-дюймовками — 18; «Славы» и «Цесаревича» — соответственно 11 и 8 процентов. Здесь же — об осечках, качестве снарядов, плохой работе дальномеров, которые предложено вывести из подчинения штурманов и передать артиллеристам. А в заключение — «плохо, что линейные корабли по отдельности и полубригады не выполняют ночных артиллерийских стрельб». Есть в отчетах Вирениуса и о Галлере: «Старший артиллерийский офицер линейного корабля «Андрей Первозванный» старший лейтенант фон Галлер показал отличное умение управлять огнем судовых орудий. Офицеры и нижние чины артиллерийской части подготовлены примерно»³⁸.

Завершили артиллерийскую подготовку в кампанию 1913 года стрельбы бригадой линкоров. «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Слава» и «Цесаревич» вели огонь на 16-узловом ходу сразу по трем щитам, буксируемым крейсерами. Галлер был горд: его подчиненные добились десяти процентов попаданий. Это был лучший результат среди кораблей бригады.

Разумеется, корабли не только стреляли. Боевые упражнения перемежались учениями под руководством неустомимого адмирала Эссена. Еще в июне выходили в море на двустороннее маневрирование. За «красных», прорывающихся из Балтики в Финский залив, действовала бригада линкоров, а «синих» изображали бригада крейсеров, отряд заградителей и миноносцы. Такие двусторонние учения Эссен проводил тем летом не раз. В середине августа, побывав перед этим под водой на лодке «Дракон», он вывел флот из Ревеля в море. Заметим — корабли выходили в тумане, вслед за тральщиками. Начальник Морских сил готовил корабли к действиям в любых условиях погоды и видимости. И вновь двустороннее маневрирование, отражение ночных атак миноносцев, стоянки на незащищенных рейдах...

20 августа линкоры и крейсера вернулись на Ревельский рейд, отразив по пути атаки эсминцев 1-й Минной дивизии, изображавших «противника». И сразу же началась подготовка к заграничному походу. Впервые после 1905 года боевая эскадра российского флота готовилась выйти за пределы Балтики³⁹.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 3, д. 141, л. 22.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 183, л. 517—519.

В солнечный день 27 августа, стоя на мостике «Андрея Первозванного», Галлер любовался строгим походным порядком эскадры: впереди по курсу «Юрика» (под флагом Эссена) и четырех линкоров бригады — два крейсера, позади — еще два. На траверзах слева и справа — по два эсминца полудивизиона особого назначения. И хотя не было в составе эскадры современных линкоров-дредноутов, все-таки она трудами адмирала Эссена и его сподвижников стала силой.

Перестроившись в кильватерную колонну, прошли Бельты, не беря лоцманов. Эссен требовал и в узкостях, везде, где это допускается, ходить без лоцманов, разъяснял командирам: «В войну вам, господа, помогать будет некому, готовьтесь! Не исключено, что плавать придется и в проливах». Потом были визиты в британский Портланд (Портленд) и французский Брест, в норвежский Христиансанд (Кристиансанн) и возвращение в Ревель после почти месячного похода. И опять, дав лишь неделю на приведение кораблей в порядок, неутомленный Эссен вывел флот на маневры. Маневры и двусторонние учения, неожиданные артиллерийские и торпедные стрельбы для проверки боевой готовности продолжались до ноября 1913 года. За это время «Андрей Первозванный» прошел больше миль, чем в недавнем заграничном походе, стоял и в бухте Тагелахт, и на рейде Гангэ...

И вот корабль снова вмерз в лед Свеаборгского рейда. Уходят отслужившие семилетний срок нижние чины, прибывают новобранцы, прошедшие первоначальную подготовку на транспорте «Рига». К началу апреля они должны освоить свои заведования, научиться не бояться техники — элеваторов, подающих из глубин погребов снаряды и заряды, могучих досылателей, загоняющих их в открытые чрева орудийных стволов...

Наладив занятия, Галлер отправляется в отпуск. Лед уже прочен, ледоколы «Тосмари» и «Скатуттуден», поддерживавшие связь между столицей Великого княжества Финляндского и кораблями на Свеаборгском рейде, стали на зимовку в гавани. Добираться до Гельсингфорса приходится на санках извозчика. Лев Михайлович ставит в ноги чемодан, запахивает меховую полость, финн с красным, обожженным морозным ветром лицом что-то кричит тонким голосом, и пара заиндевелых лошадок сразу же переходит на рысь. Впереди уютный вокзал в Гельсингфорсе, поражающий российского человека необычайной чистотой и порядком, и всего лишь одна ночь

в мчащемся к Петербургу поезде. Льву Михайловичу везет — в двухместном купе оказывается один. Он вынимает из чемодана «Моби Дика» (Мелвилл и Диккенс любимы с детства, всегда стоят на полке в его каюте) и сразу же погружается в драматические события охоты на Белого Кита, охоты, длящейся чуть ли не вечно в водах Мирового океана... Он читает час, может быть, чуть больше, потом закрывает книгу. Сейчас, отрешившись от повседневных забот, можно подумать о глубоко личном. Что же он скажет Наде?

...Он познакомился с ней вскоре после выпуска, в Русском музее, перед брюлловской «Гибелью Помпеи». Надя была с Катей Амилахвари, знакомой по Тифлису. Катя и представила его: «Лев Михайлович Галлер, новенький мичман и морской волк, покоривший все океаны планеты. А это Надя — моя подруга, как и я — «смолянка».

Галлер поднял глаза — милое, веселое лицо, карие глаза с прищуром (близорука?), чуть ёжкощенный передний зуб придает улыбке какую-то особую прелесть... Так началось их знакомство. Бывая в Петербурге, старался встретиться с Надей. Удавалось это редко: Смольный институт держал своих воспитанниц в строгости. Но он писал ей, и письма доходили (для классной дамы Лев Галлер числился кузеном). В 1911 году, вернувшись из плавания, узнал: Надя танцует в Мариинке...

Они встретились. Надя была ласкова и как-то очень далека. «Милый, я буду танцевать. Говорят, что-то во мне есть, быть может, дадут солидные партии...» Это было ужасно. Офицеру должно получить согласие на брак от кают-компаний своего корабля. Но офицер может иметь любовницу-танцовщицу или певичку, жену — никогда... Он ее любит, но уйти с флота?.. Нет, это ему не по силам...

К началу 1914 года у морского министра И. К. Григоровича и начальника Морских сил Балтийского моря Н. О. Эссена не было сомнений, что война с Германией близка. Будут ли у российского флота союзники в неравной борьбе с многократно превосходящими силами врага? На Францию можно было в какой-то мере рассчитывать. В июле 1912 года между Россией и Францией заключена военно-морская конвенция, и флоты обеих держав отныне должны «действовать совместно». Но значительные силы своего флота Франция держала в Средиземном море. Там ее вероятные противники, морские силы Италии

и Австро-Венгрии, союзниц Германии по Тройственному соглашению — блоку Центральных держав. Таким образом, было совершенно очевидно, что в Северном море Франция не сможет вести наступательных операций против германского Флота открытого моря с его десятками дредноутов. Что же помещает германскому командованию двинуть свои эскадры линкоров к устью Финского залива, прорваться в его восточную часть, чтобы высадить десанты на подступах к столице империи Петербургу? Только британский линейный флот — Гранд-флит, довлея своею мощью у берегов Германии в Северном море, угрожая прорывом в Балтику, к Кильской бухте через проливы, не позволил бы перебросить Флот открытого моря для удара против России. Существование англо-французской морской конвенции, происшедший в свое время обмен письмами между британским премьером Греем и французским премьером Камбоном позволяли России и Франции рассчитывать на выступление Англии на их стороне в случае войны с германо-австрийской группировкой. Однако полной уверенности в позиции Англии все же не имелось. И Морские силы Балтийского моря готовились к единоборству с германским флотом.

Начиная с 1907 года Эссен, исходя из ситуации противостояния сильнейшему противнику, разрабатывал соответствующие методы боевых действий. С имеющимися силами вступить в открытом море в сражение с эскадрой линейных кораблей-дредноутов было бы самоубийственно. Поэтому следовало воспользоваться военно-географическими особенностями Балтийского морского театра. И Эссен представил в МГШ «План операций Морских сил Балтийского моря на случай европейской войны».

В первом его варианте с началом войны предусматривались активные операции, по своему характеру упреждающие, отвлекающие противника от Финского залива. Главным их содержанием было минирование подходов к германским портам на Балтике, постановка минных заграждений на линиях коммуникаций у берегов Германии, в том числе даже в Кильской бухте, месте сосредоточения кайзеровского флота. На них противник непременно понесет потери. Затем силы русского флота стягивались к устью Финского залива, чтобы дать бой линейным кораблям германцев на Центральной минно-артиллерийской позиции.

Сама идея минно-артиллерийской позиции была новым словом в оперативном искусстве (в те годы быто-

вал термин «морская стратегия», такого понятия, как оперативное искусство, еще не существовало). В «Плане» Эссена корабли вступали в бой с линкорами врага на заранее укрепленном рубеже. Его ядром была Центральная минно-артиллерийская позиция. Она состояла из минного заграждения в устье Финского залива — между островом Нарген (Найсар) и полуостровом Порккала-Удд, из береговых батарей на ее северном и южном флангах, которые должны были перекрывать залив своим огнем. К востоку от минного заграждения ожидали противника маневрирующие тактические группы из линейных кораблей и крейсеров, охраняемые новыми эсминцами 1-й Минной дивизии. Им-то и предстояло вступить в бой с форсирующими минные заграждения дредноутами германцев.

На северном фланге Центральной минно-артиллерийской позиции, в финских шхерах, развertyвалась флангово-шхерная позиция. Здесь действовали миноносцы 2-й Минной дивизии и отряд канонерских лодок. Наконец, перед минными заграждениями Центральной позиции врага поджидали подводные лодки, а еще далее к западу, где-то на меридиане маяка Тахкона (Тахкуна), что на острове Даго (Хийумаа), несли дозор завесы крейсеров, чтобы вовремя обнаружить подход эскадры противника. Поиск врага должны были вести и сигнально-наблюдательные посты и аэропланы, подчиненные службе разведки и наблюдения флота.

Флагманский артиллерист штаба бригады Вирениус не раз проигрывал со старшими артиллеристами линкоров организацию боя на Центральной минно-артиллерийской позиции — ЦМАП, как ее сокращенно называли в штабных документах. Галлер и его коллеги надеялись, что к огневому рубежу боя эскадра линкоров кайзеровского флота подойдет ослабленной. Ведь в устье залива ее атакуют подводные лодки, а если будет туман или противник рискнет идти ночью, то и миноносцы 2-й Минной дивизии с севера. Наконец, немцам придется форсировать минные поля. Значит, впереди линкоров пойдут тральщики. Их-то и следует остановить артиллерийским огнем кораблей и береговых батарей. Не расчистят проходы тральщики — не пройдут и линкоры.

«Все это выглядит красиво, — говорил как-то Вирениус Галлеру во время затянувшейся допоздна беседы в каюте на «Андрее». — Но позицию-то нужно еще оборудовать. То есть построить береговые батареи. И не-

пременно вовремя поставить тысячи мин. Последнее Эссен сделать в силах, он, пожалуй, не упустит. Куда хуже со строительством батарей...»

Галлер знал, что план строительства Ревельского укрепленного района был утвержден в Петербурге еще в начале 1912 года. Но Военное министерство, в ведении которого находилась береговая оборона — и приморские крепости, и батареи, не спешило с его осуществлением. Средства расходовались первым делом на строительство крепостей в Царстве Польском — на сухопутном театре будущей войны с Германией и Австро-Венгрией. Тогда Эссен стал добиваться передачи всех приморских крепостей на Балтике в свое подчинение. И в начале 1913 года Военное министерство передало Морскому министерству Ревельско-Порккала-Уддскую крепость, тут же переименованную в Крепость Петра Великого. Работа закипела, но на все нужно время. Да и с поставками артиллерии было плохо: для батарей на островах Нарген и Макилуото, на полуострове Суруп (Суурупи), которым предстояло перекрыть огнем устье Финского залива, еще не изготовили четырнадцать орудий калибром 356 миллиметров, таких же, как на заложенных линейных крейсерах типа «Бородино». Не было для установки в этом же районе и восьми 305-миллиметровых орудий для батарей на островах Нарген и Вульф. Пришлось срочно оборудовать временные батареи из орудий калибром 203 миллиметра на островах Макилуото и Нарген. Галлер работал в комиссии, их принимавшей. Временные батареи, конечно, лучше, чем ничего, но дальность стрельбы их орудий была недостаточна, Финский залив огнем они не перекрывали. Таким образом, в случае если тральщики германцев попытаются проложить путь через минные поля ЦМАП где-то на широтной оси залива, остановить их продвижение смогут только атаки кораблей.

В отпуск за 1914 год Галлер ушел в феврале: Вирениус жаловался на здоровье, осенью собирался на воды в Виши. А заменял флагманского артиллериста штаба бригады обычно Лев Михайлович. Вот так получилось, что он не потерял в том году отпуск, успел убыть до начала войны. Те недели зимы в мирном еще Петербурге остались в памяти на всю жизнь. Удивительно безмятежны они были... Казалось, все идет хорошо: опять в стране урожайный год, строятся новые заводы, в городе — на Петербургской стороне, у Смольного монастыря и Таврического дворца, да и во многих иных местах, под-

нимаются прекрасные многоэтажные дома в стиле модерн. Петербург хорошел...

Лев Михайлович в тот отпуск не пропустил ни одну новинку театрального сезона. Ходил с сестрами на премьеру «Золотого петушка» Римского-Корсакова, на «Соловья» Стравинского. В «Золотом петушке» приводили в восторг прекрасные танцы, поставленные Фокиным, декорации и костюмы А. Бенуа и Н. Гончаровой были выше всяких похвал. И танцевала Надя... Лев Михайлович видел только ее. Видимо, сестры — и Антонина, и Женья — заметили, что слишком долго не опускает бинокль. Знали ли они, самые близкие ему в семье, единственные, кому он поверял с детских лет свои мысли и чувства, о Наде, о том, что было между ними? Знали ли, что сердце его разбито? («Старомодно звучит, по-карамзински, но ведь и вправду — разбито...») Что-то знали, быть может, видели брата с Надей в Летнем саду или в Таврическом, на Островах... И главное, чувствовали, наверное, его боль...

Быстро пролетели дни отпуска в милой ему всегда квартире в Эртелевом переулке.

Вот уже в который раз поезд мчит его в Гельсингфорс. Галлером овладевают привычные заботы, он уже снова беспокоится о том, о чем старался не думать во время пребывания в Петербурге. Гадает: закончили ли переделки в механизмах подачи снарядов к 8-дюймовым башням, удалось ли на тренировках, которые велел проводить, повысить скорость заряжания орудий, устойчиво ли работает система управления стрельбой... Думает и о самом главном, о чем со времен «Славы» не забывает никогда. Все ли благополучно в его артиллерийских ротах, не случилось ли где прорыва той лавы, которая, как он, увы, уверен, бурлит под оболочкой кажущейся невыблемой корабельной дисциплины, уставного порядка? Если бастуют рабочие в Петербурге, если мужики жгут овины, а то и усадьбы своих помещиков — обо всем этом каждый день сообщают газеты, — можно ли рассчитывать на надежность матросов: тех же мужиков и рабочих в морской форме...

На «Андрее Первозванном», однако, было все спокойно.

Лед потемнел, стал рыхлым, и сообщение с берегом зимовавших на рейде кораблей уже поддерживали ледоколы. В середине апреля линкоры и крейсера перешли в Ревель. Прибыл сюда на «Рюрике» и Эссен со своим

штабом, оставив в Гельсингфорсе лишь канцеляристов. И опять у старшего артиллериста полно дел: стрельбы комендорские, плутонговые... Но в отличие от кампаний прошлых лет, командование бригады линкоров больше внимания обращает на военные игры. Ведь победу в морском бою обеспечивает не только умение, но и мысль. Ошибочный маневр адмирала Рождественского в Цусимском сражении привел к гибели лучших броненосцев...

Боевая подготовка в Ревеле началась с проведения игр по кораблям. На «Андрее Первозванном» задание, прочие документы разработали вместе командир Зеленой, старший артиллерист Галлер и старший штурман Лютер. Потом играли, не делая скидок ни «красным», ни «синим». Как ни прикидывали, а противник все же прорывался через ЦМАП, хотя и с немалыми потерями.

В мае играли в кают-компании «Андрея Первозванного» снова, но уже в масштабе бригады, под руководством ее начальника контр-адмирала А. К. Небольсина. И тут итог получился такой же: «красные», то бишь германцы, несмотря ни на что, прорывались. «Решатся ли в Адмирал-штабе, согласится ли адмирал Тирпиц — фактический глава кайзеровского флота, на риск больших потерь?» — думал Галлер. И приходил к выводу, что если англичане не начнут сразу активных действий на море, то прорыв к Петербургу для Берлина покажется весьма соблазнительным.

Как мы сейчас знаем, в Адмирал-штабе неплохо знали, какое сопротивление встретит Флот открытого моря в устье Финского залива. Отсюда и колебания императора Вильгельма II и самого Адмирал-штаба. В 1913 году в Берлине решили, что рисковать не следует. Адмирал Поль тогда докладывал кайзеру: «...сохранение боеспособного флота... для нас гораздо важнее уничтожения русского флота, за которое... придется дорого заплатить»⁴⁰. А год спустя, в конце июня 1914 года, когда в Берлине тешили себя надеждой, что Англия останется нейтральной, начальник Адмирал-штаба писал: «...несмотря на очень важные задачи в Северном море, все же стою за то, чтобы сначала совершенно покончить с Россией, для чего направить против нее столько сил, сколько требуется...»⁴¹ Нервничал в те дни и кайзер. Это вид-

⁴⁰ Фирле Р. Война на Балтийском море. М., 1926. Т. 1. С. 14.

⁴¹ Гроос О. Война на море 1914—1918. М., 1926. Т. 1. С. 24.

но из написанного им на докладе рейхсканцлера: «Существует русский флот!.. Мой флот имеет приказ о походе в Киль и должен туда идти!»⁴² То есть речь шла о сосредоточении мощных сил германского Флота открытого моря в Балтике для ответа на возможные активные операции русских Морских сил.

В 1913 и 1914 годах Эссен, рассчитывая на худший для России вариант действий Германии, готовил свой флот к упорным боям с сильнейшим противником. В соответствии с упомянутым уже планом войны на Балтийском море в 1912 году и прошли последние маневры Морских сил Балтийского моря перед первой мировой войной.

Эссен в 1912 году прозорливо писал в своем докладе в МГШ, что рубеж 1914—1915 годов наиболее выгоден Германии для начала войны, ибо к этому времени ее морские силы достигнут наибольшей мощи в сравнении с флотами Антанты. Затем соотношение начнет меняться не в ее пользу. Не использует ли Германия благоприятное для нее соотношение сил, чтобы напасть на своих противников? В МГШ с его доводами согласились и решили, что, поскольку это соотношение в пользу Германии станет еще более значительным при усилении флота Турции, нужно любыми способами задержать передачу вероятной союзнице Германии и Австро-Венгрии заказанных в Англии дредноутов, не дать ей купить линкоры в других странах. Надо сказать, что это удалось — Турция так и не успела получить заказанные ею линкоры до начала мировой войны.

Но кто мог знать, что так будет? Галлер, например, как видно из его писем к отцу, понимал слабость российского флота в Черном море: появились у Турции дредноуты, и тысячи верст российских берегов станут беззащитными. О чем же думают в Англии, строя линкоры воинственному соседу России?! Тревожило его и то, что еще не заключена военно-морская конвенция о взаимопомощи между Англией и Россией. Весной 1914 года германские газеты подняли шум, оповестив Европу, что таковую вот-вот собираются заключить, что это «угроза Германии». Тогда британский премьер заявил, что никакие переговоры с Россией не ведутся...

Уж не собираются ли англичане отказать России в поддержке? Превратить союз с ней в фикцию? Такие

⁴² Там же. С. 16—17.

мысли приходили в голову старшему артиллеристу «Андрея Первозванного» и другим офицерам. Но вскоре они поняли, что недаром издавна говорят о «коварном Альбионе». Неожиданно в июле 1914 года на Ревельском рейде появилась британская эскадра линейных крейсеров. Ее командующий адмирал Д. Битти на легком крейсере прошел к Петербургу и был принят Николаем II. Это явно походило на демонстрацию союзнических отношений.

Прошло два дня после того, как Битти направился из Ревеля к Петербургу, и Галлер прочитал в вездесущей «Таймс» изложение ультиматума, который Австро-Венгрия собиралась предъявить Сербии. Его принятие означало для небольшой славянской страны потерю суверенитета... Тогда же к Кронштадту проследовали новые визитеры — корабли французского флота сопровождали яхту президента Р. Пуанкаре. Еще одна, но уже на самом высоком уровне демонстрация прочности Антанты! Кажалось, Германия должна извлечь урок и остановить свою союзницу Австро-Венгрию, решившую уничтожить Сербию. Но предупреждение Бисмарка об опасности для Германии войны на два фронта было забыто. Кайзер одобрил непримиримую позицию Вены, подталкивая тем самым двуединую монархию к войне.

События следовали одно за другим: 10 (23) июля Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, 15 (28) июля начала против нее военные действия. 18 (31) июля в Австро-Венгрии и России началась мобилизация. 19 июля (1 августа) Германия начала мобилизацию и объявила войну России, двумя днями позже — Франции. 22 июля (4 августа) Англия объявила войну Германии... Так началась мировая война⁴³.

Как и подавляющая часть офицеров армии и флота России, Галлер считал войну с Германией справедливой. Ведь Россия вступилась за Сербию, защищая ее от уничтожения. Германия толкнула на войну Австро-Венгрию, первой объявила войну России. Таким образом, Россия была вынуждена вступить в войну. И он объяснял своим артиллеристам, что пришла пора решить вековой спор. Победа Антанты над Германией и Австро-Венгрией приведет к воссозданию Польши, включенной в Российскую

⁴³ Даты по новому (григорианскому) календарю, принятому в России с 1918 года, и старому (юлианскому) — в скобках. Далее до 1918 года даты приведены по старому календарю.

империю на правах автономии, а также к неизбежному разгрому Османской империи и овладению Черноморскими проливами, к воссоединению армянских земель.

Так Галлер понимал цели войны для России. Он был готов отдать жизнь, сражаясь с ее врагами. И в патристическом тумане ему виделось (или хотелось видеть) некое единение всех сословий империи во имя победы над Центральными державами. Далеко не сразу начало к нему приходило отрезвление, понимание сущности мировой империалистической схватки.

Месяцем раньше, в июне 1914 года, в кают-компании «Рюрика» проходил разбор только что закончившихся маневров. Присутствовали флагманы и их штабы, командиры кораблей, старшие офицеры и специалисты. Был среди них и старший лейтенант Галлер. М. Д. Куликов, флагманский штурман бригады линкоров КБФ в начале 30-х годов, вспоминал рассказ Льва Михайловича о том дне. Разбор проводил сам начальник Морских сил адмирал Н. О. Эссен. Говорил жестко, отмечая все недостатки, выявившиеся на маневрах. Особое недовольство выразил пассивностью, проявленной флагманами, обескураженными малой видимостью. Не сказала ли привычка к стереотипам, отработанным действиям на маневрах прошлых лет. Говорил Эссен и о возможности войны, начало которой может оказаться неожиданным. А закончил так: «Порт-Артур не повторится! Да, наш флот слабее германского, но неприятель в Финский залив допущен не будет!»

Закрыть своевременно вход в Финский залив германскому флоту Эссен решил твердо. Еще 25 июля, считая, что война неизбежна, он объявил повышенную боевую готовность кораблям и соединениям Балтийского флота. В устье Финского залива вышли в дозор крейсера, спешно готовились к постановке мин заградители, строго соблюдалась радиомаскировка. Началась частичная эвакуация имущества флота из Либавы, ибо в планы армии не входила ее оборона. На следующий день перешла из Гельсингфорса в Ревель — ближе к границам будущего Центрального минного заграждения — бригада линкоров. Правда, в неполном составе: «Андрей Первозванный» заканчивал ремонт в Кронштадте.

В годы первой мировой

Линкор «Андрей Первозванный» стоял в доке, когда был получен приказ командующего флотом о переходе

на повышенную готовность. Командир линкора капитан 1 ранга Зеленой пригласил в салон старших специалистов: «Господа, все работы завершить к исходу следующих суток, доложить о готовности своих частей. Затем выходим из дока. Лев Михайлович, от вас жду доклада о готовности артиллерии...»

Через сутки, после того как линкор стал к причалу, все обширное артиллерийское хозяйство было готово к бою. Галлеру не пришлось подремать и минуты. Как и все офицеры, он понимал: на этот раз готовятся не к маневрам.

С 30 июля началась мобилизация флота. К этому времени заградители уже стояли в Порккала-Удде с полным комплектом мин на борту. Погасли, перейдя на режим военного времени, огни многих маяков. Но морской министр адмирал Григорович медлил с приказом о начале постановки мин на Центральной позиции. Эссен негодовал: что, если германцы опередят?! 30 июля он направил в Петербург телеграмму: «Прошу сообщить о политическом положении. Если не получу ответа сегодня ночью, утром поставлю заграждение»⁴⁴. Ответ получен не был, и командующий, взяв на себя ответственность, приказал начать постановку мин. В 6 ч 56 мин 31 июля первые мины подняли высокие всплески за кормой заградителей. За четыре часа они поставили более двух тысяч мин, преградив врагу путь в глубь Финского залива.

На «Андрее Первозванном», как и на всех линкорах, ожидали появления кайзеровского флота в устье залива, готовились к бою. Галлер проводил учения плутонов главного калибра, тренировал офицеров в управлении стрельбой, придирчиво проверял порядок в артиллерийских погребах. Все было готово... Он ждал вестей о подходе эскадры противника. «Адмиралы Тирпиц и Поль должны понимать, — размышлял он, — что именно сейчас выгодно вступить в бой с нашей бригадой линкоров. Ведь ни одного дредноута типа «Севастополь» во флотском строю еще нет. На всех имеющихся четырех линкорах — шестнадцать 12-дюймовых орудий. На каждом же германском дредноуте — по десять — двенадцать. Да и скорость у них больше и броневая защита лучше...»

⁴⁴ Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 90.

Прогнозы старшего лейтенанта, к счастью, не оправдались. Вражеские линейные силы не появились у входа в Финский залив. Флот открытого моря остался в Северном море, готовясь к генеральному сражению с британским Гранд-флотом. В начале августа «Андрей Первозванный» перешел из Кройштадта в Ревель. Одна неделя сменялась другой, кончался август. Из поступивших на линкор сводок разведслужбы флота, получавшей сведения от хорошо действовавшей разведки, Галлер знал, что на Балтике для постоянных боевых действий немцы оставили лишь легкие силы. Позже стало известно, что командовавший ими принц Генрих Прусский имел в своем подчинении 9 крейсеров, 16 миноносцев, 4 подводные лодки, 5 минных заградителей, а также сторожевые корабли и тральщики. С такими силами, разумеется, нельзя было и думать о прорыве в Финский залив. Но Адмиралштаб приказал развернуть демонстративные действия, имитируя наступательный характер операций флота на Балтике: русских нужно удерживать в Финском заливе. И вот крейсера «Магдебург» и «Аугсбург» обстреливают Либаву, ставят на подходе к ней минное заграждение. Затем они обстреливают маяки Бенгтшер — на юго-запад от полуострова Гангэ (Ханко) и Дагерорт (Ристна) — на западной оконечности острова Даго. Наконец, 17 августа «Магдебург» и «Аугсбург» в сопровождении трех миноносцев и заградителя «Дейчланд» появились на меридиане маяка Тахкона — тоже на острове Даго, в северной его части. Пока заградитель выставлял свои диверсионные мины под прикрытием крейсеров, миноносцы пошли на восток, в Финский залив. Но встреченные огнем дозорных крейсеров «Громобой» и «Адмирал Макаров», спешно легли на обратный курс, не пытаясь выйти в атаку.

Германский командующий Морскими силами Балтийского моря решил, что русские, очевидно, не собираются вступать в бой с его кораблями. И неделю спустя у острова Готланд появляется отряд контр-адмирала Беринга. В его составе те же крейсера и миноносцы, но усиленные легким крейсером «Амазоне», канонерской лодкой, еще одним миноносцем и тремя подводными лодками. 25 августа Беринг с двумя крейсерами и тремя миноносцами направляется в устье Финского залива, намереваясь уничтожить русские дозорные крейсера. Однако вскоре после полуночи «Магдебург» выскочил на камни близ острова Оденхольм (Осмуссар). Беринг приказал командиру сниматься с камней самостоятельно и, опасаясь рус-

ских, с оставшимися кораблями начал отход на запад. Противник не успел что-либо предпринять для спасения своего корабля — появились крейсера «Богатырь» и «Паллада», сопровождаемые эсминцами. Несколько залпов вынудили командира «Магдебурга» фрегаттен-капитана Набенихта покинуть корабль⁴⁵. Успех русского флота мог быть и большим, если бы командир крейсера «Адмирал Макаров» действовал более решительно. Его промедление позволило уйти второму германскому крейсеру «Аугсбург». «Этому ли я вас учил?» — будто бы сказал Эссен капитану 1 ранга Степанову. И командир «Адмирала Макарова» стал командовать госпитальным судном...

Потеряв один из двух своих лучших крейсеров, гросс-адмирал Генрих Прусский отказывается от активных действий. Линейный же флот германцев — основная ударная сила для возможного прорыва в Финский залив — продолжает находиться в Северном море. Только сейчас в Петербурге, именуемом с 18 августа Петроградом, начинают понимать, что довоенный план Эссена, предусматривавший активные минные постановки у берегов Германии с началом войны, был вполне осуществим. Прекрасно знает это и Эссен. Горькое торжество... Не дожидаясь новых директив из МГШ и от морского министра, он издает 4 сентября 1914 года приказ, знаменующий новый этап в боевых действиях и развертывании сил Балтийского флота. Из Ревеля в Моонзунд перебазировается 1-я Минная дивизия, из Лапвика и Гельсингфорса в Або-Оландский (Або-Аландский) архипелаг — 2-я Минная дивизия. Одна из двух бригад крейсеров, дежурная, стоит отныне в Лапвике — бухте к западу от полуострова Ганг, готовая выйти для поддержки своего дозора. Теперь операционная зона русского флота расширена фактически до меридиана мыса Дагерорт, а из Моонзунда, Рижского залива и Або-Оландских шхер германскому флоту угрожают фланговые удары эсминцев и миноносцев. Все это позволяет не только укрепить оборону, но и дает возможность развернуть активные действия.

Еще до этого приказа Эссена, 1 сентября, отряд из четырех крейсеров и эсминца «Новик» (на крейсере «Рюрик» находился командующий флотом) совершил набег

⁴⁵ См. там же. С. 95—96.

на дозорные крейсера противника. Но враг, пользуясь преимуществом в скорости, уклонился от боя. Опасаясь дальнейшей активизации боевых действий русского флота, Адмирал-штаб решил провести демонстрацию большими силами. По Кильскому каналу из Северного моря в Балтийское 4 сентября перебрасывается 4-я эскадра линкоров-додредноутов — семь кораблей типа «Виттельсбах», новейший линейный крейсер «Блюхер», пять легких крейсеров и флотилия эсминцев. Таким образом, решение Эссена перейти к активным действиям совпало с появлением в Балтике превосходящих сил немцев; русский флот уступал им в полтора-два раза.

В ночь на 8 сентября колокола громкого боя подняли команду «Андрея Первозванного» по боевой тревоге. Собрав старших специалистов на ходовом мостике, командир объявил, что, по данным разведки, крупные силы германцев вошли в Балтийское море. Вчера, 6 сентября, у входа в Финский залив обнаружены крейсер «Аугсбург» и миноносец, а в районе маяка Бенгтшер — отряд, в котором два линкора. Основные же силы противника — еще несколько линкоров — находятся у маяка Сарычев (у западного берега острова Эзель). Адмирал Эссен решил выйти в море эскадрой и дать бой противнику. «Лев Михайлович, — сказал Зеленой старшему артиллеристу, — готовьте свою часть к сражению. Успех в нем, понятно, зависит от вас, от ваших подчиненных...»

8 сентября на рассвете русская эскадра вышла в море. Впереди бригады линкоров, охраняемых эсминцами, развернулась завеса из крейсеров. Все дальше к югу шли корабли, но море было пустынным. «Где же немцы, что они задумали? — задавал себе вопрос Галлер. — Хотят выманить наши корабли в море и уничтожить превосходящими силами?» Еще и еще раз поднялся он на дальномерный мостик, матрос уступал ему место, и Галлер принимал к окулярам дальномера, всматривался вдаль, искал хотя бы легкий след дыма на горизонте, но ничего не находил. Корабли противника отошли к югу. Может быть, несмотря на значительный перевес в силах, командующий 4-й эскадрой все же не хотел рисковать и не вступал в бой с флотом русских?

Поиск противника в северной части Балтики ничего не дал, и с флагманского корабля — броненосного крейсера «Рюрик» был передан сигнал о повороте на обратный курс. Корабли вернулись в свои базы.

Но прошло около двух недель, и снова в Балтике появились линкоры противника. На этот раз близ Либавы были выявлены даже две эскадры — та же 4-я и еще 5-я, из семи линкоров типа «Кайзер Вильгельм II». Превосходство германцев было настолько подавляющим, что Эссен отказался от выхода в открытое море. Он привел в готовность к сражению на Центральной минно-артиллерийской позиции все наличные силы.

В последние дни сентября Галлер писал отцу в Петроград: «Дорогой отец! Несколько дней тому назад я думал, что наконец-то мои башни дадут залпы по врагу. Мы думали, что германские линкоры войдут в залив (Финский. — С. З.). Должен сказать, что силы германцев в случае сражения нашего бы превосходили наши. Трудно сказать, каков был бы исход боя. Наш адмирал (вероятно, Эссен. — С. З.) готовил нас к встрече с сильнейшим противником задолго до начала военных действий. Однако, как ты можешь судить по газетам, сражения не произошло. Эскадры Флота открытого моря ушли в Вильгельмсгафен. И я могу сказать «спасибо» Провидению, благодаря благосклонности коего пишу эти строки...»

Германские эскадры спешно вернулись в Северное море. Приказ о срочном возвращении дал Адмирал-штаб, получив сведения, что в проливе Большой Бельт появился британский флот. Сведения оказались ложными, но Флот открытого моря в 1914 году более не направлял свои эскадры в Балтику.

Пришла зима, западная часть Финского залива покрывалась плавающим льдом, в бухтах лед стал. Конечно, с помощью ледоколов линкоры, стоявшие во льду Свеаборгского рейда, выйти могли. Но и бригада старых линкоров, именовавшаяся теперь 2-й, и 1-я бригада, в которой стало четыре дредноута, в море не выходили: Ставка по-прежнему сохранила запрет на их действия за пределами Финского залива. «Неужели до мая, на всю зиму, мы обречены на стоянку?» — говорили в кают-компаниях «Андрея Первозванного» офицеры. Командир разводил руками — кто знает? И вот уже кое-кто из нетерпеливых юных мичманов подает рапорты с просьбой о переводе на крейсера или в 1-ю Минную дивизию. Старший лейтенант Галлер не спешил — есть все же надежда, что весной, как сойдет лед, обе бригады линкоров вступят в бой с врагом. Впрочем, и ему как-то стыдно своего комфорта и безопасности: брат Вернер, подпору-

чик-артиллерист, на фронте — мерзнет со своей батареей в Польше, где-то у Осовца. Да и крейсера, включенные в отряд особого назначения, в январе продолжают дерзкие боевые походы в Южную Балтику, ставят минные заграждения к востоку от Борнхольма и даже у острова Рюген. 25 января 1915 года здесь подорвутся на минах германские крейсера «Аугсбург» и «Газелле»...

В феврале Галлер пишет сестрам в Петроград: «...сожалею, что не удалось побывать дома на Рождество. Очень хотелось увидеть маму, отца, вас. Надеюсь, однако, приехать на несколько дней в Петроград в марте, ибо есть в том необходимость по судовым делам. ...Горжусь вашими добрыми делами, вашей работой милосердными сестрами в госпитале. ...Признаюсь, мне совестно обедать в кают-компаниях на накрахмаленной скатерти, спать в теплой каюте, когда наш Вернер каждый день подвергается опасности и испытывает все муки армейской фронтовой жизни. Да и вы дежурите у постели раненых воинов... Но что поделаешь? Такова особенность судовой военной службы. Все мы — и офицеры, и команда целы и невредимы, пока Господь нам благоволит. Все же, если род моей службы не переменится, летом буду просить о переводе на суда, которых от моего «Андрея» отличается лишь одно: меньше стоят на якоре, больше находятся в деле...»

Пришла весна 1915 года. Балтийский флот встречал начало второй военной кампании несравненно более сильным, чем в 1914 году. Кроме четырех уже вступивших в строй новых линкоров флот вот-вот должен пополниться двумя эсминцами типа «Новик» и тремя большими подводными лодками. Исходя из боевого опыта первой кампании и пополнения кораблями, Эссен и Кербер разработали новое «Боевое расписание Балтийского флота». Ставка утвердила его к началу мая. Теперь Балтийский флот имел в своем составе два высших соединения (сейчас их называли бы объединениями: эскадру и минную оборону). Эскадра включала бригады линкоров и бригады крейсеров, минная оборона — Минную дивизию, дивизию подводных лодок, отряд заградителей и дивизион траления. Начала также действовать ОХР — Охрана рейдов в Ревеле, Свеаборге, Кронштадте и Биорке, состоявшая из малых судов и постов наблюдения.

Главная задача эскадры — препятствовать прорыву линейных сил немцев в глубь Финского залива. Для ведения боя линкоры и крейсера разделили на шесть ма-

невренных групп. Каждая из них готовилась маневрировать и вести артиллерийский бой самостоятельно, но решая общую боевую задачу. «Андрей Первозванный» был флагманским кораблем 3-й группы (первые две включали линкоры-дредноуты), в которую вошли также линкор «Император Павел I» и крейсер «Богатырь». Отработку управления сосредоточенным огнем этой группы флагарт 2-й бригады линкоров капитан 2 ранга Вирениус поручил Галлеру. С конца апреля 3-я группа, как остальные, начала выходы в залив, чтобы к востоку от главного минного заграждения упражняться в маневрировании и учебных стрельбах из орудий всех калибров. А 2 мая перешли в Або-Оландский район и отдали якоря на Юнгфрузундском рейде линкоры «Слава» и «Цесаревич». В середине мая к ним присоединились 1-я бригада крейсеров, эсминцы и подводные лодки.

Это было началом осуществления далекоидущих оперативных планов адмирала Н. О. Эссена. Теперь, продвигаясь к устью Финского залива с юга, эскадра германцев как бы втягивалась в мешок — с северо-запада нависала Або-Оландская позиция русского флота, с юго-востока — Моонзундская. Хорошо поставленная разведка, особенно по радиоперехватам, которые расшифровывались благодаря захваченным на погибшем «Магдебурге» шифрам, позволяла своевременно обнаруживать передвижения соединений противника, планировать и координировать удары по нему с различных направлений. Но Эссен и Кербер не собирались пассивно ожидать благоприятной ситуации. Используя бригаду линкоров типа «Севастополь», они планировали наступательные боевые действия. Эссен, как это он делал и ранее, намеревался сам ввести в бой выпестованную им эскадру. Случилось, однако, непредвиденное. В начале мая Эссен заболел воспалением легких и 7 мая скончался в Ревельском госпитале. Гроб с телом командующего поставили на палубу эсминца «Пограничник». С приспущенными флагами — кормовым и командующего флотом эсминца ушел в Петроград. «Николая Оттовича отпевали в церкви Св. Спиридония в Адмиралтействе, — писал Галлеру отец. — Похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. Памятник весьма скромен: на гранитной глыбе надпись — «Адмирал Эссен». Да еще вырезаны в камне георгиевский крест и изображение флага командующего флотом. Стечение публики было большое. Замечу, что много пришло бывших нижних чинов с броненосца «Севастополь»

и крейсера «Новик», коими он командовал в японскую войну...»

«Большая потеря для российского флота», — так думал Галлер, так думали все офицеры.

Сейчас, по прошествии десятилетий, можно с уверенностью сказать, что из жизни тогда ушел талантливый и отважный флотоводец, честный и бескомпромиссный человек. Конечно, трудно сказать, как принял бы он Великий Октябрь. Но ведь мы знаем, что близкие ему по духу адмиралы В. М. Альтфатер, А. П. Зеленой, А. С. Максимов, А. В. Немитц, многие другие адмиралы флота и армейские генералы признали Советскую власть и честно служили Родине.

Некоторое время обязанности командующего Балтийским флотом исполнял вице-адмирал Л. Б. Кербер, начальник штаба флота, уважаемый всеми флагман и единомышленник Эссена.

Но вскоре командование у него принял А. В. Канин, бывший начальник отряда минных заградителей, человек малоактивный, как флагман способностей весьма умеренных. Л. Б. Кербер был переведен с должности начальника штаба флота и назначен командующим эскадрой и одновременно начальником 1-й бригады линкоров. В декабре его лишили и этих должностей...

В кают-компани «Андрея Первозванного» говорили, что Кербера не назначили командующим флотом из-за немецкой фамилии. Больно было слушать это Галлеру. Он знал: кто-то усиленно распространяет слухи о том, что все российские немцы — предатели, что из-за них, мол, из-за немцев-генералов, армия терпит поражения. На флоте было немало титулованных офицеров из прибалтийского дворянства, в большинстве своем немцев. Многие из них отличали спесь, в душе — презрение к русскому народу. И служили они не ему, а российскому императору, и, надо сказать, служили усердно. Однако Галлер считал, что национальная принадлежность определяется не кровью, а культурой. Нет, не национальное происхождение определяет преданность Родине. Несколько поколений Галлеров честно служили России уже более века. И так же намерен был служить ей и он. Ему были противны всякие спекуляции на национальной принадлежности. Лишь чувство отвращения могли вызвать те, кто поспешили воспользоваться разрешением заменить немецкие фамилии и имена на русские. Лютер, его товарищ, рассказывал, что недавно некий капитан по Ад-

миралтейству обратился в министерство двора с подобной «всепопданнейшей» просьбой. Приспособленец... Нет, он такого рода пакостью заниматься не станет. И наверное, правы те, кто утверждает: распространяют слухи германские агенты, стремясь вызвать недоверие команд к своим командирам, создать раскол в офицерском корпусе. В общем, ослабить российский флот.

Тем временем газеты принесли тяжкие вести: немцы, применив удушающие газы, прорвали позиции Юго-Западного фронта. Русские войска в течение мая — июня 1915 года отступали перед превосходящими силами противника, оставили Галицию. Это было ужасно еще и потому, что в апреле Вернер написал брату и домой о переводе его полка на Юго-Западный фронт, в район какой-то Горлицы. Галлер предчувствовал дурное, и, увы, не ошибся. Брат оказался в самом пекле и погиб. Лев Михайлович на три дня съездил в Петроград, побыл с отцом и матерью. Горе стариков было безмерным. «Отныне в моем доме больше не говорят по-немецки!» — сказал Михаил Федорович, грозно сдвинув седые брови. Галлер посмотрел на мать, сестер — они грустно улыбнулись. Разве этим поможешь, вернешь Вернера?! Да и причем здесь язык Гете и Шиллера...

Проходили месяц за месяцем второй кампании войны. Крейсера под командой контр-адмирала М. К. Бахирева 2 июля вступили в бой с германскими крейсерами, уничтожили при этом охраняемый ими минный заградитель «Альбатрос», но, несмотря на превосходство в силах, упустили остальные корабли. Противник после занятия Либавы и Виндавы (Вентспилс) — выхода на южное побережье Рижского залива готовился ввести через Ирбенский пролив крупные корабли — линкоры или броненосные крейсера, чтобы содействовать своим войскам во взятии Риги.

Нужно было спешно направить в Рижский залив корабль с сильной артиллерией. Командование флота решило послать «Славу». Пройти Моонзундом «Слава» не могла: вход в него с севера еще углубляли землечерпалки. Поэтому в конце июля 1915 года линкор «Слава» прошел Ирбенским проливом в Рижский залив. Этот переход обеспечивали значительные силы, в том числе линкоры «Гангут» и «Петропавловск».

Воюют крейсера, эсминцы, «Слава», а «Андрей Первозванный» и остальные линкоры лишь выходят в полигоны к востоку от главного минного заграждения для

стрельб и маневрирования. И Галлер обратился за помощью к Зеленому, бывшему своему командиру, 19 июня назначенному начальником штаба эскадры Балтийского моря. Он просил его о переводе, пусть даже с понижением в должности, на бригаду крейсеров или Минную дивизию. Александр Павлович Зеленой лишь развел руками: «Милый Лев Михайлович, друг мой, не можем мы отпустить опытного артиллериста! Вот и Вирениус тоже просится на миноносцы. Раз уж пришли, открою секрет: на днях жду приказ. Вирениус назначен флагартом штаба эскадры, вы — на его место во 2-ю бригаду... Поздравляю заранее...»

И в самом деле, в первых числах июля старший лейтенант Галлер принял дела флагарта у капитана 2 ранга Вирениуса. Выходов «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» за пределы Финского залива не предвиделось, «Цесаревич» находился в Або-Оландском районе, и в начале августа новый флагарт, проявив настойчивость, получил разрешение начбрига Небольсина побывать на «Славе». В Аренсбург (Кингисепп), где стояла «Слава», Галлер пришел на эсминце через Моонаунд, когда линкор уже снимался с якоря, чтобы следовать к Ирбенскому проливу. Только что было получено радио от дозорного корабля о появлении крупных сил германского флота близ полуострова Церель (Сырве). Было похоже, что германцы намереваются прорваться в Рижский залив.

История боевых действий на море в первую мировую войну свидетельствует, что к началу августа 1915 года Адмирал-штаб сосредоточил на Балтике значительные силы для прорыва в Рижский залив. Это оказалось возможным из-за пассивности английского флота. Силы эти включали семь линкоров-додредноутов (5 типа «Виттельсбах» и 2 типа «Брауншвейг»), 6 крейсеров, 24 эсминца и миноносца, минный заградитель, тральщики... Предназначались они для непосредственного прорыва через Ирбен. А для прикрытия их от возможных ударов усилившейся русской эскадры из Финского залива были выделены корабли из Флота открытого моря: 8 линкоров-додредноутов, 3 линейных крейсера, 4 крейсера, 32 эсминца и миноносца, 13 тральщиков⁴⁶. Превосходство германцев, таким образом, опять было подавляющим. К тому

⁴⁶ См.: Ролльман Г. Война на Балтийском море. М., 1937. С. 323.

времени еще не было на Цереле 12-дюймовой батарее, она будет сооружена зимой 1916/17 года.

Около 10 ч 30 мин 8 августа «Слава» подошла к Ирбенскому проливу. Стоя в боевой рубке рядом с командиром линкора капитаном 1 ранга С. С. Вяземским, Галлер просматривал полученные радиограммы. Из них следовало, что германские тральщики начали на рассвете расчищать проход в минных полях в средней части пролива. Русские самолеты — летающие лодки «М-4» конструктора Д. П. Григоровича обнаружили их вовремя и несколько раз совершали налеты, сбрасывая бомбы, однако сорвать работу тральщиков не сумели. К пяти часам утра подошли канлодки «Грозный» и «Храбрый», эсминцы. Наши корабли открыли огонь. Но тральщики прикрывались дальнобойной артиллерией двух линкоров и двух крейсеров, охраняемых миноносцами. Противостоять им канлодки и эсминцы не могли. К западу же от головной группы германских кораблей стояли на якоре еще пять линкоров и четыре крейсера! Противнику траление доставалось не даром: подорвался на mine и затонул тральщик, затем подорвались крейсер и миноносец, их отбуксировали в базу...

Старший артиллерист линкора запросил «добро» на открытие огня. Вяземский согласно кивнул, и корабль содрогнулся от одновременного залпа обеих башен. Стреляли на предельную для «Славы» дальность — 87 кабельтовых... Не успели перейти на поражение, как у борта встали фонтаны всплесков от падений вражеских снарядов. Это били линкоры, которые до подхода «Славы» вели огонь по канлодкам. Теперь они перенесли его на русский линкор.

Тактику артиллерийского боя Вяземский и Галлер обговорили на переходе к Ирбену. Как только противник заканчивал пристрелку, командир производил маневр: резко увеличивая дистанцию, выводил свой корабль из-под огня. Затем «Слава» вновь шла на сближение, гремели залпы, и всплески вставали близ вражеских линкоров.

Тем временем тральщики противника все далее шли к востоку, прокладывая путь следующим за ними линкорам и крейсерам. Но вот подорвался на mine еще один тральщик, и со «Славы» увидели, как корабли ложатся на обратный курс. Так закончился первый в ту войну бой русского линкора с двумя германскими. Ни одна из сторон не добила попадания, но для «Славы» бой был

успешным. Так и оценил его Галлер, докладывая два дня спустя контр-адмиралу Небольсину. Ведь задача была выполнена — противник, несмотря на многократное преимущество, не решился на завершение прорыва через минные заграждения. Весомым аргументом к такому решению германского флагмана, надо полагать, был меткий огонь «Славы». Правда, попаданий добиться не удалось, но накрытия⁴⁷ случались, и по теории вероятности вот-вот русские снаряды должны были разорваться в корпусе или надстройках линкоров «Брауншвейг» и «Эльзас». Галлер доложил также, что «Славе» не сдержать напор германцев, если будет предпринята вновь попытка прорыва. Даже если усилить минные заграждения. Немцы могут двинуть на прорыв дредноуты с более дальнобойной артиллерией. Не следует ли послать в Рижский залив «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I»? Быть может, Небольсин и ставил вопрос о направлении в Рижский залив линкоров. Посланы туда они, однако, не были. Видимо, командующий флотом опасался ослабить силы, предназначенные для защиты входа в Финский залив. Да и провести линкоры через Ирбен было непросто...

Так состоялось первое боевое крещение старшего лейтенанта Галлера. «Вспоминая те часы под огнем, — писал он отцу, — скажу Вам честно, что страха не испытывал, работал, как на учебной стрельбе, помогая управляющему огнем, для которого на линкоре все вновь (он недавно на судне)...

«Слава» вскоре снова вступила в артиллерийскую дуэль с врагом, и, как предвидел Галлер, куда более сильным. Теперь четырем ее орудиям главного калибра противостояли не восемь, а двадцать более дальнобойных орудий двух дредноутов — «Нассау» и «Позен». 16 августа 1915 года противник вновь начал прорыв через Ирбен. «Слава», затопив отсеки правого борта, увеличила дальность огня своей артиллерии до 93 кабельтовых. Это позволило отогнать двигавшиеся за тральщиками крейсера. Тогда на смену крейсерам за тральщиками двинулись «Нассау» и «Позен», дальность огня их орудий достигала 115 кабельтовых. На второй день боев три снаряда пробили броню «Славы». По приказу

⁴⁷ Накрытие — артиллерийский залп, у которого часть всплесков от падения снарядов у цели показала недолет, а часть — перелет.

начальника минной обороны линкор и другие корабли морских сил Рижского залива отошли в Моонзунд. Только двое суток находились германские корабли в Рижском заливе. Потеряв на минах эсминец, отряд противника ушел в Балтику. А всего в боях в Ирбенском проливе в августе 1915 года германский флот потерял 2 эсминца и 3 тральщика, были повреждены линейный крейсер и легкий крейсер, 2 миноносца. Трудности прорыва показались Адмирал-штабу столь значительными, что новых попыток пройти в Рижский залив не предпринималось до осени 1917 года.

Обязанности флагманского специалиста многообразны, старший лейтенант Галлер трудился не жалея сил. Он добивается, чтобы Артиллерийское главное управление Морского министерства включило на зиму 1915/16 года модернизацию артиллерии «Славы» — нужно заменить стволы 12-дюймовок и увеличить возможный угол возвышения орудий, чтобы стала большей дальность их стрельбы. Предстоящая модернизация сделает главный калибр «Славы» столь же дальнобойным, как на «Андрее Первозванном» и «Императоре Павле I». Он настаивает также на доработках в схеме управления огнем и замене части зарядов, руководит установкой на линкорах противоаэропланных 47-миллиметровых орудий и отрабатывает с расчетами ведение огня для противовоздушной обороны. Занят, устает, делает полезную, нужную работу. Но и понимает, что не управлять ему скорее всего сосредоточенным огнем группы линкоров по врагу. Командование Балтийского флота предпочитает держать могучие корабли в своих базах в Финском заливе, хотя в конце августа 1915 года Ставка снимает ограничения на использование командующим флотом линкоров — как новых, так и старых. Вот поэтому-то при случае Галлер вновь попросил А. П. Зеленого помочь с переводом в Минную дивизию. Он хочет стать командиром эсминца, одного из «новики», но согласен и на любой другой. Но вначале, конечно, надо послужить старшим офицером. Зеленой помог: в первый день декабря 1915 года командующий флотом вице-адмирал Канин подписал «Список кандидатов в командиры судов III ранга», т. е. эсминцев (крейсера относились к кораблям II ранга, линкоры — I). В том списке и старший лейтенант Галлер. Но когда это осуществится? Приходится терпеливо ждать, а пока что решать все новые вопросы, которые ставит война. Галлер еще раз отпра-

ляется в Рижский залив, чтобы наладить на «Славе» артиллерийское взаимодействие с 12-й армией, входящей в Северный фронт. Его главнокомандующему генералу Н. В. Рузскому теперь подчинен Балтийский флот. Жаль, что нет уже на «Славе» С. С. Вяземского. В августе шальной снаряд германской береговой батареи разрывается у боевой рубки. Осколки проникли через смотровые прорези в броне. Так погиб боевой командир...

Галлер проводит необходимую работу на корабле, а потом встречается в штабе армии с капитаном 1 ранга В. М. Альтфатером, представляющим Морской генштаб. Альтфатеру нравится толковый, эрудированный артиллерист, по душе его настойчивость. Он пользуется случаем, чтобы уточнить некоторые вопросы по использованию корабельной артиллерии, а Галлеру интересны рассказы капитана 1 ранга о Ставке, о штабах армии и фронта, обстановке на тысячеверстном русско-германском фронте. Говорят они и о многом другом. С тревогой расспрашивает Альтфатер о волнениях на кораблях эскадры прошедшей осенью. И Галлер, хмурясь, вспоминает, как в начале сентября, совершенно неожиданно для офицеров, возмутились команды на броненосном крейсере «Россия» и линкоре «Император Павел I». Будто бы в щах были черви... А потом, в октябре, еще более грозные волнения начались на дредноуте «Гангут»...

То, что было неожиданно для Галлера, предвиделось жандармским управлением. В Петрограде и в жандармских управлениях в базах флота знали, что на кораблях продолжается деятельность революционных организаций. 12 сентября 1915 года в агентурной сводке под грифом «совершенно секретно» кронштадтского жандармского управления говорилось об этих событиях так: «...матросы, собравшиеся на баке «России», требовали улучшения пищи, более человеческого обращения с ними и удаления офицеров, носящих немецкие фамилии. Вышел начальник бригады крейсеров контр-адмирал Куропш и с револьвером в руках стал требовать зачинщиков и прекращения беспорядка, угрожая всех их перестрелять, из толпы матросов стали ему кричать, что теперь не 1905 год, что все матросы поумнели, что их не запугать, что всех матросов не перестрелять и что раньше, чем Куропш это выполнит, они его выкинут за борт...»⁴⁸ Царская ох-

⁴⁸ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 — февраль 1917 гг. М., 1966, С. 317—318.

ранка понимала: взрыв недовольства матросов — далеко не случайность, списав с крейсера 16 человек, революционную подпольную организацию не уничтожишь. Жандармы усиливали политический сыск. Большевистская подпольная ячейка на «России», во главе которой стоял унтер-офицер Т. И. Ульянов, понимала несвоевременность стихийно вспыхнувшего выступления, пыталась его притушить, чтобы избежать напрасных потерь. Это удалось, и, хотя Ульянов был списан с крейсера, большевики сохранили свою организацию.

На «Императоре Павле I» волнения команды не приобрели большой силы, все требования матросов, касавшиеся пищи, были быстро удовлетворены. Куда более серьезные события произошли в середине октября на «Гангуте». Поводом также послужила недоброкачественная еда, но был момент, когда волнения матросов могли перейти в вооруженное восстание. Большевистские организации «Гангута» (на «Гангуте» большевистскую ячейку возглавлял В. Ф. Полухин, в 1918 году один из 26 бакинских комиссаров) и других кораблей, так же как на «России», из тактических соображений старались удержать матросов от восстания. Так, например, было на «Императоре Павле I». Здесь часть матросов-большевиков, среди них находился и П. Е. Дыбенко, будущий председатель Центробалта, настаивала на восстании. Но большинство на партийном собрании высказались против. На «Гангуте» арестовали 95 человек, в том числе В. Ф. Полухина. Доказательств революционной деятельности большей части арестованных не нашлось, их отправили служить на флотилию Северного Ледовитого океана. Большевистская организация на «Гангуте» продолжила свою работу...

В те дни волнения были и на других кораблях. Так, на броненосном крейсере «Рюрик» команда пыталась не допустить отправки вооруженного отряда на «Гангут», чтобы конвоировать арестованных. И снова аресты... Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский докладывал в Ставку в ноябре 1915 года: «...немецкое засилие, против которого якобы протестовали матросы, лишь благовидный и вполне соответствующий настоящей политической обстановке предлог дать возможность командам кораблей выразить свое неудовольствие существующими порядками во флоте...»⁴⁹ Понимало это

⁴⁹ На йда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. С. 517.

и командование Балтийского флота. Оно опасалось, что жестокая расправа с арестованными матросами может вызвать новые революционные выступления. Поэтому, хотя на процессе по делу об организации РСДРП на кораблях Балтийского флота, состоявшемся через год, в ноябре 1916-го, суд и вынес несколько смертных приговоров, командующий флотом заменил их 8 годами каторги. Были смягчены и другие приговоры. И это несмотря на то, что многим подсудимым вменялось в вину «вступление в преступное сообщество», чтобы «добиться окончания настоящей войны, чтобы затем насильственным путем, при поддержке армии и рабочего класса, созвать Учредительное собрание для ниспровержения установленного государством, основными законами образа правления» и заменить «его демократической республикой...»⁵⁰.

Надо думать, Галлер лишь в общих чертах мог рассказать своему собеседнику об интересующих его событиях. Говоря об истоках волнений, он наверняка высказал весьма распространенную среди офицеров точку зрения: линкоры и крейсера, особенно линкоры, «застоялись», в море выходят редко. А без настоящего дела падает дух команды. Ведь ничего подобного нет в Минной дивизии, которая ведет активные боевые действия, вступает в бой с врагом. Подобные мысли высказывал командир «Гангута» капитан 1 ранга М. А. Кедров на предварительном следствии: «Я лично уверен, что «каша» и «немцы» (команда требовала убрать с корабля старшего офицера барона Фитингофа. — С. З.) только повод, а причина кроется в агитации извне, в общем тяжелом положении России, в нашем (для нашей бригады) постоянном стоянии и в отсутствии военных действий для наших кораблей...»⁵¹ Как далеки были от понимания истинного положения офицеры! Ведь практически на всех крупных кораблях — линкорах и крейсерах действовали подпольные организации большевиков, которые готовили команды к восстанию против самодержавия. Нет, дело было не в «постоянном стоянии»...

Первая встреча Галлера с Альтфатером коротка, но останется памятной — они симпатичны друг другу подлинным интересом к делу, убеждением, что флот нужно

⁵⁰ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февраль 1917 гг. С. 397.

⁵¹ Там же. С. 437.

вывести из подчинения армии, замкнуть на Ставку, не высказанным вслух, но понятным неприятием равнодушных штабистов. Но, конечно, они не знали, что встретятся вновь, и довольно скоро в совсем ином качестве — в Красном Флоте...

Наступил новый, 1916 год. Балтийский флот к началу кампании стал еще сильнее — пополнился десятью эсминцами типа «Новик» и десятью подводными лодками. Поэтому, если противник направится в Финский залив, решено было его встретить на Передовой минно-артиллерийской позиции — в районе Эре-Ганге-Лапвик, в 60—70 милях к западу от Центральной минно-артиллерийской позиции, ставшей теперь вторым рубежом обороны. Как только стал сходить лед, начались минные постановки. Около пяти тысяч мин поставили за кампанию 1916 года заградители в устье Финского залива, около шести тысяч в районе Ирбенского пролива. Спешно строились новые и совершенствовались установленные ранее береговые батареи. Да, флот стал сильнее, активнее — действовали подводные лодки на германских коммуникациях, совершали набеги эсминцы. «Слава», на которой зимой заменили стволы орудий главного калибра, громила позиции войск противника на южном побережье Рижского залива. Но бригады линкоров по-прежнему стояли на рейде близ Гельсингфорса. И старший лейтенант Галлер продолжал ждать обещанного перевода на Минную дивизию.

Наконец в конце 1916 года это случилось — он получил назначение старшим офицером на «Автроил», доставившийся в Ревель! Приказ подписал новый командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин, бывший начальник службы связи флота. Командир «Автрогла» капитан 2 ранга Дмитрий Иосифович Дараган был старшим офицером на «Андрее Первозванном» с 1913 по 1915 год, хорошо знал и уважал своего старшего артиллериста. И конечно, с удовольствием взял его старшим офицером.

Галлер восхищен «Автроилом»: водоизмещение 1350 тонн, четыре 102-миллиметровых орудия, может дать четырехторпедный залп. И ход почти 35 узлов! Близилась, однако, зима, и было ясно, что эсминец сможет вступить в кампанию лишь в 1917 году. Лев Михайлович уже просил Дарагана послать его на стажировку на «новики», оставшиеся до ледостава в Моонзунде и Рижском заливе. Нужно набраться опыта — походить на корабле, поучиться управлению им. Да мало ли что познаешь на

выходах в море, да еще в дни войны! Жаль, что нельзя пройти стажировку у Вирениуса, старшего товарища, ставшего командиром эсминца. Командир «Добровольца» погиб вместе со своим кораблем в начале августа...

Но случилось все не так, как планировал. Сразу после нового года Галлера вызвали в Гельсингфорс, в штаб флота, находившийся на судне «Кречет». Тут-то он и узнал о новом назначении — старшим офицером на «Славу». Ему объяснили, что линкор ремонтируется, с началом кампании непременно пойдет в Рижский залив через Моонзунд. Кому, как не ему, и служившему на «Славе», и бывшему флагарту, готовить корабль к предстоящим боям? Командиром сейчас капитан 1 ранга В. В. Ковалевский, но он уходит по болезни... Кто его сменил, еще не известно. Лев Михайлович не отказывался, хотя жаль было расставаться с «Автроилом». «Слава» ведь идет в Рижский залив. Значит, будет бой с германцами. Плохо только, что отодвигается на неопределенное время момент, когда он взойдет на мостик хозяином. Ничего, рано или поздно, командиром он будет...

В Моонзундском сражении

«Слава» ремонтировалась в Гельсингфорсе. Линкор стоял на рейде, вмерзнув в лед, как и другие линкоры и крейсера. На борту трудились рабочие питерских заводов, с кронштадтского Пароходного: меняли залатанные листы обшивки и брони на месте пробоев, полученных в 1915 году в Рижском заливе в бою с германскими дредноутами и береговыми батареями. Ремонтировали также котлы и машины, артиллерию. Как вскоре убедился Галлер, дел на корабле накопилось более чем достаточно. Немало нужно было потрудиться, чтобы полностью восстановить боеспособность «Славы» — единственного из линкоров Балтийского флота, не раз вступавшего в бой с неприятелем.

День за днем капитан 2 ранга Галлер (звание присвоили с назначением на «Славу») обходил громадный корабль, не чураясь самых дальних закоулков. Надев матросскую робу, спускался в трюмы, смотрел, как рабочие вместе с трюмными меняют трубы водоотливной системы и арматуру, в пустых гулких погребах, на время ремонта освобожденных от снарядов и зарядов, проверял системы затопления и орошения... Корабль он знал, па-

мать ему не изменяла — мог найти на всех палубах любое помещение, хоть с завязанными глазами. Значительную часть времени он посвящал знакомству с унтер-офицерами и матросами. Ведь с ними идти в бой... Знакомился постепенно, на местах работ — в башнях и кочегарках, погребах и трюмах. Тут в непринужденной обстановке можно было больше узнать о нуждах нижних чинов, тут проскальзывало иногда, чем недовольны... Новый старший офицер понимал, что главного ему не скажут. Что ж, старался исключить возможное недовольство питанием, следил, чтобы не было чрезмерной нагрузки на работах, затруднений со сходом на берег — отпусками в Гельсингфоре.

Свой взгляд на отношение к команде — забота, забота и еще раз забота, соединенная с вежливостью и уставной требовательностью, Галлер старался внушить офицерам. И конечно, хотел как следует узнать, чем и они живут, о чем думают. Тоже не просто. Ведь 28 офицеров — люди с разным опытом жизни, различным сословным происхождением. Большинство составляла молодежь — мичманы выпуска военного времени, но были среди офицеров и побывавшие в огне, с боевыми наградами: старший артиллерист Н. Ю. Рыбалтовский, старший штурман Д. П. Малинин — оба с канлодки «Грозный», не раз вступавшей в бой с германцами в Рижском заливе... Опытными офицерами были и младший артиллерист В. И. Иванов, и старший минный офицер А. Ф. Зиберт. Все они знали свое дело, служили на совесть и особых забот не доставляли. Правда, нелегко складывались у Галлера отношения со старшим механиком Джепеловым. «Удивляюсь Льву Михайловичу, — ворчал он в кают-компании, — видите ли, употребляю в адрес матросиков несалонные выражения. Что же, прикажете милостиваться с ними?! С каких это пор старшие офицеры против строгого порядка?»

Старший офицер, однако, линию свою на создание на линкоре «нормальной атмосферы» проводил упорно. «Вы меня должны понять, господа, — говорил он. — Начнется кампания — еще попомните добром мои наставления. Сплочение офицеров и команды необходимо. Ведь не миновать нам встречи с неприятелем в Рижском заливе...»

Помянули добром Галлера офицеры «Славы» значительно раньше — в дни, когда пришла весть о революции в Петрограде... В декабре шестнадцатого года Лев Михайлович побывал в столице — скончалась мать, болев-

шая после гибели Вернера. За два дня в Петрограде много ли поймешь? Но и слышанного и виденного было достаточно, чтобы прийти к выводу — кризис в стране нарастает. Очереди у булочных, рассказы сестер о том, что слышат от раненых в госпиталях, наконец, всякого рода истории об альковных приключениях приближенных к императрице и подозрительном ее окружении... Убийство Распутина и министерская чехарда не привели к наведению порядка ни в империи, ни в столице. Фронт по-прежнему не получал в нужном количестве снарядов, даже винтовочных патронов. Отец и приходившие его навестить друзья, отставные генералы, настроены были пессимистично, брюзжали по поводу российского беспорядка, мечтали о конституционной монархии на британский или хотя бы на германский образец. Уезжал Галлер в Гельсингфорс в настроении мрачном, с ощущением недалекой беды. Но возможный катаклизм представлялся ему лишь как верхушечный переворот. Оставалась и надежда, что все наладится после победы Антанты. Надо думать, срок вступления в войну Северо-Американских Штатов уже близок...

О забастовке Путиловского завода, о присоединении к ней других заводов и фабрик столицы империи на «Славе» узнали из газет. Ни Галлер, бывший на «Славе» в эти дни за командира, ни другие офицеры и команда еще не понимали, что близилась революция и самодержавие доживало последние дни. 28 февраля 1917 года гельсингфорсские газеты напечатали телеграммы из Петрограда о начавшемся там вооруженном восстании. В тот же день вечером Галлер побывал на «Андрее Первозванном»: Небольсин вручил командирам кораблей копии приказа командующего флотом вице-адмирала А. И. Непенина. «Предписываю объявить командам: последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом по командам, чтобы узнали об этом от меня, а не от посторонних. Требую полного усиления боевой готовности...»⁵²

⁵² Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 17.

Вернувшись на «Славу», Галлер приказал собрать команду в церковную палубу, зачитал приказ командующего. Матросы молчали, и молчание это показалось ему грозным. А далее напряжение нарастало все с большей скоростью: к концу дня 1 марта сообщили из штаба бригады о восстании в Кронштадте, 2 марта — о восстании в Ревеле. И пока командующий флотом Непенин готовил и отсылал в Петроград телеграмму, присоединяясь к решению Государственной думы об отречении от престола Николая II в пользу сына, большевистские ячейки на линкорах и крейсерах готовили команды к восстанию⁵³.

После обеда 3 марта Небольсин вновь вызвал к себе командиров. «Утром, — начал бледный как полотно адмирал, — утром получено отречение государя от престола в пользу Михаила Александровича. Власть взял Временный комитет Государственной думы. Прошу вас, господа, объявить об этом командам...» И опять Галлер читал в церковной палубе вести из Петрограда. На этот раз молчали не все. «Не нужно никакого Михаила, царя не нужно!» — крикнул кто-то из дальних рядов. «Долой, долой!» — поддержали его голоса.

Вскоре после восьми вечера, сидя в своей каюте, он услышал свисток в переговорную трубу. Вахтенный офицер докладывал, что на «Императоре Павле I» зажжен красный клотиковый огонь и его башни разворачиваются на «Андрея Первозванного». Минуты, и еще доклад: красный клотик горит и на «Андрее Первозванном». Галлер надел тужурку, поднялся на мостик. Да, красный клотик горел уже и на его корабле, на дредноутах 1-й бригады. Он понял: корабли подняли красные флаги, как когда-то «Князь Потемкин-Таврический». Пожалуй, на своем корабле он уже не властен...

Лев Михайлович вызвал офицеров в кают-компанию. Так, полагал он, больше шансов исключить случайную трагедию, легче и быстрее принимать необходимые решения. И тут же принял первое: приказал всем офицерам положить револьверы на стол. Он сделает все, чтобы на корабле не вспыхнула резня. Да и что могут сделать два десятка офицеров против тысячи матросов, если те решатся расправиться с ними? Ничего...

⁵³ См.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 27.

В тот вечер, в ночь на 4 марта выплеснулась давно кипевшая волна ненависти к офицерам. На «Андрее Первозванном» и «Императоре Павле I» были убиты. На «Андрее Первозванном» убит командир бригады Небольсин — матросы не простили ему арестов 1915 года. На «Славе» же обошлось, крови пролито не было — в те дни случай, пожалуй, исключительный. Офицеры находились в кают-компании, как бы под арестом, пока не вернулись поздно вечером с «Кречета» вызванные к командующему флотом депутаты. Им, как и другим депутатам от крупных кораблей и дивизионов эсминцев и тральщиков, адмирал Непенин зачитал телеграммы, полученные из Петрограда, а потом призвал освободить офицеров, если они арестованы, приступить к положенному несению службы.

Следующий день, 4 марта, был еще более полон драматическими событиями. В воротах Свеаборгского порта после полудня был убит командующий флотом вице-адмирал Непенин. Еще утром он практически сдал командование избранному на митинге матросами командующим флотом вице-адмиралу А. С. Максимову, начальнику минной обороны. Непенин шел на Вокзальную площадь, чтобы встретить приезжающих из Петрограда представителей Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...

Из церковной палубы и кают-компаний «Славы» вынесли портреты царской семьи, исчез с корабля, спешно получив отпуск по болезни, младший штурман лейтенант барон Гойнингген-Гюне. Взамен погон на рукавах появились, как у британцев, золотые нашивки. Жизнь вроде бы потекла в прежнем русле — продолжали и заканчивали ремонт, проводили учения... Как прежде, да не совсем: команда избрала судовой комитет, который постепенно расширял и усиливал свою власть на корабле, вышли из подполья революционеры — большевистская ячейка, эсеры. Появились и анархисты. Судовой коллектив большевиков, быстро набравший силу, возглавили Иосиф Карцев и Савелий Кузовчиков, унтер-офицеры машинной команды. А в масштабе флота, начиная с апреля, развернул деятельность Центральный комитет Балтийского флота — Центробалт, разместившийся на стоящем в гавани Гельсингфорса транспорте «Виола»⁵⁴. Был

⁵⁴ См.: Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. Калининград, 1967, С. 23.

в Центробалте свой делегат и у «Славы». Постепенно Центробалт, председателем которого стал матрос-далномерщик с «Императора Павла I» П. Е. Дыбенко, приобрел все большую власть на флоте.

Вскоре после февральской революции прибыл на «Славу» новый командир капитан 1 ранга В. Г. Антонов, офицер опытный: служил раньше старшим офицером на «Славе», затем начальствовал Рижской речной флотилией, командовал эсминцем «Эмир Бухарский». Настроение у него, видно, было смутное. В первые же дни спросил: «Как служить-то нам дальше, Лев Михайлович?» Галлер, помолчав, ответил, что оба Романова от престола отреклись. Поэтому он считает себя от присяги монарху свободным. Переворот большинством населения России, народом, встречен с восторгом. Служить же офицерство должно России, народу. Иного не дано. Надо думать, размышлял вслух Галлер, шторм революции уляжется, пройдет и разведенная им зыбь. Без флота же России не быть...

С судовым комитетом, в котором главенствовали большевики, командир линкора старался вступать в отношения как можно меньше. Галлеру же удавалось ладить с комитетчиками, быстро разрешать мелкие конфликты — крупных не случалось. Это было даже удивительно, потому что кипение политических страстей отнюдь не ослабевало. Дело он предпочитал иметь прежде всего с большевиками — партийный коллектив на линкоре в апреле превышал уже семьдесят человек. Но не потому, что совершил некий политический выбор. Он все еще думал, что можно быть вне политики. Просто большевики были толковые люди, на пустяки не разменивались. С их помощью удавалось унять крикунов из анархистов, объявивших, например, мокрую приборку в палубах «буржуазным пережитком».

Главным вопросом вскоре стало отношение к войне. Военного министра А. Ф. Керенского, приехавшего агитировать балтийцев за войну «до победного конца», матросы встретили враждебно. 15 мая прекращения империалистической войны потребовало собрание судовых комитетов 2-й бригады линкоров — «Славы», «Андрея Первозванного», «Гражданина» (бывший — «Цесаревич») и «Республики» (бывший «Император Павел I»). Но тогда же в принятую резолюцию записали, что во имя победы народной власти готовы любой ценой отразить наступление немцев на Петроград. О возмущении Временным пра-

вительством, не желающим покончить с войной, свидетельствовала и резолюция команд линкоров «Слава» и «Петропавловск», напечатанная 27 июня в газете гельсингфорских большевиков «Волна». Еще через неделю, 5 июля, делегаты «Славы» голосовали за резолюцию собрания представителей судовых комитетов и Центробалта с требованием передать власть Советам...⁵⁵

Многое, однако, изменилось с переходом сил контрреволюции в наступление, после того как 3 июля верные Временному правительству части — казаки и юнкера обстреляли демонстрацию рабочих Петрограда и моряков Кронштадта, разгромили редакцию большевистской «Правды». К тому времени А. С. Максимова, избранного матросами командующим флотом после свержения самодержавия, сменил более угодный Временному правительству контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, бывший начальник бригады подводных лодок. Но и он показался Керенскому недостаточно крутым и был заменен А. В. Развозовым, начальником Минной дивизии. Контр-адмирал Развозов попытался восстановить дореволюционные порядки на флоте, завернуть гайки, опираясь на приказ Керенского о роспуске Центробалта и избрании нового его состава. Приказ этот появился на свет на следующий день после ареста прибывших в Петроград на эсминце «Орфей» членов Центробалта во главе с П. Е. Дыбенко. Волна репрессий перекинулась затем в Гельсингфорс: прошли аресты членов Гельсингфорского комитета РСДРП(б), закрыли газету «Волна». Перевыборы Центробалта, распущенного приказом командующего флотом от 12 июля, не оправдали, однако, надежд ни Керенского, ни адмиралов. Центробалт нового (3-го) созыва все равно в основном проводил политическую линию большевиков, хотя большинства у них там и не было. Матрос А. И. Тупиков, член Центробалта от «Славы» со второго созыва, т. е. со второй половины июня, собрав команду линкора, объявил его решение от 31 июля: «...ни один приказ, касающийся жизни Балтийского флота, не должен быть опубликован без рассмотрения его Центробалтом, если таковой не касается оперативной или навигационной части»⁵⁶.

⁵⁵ См.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 125—126.

⁵⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, С. 86.

Но еще до того, как было зачитано это решение Центробалта, именно его членам — матросам пришлось входить в «оперативную часть», касающуюся «Славы».

Разведданные, полученные штабом Балтийского флота из надежных агентурных источников, свидетельствовали о подготовке немцами наступательной операции против Балтийского флота. В штабе понимали, что возможности такие у Флота открытого моря имеются, британский Гранд-флит, вполне удовлетворенный блокадой берегов Германии, не предпринимал активных боевых действий. Ведь участь Германии была предопределена — 6 апреля 1917 года в войну вступили САСШ. Не поспешит ли противник с мощным ударом на Петроград в надежде вывести Россию из войны, пока Северо-Американские Штаты перебрасывают свои дивизии в Европу? Удар кайзеровского флота мог иметь целью высадку десанта в Финляндии или прорыв в Рижский залив и захват Моонзундского архипелага. И тот и другой варианты обеспечивали продвижение к Петрограду. Прорыв противника в устье Финского залива, через две минно-артиллерийские позиции — Передовую и Центральную в МГШ и штабе Балтийского флота полагали все же менее вероятным, чем прорыв через Ирбенский пролив. Штабисты оказались правы: первым этапом Адмирал-штаб планировал прорыв в Рижский залив, уничтожение находящихся там кораблей русского флота, захват Моонзундского архипелага и лишь вторым — бой с главными силами Балтийского флота и высадку десанта в Финляндии.

К концу осени 1916 года глубины Моонзундского канала, который начали углублять в первый год войны, достигли 30 футов (9 метров). Это позволяло вводить через Моонзунд в Рижский залив линкоры «Слава» и «Гражданин», крейсера. «Гражданин» находился в Моонзунде с осени 1916 года, но его орудия главного калибра стреляли не далее чем на 90—96 кабельтовых. Бой с германскими линкорами-дредноутами «Гражданин» вести не мог. Поэтому в штабе флота решили направить в Рижский залив «Славу» — после модернизации ее 12-дюймовые орудия били на 115—120 кабельтовых. О планах штаба флота стало известно и офицерам, и судовому комитету в начале июня. Реакция матросов была однозначной: мы уже находились под огнем в Рижском заливе, команды остальных линкоров пребывали в безопасности в Гельсингфорсе; настал их черед, а с нас хватит. 13 июня собравшаяся на митинг команда вынесла резолю-

цию: «Весь личный состав... линейного корабля «Слава» признает назначение нашего славного корабля с нами вместе в Рижский залив несправедливым ввиду того, что «Слава» и вся команда защищала Рижские воды 16 месяцев...»⁵⁷

Резолюцию отправили Центробалту на «Виолу». Его члены — большевики не могли с нею согласиться. Разве не понятно, что кайзер и его войска и флот вполне могут оказаться союзниками буржуазного Временного правительства в подавлении революции? Немцев нельзя допустить к Петрограду. Тушиков, Зуев и другие матросы-большевики до хрипоты спорили в кубриках «Славы», объясняли, что по осадке не пройти в Моонзунд не то что дредноутам, даже «Андрею Первозванному» и «Республике». Для них канал углубят только к осени. Если же эти линкоры пройдут в залив Ирбенем, то могут оказаться в мешке. Ведь через Моонзунд им в Финский залив, в случае отступления, не выйти — не позволит осадка.

Доводам офицеров, убеждавших, что приказ надо выполнять, матросы не внимали, а разъяснительная работа большевиков принесла плоды. 24 июня собрание команды приняло новую резолюцию. «Мы, вся команда лин.кор. «Слава», хотя и считаем, — говорилось в ней, — назначение в Рижский залив несправедливым, ... мы идем исполнять наш святой долг перед Свободной Родиной и повинемся воле ЦК (т. е. Центробалта. — С. З.) и Командующего флотом Балтийского моря, а также своих товарищей...»⁵⁸

Выход «Славы» из Лапвика, где стоял линкор, готовясь к переходу в Моонзунд, неожиданно ускорило обострение военно-политической обстановки. В середине августа на государственном совещании в Москве — сборище, контрреволюционном по составу участников, верховный главнокомандующий генерал Корнилов потребовал создания «сильной власти». Выступивший после него казачий генерал Каледин был более откровенен: заявил о необходимости смертной казни, запрещении митингов и собраний, а главное — роспуска Советов как на фронте, так и в тылу...

В интересах контрреволюции было обострить обстановку на фронте, создать кризисную ситуацию. И 21 ав-

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 326, л. 142.

⁵⁸ Косинский А. М. Моонзундская операция Балтийского флота в 1917 г. Л., 1928. С. 47.

густа, после прорыва германцев у Иксюля, Корнилов санкционировал предательскую сдачу Риги, хотя полки 12-й армии генерала Парского, латышские полки сражались героически. Теперь можно было ожидать удара германцев на Ревель, к Пскову... Еще четыре дня спустя Корнилов потребовал от председателя Временного правительства Керенского объявления Петрограда на военном положении, отставки самого правительства и передачи ему всей полноты власти. Корнилов приказал двинуть на Петроград конный корпус генерала Крымова с Северного фронта и Кавказский кавалерийский корпус из Финляндии. Самому Керенскому претендент в диктаторы обещал лишь пост министра юстиции...

28 августа состоялось совместное заседание Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центробалта и областного совета Финляндии. «...Корнилова, лиц и части, примкнувших к нему, считать изменниками революции и страны и стоящими вне закона»⁵⁹, — говорилось в принятой резолюции. Кавказский кавкорпус к Петрограду не пошел... На том же заседании приняли решение назначить на корабли и в части комиссаров. На «Славу» назначили А. И. Тупикова — к тому времени он был уже на линкоре.

21 августа командир «Славы» доносил начальнику 2-й бригады линкоров: «На трех буксирах прошел каналом к Шильдау (остров в северной части Моонзунда. — С. З.) и стал на якорь. ...Проход каналом «Андрея Первозванного» и «Республики» считаю невозможным»⁶⁰. Подписывая шифровку, Антонов внимательно взглянул на Галлера: «Лев Михайлович, надеяться нам не на кого. Скорее всего именно «Славе» придется вести бой с германскими линкорами в Ирбене. Вместе с Церельской батареей...» — «Что ж, Владимир Георгиевич, остается нам одно — выполнить свой долг. Одно меня беспокоит — повзбранцев много. Как-то поведут себя под огнем?» Антонов нахмурился. Он вообще не был уверен в своей команде. Раздраженно сказал: «Командой займитесь вы, как старший офицер. Учения, тренировки, боевые расписания — святое ваше дело. Тем более что вы ладите с комитетчиками...»

Проверить, умеет ли «ладить», пришлось через несколько дней. С приходом в Куйваст (Куйвасту) на «Сла-

⁵⁹ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 188.

⁶⁰ Пухов А. С. Моонзунд. Л., 1957. С. 24.

ве» разместился Комитет морских сил Рижского залива, созданный по предложению судовых комитетов и большевистских коллективов. Комитет уполномочил Тупикова получить от всех офицеров линкора подпись под резолюцией Центробалта с требованием о переходе власти к Советам и выражением недоверия Временному правительству — союзу «корниловцев и мнимых представителей демократии»⁶¹. Галлер собрал офицеров в кают-компании, первым поставил свою подпись. Объяснил: подписать необходимо, это выражение лояльности к реальной власти на флоте — Центробалту. Если не подписать — офицерам не будет доверия. Так в бой идти нельзя.

Подписать отказался один офицер — старший инженер-механик капитан 2 ранга Джелепов⁶². Его арестовал судовой комитет и отправил на миноносце в Гельсингфорс. Лев Михайлович был доволен, что обошлось мирно: офицеров удалось убедить солидаризироваться с командой, а комиссара и председателя судового комитета унтер-офицера гальванера Н. Н. Зуева уговорить отправить механика от греха в Гельсингфорс...

«Так в бой идти нельзя...» А пойдет ли в бой команда? Мысли об этом не давали Галлеру покоя. Наконец он не выдержал, спросил у Зуева: кому, как не ему, разрешить сомнения. Ответ получил четкий: это российская контрреволюция не прочь пустить в столицу немцев, чтобы в крови потопить революцию. Матросы будут драться с неприятелем насмерть. Разве гражданин кавторанг не знает историю Парижской коммуны? Рабочие проливали кровь, защищая Париж от тех же германцев и своих корниловцев-версальцев. Понятно? Ленин дал наказ балтийцам: перед немцем не отступать. На «Славе» полтора-ста членов партии большевиков и еще сколько сочувствующих... Матросы будут сражаться, но ручается ли староф (так сокращенно именовали старших офицеров кораблей. — С. З.) за своих офицеров?

Галлер после этого памятного разговора был уверен в команде, знал — в бой матросы пойдут. Эту уверенность он старался передать всем офицерам. Легче всего, пожалуй, было говорить ему с младшим артиллеристом лейтенантом Ивановым. Вадим Иванович Иванов со своими артиллеристами был близок, в отношениях добрых, дело

⁶¹ Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. С. 112.

⁶² Косинский А. М. Моонзундская операция Балтийского флота в 1917 г. С. 44.

у него спорилось. С остальными — сложнее, но Галлер не сомневался: офицерский долг выполнит каждый...

Очень нужно было верить в команду, в офицеров. Обстановка, как понимал Галлер, осложнялась с каждым днем. На транспорте «Либава», в штабе начальника морских сил Рижского залива вице-адмирала М. К. Бахирева, он читал разведсводки. Выходило, что противник переводит корабли, в том числе дредноуты и крейсера, из Северного моря в Киль, стягивает транспорта в балтийские порты, в особенности в Либаву и Виндаву. Готовит десантную операцию? Вновь, как и в пятнадцатом году, прорыв через Ирбен в Рижский залив? Высадку на Эзель? Разведка такие варианты предполагала...

МГШ заблаговременно был предупрежден о готовящейся противником операции. Еще 14 августа морской агент (так назывались до революции военно-морские атташе. — С. З.) телеграфировал из Лондона об имеющихся в британском Адмиралтействе сведениях: «...наступление на севере должно начаться в самом ближайшем времени и будет поддержано атакой флота. ... Наличие у неприятеля точной карты минных полей даст Германии возможность атаковать с моря Ригу и другие еще более важные пункты»⁶³. Из сводки агентурных сведений, полученных МГШ к 17 августа: «Ближайшей задачей Германского флота будет занятие острова Эзель и группы Оландских островов для обеспечения входа в Рижский, Финский и Ботнический заливы и для облегчения дальнейших операций на Ригу и через Финляндию на Петроград»⁶⁴. Ригу немцы захватили без помощи флота, но в Либаву продолжали идти транспорта, там сосредоточивались корабли, в том числе новейшие линкоры. Разведотдел Балтийского флота, который возглавлял капитан 2 ранга И. И. Ренгартен, талантливый разведчик, получал об этом сосредоточении сведения от своей агентуры и радиоразведки. 19 сентября их подтвердило сообщение МГШ в адрес командующего флотом: британское Адмиралтейство извещало о предстоящей в Балтийском море операции, в которой примут участие линейный крейсер, три эскадры дредноутов, отряд крейсеров и три флотилии эсминцев. 23 сентября пришло еще одно сообщение: противник начнет операцию «в течение наступающей не-

⁶³ Там же. С. 55.

⁶⁴ Там же.

дели». Однако, имея достоверные сведения о переброске германских линкоров в Балтику, англичане ничего не предприняли для помощи своему союзнику.

Силы Балтийского флота были приведены в готовность, приняты меры для усиления минных заграждений, чтобы обеспечить оборону устья Финского залива, Ирбенского пролива и Рижского залива. Однако командование флота не смогло увеличить гарнизон на островах Моонзундского архипелага. Численность его, а также возможности маневра для сосредоточения на нужном участке были совершенно недостаточны.

На рассвете 29 сентября 1917 года эскадры вице-адмирала Шмидта подошли к бухте Таге-лахт острова Эзель, стали на якорь. Два линкора подрывались на минах, но остались на плаву — не так-то просто потопить дредноут. Их позже отбуксировали в свои порты. Линкоры обрушили шквал огня на русские береговые батареи на мысах Ниннаст и Хундва. Что могли сделать 6-дюймовки (152 мм), практически ничем не защищенные, на временных деревянных основаниях, против дальнобойных 12-дюймовых орудий германских дредноутов... Вскоре их огонь был подавлен, немногочисленные пехотные части отошли со своих позиций близ береговой черты. Началась высадка вражеского десанта. В то же время между Эзелем и Даго — у входа в пролив Соэлозунд (Соэлавяйн), ведущий с моря к Моонзунду, появились линкор и крейсер. Они открыли огонь по береговым батареям на острове Даго и на мысе Памерорт острова Эзель. Здесь, у Памерорта, также высадился десант.

Так началась операция, получившая в Адмирал-штабе название «Альбион» — кайзеровские генштабисты любили в целях дезинформации давать операциям на Востоке названия, имеющие отношение к Западу. Для участия в ней германское командование выделило большие силы: 10 линкоров-дредноутов, линейный крейсер, 9 крейсеров, 56 эсминцев, 11 миноносцев, 6 подводных лодок, 26 тральщиков и 65 катерных тральщиков, 94 самолета и 9 дирижаблей. На транспортах размещались части десанта — всего 24 600 солдат и офицеров. Куда меньшими силами обладали морские силы Рижского залива, противостоявшие неприятелю: 2 линкора додредноутного типа, 3 крейсера, 26 эсминцев (из них 12 типа «Повик»), 10 миноносцев, 3 канлодки, 12 тральщиков, 2 минных заградителя, 3 подводные лодки и 30 самолетов. Сухопутные силы Моонзундской укрепленной позиции, которыми ко-

мандовал контр-адмирал Д. А. Свешников, насчитывали чуть более 13 000 солдат и офицеров⁶⁵.

После того как береговая батарея у мыса Памерорт, израсходовав боеприпасы, была взорвана и оставлена русскими артиллеристами, вражеские эсминцы через пролив Созелозунд устремились на Кассарский плес, граничащий на востоке с проливом Моонзунд. Прорыв прикрывал своим огнем крейсер. Но противника на плесе встретили канлодка «Грозный» и эсминцы, один из прорвавшихся кораблей они потопили, нескольким нанесли повреждения.

Из разговоров в кают-компании Галлеру было ясно, что и командование морских сил Рижского залива, и комиссары Центробалта понимают опасность прорыва германского флота через Кассарский плес к Моонзунду. В случае успеха неприятель заходил в тыл линкорам и крейсерам, которые предназначались для действий у Ирбена или у южного входа в Моонзунд — со стороны Рижского залива, отрезал пути отхода в Финский залив «Славе» и «Гражданину», крейсерам и охранявшим их эсминцам. Понимали это и команды, и офицеры кораблей Минной дивизии. И свой долг они выполнили.

1 сентября Галлер, поднявшись на мостик «Славы», стоявшей на якоре у Шильдау, услышал артиллерийские залпы со стороны Кассарского плеса: 17 немецких эсминцев снова прорывались через Созелозунд. Заградитель «Припять», который должен был ночью поставить в проливе мины, промедлил и не выполнил приказ. И вот превосходящие силы врага устремились на восток, поддерживаемые дальнобойными орудиями линкора «Байерн». Из 17 эсминцев четыре выскочили на камни в проливе, но остальные вступили в бой с русскими кораблями. Один снаряд с «Байерна» попал в эсминец «Гром» и тяжело повредил его. Корабль потерял ход.

Спасти «Гром», на который обрушили огонь эсминцы противника, не удалось. Его команду сняла канлодка «Храбрый», последними горящий корабль оставили командир старший лейтенант А. П. Ваксмут и старший офицер старший лейтенант Э. С. Панцержанский. К тому времени были выведены из строя все четыре 102-миллиметровые орудия «Грома», огнем которых управлял отважный артиллерист лейтенант В. В. Севастьянов. Но был потоплен и вражеский эсминец, другие получили по-

⁶⁵ См.: Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 263.

вреждения. К восемнадцати часам корабли неприятеля оставили Кассарский плес и ушли под прикрытие артиллерии своего линкора.

Подробности боя на плесе 1 сентября рассказывал вечером в кают-компании «Славы» Панцержанский, перебравшийся с «Храброго». Голова его в шапке бинтов, он слегка заикается — следствие полученной контузии. Галлер рад его видеть. Он помнил Панцержанского красивым юношей, любознательным гардемаринком по плаванию в 1910 году на «Славе». Тогда вахтенный начальник лейтенант Галлер старался помочь быстрее освоить корабельную службу недавнему студенту Рижского политехнического института, только год назад поступившему на флот. Ученик оказался способный...

Кто-то из линкоровских офицеров спрашивает: «Говорят, матросня у вас на эсминце запаниковала, с борта сигать начала, потому и «Гром» потерял?» Панцержанский вспыхивает гневным румянцем, но Галлер предупреждает его ответ: «Матросня — слово обидное. Еще Нахимов, господа, говорил, что стыдно его употреблять русскому офицеру. Команды судов Минной дивизии сражались отважно. Сейчас «Припять» и другие заградители выставили мины поперек Кассарского плеса. Уверен — эсминцы и канлодки не допустят прорыва неприятеля к нам в тыл — к Большому Зунду...»

Старшему офицеру никто не возразил. Вряд ли, однако, все присутствовавшие с ним согласны... Между тем близился срок, когда каждому офицеру придется решать — служить народу или вести борьбу с ним в рядах белогвардейцев или интервентов. Сколько раз Галлер слышал в те дни в кают-компании споры о будущем России, будущем флота. Многие ждали, что революционная волна пройдет, вспомнили историю: ведь вслед за кровавыми якобинцами, пусть с некоторой паузой, пришла Директория, а затем и первый консул, император Наполеон. Так толковал события Великой французской революции Рыбалтовский...

Этот инцидент в кают-компании «Славы» проходил в часы ожесточенных боев с германскими войсками на Ориссарской дамбе, соединяющей острова Эзель и Моон (Муху). Прорвись противник на Моон, и Моонзунд — основной его фарватер Большой Зунд — будет перерезан. Видно, после неудачи с прорывом эсминцев через Кассарский плес противник пробовал решить задачу на суше. Теперь, когда вражеские войска заняли практически

весь Эзель, за исключением южной его оконечности — полуострова Сворбе с Церельской батареей, можно было бросить главные силы для захвата Моона. Наступление немцев с трудом сдерживали отряды моряков-добровольцев со «Славы», «Гражданина» и крейсеров. Вскоре к ним на помощь подошел Ревельский ударный матросский батальон. Но без поддержки огнем артиллерии «Славы» и пришедшего в Моонзунд 1 октября крейсера «Адмирал Макаров» дамбу бы не удержали.

На следующий день эсминцы противника попытались обстрелять позиции защитников Ориссарской дамбы, посадить десант на северный берег Эзеля — у мыса Павастерорт. Появление эсминцев вовремя заметили на «Славе». Рыбалтовский и данные для первого залпа подготовил отлично, да и повезло, конечно: сразу попадание в эсминец! Тот запарил, и все германские корабли устремились прочь, за пределы дальности огня линкора.

Большие корабли — линкоры и крейсера — не могли пройти через Соэлозунд и Кассарский плес из-за малых глубин, эсминцам же не прорваться к Большому Зунду под огнем «Славы» и «Гражданина», крейсеров «Баян» и «Адмирал Макаров». Так рассуждали Антонов и Галлер, анализируя первые результаты наступления неприятеля.

Куда хуже обстояло дело в Ирбенском проливе. На карте с нанесенной штурманом обстановкой было видно, что германцы готовятся к форсированию минных заграждений. Все больше тральщиков действовало у южного берега пролива, несмотря на огонь батареи № 43 с Церели, имевшей четыре 12-дюймовых орудия. Долго ли батарея продержится? На второй день операции она подверглась обстрелу вражескими линкорами. Церельцы вступили с ними в единоборство, добились попадания, не раз вынуждали линкоры отходить. Но батарея из четырех орудий противостояла трем дредноутам, имевшим тридцать орудий только главного калибра. Совершенно необходимо было послать к Ирбену «Славу» и «Гражданина»: первый линкор мог бы вести бой с дредноутами, второй — отогнать тральщики и обстреливать войска противника, пытавшиеся прорваться на полуостров Сворбе. Однако вице-адмирал Бахирев медлил...

1 октября к вечеру Антонов вызвал к себе Галлера, чтобы ознакомить с радиogramмами с Церели в адрес штаба флота, записанными радистами. В первой из них значилось — «...команда всего гарнизона Церели. Товарищи, не устоять. Необходима помощь к утру»; во вто-

рой — «Положение Цереля критическое, ждем немедленной помощи, приход флота к утру может спасти положение»⁶⁶. Ни командир, ни старший офицер не сомневались, что Бахирев немедленно прикажет выходить к Ирбену. Котлы были на поддержке, якорь-цепь Галлер приказал подобрать; могли сняться через полчаса после получения приказа. Но его все не было и не было. Лишь 2 октября под давлением судовых комитетов адмирал решил послать к Ирбену «Гражданина».

Приход «Гражданина» запоздал. Батареи на Цереле и Сворбе, в том числе главная — 43-я, к утру 2 октября были уже частично уничтожены и оставлены их расчетами. Началась эвакуация гарнизона полуострова на эсминцах и судах. Около полутора тысяч человек доставили они в Рогокюль (Рохукюла). Залпы орудий «Гражданина» довершили уничтожение восьми батарей, оставленных на полуострове...

Неприятель тралит проход в минных заграждениях, как на учениях, препятствовать было некому.

1 октября 1917 года — капуном боя «Славы» с германскими линкорами — датировано письмо Галлера к отцу в Петроград. «Дорогой отец, — писал Лев Михайлович, — кажется, близок час решительного боя. Надеюсь еще рассказать Вам обо всем, что придется испытать. Впрочем, Бог знает, как все будет... Вы можете быть уверены — выполню свой долг до конца. Не верьте газетам, боевой дух офицеров и команды высок, я не сомневаюсь в их отваге. Однако не нужны коэффициенты Кладо, чтобы убедиться в превосходстве сил неприятеля.

Извините за краткость письма — отходит судно в Ревель. Обнимаю сестер, Ваш сын Лев».

Скупые строки на пожелтевших за семьдесят лет страницах вахтенного журнала «Славы» свидетельствуют: «4 октября. 08.40. Срочно идти в Куйваст (текст приказа находившегося на «Славе» вице-адмирала Бахирева. «Слава» стояла на якоре у острова Шильдау. — С. 3.). Снялись с якоря. 09.10. Боевая тревога. За Патерпостером (мыс на юго-восточной оконечности острова Моон. — С. 3.) дымы и мачты. Миноносцы, «Амур» ушли на норд...»⁶⁷

Приказ о срочной съемке с якоря и переходе в Куйваст линкоры «Слава» и «Гражданин», крейсер «Баян»

⁶⁶ Косинский А. М. Моонзундская операция Балтийского флота в 1917 г. С. 93.

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. 771, оп. 1, д. 4, л. 16.

получили после обнаружения вражеской эскадры дозорными миноносцами «Деятельный» и «Дельный». Эскадра подходила к минным заграждениям, прикрывавшим вход в Моонзунд с юга — из Рижского залива. Решив вступить в бой, Бахирев повел линкоры и крейсер «Баян» к югу, приказав остальным кораблям отходить к Шильдау.

3-я эскадра вице-адмирала Бенке, прошедшая через минные поля в Ирбенском проливе по протраленному фарватеру, состояла из линкоров-дредноутов «Кёниг» и «Кронпринц», крейсеров «Кольберг» и «Страсбург», двух полуфлотилий миноносцев, дивизиона тральщиков, двух флотилий искателей мин (катерных тральщиков) и двух прорывателей минных заграждений. Она подошла к южному входу в Моонзунд вечером 3 октября. 4 октября утром Бенке разделил свои силы: крейсерам приказал продвигаться в направлении Ориссарской дамбы — в пролив Малый Зунд, отделяющий остров Моон от острова Эзель. Сам же, держа флаг на линкоре «Кёниг», выслал вперед искатели мин и тральщики, пошел на север, к Большому Зунду. Это было в 9 ч 12 мин.

Снова вахтенный журнал «Славы»: «В 09.40. Командующий М. Обор (Минной обороной. — С. 3.) перешел на крейсер «Баян». ...09.55. Немцы перестраиваются»⁶⁸.

Следуя за «Баяном» и «Гражданином», «Слава» малым ходом сближалась с неприятелем. В 10 ч 05 мин германские линкоры, пользуясь преимуществом в дальности стрельбы главного калибра, открыли огонь по нашим кораблям. Одновременно «Гражданин» начал обстрел тральщиков, которые шли впереди «Кёнига» и «Кронпринца». Несколько позже по тральщикам открыла огонь с предельной дистанции и «Слава». Около «Баяна» и «Гражданина» вздымались фонтаны от падений снарядов. В 10 ч 15 мин залп «Славы» накрыл головной тральщик. Не выдержав огня, тральщики прикрылись дымовой завесой и отошли. «Слава» и «Гражданин» прекратили стрельбу.

«Дистанция 98 с четвертью!» — доложил вскоре дальномерщик. Снова приближались тральщики.

В 10 ч 40 мин грянули залпы орудий «Славы». Один тральщик был потоплен, другой поврежден. И тут же с фор-марса мичман Б. А. Пышнов доложил о движении эсминцев неприятеля в Малый Зунд, почти под восточ-

⁶⁸ ЦГАВМФ, ф. 771, оп. 1, д. 4, л. 28.

ным берегом Эзеля. Башни «Славы» развернулись, загорелись лампочки выполнения наводки орудий, и Галлер почувствовал, как содрогнулся корпус линкора. Он поднес к глазам бинокль: на одном из эсминцев взрыв, вспыхнул пожар. Метко! Эминцы поспешно легли на обратный курс.

Вели огонь и германские линкоры, но снаряды их падали с недолетами. Бой, казалось, протекал так, как было выгодно русским кораблям. Четыре 12-дюймовых орудия «Славы» пока что успешно противостояли двадцати германским. Но случилось так, что их стало вдвое меньше. «В 11.00 вышла из строя носовая 12-дюймовая башня»⁶⁹, — писал в отчете уже после гибели корабля капитан 1 ранга Антонов. Неисправность устранить не удалось — не закрывались замки. Галлер, осмотревший орудия вместе со старшим артиллеристом Рыбалтовским, доложил командиру, что сделать сейчас ничего нельзя. Придется ложиться на обратный курс, вести огонь из кормовой башни.

Хорошо, что как раз в это время немецкие линкоры, не выдержав огня «Славы», начали отходить к югу. Под обстрелом береговой батареи с Моона, «Славы» и «Гражданина» отошли и тральщики неприятеля.

Галлер подошел к карте, над которой склонились старший штурман Д. П. Малинин и комиссар Н. Н. Зуев.

«Господин капитан 2 ранга, посмотрите — получается, что тральщики прошли заграждение!» — Штурман показал место, от которого повернули германцы.

Галлер расправил рыжеватые усы. Что ж, теперь следует ожидать броска германских линкоров на север, на сближение. Так бы поступил он, будь на месте противника. Однако надо воспользоваться паузой, покормить команду. Он приказал горнисту играть «обед».

Пообедать все не успели — в 11 ч 40 мин с фор-марса доложили о приближении тральщиков. «Слава» развернулась, приводя неприятеля на кормовые курсовые углы левого борта. В 11 ч 50 мин кормовая башня дала залп. Старший артиллерист опять отличился: первый же залп лег накрытием. И снова дымзавеса, снова отход тральщиков. Но тут же в переговорной трубе раздался взволнованный голос мичмана Пышнова: «Линкоры увеличи-

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. р-395, оп. 1, д. 4, л. 16.

ли ход, идут на сближение!» «112 кабельтовых дистанция!» — это уже дальномерщик.

«Германский адмирал понял, что заграждение пройдено», — подумал Галлер.

Кормовая башня «Славы» дала залп по головному линкору — это был «Кёниг». Спросив разрешение у командира, Галлер вышел из боевой рубки. Он решил обойти корабль, проверить аварийные партии. Попаданий неприятельских снарядов не избежать...

«Кёниг» и «Кронпринц» открыли огонь на пять минут позже «Славы». «В 12.20 недолет у «Гражданина» и падения между «Гражданином» и «Славой», — указывает в отчете после боя капитан 1 ранга Антонов. Пять минут около «Славы», выбранной противником главной целью, вздымались фонтаны от падений снарядов. Если даже учесть, что огонь вела половина орудий линкоров противника, то, при темпе стрельбы 40 секунд, за пять минут они выпустили 50—60 снарядов калибром в 305 миллиметров. В 12 ч 25 мин три из них почти одновременно попали в «Славу»...

После боя капитан 2 ранга Галлер писал в рапорте на имя командира линкора: «Во время боя, до первых попаданий, ...обходил все помещения корабля, и проверял людей, и все ли приготовлено для боя. В момент первого попадания в корабль я стоял на нижней батарейной палубе у люка в главную станцию электродвигателей. Попадание в корпус мы почувствовали по сильным сотрясениям, а также услышали взрывы вблизи. Все кругом окуталось дымом, электричество меркло, и в батарейной и в церковной палубах вспыхнул большой пожар... Шахты подачи патронов мелкой артиллерии были разворочены, и пожар угрожал им. Шланги удалось достать из носового отсека. Ими под моим руководством пожар был быстро ликвидирован, несмотря на то что было тяжело работать из-за дыма и темноты, да и часть шлангов была разорвана.

По потушению пожара послал доложить об этом командиру. Все раненые были перенесены в боевой лазарет...»⁷⁰

Галлер пишет в своем рапорте о происшедшем лаконично и скромно. А ведь положение было драматичным — возникла угроза взрыва боеприпасов, огонь про-

⁷⁰ ЦГАВМФ, ф. 771, оп. 1, д. 13, л. 8.

ник в центральный пост. Галлер не указывает, что пожар тушили в минуты, когда корабль стал быстро крениться на левый борт. Кто из матросов не слышал рассказы про бой при Цусиме, когда броненосцы, однотипные со «Славой», переворачивались, так что команда оказывалась заживо погребенной...

Крен был результатом попаданий снарядов ниже ватерлинии. Через пробоины в корпус хлынула вода, крен быстро дошел до 8 градусов, но затем стал уменьшаться. Трюмный механик по приказанию командира затопил симметричные отсеки правого борта. Все-таки крен в 4 градуса на левый борт остался, хотя корабль принял в нос 1100 тонн воды. Осадка увеличилась почти на два фута...

Пламя, газы и дым от снарядов, взорвавшихся в батареейной и церковной палубах, через шахту экстренного выхода ворвались и в центральный пост, откуда старший артиллерист управлял огнем орудий. Находившиеся там матросы и офицеры получили сильные контузии, были перебиты переговорные трубы, уничтожены приборы централизованного управления артиллерией. Теперь кормовая башня вела огонь самостоятельно — по терминологии того времени то был плутонговый огонь. Им управлял младший артиллерист лейтенант В. И. Иванов, и делал это отлично. В 12.37 залп его башни накрыл головной линкор — «Кёниг». С фор-марса Пышинов доложил, что в носу линкора противника вспыхнул пожар. Однако две минуты спустя и в «Славу» попали два снаряда. Чуть позже — еще два... И тут германские линкоры легли на обратный курс и вышли за пределы дальности стрельбы орудий «Славы». Многократно сильнейший противник, пусть временно, но отступал! Не удалась ему и атака с воздуха шестью гидросамолетами: бомбы в линкор не попали, а один «аппарат» был сбит огнем противоаэропланных орудий, которыми управлял вездесущий Рыбалтовский.

Галлер понимал: даже если дредноуты сейчас поостерегутся входить в Моонзунд, чтобы добить «Славу», конец ее близок. Осадка не позволит выйти в Финский залив. Он приказал Зиберту собрать секретные документы в портфель, подготовить к уничтожению телеграммы. Поднялся на мостик, поднес бинокль к глазам: германские линкоры в пролив не шли, вели огонь по батарее на острове Вердер.

«Лев Михайлович, я запросил «добро» адмирала на

затопление, — голос Антонова дрогнул. — Думаю, другого выхода нет».

Галлер согласно кивнул головой. Не возражал и Зуев. Вместе с ним Галлер обошел погреба, проверил, как минеры под руководством Зиберта разносили взрывчатку в деревянных ящиках — восьми- и шестнадцатифунтовые тротилловые патроны. Приказал, чтобы бикфордовы шнуры горели не меньше получаса. Он старался не думать, что скоро «Слава» станет безжизненной грудой металла. Господи, сколько связано с этим кораблем, сколько увидено, пережито на нем и тяжкого, и прекрасного, сколько отдано сил...

Он вышел на палубу, поднялся на мостик: «Господин капитан 1 ранга, все готово!»

«Слава» стояла с застопоренными машинами, с правого борта мимо проходил «Баян», за ним шел «Гражданин». На мостике крейсера Лев Михайлович заметил высокую фигуру Бахирева. Адмирал крикнул в мегафон: «Приказываю затопить корабль при входе в канал, погреба взорвать!» Галлер взглянул на часы, пошел на ют. К корме подходили эсминцы.

Первыми под руководством старшего врача Н. Н. Стратилатова переправили раненых. Корма сидела низко, и передавать носилки было удобно. Команда строилась на юте и шкафуте, готовилась к скходу. Лишь расчеты противоаэроплавных пушек оставались на местах, да еще минеры, готовые поджечь бикфордовы шнуры. Отошел эсминец «Сильный» с ранеными, подошел «Войсковой», затем «Донской казак». И вдруг кто-то из молодых матросов крикнул: «Сейчас взорвемся!» И сотня другая кинулась к борту. Галлер заметил — паникуют молодые матросы, «старики» оставались в строю. Вместе с Зуевым и его комитетчиками он наводил порядок, брал за плечи, успокаивал: «Не спеши, матрос, успеешь...» Корабли отходили, давали ход, направляясь кто к острову Вормс (Вормси), кто в Рогокуюль. И опять к корме швартовались и забирали людей буксир «Москито», какой-то тральщик... Наконец, вблизи остался лишь эсминец «Сторожевой».

В 13 ч 20 мин командир приказал: «Стоп машины, право руля!» Галлер поставил телеграфы на «стоп». Линкор, двигаясь по инерции, катился вправо, пока старший штурман сам не переложил руль лево на борт. И «Слава», упершись носом в невидимую под водой бровку канала, остановилась. Антонов и Галлер в последний

раз прошли по броневой и верхней палубам — никого. Зиберт зажег бикфордовы шнуры...

Оставшиеся офицеры и матросы перешли на «Сторожевой». Эсминец держался поблизости от «Славы», пока в 13 ч 58 мин не прогремел мощный взрыв. Галлер, стоя на мостике, увидел громадный столб пламени, взметнувшийся много выше мачт. Прощай, «Слава»... «Сторожевой» шел в Рогокюль, а Галлер, устроившись в кресле в кают-компании, не мог уснуть, хотя за последние дни устал невообразимо. Он погрузился в невеселые думы. Что в Петрограде — как отец, сестры? Что ему делать дальше? На «Сторожевом» ему рассказали о решении съезда представителей Балтийского флота — отныне командиры выбираются командой, отменены воинские звания и ордена. Будет ли он теперь командиром, и вообще — как пойдет жизнь?

«Обещаю честью и верно служить...»

Более тысячи матросов, унтер-офицеров, многие офицеры «Славы» из Рогокюля выехали в Петроград, во 2-й флотский экипаж. Пройдет меньше трех недель, и они вольются в отряды балтийцев, ставшие ударной силой пролетарской революции. Антонов и Галлер через Ревель отправились в Гельсингфорс. В штабе флота и в Центробалте предстояло отчитаться по последнему бою линкора. «Слава» уже закончила свою жизнь, а командир и старший офицер еще были связаны с погибшим кораблем многими нитями: счета в банке, судовая касса, какие-то незакрытые интендантские ведомости по части Гельсингфорсского порта... Наконец, следовало подумать, где и как служить в дальнейшем. Что хочет Антонов, угрюмо молчавший весь путь до штабного «Кречета», Лев Михайлович не знал. Для себя же решил: будет просить направить на эсминцы. Немцы, надо думать, скоро пойдут на Ревель, попытаются разгромить основные силы Балтийского флота, войти в Финский залив и высадить десант в Финляндии. В такое время его место на кораблях...

В Гельсингфорсе, работая на «Кречете» над отчетом, Галлер узнал, что противник, понеся чувствительные потери в боях за Моонзунд, на время отказался от второго этапа операции «Альбион». Как позже выяснилось, планируемое Адмирал-штабом на 7 октября начало прорыва Центральной минно-артиллерийской позиции накануне отменили. Балтийский флот полу-

чил время, чтобы укрепить и перестроить систему обороны в устье Финского залива. Впрочем, офицеры штаба флота, как вскоре убедился Галлер, больше занимались противоборством с Центробалтом, чем подготовкой к грядущим боям с немцами.

Закончив отчет, Галлер погрузился в чтение газет — в Моонзунде было не до этого. Прислушивался и к разговорам штабных, то и дело информирующих друг друга о событиях в Петрограде и в Гельсингфорсе.

А новости приходили удивительные. Во-первых, II съезд моряков Балтийского флота, проходивший в конце сентября — начале октября 1917 года, заявил о неподчинении Временному правительству и готовности выступить против него по призыву ЦК большевиков. Похоже, что еще тогда наступил период ожесточенной конфронтации Балтийского флота и правительства Керенского. Во-вторых, съезд учредил комиссаров Центробалта, наделив их властью над командованием всех степеней — вплоть до комфлота. О том, что съезд провозгласил выборность командного состава, отменил все награды, постановил платить жалованье только за должности — без учета званий, Галлер уже знал. Рухнул сложившийся за два века порядок флотской службы...

Возможно, Галлер читал в газете «Рабочий путь» от 12 октября 1917 года статью «Лондон — Эзель — Петербург» Антопа Слуцкого, разоблачающую заговор США, Антанты и Германии против близившейся социалистической революции в России. Наверное, не прошла мимо него и резолюция съезда Советов Северной области, напечатанная в следующем номере той же газеты. «В ненависти к революционному Петрограду русские контрреволюционеры объединены с английскими империалистами и находят фактическую помощь в лице кровавого германского кайзера», — говорилось в ней. Время требовало немедленных решений, и В. И. Ленин в статье «Кризис назрел», написанной 29 сентября — в первый день Моонзундского сражения, заявил, что пришел третий этап в развитии революции — канун социалистической революции¹. 1 октября в воззвании «К рабочим, крестьянам и солдатским депутатам» он выдвинул лозунг: «Долой правительство Керенского... Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!» До начала пролетарской революции оставались считанные дни.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272.

Дав отпор германскому флоту в Моонзундском сражении, балтийские моряки не позволили осуществиться замыслам контрреволюции, защитили Петроград — колыбель рождающейся революции.

Осознал значение Моонзундских боев Галлер гораздо позже. В середине октября 1917 года его волновал вопрос личный — где служить. В штабе флота просили подождать. И тут Галлера пригласили в Центробалт к заместителю П. Е. Дыбенко — Н. Ф. Измайлову. «Просит команда «Туркменца» вас в командиры. Как, «добро»?» — спросил он. Лев Михайлович согласился на раздумывая. Приказ командующего флотом Балтийского моря, допускающий его к командованию эскадренным миноносцем «Туркенец-Ставропольский», не заставил ждать.

В архивном деле Минной дивизии по сей день хранятся рапорты от 19 октября 1917 года². В тот день капитан 2 ранга Галлер принял «Туркенец-Ставропольский» от капитана 2 ранга Чаплина. Того самого Чаплина, который служил вместе с ним на «Славе» в 1910—1911 годах и был ненавидим матросами за рукоприкладство. Лишь недавно начальник Минной дивизии назначил его командиром на место капитана 2 ранга Гриневальда. Но судовой комитет опротестовал приказ контр-адмирала Ю. К. Старка. «Чаплин не лучше прежнего командира, сбежавшего с корабля под предлогом болезни» — таково было мнение команды. Почему же заочно избрали Галлера? «Туркенец-Ставропольский» входил в морские силы Рижского залива, возможно, матросы знали о Галлере со слов своих товарищей со «Славы». Быть может, кто-то помнил его и по недолгому пребыванию в Ревеле на строившемся «Автроиле». Так или иначе, но Лев Михайлович стал выборным командиром «Туркменца», как называли эсминца для краткости.

Спущенный на воду в Риге в 1905 году, эсминец этот успел находить не одну тысячу миль. Он был поменьше «новиков» почти в два раза — полное водоизмещение имел 700 тонн. Четыре его котла работали на угле, паровая поршневая машина обеспечивала ход лишь до 25 узлов. Но это первый корабль, которым он командует. Если прикажут, он, Галлер, поведет «Туркменца» в бой. Два 100-миллиметровых орудия, два торпедных аппарата — неплохое вооружение.

² ЦГАВМФ, ф. 481, оп. 14, д. 80, л. 101.

Кораблем новый командир занялся сразу же. Нужно было провести кое-какой ремонт, познакомиться с командой. За хлопотами он даже не заметил странное промедление штаба Минной дивизии, долго не издававшего приказ о вступлении в должность нового командира «Туркменца». Возможно, начальник дивизии тем самым выказывал неудовольствие непризнаваемым им выборным началом? Но все-таки 4 ноября приказ, подписанный Ю. К. Старком, появился на свет³. Это произошло уже после бурных событий конца октября. Старк и другие настроенные контрреволюционно офицеры называли их «вторым переворотом». Потребовалось время, чтобы они поняли: 25 октября 1917 года в России свершилась пролетарская революция, возвестившая миру о создании первого в истории человечества рабоче-крестьянского государства.

До свержения Временного правительства и перехода власти к Советам Галлер, как и большинство офицеров в октябре, держался нейтрально: политикой, думал он, пусть занимаются Центробалт и комиссар Временного правительства, с марта 1917 года размещившийся в резиденции бывшего генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Дело офицеров и флагманов — поддерживать боевую готовность кораблей к отражению удара германского флота. Но, не принимая прямого участия в политической жизни флота, Галлер, конечно, знал в какой-то мере о происходящем.

24 октября после обеда представители судовых комитетов собрались на «Полярной звезде», бывшей царской яхте, стоявшей в военной гавани Гельсингфорса. В 16 часов началось заседание Центробалта совместно с приглашенными представителями судовых комитетов. П. Е. Дыбенко кратко остановился на значении открывающегося в Петрограде II съезда Советов, предложил послать для его поддержки миноносец. Он сообщил также «о полученной телеграмме..., о готовящемся покушении со стороны реакции на сердце революции — Петроградский Совет»⁴. То была телеграмма ВРК — Военно-революционного комитета, созданного при Петросовете 16 октября. В ней говорилось, что в ночь на 24 октября контрреволюция перешла в наступление: закрыты большевистские

³ ЦГАВМФ, ф. 481, оп. 1, д. 80, л. 96.

⁴ Протоколы и постановления ЦК Балтийского флота, 1917—1918, Л., 1963. С. 253.

газеты «Рабочий путь» и «Солдат», в город вызваны юнкера и ударные батальоны, Петроградский Совет в опасности. После ее оглашения все присутствовавшие единогласно проголосовали за воззвание ко всем Советам, флотским комитетам, солдатам и матросам. Галлер прочитал это воззвание на следующий день. «По первому зову Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов наша мощь и наше оружие — вместе с вами, преданными революции, — говорилось в нем. — Призываем всех товарищей в эти минуты, когда предатели революции во главе с Временным правительством стягивают все контрреволюционные силы к Петрограду, быть истинными, стойкими и беззаветными баррикадными бойцами за права угнетенного класса и за передачу власти в руки самого народа, истекшего кровью. Балтийский флот не дрогнет ни перед какими силами реакции врагов революции»⁵.

Затем все собравшиеся на «Полярной звезде» отправились в город, в Марининский дворец. В 19 ч 30 мин здесь началось объединенное заседание Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Вопрос стоял один — положение в Петрограде. И опять Дыбенко оглашает телеграмму ВРК, и вновь принято решение вести всеми силами борьбу за власть Советов. Через полчаса после начала заседания Дыбенко принесли новую телеграмму. То пришел от ВРК из Петрограда условный сигнал: «Центробалт, высылай устав». Это означало просьбу направить в Петроград на поддержку революции корабли и вооруженные отряды матросов.

По приказу Центробалта уже несколько дней с полным напряжением сил велся ремонт эсминцев «Забияка», «Страшный», «Меткий». По приказанию командира дивизиона Галлер послал на «Меткий» в помощь своих машинистов. Но лишь вечером 24 октября на Минной дивизии стало известно, в чем причина спешки: эсминцы идут в Петроград. Они вышли в ночь, причем «Страшный», на котором выявились неисправности, заменили «Деятельным». К ним присоединился «Самсон» с натянутым на рострах кумачовым плакатом «Вся власть Советам!». К полуночи двинулись из порта к вокзалу вооруженные роты матросов, 4500 моряков-балтийцев отправлял Центробалт в Петроград в распоряжение ВРК...

⁵ Там же. С. 450.

25 октября на кораблях узнали о низложении Временного правительства, о взятии власти II Всероссийским съездом Советов, собравшимся в Смольном. А 27 октября всем командам уже было известно о принятых съездом накануне Декретах о мире и земле, об образовании нового правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Уходили из Гельсингфорса в последующие дни октября по вызову Петрограда и другие корабли — эсминцы, крейсер «Олег», формировались и отправлялись матросские отряды, сражавшиеся против сил контрреволюции под Гатчиной, на улицах Москвы. Отряд матросов с линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», которым командовал мичман С. Павлов, вел бои под Оренбургом с полками уральских казаков атамана Дутова. На кораблях увеличивался некомплект в командах, у Галлера на «Туркменце» осталось к декабрю чуть больше половины — около пятидесяти человек. Но эсминец удалось привести в порядок, бункера набили углем — хоть сейчас в море. Так и доложил Галлер начальнику дивизии Старку. Контр-адмирал доклад выслушал и отпустил, ничего не спросив. Льву Михайловичу показалось, что Старку совершенно неинтересно, что происходит с каким-то «Туркменцем». Да и вообще не интересует положение на кораблях. Командиры знали о конфликте адмиралов, объединенных в Совет флагманов, с Центробалтом, — конфликте, начавшемся после Октябрьской революции. Командующий флотом контр-адмирал А. В. Развозов лишь делал вид, что подчиняется новым военно-морским органам власти, возникшим в Петрограде после свержения Временного правительства. Он признавал лишь Морской главный штаб. Между тем работой Морского министерства уже руководила Верховная морская коллегия из трех человек, председателем которой был ненавистный большинству адмиралов народный комиссар П. Е. Дыбенко. Когда в Гельсингфорс прибыл контр-адмирал М. В. Иванов, утвержденный управляющим Морским министерством по предложению В. И. Ленина, Развозов заявил, что не признает его, и запретил Иванову поднять свой флаг на линкоре «Гражданин». Его бесило, что адмиральское звание М. В. Иванову присвоил Всероссийский съезд моряков. Надо сказать, Галлера удивили выдержка и миролюбие Советской власти. После того как Верховная морская коллегия упразднила должность командующего Балтийским

флотом и Центробалт объявил о вступлении в управление флотом с 5 декабря, Развозова и его начальника штаба князя Черкасского отпустили в Петроград. Никаких дисциплинарных мер за попытку неподчинения новым органам управления флотом к ним принято не было. Теперь военно-оперативными вопросами ведал Военный отдел Центробалта, во главе которого стояли Н. Ф. Измайлов и произведенный 29 ноября Верховной морской коллегией в контр-адмиралы А. А. Ружек, бывший командир отряда заградителей. 5 декабря в 9 ч на «Кречете» был поднят флаг военно-оперативного отдела — флаг командующего флотом с буквами «Р. Р.» (Российская Республика), на остальных крейсерах — красные флаги, на палубах играли оркестры. Флот торжественно отмечал окончательный переход власти к Центробалту.

Галлеру хорошо запомнился тот день. День, когда в первый раз по-настоящему нужно было сделать выбор — с кем быть. Накануне союз офицеров, которым фактически руководил капитан 1 ранга Г. К. Граф, командир эсминца «Новик» и ярый монархист, призвал всех офицеров прибыть к 21 ч в Морское собрание. Собралось человек триста, страсти бушевали. Галлер слушал и не понимал ярости ораторов. Граф и иже с ним, выступавшие первыми и задававшие тон, утверждали, что упразднение должности командующего приведет флот к гибели, что в условиях коллегиального управления офицерство не сможет нести ответственности и сложит с себя обязанности. Слышались и другие голоса, солидаризовавшиеся с позицией М. В. Иванова и А. А. Ружека, призывавшие прекратить ненужную фронду и честно служить новой России. Но они были в меньшинстве. Прибывшим к концу собрания Измайлову и Ружеку выступить не дали. Большинство проголосовало за резолюцию с отказом от признания реформы системы управления флотом. Граф оповестил, что к двум часам дня резолюция будет размножена и офицеры на кораблях должны ее подписать. Но Измайлов и Ружек действовали оперативно. В два часа дня — Центробалт собрал офицеров в Марининском дворце. К этому времени уже ходило по рукам открытое письмо Ружека к Графу. «Большинство офицеров не разбирается в текущем моменте, — писал Ружек. — ...Дело в том, что теперь масса за одним человеком не идет... Недоверие, как результат бывших условий нашей общественной и государственной жизни, матросы питают не только к офицерам... Центробалт и

Военный отдел так же болеет душой за состояние флота, как и мы, офицеры, и в заботе о сохранении его боевой мощи предприняли ряд шагов, вызвавших означенный приказ...»⁶

Галлер, который находился в зале Мариинского дворца, не был согласен с резолюцией, не признающей приказа Высшей морской коллегии и Центробалта. Эта резолюция, вновь поставленная Графом на голосование, провозглашала противоборство офицеров с Центробалтом. Но Центробалт — это же 62 тысячи матросов, как только что сказал Измайлов здесь же, во дворце, в своем выступлении. Нельзя идти против народа, это Галлер знал твердо. 151 офицер голосовал против резолюции, предложенной Графом, и Галлер среди них. Большинство же было «за» — 362, 44 воздержались. В тот день он принял важное, поворотное в своей жизни решение. Как узнали на «Туркменце», что он «против своих»? Как-то узнали, Галлер почувствовал, матросы стали быстрее и четче исполнять его приказание, меньше стало хмурых, подозрительных взглядов. Не на всех кораблях, в том числе и в Минной дивизии, введение нового порядка управления флотом, названного Верховной морской коллегией «демократизацией», прошло мирно. Галлер узнал, что капитан 2 ранга Д. И. Дараган — командир «Автроила» и капитан 1 ранга К. В. Шевелев — начальник 13-го дивизиона миноносцев заявили, что «видят в командовании флотом... Центробалта полный крах флота и измену родине»⁷. Оба офицера по решению Центробалта были арестованы за отказ выполнять свои обязанности. Освободили их в январе 1918 года... Шевелев и Дараган заявили о своей позиции открыто. Начальник Минной дивизии Старк действовал иначе: 12 декабря он уехал в Петроград под предлогом отпуска по болезни, сдав дела капитану 2 ранга А. П. Екимову, командиру одного из дивизионов эсминцев. Затем он вновь появился в Гельсингфорсе и возглавил некую весьма подозрительную Народно-промышленную палату, которая попыталась устроить распродажу (и за бесценно!) кораблей Балтийского флота иностранным фирмам, будто бы на металлолом. Но это затея была пресечена Верховной морской коллегией и Центробалтом. Затем Ю. К. Старк

⁶ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Ноябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. Л., 1968. С. 56.

⁷ Протоколы и постановления ЦК Балтийского флота. 1917—1918. С. 332.

оказался на Дальнем Востоке, и после контрреволюционного переворота во Владивостоке в мае 1921 года принял командование Сибирской военной флотилией. В октябре 1922 года, накануне вступления в город частей Народно-революционной армии ДРВ, Старк увел корабли флотилии в Корею, а затем перевел их в Шанхай и Манилу. Здесь он продал корабли иностранным фирмам. Свои дни Старк закончил в Париже...⁸

Еще 21 ноября в Центробалт пришла телеграмма от Дыбенко с приказанием приостановить на флоте отпуска до 10 декабря. Галлеру, собиравшемуся в Петроград навестить наконец отца и сестер, пришлось отложить поездку. Запрет отпусков был связан с предстоящим открытием Учредительного собрания. Контрреволюция будто бы собиралась использовать его для выступлений против Советской власти в Петрограде. Но и после этой даты Галлеру не пришлось попасть в Петроград: все более тревожно становилось в Финляндии. Нападение белых на отряды красногвардейцев, на отдельные части армии и флота имели место и раньше. После нового года они усилились, явно направляемые из какого-то центра. С 6 января 1918 года «охранные отряды» белой гвардии завязали бои с красногвардейцами на севере Финляндии, в Выборге и Таммерфорсе. Нападениям белофиннов подверглись и береговые посты и батареи береговой обороны⁹.

Приглашенный в Центробалт председатель финляндского сената Свинхувуд обещал прекратить эти нападения. Но белые не унимались. В стране началась гражданская война. 14 января финская Красная гвардия свергла буржуазное правительство Финляндии, его министры бежали в захваченную белыми Вазу (бывший Николайштадт) — порт на берегу Ботнического залива. А в Гельсингфорсе возникло революционное правительство — Совет народных уполномоченных. В помощь ему формировались отряды добровольцев — демобилизованных матросов и солдат. 25 января, после того как пришли вести о том, что войска белого правительства Свинхувуда — Маннергейма расстреливают захваченных в плен русских матросов и солдат с постов и батарей, Центробалт обратился с призывом к морякам-балтийцам

⁸ ЦГАВМФ. Воспоминания В. А. Белли. Ф. 2224, оп. 1, д. 2, л. 141—143.

⁹ См.: Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. С. 241.

«записаться в ряды добровольцев для защиты социальной революции, по 20% личного состава с корабля»¹⁰. Батальоны моряков-добровольцев ушли на фронт, и Галлер снова пытался решить головоломную задачу: как с оставшимися на «Туркменце» обеспечить людьми расчеты орудий и вахты в машинах и у котлов. Уменьшалась численность команд, все меньше оставалось офицеров — многие под различными предложениями оставляли корабли. Среди тысяч матросов, убывших в Петроград и на фронты гражданской войны, были лучшие, наиболее сознательные — большевики и сочувствующие им. Среди оставшихся падала дисциплина. От контрреволюционно настроенных офицеров Галлер не раз слышал, что все равно большевистское правительство в Петрограде недолговечно — «товарищи» долго не протянут. А потому не надо кораблям переходить в Кронштадт и Петроград, лучше переждать смутное время в Гельсингфорсе. Вот и судовые комитеты линкора «Гражданин», крейсеров «Аврора», «Диана» и «Россия» не без соответствующего влияния отказались было перейти в Кронштадт на зимовку. Почти две недели не выполнялось распоряжение Центробалта. Лишь под Новый год ушли эти корабли из Гельсингфорса. Перед уходом, однако, «исчезла» часть офицеров... Говорили, что в белой армии Маннергейма, бывшего царского генерала, появились и армейские, и флотские русские офицеры. Так это или нет, Галлер судить не мог, но «исчезновение» офицеров продолжалось. Бросили свою подводную лодку «Волк» — новейший корабль! — командир Мессер и механик Эйсмонт. Тоже, по слухам, ушли к Маннергейму. Встречаясь со знакомыми офицерами, Лев Михайлович не раз слышал: «Все пропало!» Собеседники приводили факты о развале дисциплины, падении боеспособности судов и соединений, сваре среди центробалтовцев...

Слухи о конфликтах в Центробалте, о разногласиях Центробалта с народным комиссаром Дыбенко к Галлеру доходили от бывших офицеров штаба флота, служивших в Военном отделе А. А. Ружека. Слухи эти имели основание. В Центробалте теперь нередко брали верх демагоги, обсуждались и критиковались директивы Верховной морской коллегии и Народного комиссариата по морским делам, а 15 января было даже принято решение об отзыве Дыбенко с поста наркома. Повод был весьма

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. р-95, оп. 1, д. 32, л. 5.

«весомый»: отказ выдать на некоторые корабли спирт и револьверы... Может быть, управление флотом при помощи Центробалта себя исчерпало? В тревожные эти дни Лев Михайлович старался не сходить с корабля. Он занимался судовыми делами. Вечерами, сидя в каюте, делал записи по итогам предыдущих кампаний флота на Балтике, иногда, ища успокоения, вынимал из чехла виолончель, брал в руки смычок...

У него рождались интересные мысли, формировались выводы по урокам из военных действий прошлых лет. Понадобится ли это кому-нибудь — он не знал, но остановить работу не желал. Решил жить и работать для флота, что бы вокруг ни происходило. Морская сила России нужна будет всегда... Ведь уже объявлен приказом по флоту от 30 января 1918 года декрет Совета Народных Комиссаров: «...флот, существующий на основании всеобщей воинской повинности царских законов, объявляется распущенным, и организуется социалистический рабоче-крестьянский красный флот». И первая подпись под декретом — В. Ульянов (Ленин).

На днях Галлер подписал «контракт... военного флота Российской Федеративной Республики». Он расписался под последним пунктом контракта. «Обещаю честью и верно служить в военном флоте...»¹¹ — значилось в нем.

А события развивались стремительно.

10 февраля 1918 года Л. Д. Троцкий, член ЦК РСДРП и нарком иностранных дел, возглавивший советскую делегацию в Брест-Литовске, прервал мирные переговоры с Центральными державами. 18 февраля 1918 года германские войска начали наступление. На следующий день командиров эсминцев собрал начальник Минной дивизии А. П. Екимов. Проинформировав о высадке немцев с Даго и Эзеля на материк, о продвижении их к Ревелю и начавшемся в Эстляндии белогвардейском восстании, он потребовал быть готовыми выйти за ледоколами в море. А еще два дня спустя, 21 февраля, Галлер, как это было и на других кораблях, зачитал команде декрет — воззвание Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!», записанное судовыми радистами. Тут же приняли резолюцию: «Всем встать на защиту Родины и революции. Кто против —

¹¹ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Л., 1932. С. 16.

тому смерть и проклятие!» А 22 февраля появился приказ № 78 по Балтийскому флоту, подписанный Измайловым и Ружеком. Приказ объявлял о революционной мобилизации флота «для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами».

Положение и в самом деле быстро осложнилось, становилось угрожающим. Германцы продвигались к Ревелю, Нарве и Пскову. Из разведсводок, которые Галлер читал в штабе дивизии, явствовало, что противник стягивает флот в Данциг, Либаву и Виндаву. Поскольку к Ревелю кайзеровские войска подходили по суше, это могло означать подготовку к высадке десанта в Финляндии, как только позволит ледовая обстановка. Что же будет с флотом?

Начиная с 20 февраля Гельсингфорс принимал переходящие из Ревеля корабли. 25-го Ревель оставил последний отряд — пять крейсеров 1-й бригады. В город вошли немцы. Через двое суток крейсера, заградители и подводные лодки, ведомые ледоколами «Тармо» и «Ермак», вошли на Свеаборгский рейд. На борту флагманского крейсера был капитан 1 ранга Б. Б. Жерве, начальник Береговой обороны Финского залива, возглавлявший эвакуацию сил и средств флота. Будущий начальник советской Военно-морской академии честно выполнил свой долг.

Накануне противник занял Псков, отряд балтийцев под командованием Дыбенко сдерживал его части на подступах к Нарве.

В то время можно было лишь догадываться о планах Германии. В послевоенных воспоминаниях генерал Гофман писал: «...я стал на ту точку зрения, что правильное было бы... отказаться от мира, пойти походом на Москву...»¹² Германский посол Гельферих, сменивший Мирбаха, убитого в Москве эсером Блюмкиным, дополняет Гофмана: «...перед нами появился новый опасный враг: большевизм. В Финляндии и на Украине мы находились с ним в открытой борьбе»¹³.

Обстановка в Гельсингфорсе и на кораблях была тревожной. Что предпримет далее противник? Разведсводки сообщали о выходе из Данцига в Северную Балтику отряда контр-адмирала Майера. В его составе были три

¹² Гофман. Война упущенных возможностей. М., 1925. С. 195.

¹³ Кровяков Н. С. Ледовый поход Балтийского флота. М., 1955. С. 45.

линкора, крейсера... На транспортах, входивших в отряд, как стало вскоре известно, находилась балтийская дивизия генерала фон дер Гольца. Предположения делали разные, но все сходились на том, что следует ожидать высадки в Финляндии. Так думали командиры кораблей Минной дивизии, с которыми встречался Галлер, так думали те, кто стоял во главе Балтийского флота. Под руководством Военного отдела Центробалта началась работа по выполнению директивы Народного комиссариата по морским делам (НКМД) № 292 от 17 февраля о спасении Балтийского флота от захвата германцами, переданной по указанию В. И. Ленина¹⁴. Кораблям флота предстоял путь из Гельсингфорса на восток, к Кронштадту — иного выхода не было. А ведь стояла зима. Никогда еще в это время корабли флота не ходили на восток сквозь льды Финского залива.

Февраль — начало марта полны событиями. В последних числах февраля немцы занимают Оландские острова. Но важнейшим, определяющим все происходящее было подписание 3 марта 1918 года мирного договора в Брест-Литовске. С какой болью читал Галлер его статьи... От России отторгалось практически все побережье Балтийского моря, за исключением малой части на востоке Финского залива — между Сестрорецком и Нарвой. Морские границы — как при Иване Грозном... Под «покровительство» Германии переходили острова Моонзундского архипелага. А статья VI договора гласила: «Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии»¹⁵. Что ж, Ревель уже оставлен нами, но вот дальше... Дальше шло непосредственно влиявшее на положение Балтийского флота: «Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и русских военно-морских сил. Пока лед делает невозможным перевод военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды»¹⁶.

Галлер знал, что в переговорах в Брест-Литовске участвовал в качестве эксперта В. М. Альтфатер. Неужели Василий Михайлович не мог объяснить главе советской делегации, что договор ставит Балтийский флот под уг-

¹⁴ См.: Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 590.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 122.

¹⁶ Там же.

розу гибели? Или ничего нельзя было сделать? Ведь русские войска к 15 марта покинут Финляндию. Войска Финляндской Социалистической Рабочей Республики, заключившей 1 марта 1918 года с Советской Россией договор «об укреплении дружбы и братства», отступают под натиском армии Маннергейма. В руках красных финнов остается лишь Южная Финляндия. Что если в Гельсингфорс войдут войска Маннергейма, достигшие чуть ли не ста тысяч? Или немцы... Наверняка они попытаются захватить вмерзшие в лед корабли. Тем более что численность их команд не превышает в среднем и трети штатной.

Трудное, тяжелое время. Обстановка резко меняется со дня на день. 4 марта Гельсингфорс объявлен на военном положении. Галлеру казалось, что все это сказывается и на верхних ступенях то и дело меняющейся системы управления флотом. Похоже, что в ее органах в Петрограде и Гельсингфорсе имеет место некая растерянность. Не это ли вызывает чехарду в высшем командовании здесь, в Гельсингфорсе? В самом деле, 3 марта Совет Народных Комиссаров вынес решение о роспуске Центробалта. Власть от него перешла к Совету комиссаров Балтийского флота — Совкомбалту. Было объявлено, что во главе его — главный комиссар Н. Ф. Измаилов. Военный отдел А. А. Ружека перешел в подчинение Совкомбалту, продолжал готовить флот к перебазированию. Но уже 13 марта на Минной дивизии узнали о приглашении вице-адмирала А. В. Развозова на должность начальника Военного отдела с правами начальника Морских сил Балтийского моря. Развозова, которого в начале декабря снял Центробалт! Впрочем, командовал он флотом лишь неделю. Уже 20 марта в штабе Минной дивизии зачитали приказ Наркомата по морским делам, подписанный Ф. Ф. Раскольниковым, С. Е. Саксом и И. И. Вахрамеевым, о его отстранении от должности и о демобилизации за нежелание считать для себя обязательными декреты Совета Народных Комиссаров и за отказ подчиниться Коллегии Морского комиссариата¹⁷. На смену ему пришел А. М. Щастный, капитан 1 ранга, давно ведавший в штабе флота распорядительным отделом. Он уже именовался начальником Морских сил Балтийского моря — по «Временному положению об управле-

¹⁷ См.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Ноябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. С. 86.

нии Балтийским флотом», утвержденному СНК 29 марта. Галлер читал его в штабе флота, воссозданном в соответствии с этим же «Положением...». Щастного он видел не раз, даже встречался по каким-то служебным вопросам. Энергичен, неглуп, но, похоже, себе на уме.

Разработку плана перебазирования Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт и Петроград возглавил А. П. Зеленой. Он-то и привлек к работе над ним Л. М. Галлера, полагая, что на «Туркменце» сейчас обойдутся без него. Под главенством начальника оперативного отдела штаба М. А. Петрова, с которым вместе заканчивал Морской корпус, Лев Михайлович разрабатывал варианты маршрутов перехода, продумывал использование оставшихся ледоколов и меры, на случай если на захваченных белофиннами островах Гогланд, Соммерс, Лавенсари и Нерва окажутся береговые батареи. Ведь не исключено, что они откроют огонь по кораблям. В те дни он резко выступил против представленного в Совкомбалт доклада командира «Ермака» В. Е. Гасабова. Из доклада следовало, что каждый корабль на переходе в Кронштадт нужно обеспечить двумя ледоколами. План Гасабова заранее обрекал на неудачу перебазирование флота.

Первой Гельсингфорс покидала 1-я бригада линкоров контр-адмирала С. В. Зарубаева. На корабли грузили имущество порта, винтовки и патроны, станки, мешки с мукой... Трюмы и жилые палубы забили грузами, чтобы ничего не оставить белофиннам или германцам. 12 марта линкоры «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь» и «Полтава», крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Богатырь» дали ход. Их вели ледоколы «Ермак» и «Волынец». Через пять дней отряд самых лучших кораблей флота достиг Кронштадта.

Теперь пришла очередь второго отряда. В его состав включили линкоры 2-й бригады «Андрей Первозванный» и «Республика», крейсера «Баян» и «Олег», три подводных лодки. Но выход задерживался. «Ермак» не смог вернуться в Гельсингфорс — его обстреляла батарея с Лавенсари, а затем путь преградил белофинский ледокол «Тармо». Второй мощный ледокол, остававшийся в составе флота, «Волынец» захватили белогвардейские заговорщики и увели в Ревель. Пришлось для проводки второго отряда, вышедшего утром 5 апреля, использовать небольшие портовые ледоколы «Силач» и «Город Ревель». Головным выходил «Андрей Первозванный». На мостике

его стоял Лев Михайлович Галлер, исполнявший обязанности командира линкора...¹⁸

За два дня до этого, 3 апреля, в штаб флота поступило донесение из Ганга: подходит вражеская эскадра. В 8 ч 30 мин город и порт занял десант. К этому времени были взорваны оставшиеся в гавани подводные лодки, команды отошли. Все понимали — скоро германцы появятся у Гельсингфорса, медлить с уходом второго отряда нельзя. В этот день главный комиссар флота Н. Ф. Измайлов и вызвал к себе Галлера. В его каюте находились Ружек, Зеленой и контр-адмирал Н. И. Паттон, начальник 2-й бригады линкоров. «На «Андрее» нет командира, — сказал Измайлов. — Александр Павлович вас рекомендует. Николай Иванович Паттон не возражает. Мы решили назначить временно вас...» Так Лев Михайлович вновь оказался на «Андрее Первозванном», но уже командиром...

Накануне в последний раз видел он Жоржа Клодта. Барон сам пришел на «Туркменец», когда Галлер, сдав дела старшему офицеру, собирал в чемоданчик вещи. Клодт настойчиво советовал остаться, не уходить в Кронштадт; намекал на какие-то дела с «продажей» госпитальных судов. Лев Михайлович понял: затевается позорное для русского офицера дело — торговля флотом. И похоже, не только госпитальными судами. Вступать с Клодтом в спор, объяснять ему что-либо — бессмысленно. Так Галлер утвердился в своем выборе.

В марте — апреле, как сказано в лоции, сплошной лед обычно сохраняется на большей части Финского залива, простираясь на 200 миль к западу от Кронштадта. В середине залива постепенно образуется плавучий битый лед. При штормовых ветрах появляются торосы, достигающие нескольких метров высоты. Особенно крупные торосы бывают между островами Гогланд и Родшер. Толщина льда в этом районе от 10 до 60 сантиметров. Передвижение льда к востоку от меридиана Гельсингфорса обычно начинается во второй половине марта, распространяясь до острова Родшер. Вот в таких нелегких условиях повел за собой «Андрей Первозванный» на восток второй отряд. Обстановка осложнялась указанием штаба флота воздерживаться от ответного огня по ба-

¹⁸ См.: Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 72; Кривяков Н. С. Ледовый поход Балтийского флота. С. 45.

тарейм на захваченных белофиннами островах. Немцы могли обвинить в срыве мирного договора. Но ведь на Лавенсари четыре 6-дюймовых и четыре 10-дюймовых орудия! Корабли же во льдах идут со скоростью пешехода...

Свялись с якорей после полудня. А уже через час, лишь вытянулись на рейд уходящие корабли, снова отдали якоря — надвинулся туман. Такой, что с мостика «Андрея Первозванного» не было видно идущих впереди ледоколов. Наконец снова дали ход. Ни «Город Ревель», ни «Силач» преодолеть толстый лед не могли, вскоре это стало ясно находившимся на мостике линкора. Галлер подошел к Паттону, рассматривавшему в бинокль форты Свеаборга. Начбриг опустил бинокль, с грустью сказал: «Прощаюсь, Лев Михайлович, ведь жизнь здесь прошла». Но командиру линкора не до сантиментов. «Николай Иванович, прошу «добро» идти без ледоколов. Думаю, «Андрей» осилит. А «Силач» — силы не имеет», — закончил он невольным каламбуром. «Действуйте, друг мой...» Паттон спустился к себе в каюту, а Галлер, подойдя к телеграфам, поставил их на «самый полный вперед».

«Андрей Первозванный», то делая рывок вперед, то отработывая машинами назад, чтобы потом разогнаться, ломал лед. В образовавшемся за ним канале зеленели сколом вставшие дыбом льдины. Галлер приказывал дать гудок, и протяжный звук его звал идущих в кильватер: «Следовать за мной». Иногда приходилось по нескольку раз бить форштевнем в льдину. Несмотря на свои 19 000 тонн водоизмещения, линкор с трудом преодолевал торосы. За шесть часов хода отряд смог пройти лишь около тринадцати миль — до маяка Грохара. Уже темно, и, запросив разрешение Паттона, Галлер в 21 ч приказал передать на корабли отряда приказание стать на якорь.

Галлер поднес к глазам бинокль — кругом белели ледяные поля. Снег на них чист. Эдакая мирная картина... А ведь 4 апреля, сутки назад, здесь, у маяка Грохара, англичане взорвали семь своих подводных лодок, плавбазу и три парохода, базировавшихся на Гельсингфорс. Идти в Кронштадт они не пожелали, прорыв в порты нейтральной Швеции посчитали рискованным.

Лев Михайлович первый раз после выхода из Гельсингфорса спустился в кают-компанию, плотно поел. Надо бы поспать — в ночь перед выходом не удалось. Но решил обойти линкор, посмотреть, как моряки несут

вахты. Знал — иначе все равно не заснет. Ведь на громадном корабле осталось всего-то двенадцать офицеров, из них пять — механики. Да и команду на «Андрее Первозванном» доукомплектовали, приняв на борт около четырехсот солдат из гарнизона Свеаборгской крепости. Галлер спустился в котельное отделение, потом во вторую машину и погреб первой башни. Вахта неслась исправно. «Гражданин командир, по вахте замечаний нет», — четко докладывали старшие вахт. Галлер осматривал помещение, проходил, ступая по тщательно протертой ребристой стали паел, к столику с журналом, проверял записи. Порядок! Да, порядок, который поддерживался больше самими матросами, чем требовательностью немногих оставшихся офицеров. Это было нечто новое, требующее осмысления...

Рано утром 6 апреля отряд продолжил движение. Лишь один корабль — подводную лодку «Рысь», получившую повреждения корпуса, пришлось отправить обратно в Гельсингфорс. И снова «Андрей Первозванный» вступил в противоборство со льдом: удар кованым форштевнем, еще и еще, пока не побежит по ледяному полю змеистая трещина. Затем линкор входил в нее, раздвигал лед громадным корпусом. Галлер следил за курсом, когда нужно — стопорил машины, разворачивал корабль, чтобы проложить путь в нужном направлении. Но вот «Андрей Первозванный» вошел в торосы, сначала замедлил движение, а потом и стал. На мостик поднялся Паттон, посмотрел вокруг. «Надо ждать «Ермака», — подвел он итог. — Самим не выбраться...» Но Галлер продолжал бросать корабль в атаку на льдину. «Разобьем, — загадал он, — все будет хорошо. И дома, и с Надей — все кают-компанейские запреты ныне в прошлом...»

Часа три отряд стоял, ожидая, когда линкор преодолет ледяной барьер. Преодолеет... К 19 ч 7 апреля подошли к Родшеру. Здесь снова вошли в тяжелый лед. Уже темно, и Паттон приказал прекратить движение. На корабли передали: «Беречь уголь». Напоминание своевременное — в поход выходили с минимальным запасом топлива. Около девяти вечера показались идущие с востока «Ермак» и крейсер «Рюрик». Они пришли на помощь второму отряду, несмотря на то что попали под обстрел шестидюймовых орудий белофинской батареи с острова Лавенсари.

Утром 8 апреля подошел «Ермак», обломал лед во-

крут кораблей. Отряд двинулся вслед за ним на восток, огибая остров Гогланд с севера.

Не раз еще корабли, в том числе и линкор, оказывались затертыми во льдах. Но «Ермак» освобождал их и снова прокладывал дорогу в ледяных полях... 10 апреля утром отряд вошел на Кронштадтский рейд. «Поздравляю, Лев Михайлович, вот мы и дома, — расчувствовавшийся Паттон жал руку. — Спасибо за службу. «Андрей» вели умело, разумно. Смотрите-ка, вывели же из Гельсингфорса все шесть линкоров, все крейсера!»

Что дома — это чувствовал и Галлер. Сюда, пожалуй, немцам не дойти, а появятся — получат должный отпор. Легче стало на душе, спокойнее. Теперь организовать на линкоре службу, отправить в казарму солдат, рабочих, что шли на корабле из Гельсингфорса, навести порядок. И в Петроград — что-то давно не было вестей от сестер и отца. От Нади. Хоть и разбил «Андрей» ту льдину...

Наконец Петроград, Эртелев переулок, 9. Он легко избегает на третий этаж. Дверь с давно не чищенной медной табличкой «Инженер М. Ф. Галлер». Теперь дернуть за ручку звонка...

Долго сидели за овальным столом в гостиной Лев Михайлович, отец и сестры Антонина и Евгения, рассказывали друг другу обо всем, что было в минувшие полгода. Завтра все они пойдут на Смоленское лютеранское кладбище, где рядом с дедом похоронили умершую в марте мать. Сестры тихо плачут, и Лев Михайлович встает, обнимает, целует в мокрые глаза. Но мать — не единственная потеря. Уехали за границу двоюродные братья. До сих пор — ни одного письма. «И еще одна печаль, Левушка, — Женя протягивает конверт. — У нас была Надя, перед отъездом в Париж, к Дягилеву...» Лев Михайлович молча берет конверт, прячет в карман тужурки. Читать письмо на глазах сестер и отца он не в силах. Потом, у себя в комнате, достанет из конверта голубоватые листки и ощутит легкий знакомый запах духов. Быстрые, летящие строки. «Милый, не могу здесь. В этом ужасе. По ночам в дома врываются какие-то люди, говорят — анархисты. Уезжают в Париж Синягины. Ты их знаешь. Тоня (не сердись, я в эту зиму познакомилась с твоими милыми сестрами) учила немецкому их племянника, Коку. Я жду тебя в Париже. А когда все успокоится — вернемся в нашу квартиру на Николаевской. Жду...»

На следующий день Галлер побывает с сестрами на

кладбище, положит еловые ветви на могилу матери — цветов нынче в Петрограде нет. Проводив отца и сестер, доедет в переполненном трамвае до Николаевской. Вот и дом № 68. На третьем этаже три ее окна, а этажом ниже жили Синягины. Он даже как-то побывал у них. Хозяин дома, известный всему Петербургу библиофил, показывал удивительнейшие, редчайшие книги, собрание гравюр. Впрочем, что ему Синягин. Увидит ли он когда-нибудь Надю?

Кончились два дня, данных Галлеру «на устройство личных дел», как значилось в документе за подписью начбрига Паттона. Он вернулся в Кронштадт. В штабе старшего морского начальника в Кронштадте С. В. Зарубаева, начальника 1-й бригады линкоров, сказали, что получено радио от наморси Щастного — из Гельсингфорса 12 апреля вышел последний эшелон. Галлер ждал своего «Туркменца», и он пришел в числе 167 кораблей всех классов и типов, составивших эшелоны третьего отряда. Дошел, не зря готовились к переходу! И вновь Галлер принял командование «Туркменцем». Паттон лишь разводил руками: «Лев Михайлович, я отстаивал вашу кандидатуру. Но Щастный что-то вас не жалуется...» Что ж, быть просителем Галлер не привык...

Защитим Петроград!

«Туркменец» стоит у стенки недалеко от Горного института. Палуба засыпана опилками, покрыта досками — для тепла. Но, несмотря на наступающую весну, в каютах и кубриках все равно холодно: с буксира-отопителя пара поступает мало. В Петрограде нет угля, в топку котла кочегары бросают добытую где-то угольную пыль, смешанную с опилками. Плохо и с питанием — более чем скромные нормы судовых пайков состоят из перловки, прозванной «шрапнелью», и ржавой селедки. Хлеба теперь полагается всего-то фунт. Правда, кое-что из продуктов хозяйственный баталер прихватил из Гельсингфорса. Совсем неплохо, если в котел с жидким супом можно иногда положить содержимое банки-другой мясных консервов...

Лев Михайлович вместе с механиком составил план ремонта, с тем чтобы эсминец в мае, как пройдет лед по Неве, был готов вступить в кампанию. Партийный коллектив после немалых споров одобрил его, и работы

потихоньку идут. Галлер редко сходит с корабля, по вечерам много читает. Когда бывает дома, в Эртелевом переулке, каждый раз уносит два-три тома Льва Толстого. У него он находит многое, созвучное своим нынешним раздумьям. И как-то вписывает в толстую тетрадь: «Мы говорим: я потерял жену, мужа, отца, — когда они умерли. Но ведь часто и очень часто бывает, что мы теряем людей, которые не умирают. Мы теряем их, когда расходимся с ними; тогда они хуже, чем умерли для нас...» Вписывает это Лев Михайлович после долгих разговоров с зашедшими к нему на корабль командирами эсминцев «новиков» П. П. Михайловым со «Свободы», А. В. Бергом с «Гавриила». Гости, как он понял уже после их ухода, зашли на «Туркменец» не зря, что-то им было нужно. Но единомыслия установить не удалось. Галлер «товарищей» не проклинал, не согласился с утверждением, что «большевики продают Россию». И беседовал вдруг оборвалась, командиры заторопились: «Дела, дела, Лев Михайлович!» Как можно обещать новой власти служить честно и вместе с тем за спиной предавать ее анафеме?! Или-или... Двоедушные всегда отвратительны. Разве можно с такими настроениями идти в бой?

Правда, бои вроде бы не предвидятся. С началом кампании Галлер не ведет свой эсминец в Кронштадт. Приказом начальника Морских сил Балтийского моря «Туркменец» включен в состав морских сил Невы и Ладожского озера, той их части, которой поставлена задача охранять среднюю и восточную часть Невы. «Туркменец» переходит в Шлиссельбург (Петрокрепость), где базируется отдельный дивизион миноносцев — «Финн», «Эмир Бухарский», «Гайдамак» и «Амурец».

Все лето «Туркменец» ходит по Ладоге, охраняя побережье. Ничего существенного не происходит, лишь изредка приходится останавливать рыбацкие шхуны и производить досмотр на контрабанду. У белофиннов, прочно укрепившихся в Финляндии, еще нет на Ладоге военных кораблей. Но есть, однако, сведения, что готовится переброска на озеро по железной дороге боевых моторных катеров, оставленных русским флотом в бывших военно-морских базах в Финском и Ботническом заливах. Льву Михайловичу даже нравится размеренная, какая-то провинциальная жизнь. В дозор «Туркменец» выходит один-два раза в неделю, остальное время стоит в Шлиссельбурге. Вместе с матросами Галлер ловит рыбу — отнюдь не лишнее дополнение к пайку, проводит занятия

по математике и физике в организованной на дивизионной школе для военморов — так теперь именуются и командный состав, и рядовые. Ему приятно внимание и усердие учеников. Он чувствует, что становится ближе к своим матросам, лучше понимает их. Сплошная идиллия, а ведь как раз в это время на Минной дивизии, да и на Балтфлоте в целом, происходят тревожные события.

Незадолго до ухода «Туркменца» в Шлиссельбург, 11 мая, Галлер узнал, что Г. Н. Лисаневич, эсер, минный офицер с «Капитана Изылметьева», и Ф. У. Засимук, тоже эсер, машинист с «Инженер-механика Зверева», организовали во время заседания делегатов Минной дивизии принятие резолюции с требованием распустить орган Советской власти в Петрограде — Петроградскую коммуну, а всю власть «вручить морской диктатуре Балтийского флота»¹⁹. Народный комиссариат по морским делам и проходивший в это время в Кронштадте III съезд делегатов Балтийского флота потребовали немедленного удаления Засимука и Лисаневича из флотских рядов и расследования их деятельности. Но на заседаниях делегатов Минной дивизии 25 и 27 мая 1918 года их взяли под защиту. Более того, от имени военмор дивизии заседание потребовало созыва всероссийского учредительного собрания, переизбора Советов — «как местных, так и Совета народных комиссаров». Тогда же было заявлено о непризнании большевика И. П. Флеровского главным комиссаром Балтийского флота²⁰. Между тем он был назначен на заседании Совнаркома, на котором председательствовал В. И. Ленин.

Странную позицию занял в те дни начальник Морских сил Балтморя Щастный. Он тянул с изданием приказа об удалении с флота Засимука и Лисаневича. Лишь после его ареста 27 мая удалось выяснить характер и содержание контрреволюционной деятельности, которую Щастный начал еще в Гельсингфорсе. Так, в марте 1918 года он способствовал попытке продать через некое общество ОСДЕМ на слом шведским и финляндским фирмам корабли русского флота. Два линкора, четыре крейсера (в том числе и «Аврора»), две канлодки, тридцать четыре эсминца и миноносца входили в перечень, составленный ОСДЕМ. И все это на сумму около восьми

¹⁹ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 120.

²⁰ См. там же.

миллионов рублей при реальной стоимости около 53 миллионов! В Петрограде же, после перехода флота из Гельсингфорса, Щастный группировал вокруг себя преданных людей, искал популярности у команд кораблей. Уже не ему ли принадлежала отдающая бонапартизмом идея «морской диктатуры»? Не думал ли он, опираясь на несколько тысяч моряков стоявших в Петрограде линкоров, крейсеров и эсминцев, обладающих мощной артиллерией, взять власть в городе в свои руки? А там — кто знает... «Правда» 8—9 июня 1918 года писала, что Щастный «сознательно и явно подготавливал условия контрреволюционного переворота, стремясь... восстановить матросов флота и их организацию против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом».

Прибыв в Петроград, чтобы принять командование достраивавшимся эсминцем «Мечислав», Галлер узнал, что в числе обвиняемых «по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии» оказались и приходившие к нему на эсминец Михайлов и Берг. Теперь он был уверен, что его хотели вовлечь в некий заговор... Все это, однако, было уже в прошлом. Новое руководство Балт-флота — наморси С. В. Зарубаев и главный комиссар И. П. Флеровский — возрождало порядок и дисциплину, укрепляло боевую силу флота. Но тут же Галлеру стало известно, что еще с мая существует план уничтожения кораблей и береговых сооружений флота, на случай если Петроград захватят германцы. Его «Мечислав», как и другие корабли, должен быть взорван, как только придет условный сигнал.

В начале августа на «Свободе» состоялось совещание командиров и комиссаров Минной дивизии. С. Е. Сакс, член коллегии Наркомата по морским делам, разъяснил, что военное положение тревожное: более десяти германских дивизий сосредоточено в районе Нарвы и Пскова, три — пять — в Финляндии. И это не считая белофинских войск, стянутых к нашей границе в Карелии, и белоэстонских — у Нарвы. Не собираются ли немцы двинуться на Петроград? Не подтверждает ли это предположение неожиданный переезд посла Гельфериха из Москвы в Петроград? Тем более что благоприятным предлогом для Германии может служить начавшаяся интервенция Антанты и США. В марте 1918 года войска интервентов высадились в Мурманске, в дальнейшем оккупировали

1
2
3
4
5

районы Кольского полуострова, побережья Белого моря и в начале августа захватили Архангельск и Онегу. Сейчас противник начал наступление в направлении на Котлас и к югу вдоль Мурманской железной дороги. Сакс призвал к бдительности: решив захватить Петроград и Балтфлот, германцы могут начать активные действия. Не исключено и выступление контрреволюционеров в Петрограде.

На «Мечиславе» работы по достройке практически не велись, два десятка из приписанных к нему военморов взяли для пополнения команд эсминцев «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай» и «Азард». На «Азард» — один из немногих эсминцев, готовых к выходу в море, — попросился и Галлер; хотелось походить на «новике», почувствовать корабль, набраться опыта. На стоящем в Кронштадте «Азарде» и застал его приказ наморси о срочной постановке минного заграждения на подступах к Котлину...

8 августа в МГШ, размещавшемся на Васильевском острове рядом с Морским корпусом, собрались на важное совещание руководители Балтфлота и морского ведомства. Председательствовал начальник МГШ Е. А. Беренс, присутствовал В. М. Альтфатер — от коллегии Наркомата по морским делам, представители Главного управления кораблестроения, штаба Морских сил Балтийского моря. Повестка совещания была драматична: обсуждался план уничтожения флота и заграждения фарватеров, в случае если немцы займут Петроград. План обсудили и одобрили. Но ЦК партии большевиков не собирался сдавать город. В 0 ч 25 мин 9 августа наморси С. В. Зарубаев и главный комиссар И. П. Флеровский получили из Москвы предписание от исполняющего должность народного комиссара по морским делам В. А. Антонова-Овсеевко приготовиться к постановке минного заграждения перед Кронштадтом²¹. В телеграмме указывалось, что сделать это считает необходимым Председатель Совпаркома В. И. Ленин. Начало исполнения, т. е. выход на постановку мин, надлежало согласовать с Я. М. Свердловым, председателем ВЦИК, прибывшим в Петроград и имевшим полномочия распоряжаться всеми вооруженными силами в его районе. В. И. Ленин считал заграждение подступов к Кронштадту настолько важным и срочным, что в 17 ч 15 мин 9 августа дал телеграмму непо-

²¹ ЦГАВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 124, л. 103—105.

средственно наморси С. В. Зарубаеву: «Экстренно. Срочно. Минное заграждение поставить немедленно без всяких промедлений»²². Через полчаса наморси отдал соответствующее приказание С. Н. Дмитриеву, начальнику Кронштадтской морской базы.

Эсминцы «Азард», «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай» и «Эмир Бухарский» начали выходить из гавани Кронштадта после полуночи, к двум часам вслед за ними последовали заградители «Нарова», «Урал», «Волга» и «Ловать». Образовав завесу, эсминцы прикрыли заградители, поставившие к утру более 900 мин в две линии. К концу постановки начало светать, но Галлер, то и дело осматривавший горизонт, не заметил ни силуэтов кораблей, ни дымов. А ведь могли появиться из Биорке, что совсем рядом, германские крейсера «Страсбург» и «Грауденц», эсминцы. Возможно, что тогда пришлось бы вступить в бой, защищая заградители. Не появились... Значит, подвел для себя итог Галлер, для начала скрытность соблюли. Вскоре, конечно, новое заграждение обнаружат, и немцы трижды подумают, прежде чем сунуться к Кронштадту. Он даже улыбнулся, раскуривая трубку, — легче стало на душе. Хорошо, когда есть настоящее дело! Изрядно надоел пессимизм командиров стоящих в Петрограде эсминцев. Только и разговоров, что о сдаче города. Разве нельзя защитить миллионный город?! Надо проситься на действующие корабли...

Не скоро военмору Галлеру вновь довелось выйти в море. Пришлось вернуться на «Мечислав». Уже в Петрограде узнал он о новых линиях минных заграждений, поставленных 14 августа, о приведении в боевую готовность береговой артиллерии Кронштадта, фортов Красная Горка и Серая Лошадь. В начале сентября приказом по флоту Балтийского моря был определен состав действующих кораблей. В списке значились линкоры «Полтава» и «Андрей Первозванный», четыре миноносца-угольщика 8-го дивизиона, тральщики и сторожевики. Им и предстояло встретить, если возникнет необходимость, германские корабли. А они со второй половины августа все чаще появлялись в восточной части Финского залива. Недалеко от Котлина показывались линкор «Виттельсбах», крейсера и эсминцы, там велось траление²³.

²² Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Ноябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. С. 213.

²³ См.: Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 289.

Наступить на Петроград на суше и на море германцы все же не решились. Их войска терпели неудачи на Западном фронте, да и близился конец навигации. Балтийский флот, находясь в готовности к защите Петрограда, занимался неотложными делами: ремонтировал корабли, укреплял свою организацию и дисциплину. Осенью отменили выборность комиссаров на плавающих кораблях, лучше стали вести политическую работу партийные коллективы. Но Галлер после небольшого пребывания на «Азарде» опять томился без настоящего, всепоглощающего дела. Он ходил по своему «Мечиславу», по трем еще не достроенным «новикам», в свое время прибуксированным из Риги и с лета 1917 года стоявшим на Адмиралтейском заводе, и все больше убеждался, что вряд ли в ближайшие годы они войдут в строй. Что делать командиру на эсминце, на котором числится полтора десятка военморов, не ведутся строительные работы, а уже установленные механизмы законсервированы? Думы о настоящем и будущем были невеселые. Вот сестры Антонина и Евгения вроде бы нашли себя в изменившейся жизни: Антонина по-прежнему преподает французский, Евгения работает в больнице на Фонтанке. Анна пока что дома, с больным и все более слабеющим отцом. А он? По уставу повседневных прав и обязанностей военморов, принятому III съездом моряков Балтфлота, как лицо командного состава из бывших офицеров, ограничен в своих правах: не может участвовать в выборах в Советы и обсуждении политических вопросов, выбирать комиссаров²⁴. Матросы, которым жизнь его видна как на ладони, смотрят хмуро, доверяют, пожалуй, куда меньше, чем раньше. Конечно, Галлер понимает причины. Тут и летнее дело с Щастным, и события на Минной дивизии. А главное — террор контрреволюционеров: убийство Володарского и Урицкого, покушение на Ленина... Не доверяют. Тех же матросов, что были с ним рядом в бою на «Славе», во время похода флота сквозь льды из Гельсингфорса в Кронштадт, оставалось на «Туркменце-Ставропольском» все меньше и меньше: ушли на сухопутный фронт в матросских отрядах, воюют сейчас на миноносцах, переведенных на Волгу и Каспий. Может быть, и ему следовало настоять, чтобы его оставили на «Туркменце», пойти на нем на Волгу? Бывший его эсминец сейчас воюет в Волжской военной флотилии. Но

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 96, оп. 1, д. 13, л. 653.

А. П. Зеленой, летом вернувшийся из Финляндии и принявший обязанности старшего морского начальника в Кронштадте, убеждал не уходить с Балтики, обещал дать в командование плавающий «новик»... Видно, не вышло почему-то, да и Зеленой вскоре принял командование учебными отрядами. Что же делать, как жить? Быть может, подумать о новой профессии?.. Вот Белли, старый знакомый, командуя тоже недостроенным эсминцем, не оставляя флота, поступил в какую-то «Практическую Восточную академию», изучает японский язык.

И все-таки Галлер приходит к выводу, что изменить давней цели — служению России на морях для него невозможно. Надо пережить, перетерпеть. Занять же себя временно есть чем: скоро начнет работу морская историческая комиссия при Морской академии. Он примет в ней посильное участие — опыт минувшей войны на море следует изучить и обобщить...

Галлеровский сплин если не исчезает вовсе, то идет на спад в ноябре 1918 года. В Германии свергнут кайзер, революция! Все приказы о подготовке к уничтожению флота отменены. С радостным волнением читал Галлер постановление ВЦИК от 13 ноября об аннулировании Брест-Литовского мира, подписанное В. И. Лениным и Я. М. Свердловым. «Все... обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий областей, объявляются недействительными»²⁵, — говорилось в нем. Значит, в состав Советской России вновь вернется Прибалтика! И Галлер надеется, что флот появится на Балтике, придет в Ревель, Ригу, Либаву. Надежды его вроде бы не напрасны. Об этом же думают и в Москве. 12 ноября, даже на сутки ранее аннулирования условий Брест-Литовского мира, Реввоенсовет Республики предписывает «привести в боеспособное состояние ядро Балтийского флота...», проводить учебные стрельбы и «все необходимые операции для приведения нашего флота и его частей в боеспособное состояние»²⁶.

Однако в те же дни становится известно, что германский флот в Балтийском море и Финском заливе спешно заменяет флот английский. Во второй половине ноября в Балтийском море появляется его эскадра. Можно не сомневаться во враждебных намерениях англичан, фак-

²⁵ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 140.

²⁶ Там же.

тически уже воюющих с Советской Россией на Севере. Поэтому 19 ноября «Нарова» ставит мины к западу от Котлина. Наморси Зарубаев объявляет приказом состав действующего отряда (ДОТ) Морских сил Балтморя. В нем числятся линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», четыре эсминца «новика», крейсер «Олег», семь подводных лодок, минный заградитель «Нарова», три тральщика, пять-шесть миноносцев-угольщиков. И это не считая эсминцев и сторожевиков, охраняющих Неву и Ладожское озеро.

Галлеру обидно, что ему все еще нет места на кораблях ДОТ. Тем более что флот начинает активные действия, помогая продвижению 7-й армии к Ревелю. 28 ноября «Олег» и миноносцы конвоируют транспорта с десантом в Нарвский залив, поддерживают огнем его высадку. На следующий день наши войска вступают в Нарву и продолжают продвижение на запад. В конце декабря освобождена большая часть Эстляндии. Но Ревель у неприятеля — у белоэстонцев и помогавших им белофиннов, нашим до города еще 30—35 верст. По имеющимся сведениям, 12 декабря там бросила якорь английская эскадра — четыре крейсера, шесть эсминцев и тральщики²⁷. Это большая сила. Но к оценке боевых возможностей англичан командующий Морскими Силами Республики В. М. Альтфатер по-видимому не подходит с должной серьезностью. И когда председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий требует провести операцию, чтобы «уничтожить базирующиеся на Ревель суда»²⁸, Альтфатер не ставит вопрос о невозможности выполнить этот приказ. Не возражает и наморси Зарубаев. Отряд эсминцев — «Спартак» (бывший «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай»), «Автроил» и «Азард» возглавляет Ф. Ф. Раскольников. Ему поручено выяснить, какие корабли стоят в гавани и на рейде Ревеля, и обстрелять их. В случае появления превосходящих сил неприятеля отряд эсминцев должен отходить к Гогланду, где держался «Олег», под его прикрытие. Затем крейсеру и эсминцам предписывалось идти к Шепелевскому маяку, близ которого находился «Андрей Первозванный».

Уже после трагического конца этой операции, в которой были потеряны «Спартак» и «Автроил», а их эки-

²⁷ См.: Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 300.

²⁸ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 154.

пажи пленены («Азард» по ряду причин участия в ней не принял), Галлер с возможной тщательностью разобрал действия ее участников. Он хотел понять случившееся. Многое его поразило. Как, например, можно было идти к Ревелю, не разведав достоверно выходов — бухт к востоку от Ревеля? Ведь было известно, что английские корабли действуют в Нарвском заливе, следовательно, могут находиться и в этих бухтах. Таким образом, опасность отсечения эсминцев от «Олега» не исключалась. Преимущество же английских крейсеров типа С, построенных в 1916—1918 годах (водоизмещение 4120 т, скорость 29 узлов, пять дальнобойных 130-миллиметровых орудий и восемь торпедных аппаратов), перед эсминцами и даже перед «Олегом» было несомненным. Наконец, как можно было поручить руководство отрядом Ф. Ф. Раскольникову! Известный деятель революции, член Реввоенсовета не имел не только опыта руководства боевыми действиями на море группы кораблей, но и командования одним кораблем. Правда, перед выходом, видимо реально оценив свои возможности как командира отряда, Раскольников просил Троцкого послать его в качестве комиссара, командование же поручить специалисту — офицеру с достаточным опытом. Но Троцкий ответил, что «не видит причины, почему бы не взять ему (Раскольникову. — С. З.) на себя командование всей операцией, взяв в помощь себе опытного специалиста»²⁹. Не помог в этой ситуации и Е. А. Беренс, бывший в тот момент в Реввоенсовете Республики рядом с Троцким. А «опытного специалиста» Раскольников с собой почему-то не взял...

Потерю эсминцев, гибель товарищей из их команд тяжело переживали в Кронштадте и Петрограде. Позже стало известно и об измене части офицеров, перешедших на сторону белоэстонцев и оставшихся служить на эсминцах. Под новыми именами — «Вамбола» и «Ленник» захваченные корабли включили в состав белоэстонского флота... Особая комиссия Реввоенсовета Республики, прибывшая в Петроград для расследования случившегося, справедливо отметила, что план операции не отвечал данным, имеющимся в руках его составителей, был сильно ухудшен действиями начальника отряда Раскольникова³⁰.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 342, оп. 2, д. 169, л. 12.

³⁰ См.: Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 305.

24 января 1919 года А. П. Зеленой сменил С. В. Зарубаева в должности начальника Морских сил Балтморя. Уже в конце января он вызвал к себе Галлера на «Креchet», на котором продолжал находиться штаб наморси. Зеленой предложил принять командование крейсером «Баян»: «За зиму, Лев Михайлович, тщательно обследуйте состояние корабля, возможности быстрого ремонта и введения в строй. Обещаю вам — если «Баяну» не суждено будет выйти в море с началом кампании, получите другой корабль. Согласны?»

Предложение было знаком доверия нового наморси. 3 февраля Галлер стал командиром «Баяна», стоявшего у причала Ново-Адмиралтейского завода. Он обошел крейсер, осмотрел покрытые густым слоем смазки замки орудий в башнях и казематах, на верхней палубе и надстройках, законсервированные машины и механизмы, пустые гулкие погреба. Все вроде бы в порядке, оставшиеся семьдесят военморов (из шестисот по полному штату!) старались поддерживать на корабле должную чистоту, следить за состоянием корпуса и помещений — на большее не было возможности. Как-никак, а водоизмещение крейсера почти восемь тысяч тонн. Да еще эти же военморы демонтировали 152-миллиметровые орудия. Реввоенсовет Балтфлота приказал передать все восемь орудий этого калибра Онежской флотилии Э. С. Панцержанского для вооружения плавбатарей. Галлер не мог не подумать, что «Баяну» не выйти в море весной. Орудий, взамен снятых, не получить — Обуховский завод не работает, запасы Артиллерийского управления исчерпаны, все, что имелось, пошло на вооружение судов речных флотилий. Поэтому и приходится снимать орудия с «Баяна». Но он — командир и должен содержать свой корабль в порядке, а в положенные сроки привести в готовность к выходу в море. Хоть и остались на нем лишь главный калибр, противоминная и зенитная артиллерия. Преодолевая неудовольствие военморов — командного состава и рядовых, он организовал занятия по изучению корабля, тренировал управляющих огнем в стрельбах на учебном приборе. Даже приказал расконсервировать орудия — одно 203-миллиметровое и одно 75-миллиметровое, ввел тренировки по заряданию и наводке. Не забыл и учений по борьбе за живучесть: играл водяные и пожарные тревоги. Его не смущали сплывавшие с плеч смешки за спиной и как-то услышанное: «Выслуживается!» Галлер не желал отбывать номер и получать жалованье ни за что.

Прежде всего — долг! Он подписал обещание служить в РККФ и будет выполнять все, что положено, пусть кому-то это и не нравится.

Так шли дни и недели тяжелой зимы девятнадцатого года. 7-я армия под давлением превосходящих сил белоэстонцев и прибывших им на помощь новых отрядов белофиннов оставила Нарву и закрепилась на правом берегу реки Нарова. Прочно стал лед, и выходы в море кораблей ДОТ прекратились. Ушли в Ревель и корабли англичан и белоэстонцев. Снова Морские силы Балтморя получили передышку — возможность готовиться к предстоящей кампании летом 1919 года. На сухопутных фронтах, однако, бои продолжались. В феврале белофинские войска перешли границы Петроградской губернии. Готовились к наступлению из Эстонии и Латвии белогвардейские армии генералов Юденича и Родзянко. По замыслу Антанты удар на Петроград и наступление войск Деникина на юге должны были отвлечь силы Красной Армии с Восточного фронта, помочь наступлению главных сил белых — армий адмирала Колчака. Вряд ли Галлер много думал о положении на фронтах Советской Республики в целом, хотя дела в Карелии, на северных и западных границах Петроградской губернии сложные были его волновать. Ему хватало забот, связанных с кораблем, его сохранностью и безопасностью — диверсии не исключались. А ведь даже небольшой пожар, начавшийся в каком-нибудь отдаленном помещении, представлял грозную опасность. Возгорание нескоро заметили бы на почти безлюдном корабле.

Терзали и свои печали, личные. В конце января скончался отец. После рождества Михаил Федорович слег и уже не вставал, лежал в своем кабинете под ворохом пледов, пытался читать при мерцающем свете свечи. За два дня до его кончины Лев Михайлович был дома. Отец положил легкую руку ему на голову, погладил, как в детстве: «Левушка, хочу лежать рядом с мамой. Пожалуйста... И пусть будет пастор. Береги сестер... Кончится война — съезди в Польшу, найди могилу Вернера. Привези прах, захорони на Смоленском. А тебе, дай бог, честно служить России...» Сказал и замолчал, больше за вечер не вымолвил ни слова, точно на сказанное ушли все силы. Прощаясь, Лев Михайлович поцеловал его в высокий лоб. Сквозь поредевшие седые волосы розовела кожа. В передней молча обнял сестер — Аню, Антошину, Женю. С болью в который раз отметил: худеют, блед-

неют. Наверное, все, что он припасит из своего отпущенного обильного корабельного пайка, отдадут отцу. Сами же довольствуются осмьюшкой...

И опять засыпанное глубоким снегом Смоленское кладбище, гроб из неструганых досок. Рядом с деревянным крестом на могиле матери чернеет свежая яма. Подумал: теперь можно разом поставить кресты и отцу и матери. А то все было не собраться. Все дела, дела...

В конце марта Галлера вновь пригласили на «Кречет». А. В. Домбровский, начальник штаба Балтфлота, передал от имени Зеленого предложение принять командование «Андреем Первозванным». Льву Михайловичу изменила всегдашняя выдержка — покраснел лицом, сильнее застучало сердце. Господи, командовать одним из двух находящихся в строю линкоров, может ли такое быть?! Но через минуту, уже овладев собой, поблагодарил за честь, попросил передать наморси согласие. Потом была долгая беседа с А. В. Барановым, членом Реввоенсовета Балтфлота, бывшим гальванером с учебного судна «Аргунь». «Как к Советской власти относитесь? Намерены ли служить ей верно?» — спросил он. «Советская власть народом признана, она — народ, — ответил Галлер. — Вас ведь не удивляет, что с большевиками многие ученые, инженеры-интеллигенты, хотя многие, не знаю кого больше, против или нейтралитет держат. Офицеры флота тоже ведь интеллигенция. Военная. Не так-то много среди нас из титулованного дворянства. Отец мой покойный — генерал, военный инженер. Дед же врач, много лет в военном госпитале служил, получил титулярного советника — стал дворянином. Так вот, среди офицеров тоже многие честно служат новой России, Алексей Васильевич. Я — из них, и уверяю, не исключение. Кстати, служат честно и титулованные, вы же знаете... Мне кажется, дело не в происхождении, а в убеждениях...»

Похоже, Баранов не ожидал такого пространного ответа, но удовлетворен им был. Верно ведь говорит. И в самом деле, барон Косинский в Морской академии, барон Зальца начальник оперативного отдела в штабе наморси, барон Майдель в дивизии траления... Служат-то служат, но что дальше будет, еще посмотрим. Правда, о Галлере хорошо говорит большевик с дореволюционным стажем Николай Яковлевич Кроненберг, с марта комиссар Кронштадтской базы, служил с ним на «Славе». Но белая кость есть белая кость...

Конечно, в те дни 1919 года не было ни у Баранова, ни у кого-то другого статистических данных о том, сколько бывших офицеров служат в Красной Армии и Красном Флоте. Подсчет произвели много позже. Оказалось, что в Красной Армии в 1919 году в командном составе бывшие офицеры и генералы составляли 53 процента³¹. На флоте, надо думать, этот процент был много выше: кораблями и соединениями, за редким исключением, командовали бывшие офицеры. Из них комплектовались и специалисты — артиллеристы и минеры, механики и связисты. Иначе было и невозможно: командный состав для кораблей и береговых крупнокалиберных батарей готовится годами. Больших знаний требует и работа в штабах, преподавание в Морской академии и морских училищах... За семь лет, с 1910 по 1917 год, Морской корпус выпустил всего-то около тысячи двухсот мичманов. Да еще около пятисот мичманов за годы войны подготовили Гардемаринские классы³². Немало офицеров погибло в годы мировой войны. В Красном Флоте же на Балтике к концу 1919 года числилось более 20 тысяч военморов³³. Из них примерно около тысячи составляли бывшие офицеры и адмиралы, занимавшие большинство командных должностей на кораблях и в штабах.

Сложно было в то время служить в командном составе. Зачастую команда требовала от военморов-командиров разных степеней участия в погрузках угля, чистке котлов, прекращала деятельность кают-компаний, заставляла чистить картошку и мыть посуду. Это, как правило, не было сведением личных счетов или желанием наказать за что-то. Матросы полагали такой подход принципиально правильным. Все эти перегибы нужно было перетерпеть, сохраняя достоинство. Так и поступали те, кто желал служить Родине, обороняя ее морские рубежи. Но в Красном Флоте находились и такие бывшие офицеры, которые служили формально, пренебрегали своими обязанностями. В те дни наморси С. В. Зарубаев писал в МГШ Е. А. Беренсу: «...хуже с офицерством, я на офицерство зол — обнаглело, изленилось, гораздо

³¹ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 106.

³² См.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С. 217.

³³ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 52.

больше приносит мне неприятностей, чем все остальные...»³⁴

Преодолев личные обиды, пройдя нелегкую проверку в горниле гражданской войны, лучшие из офицеров потом воссоздавали флот, готовили новые командные кадры. Среди них был и Лев Михайлович Галлер, назначенный 2 апреля 1919 года командиром линкора «Андрей Первозванный». Приказ по Морским силам Балтморя подписали наморси Зеленой и член Реввоенсовета Баранов.

Не раз обойдя свой корабль, вникнув с помощью специалистов в техническое состояние машин, котлов и механизмов, готовность артиллерии, Галлер понял, как велика ответственность и как трудна предстоящая ему работа. Его особенно беспокоило положение с котлами. Двадцать пять котлов системы «Бельвилль», дающих пар на две паровые машины тройного расширения, давно подлежали ремонту. Но из месяца в месяц ремонт откладывался, и сейчас большая часть котлов оказалась не в строю, а действующие были ненадежны. Старший механик Слятский и его помощник Федотов, отвечавшие за котельные отделения, доложили, что нынче в приличном состоянии лишь шесть котлов. В остальных нужно менять трубки, кое-где перекладывать поды, а огнеупорного кирпича нет. В Кронштадте все склады перевернули — ни кирпича, ни трубок. Итак, котлы. Практически котлы не в строю, а линкор в составе ДОТ... За машины Галлер не беспокоился, тут все было более или менее в порядке. В исправности находилась и артиллерия. Вот только стреляли в последний раз больше года назад, а военморы в значительной мере сменились, с осени появилось много новобранцев. В башнях главного калибра расчеты, которые он проверял, при подаче снарядов и зарядов, действовали неуверенно, явно боялись техники: шарахались от досылателей и замков. Значит, нужно тренировать и тренировать. Готовить придется и управляющих огнем. И серьезно. Потому что бой с английскими кораблями вполне вероятен. Впрочем, если понадобится, он сам возьмет управление огнем артиллерии главного и среднего — 305- и 203-миллиметрового калибров на себя. На «Андрее Первозванном» его новому командиру все знакомо, привычно.

³⁴ Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1928—1930. Т. 2. Ч. 1. С. 149.

Наверное, Галлер подумал, что он везучий человек, когда узнал, кто комиссаром на линкоре. Сколько слышал жалоб и сетований при командирских разговорах (с глазу на глаз, конечно) о вьедливых и неразумных комиссарах, подозрительных до чертиков... Нелегко, тут надо признать, объяснять чуть ли не все свои действия на мостике человеку, обладающему правом не только их контролировать, но и отменить в любую минуту. А комиссар корабля — Николай Николаевич Зуев, тот самый, что был рядом в Моонзундском сражении, комиссар и председатель судового комитета «Славы»! Сколько помнил Галлер неторопливых бесед с ним в семнадцатом... И понимали друг друга, всегда находили общий язык. Рад был назначению Галлера и комиссар: с этим командиром ему хлопот, пожалуй, не будет, человек честный. Может быть, и не все понимает, как надо, но не с двойным дном. Доверять можно.

Ведь это так важно — доверять друг другу!

Вероятно, об одном и том же подумали командир и комиссар, когда в конце рабочего дня, после скудного ужина, сели в салоне. Улыбнулись, посмотрели друг на друга: «Стареем!», вспомнили вроде бы недавнее — Моонзунд, Гельсингфорс, переход сквозь льды в Кронштадт и Петроград. Нет, уже давнее, время идет, другое время. И комиссар говорит со значением, что и они тоже другие: «Теперь, Лев Михайлович, вы уже не гражданин, а товарищ командир. Ведь так?» Галлер подтверждает. Он и в самом деле чувствует себя частью нового флота. Да и альтернативы Советской России не видит. Но вопросы к Зуеву у него есть. Давно, с Моонзунда, не было возможности откровенно поговорить с партийцем. И Зуев объясняет причины волнений призывников-военморов в Петрограде осенью 1918 года. Рассказывает о тяжелом положении деревни, разоренной долгой войной, лишенной товаров, которые поступали из города. Народ устал, пользуясь этим, мужика обманывают левые эсеры — их разбили в Москве и Ярославле в восемнадцатом, но они продолжают бороться против Советской власти. «В ноябре 1918 года почему им удалось в Петрограде повести за собой мобилизованных на флот, вывести их из экипажа к Мариинскому театру, устроить митинг с призывами против Советской власти? — Зуев, не дожидаясь ответа собеседника, сам же поясняет: — Эсеры сыграли на нежелании воевать, на продрозверстке — мол, большевики грабят мужика. А ты (Волнуясь, Зуев пере-

шел на «ты».) скажи — где хлеб-то взять, как иначе его добыть? Армию, флот, город кормить нужно».

Зуев встает, меряет шагами просторный командирский салон — успокаивается. Галлер отмечает: китель на комиссаре сидит ладно. Некоторые комиссары ходят до сих пор в матросской форме, чтобы прибавить себе авторитета у команды. Зуев не рядится под матроса — комиссар тоже командный состав...

Они какое-то время молчат. Потом Галлер решается сказать о том, что мучает его уже давно. Вернее, спросить. И он говорит, что читал историю Шлоссера — о французской революции. Кропоткина тоже. Знает отсюда о революционном терроре, гильотине якобинцев, которая, правда, в конце концов, отсекала головы и им. Но ведь история для того и пишется, чтобы опыт ее не пропал всуе. Один немецкий философ сказал: историки — пророки прошлого... Зуев смотрит уже хмуро, но Галлер решается. Знает ли комиссар о происшедшем летом восемнадцатого, когда он, Галлер, был с «Туркменцем» на Ладоге? Ему рассказали, как группу бывших флотских офицеров (кто-то из них и продолжал служить) арестовали, без следствия и суда погрузили на шаланду-грязнуху, из тех, что принимают грунт с землечерпалок. Потом баржу оттянули на Малый Кронштадтский рейд, ночью дно раскрыли... Среди утопленных был Плен — бывший командир линкора.

Зуев хмурится еще больше. «Не лез бы ты в эти дела, Лев Михайлович. Про выступление Ильича в Таврическом 12 марта читал? Ильич нас призвал все силы направлять в борьбе за Советскую власть. Контрреволюция есть, и долго еще ее корчевать. Кстати, знай: в ночь на 4 апреля на «Петропавловске» разбросали прокламации левых эсеров³⁵. В Балтике — английский флот, белые копят силы у Нарвы и Юрьева, белофинны тоже вот-вот выступят. Не о прошлом думай — о будущем. Мой совет: другим такие вопросы не задавай... Может, где-то и перерегнули. Но ведь положение-то какое?» И Зуев напомнил о недавних, в марте—апреле, диверсиях в Петрограде: взрывы на Охтинском пороховом заводе, вывод из строя водопроводных станций — на Петроградской стороне при взрыве ранило полтора десятка рабочих, попытки подорвать железнодорожные мосты. Что в Петрограде дейст-

³⁵ См.: Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 174, 175.

вуют враги Советской власти — и белогвардейцы, и левые эсеры, сомнений нет. Значит, надо очистить Питер от врагов. К этому и призывает обращение Петроградского комитета РКП(б) в «Петроградской правде» за 1 апреля. Похоже, внутренняя контрреволюция в Петрограде готовится поддержать наступление белых, по данным ВЧК, есть на то основания...

Положение на подступах к Петрограду действительно осложнялось с каждым днем. Державший флаг на линкоре «Петропавловск» Степан Николаевич Дмитриев, начальник ДОТ, познакомил нового командира «Андрея Первозванного» с оперативными документами. Галлер начал со старой, еще январской сводки. По агентурным сведениям, в Балтике тогда была мощная эскадра британского флота: новейшие линейные крейсера «Лайон» и «Принцесс-Ройяль», шесть старых линкоров типа «Лондон» и «Марс», крейсера, миноносцы и тральщики³⁶. Галлер прикусывает ус, рука тянется за трубкой. Да, англичане Балтфлот принимают всерьез: кораблей привели не меньше, чем было у немцев в Моонзундской операции. Особое его беспокойство вызывает один из последних пунктов сводки — у англичан есть мониторы типа «Северн». Галлер знал, что эти корабли с малой осадкой имеют по два орудия калибром 381 миллиметр и с дальностью стрельбы 36 километров. Их появление скорее всего означало, что англичане намереваются попытаться подавить артиллерию форта Красная Горка и стоящих в Кронштадте линкоров, открыть тем самым путь белогвардейским полкам к Петрограду вдоль южного берега Невской губы. Может быть, силы англичан на море сейчас и стали меньше, но все равно превосходят те, что имеются реально у Балтфлота. Есть сведения о появлении в Данциге кораблей Франции и США. ДОТ придется нелегко. Впрочем, он отвечает за «Андрея Первозванного»... Галлер доложил Дмитриеву о состоянии корабля, попросил помощи со снабжением. Главная просьба — подать кораблю топливо. Уголь на исходе, выходить в море с минимальным запасом нельзя.

14 мая утром, когда на «Андрее Первозванном» закончили приемку угля, радисты, несшие вахту, записали радиограмму. Галлер и Зуев прочли: «Кронштадт. За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фрон-

³⁶ См.: Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 164.

тах сдаются без боя. Не губите жизней и народных денег. Приготовьтесь к сдаче. Друзья России»³⁷. Белые запугивали военморов.

Днем раньше, 13 мая, в районе Нарвы перешел в наступление Северный корпус генерала А. П. Родзянко. В сводке штаба флота, полученной на «Андрее Первозванном», указывалось, что белым удалось прорвать оборону частей Красной Армии и начать продвижение. Одновременно сообщалось о начале боевых действий английского флота, кораблей белоэстонцев и белофиннов в восточной части Финского залива. 14 мая английские корабли обстреляли Шепелевский маяк.

В тот же день Галлер получил приказ начальника ДОТ совместно с «Петропавловском» и артиллерией фортов Кронштадтской крепости быть в готовности к открытию огня по противнику. Лев Михайлович вместе со старшим артиллеристом А. С. Соболевым проверил башни главного и среднего калибров, 76-миллиметровые зенитки. Все было в порядке, и он, приказав держать артиллерию в готовности № 2 (иметь у орудий половину расчетов), спустился в котельные отделения. Работа здесь шла: где глушили прогоревшие водогрейные трубки, где кончали подновление топок. Ремонтировали донки, паропроводы. Дел было еще много, но новых водогрейных трубок так и не получили, и старший механик Слятский сказал, что больше десяти котлов в ближайшие дни в строю не будет. И еще хорошо бы иметь время на испытания после ремонта... Галлер прикинул: дай бог развить восемь узлов. Впрочем, в бой близ Кронштадта можно идти и с таким запасом скорости... А идти придется: линкор «Петропавловск» из-за неисправности машин к выходу в море не готов. Остальные линкоры по техническому состоянию и неукomплектованности команд тем паче. Значит, у Балтфлота на сей день один линкор, готовый к бою на подступах к Кронштадту, — «Андрей Первозванный». Вечером Галлер и Зуев, обговорив все, что нужно сделать, чтобы быть в готовности к выходу в море и к бою, послали старшего машиниста Иматова в Питер — на Балтийский завод. «Алексей Игнатович, счастай, тебе важнейшее партийное задание, — сказал комиссар. — Как партиец иди в заводскую ячейку, объясни

³⁷ Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л., 1926. Т. 2. Ч. 1, С. 157.

положение. Делай, что хочешь, но без трубок не возвращайся...»

В часы, когда на «Андрее Первозванном» и других кораблях ДОТ напряженно готовились отразить флот интервентов, белые продолжали развивать наступление на Петроград. 6-я стрелковая дивизия отступала. Продвижение белых поддерживалось с моря: английские и белоэстонские корабли обстреливали побережье. Положение частей Красной Армии ухудшилось после высадки 15 мая белого десанта в Лужской губе. Десант прикрывали огнем английские эсминцы. На следующий день в Лужской губе был высажен еще один десант. Вечером 16 мая английские корабли начали обстрел побережья Копорского залива, подготавливая, видимо, дальнейшее продвижение белых на северо-восток — к фортам Серая Лошадь и Красная Горка. Однако корабли интервентов были отогнаны огнем 12-дюймовых орудий Красной Горки. К этому времени белым удалось занять Гдов, а 17 мая — Ямбург (Кингисепп). 18 мая противник приближался к Гатчине, наступал в направлении Красной Горки, но встречал все более сильное сопротивление 7-й армии, получившей из Петрограда подкрепления. В эти же дни нарастала активность английского флота и действовавших вместе с ним канонерских лодок и эсминцев белоэстонцев. 17 мая противник вновь пытался высадить десант в Копорском заливе, но огонь Красной Горки заставил корабли отойти. Когда стемнело, белоэстонский десант все же высадился в Копорском заливе у деревни Сиса-Палкино, перешел в наступление в северном направлении — на деревню Керново. Тут, однако, противник был встречен пехотным полком. Десант белоэстонцев разгромили и сбросили в море...

Наморси Зеленого, уже несколько дней не покидавшего штаб Балтфлота в Главном Адмиралтействе, торопили с выходом кораблей в море, чтобы отогнать от берегов Копорской губы крейсера и эсминцы англичан, эсминцы и канлодки белоэстонцев. С 15 мая в непосредственное оперативное подчинение наморси 7-я армия передала «крепость Кронштадт с укрепленным Красногорским районом, с фортами, со всем пехотным гарнизоном, артиллерией и специальными техническими войсковыми частями»³⁸.

³⁸ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. Л., 1974. С. 72.

Оценив оперативную обстановку, Зеленой считал необходимым предпринять активные действия. Легких сил, по данным разведки, у англичан было больше: 12 легких крейсеров, 20 эсминцев, 12 подводных лодок³⁹. Значит, боевую устойчивость нашим силам должна придать артиллерия линкоров. Выйти из гавани мог лишь «Андрей Первозванный», кончавший ремонт необходимого минимума котлов. Зеленой знал: на Галлера можно положиться. И 16 мая наморси доложил командующему Морскими Силами Республики Е. А. Беренсу: «Линкор «Андрей Первозванный», эсминец «Гавриил», тральщики и сторожевые суда готовы... Решил выслать означенные корабли в район Копорской и Лужской губ с целью уничтожения судов, производящих десантную операцию...»⁴⁰ В этом же донесении наморси указал, что линкор имеет в строю половину котлов (на самом деле даже меньше), а потому «может развить при настоящем плохом угле уже только не более восьми узлов».

Видимо, Е. А. Беренс помнил о печальном итоге декабрьского похода Ф. Ф. Раскольников к Ревелю и поэтому проявил осторожность. На телеграмму Зеленого он наложил резолюцию: «Считаю операцию рискованной из-за малого хода «Андрея», но если главком (главнокомандующий 7-й армией. — С. З.) и зам. предреввоенсовета считают возможным риск и обстановка на фронте того требует, то, конечно, можно рискнуть»⁴¹. Надо думать, наморси Зеленой не был удовлетворен сообщенной ему весьма неопределенной резолюцией Беренса и доложил свои соображения главкому 7-й армии. 17 мая наморси вновь докладывает Беренсу: «...главком согласился с планом, но предложил ограничиться лишь выходом к Шепелеву (Шепелевскому маяку. — С. З.) и, если обстановка на месте позволит, провести рекогносцировку берега Копорской губы эскадренным миноносцем «Гавриил» под проводкой тральщиков. Эту операцию предполагаю с рассветом начать исполнением»⁴².

Приказ ДОТ на предстоящую операцию наморси Зеленой отдал еще 16 мая: кораблям нужно было время,

³⁹ См.: Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978. С. 148.

⁴⁰ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. С. 73, 74.

⁴¹ Там же. С. 74.

⁴² Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 177.

чтобы подготовиться к выходу. Отменить же никогда не поздно... Галлер пригласил к себе Зуева, вместе они прочитали приказ:

«Предлагаю по получении приказаania выполнить операцию по нижеследующему плану:

План операции: а) рекогносцировка Копорской и Лужской губ; б) обстрел побережья в Копорской и Лужской губах; в) уничтожение десанта противника, производящегося в Лужской губе... Силы. Линкор «Андрей Первозванный», эсминец «Гавриил», 4 тральщика и 2 сторожевых судна». Специально было упомянуто и о топливе — положение на флоте с ним оставалось катастрофическим, учитывался каждый пуд. Поэтому в приказе значилось: «Снабжение всех судов топливом с расчетом на 12 час. 12-узлового хода»⁴³.

В 5 ч 30 мин назначенные в операцию корабли начали выходить из гавани. «Андрей Первозванный» вышел на Большой Кронштадтский рейд под буксирами. Но следовать к Шепелевскому маяку, как было приказано, не смог. Начальник ДОТ С. Н. Дмитриев перешел с «Андрея» на «Гавриил». «Гавриил», тральщики и сторожевики двинулись на запад без линкора...

А было так. На баке и юте «Андрея» еще отдавали буксирные тросы, когда на мостик поднялся старший механик Слятский и доложил Галлеру и Зуеву, что в строю только пять котлов. По его словам получалось, что когда выходили из гавани, ввели восемь. Еще на двух вели работы, надеялись быстро закончить... Но три из первоначальных восьми отказали... Галлер взглянул стармеху в лицо; бледен, дергается щека. Надо успокоить: «Борис Сергеевич, идите руководить вводом котлов. Десять — необходимый минимум. Определите сроки, когда это будет. Через полчаса доложите...»

Комиссар Н. Н. Зуев проводил взглядом Слятского, взорвался: «А по сводке-то в строю десять котлов! Поплю-ка поглядеть в кочегарки, как они там работают!» В котельные отделения по его приказанию спустился помощник комиссара И. К. Иббо.

Ремонт котлов затягивался. Пришлось доложить начальнику ДОТ о задержке. И операция началась без линкора.

⁴³ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. С. 74.

«Гавриил» вместе со сторожевиками «Гарпун» и «Невод» пошел к Шепелевскому маяку, а затем и в Копорский залив вслед за тральщиками «Запал», «Клюз», «Ударник» и № 24. Перед тем как отряд лег на курс в Копорский залив, по нему открыла огонь белофинская батарея форта Ино. Затем, когда советские корабли, двигаясь к югу, вышли за пределы дальности ее стрельбы, белофинны перенесли огонь на Красную Горку. Оперативная сводка штаба Балтфлота сообщала об этом так: «10 час 25 мин Красная Горка открыла огонь по форту Ино, сделав два залпа из 12-дм орудий, после чего там был замечен пожар»⁴⁴. Белофинскую батарею, таким образом, подавили. Галлер, знакомясь со сводкой, заключил, что, будь у Шепелевского маяка «Андрей Первозванный», можно было бы нанести удар по форту Ино и его артиллерией. А главное, линкор смог бы прикрыть своим огнем «Гавриил», сторожевики и тральщики, атакованные четырьмя английскими эсминцами. «Гавриилу» пришлось вести неравный бой, пока тихоходные тральщики отхсдили под защиту фортов Серая Лошадь и Риф. Командир эсминца В. В. Севастьянов (Галлер помнил его еще по совместной службе на Минной дивизии в конце 1917 — начале 1918 года) маневрировал искусно, и «Гавриил» получил лишь незначительные повреждения от осколков в надводной части корпуса и в надстройках.

В часы, когда отряд во главе с «Гавриилом» действовал к западу от Шепелевского маяка, на «Андрее Первозванном» вводили в строй котлы. Не обошлось без ненужной драматизации и нервозности, чего так не любил Лев Михайлович. Обычно флегматичный эстонец Иоганнес Карлович Иббо, помощник комиссара, что называется «вышел из берегов». Он вообразил, что неисправность в котлах — результат саботажа Слятского и Федотова. Попадая к механику Федотову, занимавшемуся вместе с котельными машинистами чеканкой трубок в коллекторе, выхватил револьвер: «Если через полчаса не дашь хоть двух котлов — застрелю!»⁴⁵

Через полчаса и в самом деле ввели два котла, через час — еще два. На девяти котлах смогли дать семь узлов. Линкор подходил к Шепелевскому маяку, когда встречным курсом к Кронштадту проследовали «Гавриил»

⁴⁴ Там же, С. 79.

⁴⁵ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне, С. 177—178.

и тральщики. Галлер облегченно вздохнул: обошлось! Задержка линкора не имела серьезных последствий. Но оставить случившееся без должной оценки не мог. Вечером, когда «Андрей Первозванный» стал на бочку на Большом Кронштадтском рейде, Лев Михайлович решил поговорить с Зуевым. Суть сказанного им комиссару сводилась к тому, что машины или орудия в исправности содержать, конечно, следует. И обстановка военная, тяжелая. Но криком, угрозой ничего не добьешься: ни у рядовых военморов, ни у их командиров. Спокойные и основанные на разумном подходе отношения — абсолютная необходимость. Котлы ввели бы в то же время и без истерики помощника комиссара, хотя он представляет это как свою победу. Он, Галлер, как командир хочет доверия к себе. Действия Иббо — проявление недоверия не только к механикам, но и к нему...

Надо сказать, что Н. Н. Зуев с Галлером, да и с другими бывшими офицерами, сумел установить правильные взаимоотношения. В своей работе он исходил из выступлений В. И. Ленина, не раз раскрывавшего ошибочность и вред огульного недоверия к командному составу старой армии, а также из принятой на VIII съезде РКП(б) Программы партии, в которой, вопреки «военной оппозиции», было записано: «Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны. В связи с этим необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии»⁴⁶. Бывший машинист «Славы», кроме того, прекрасно понимал, что флот — особая статья. Став командиром полка, унтер-офицер или солдат, если бог дал ему ума палату, вести полк в бой сможет. Вдобавок, если у него еще начальник штаба из офицеров. А на море дело другое. Полк сквозь землю не провалится, корабль и потонуть может. Корабль вести в море, даже не в бой — просто на выход в море, может только тот, кого учили годами, кто опыт имеет. То есть офицер. Управлять артиллерией и борьбой за живучесть корабля также. И так будет, пока на мостики и на командные посты не придут свои, красные офицеры. Их еще только начали готовить... С Иббо он поговорил, хотя

⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее КПСС в резолюциях...), М., 1970. Т. 2, С. 46—47.

переубедить Иоганнеса было непросто. Провел работу и с партийным коллективом, поспешившим отправить в Кронштадтское политическое отделение доклад, безоговорочно одобрявший действия помощника комиссара. И многие годы спустя Галлер тепло вспоминал совместную службу на «Андрее Первозванном» с Николаем Николаевичем Зуевым, настоящим большевиком, человеком умным и добрым...

С весны 1919 года крейсера, эсминцы и подводные лодки эскадры британского контр-адмирала Уолтера Коуэна, базировавшиеся на финляндский порт Биорке, действовали в Копорском заливе. Надводные корабли обстреливали побережье, подлодки поджидали корабли Красного Флота у кромки наших минных заграждений. 31 мая эсминцы «Азард» и «Петропавловск» выходили к Шепелевскому маяку. «Азард» прошел на запад, вел бой с английскими эсминцами, отходя под прикрытие линкора. В это время «Азард» атаковала подводная лодка. Торпеды, ею выпущенные, обнаружили, и командир эсминца Н. Н. Несвицкий произвел уклонение. «Петропавловск», маневрировавший на огневой позиции между двумя минными заграждениями, встретил восемь английских эсминцев огнем. Они пытались сблизиться с ним для торпедной атаки, но не выдержали сосредоточенного огня главного калибра и 130-миллиметровой артиллерии. Подойдя на дистанцию около 45 кабельтовых, эсминцы легли на обратный курс. «Азард» и «Гавриил» выходили в Копорский залив и в последующие дни, вступали в артиллерийскую дуэль с эсминцами, уклоняясь от атак подводных лодок и контратакуя их. 4 июня, когда «Азард» и «Гавриил», прикрываемые «Петропавловском», снова находились в Копорском заливе, «Азард» потопил новейшую английскую подводную лодку «Z-55» (вступила в строй в 1919 году). Ночью 10 июня «Азард» и «Гавриил» атаковали дивизион английских эсминцев, стоявших на якоре у финского берега близ мыса Стирсудден. Противник был застигнут врасплох. Открыв беспорядочную стрельбу, англичане стали сниматься с якоря и отходить в западном направлении. На одном из эсминцев вспыхнул пожар.

Положение на суше продолжало оставаться напряженным. Результаты успешного контрнаступления 7-й армии были сведены на нет новым наступлением белых вдоль шоссе Ямбург—Красное Село. С 5 по 6 июня противник продвинулся к Петрограду. Части белых вышли

на линию реки Коваши и оказались на ближних подступах к фортам Серая Лошадь и Красная Горка. Пытались помочь наступлению на Петроград и белофинны. 5 июня в Кронштадте раздались взрывы крупнокалиберных снарядов — стрелял форт Ино. Галлер сразу же получил приказ вывести «Андрея Первозванного» на Большой рейд и на огонь с Ино «отвечать равным числом выстрелов». Но белофинны стрельбы не возобновили, и на следующий день Лев Михайлович ввел линкор в гавань. Однако на душе у него было неспокойно. Чувствовал: наступают тяжелые дни. 11 июня как-то загадочно возник пожар на форту Павел, используемом как склад мин. Почти до двух ночи следующих суток там взрывались мины.

Это случилось 11 июня, в день, когда адмирал Коуэн дал радиogramму с сигналом к восстанию белогвардейским заговорщикам в Кронштадте и на Красной Горке, принадлежащим к контрреволюционному «Национальному центру». Она была перехвачена и поступила в штаб Балтфлота.

Утром 13 июня «Андрей Первозванный» стоял в Военной гавани у Усть-Рогатки. В начале десятого Галлера вызвал на «Петропавловск» начальник ДОТ. В салоне у С. Н. Дмитриева находился Н. М. Разин, комиссар «Петропавловска», день назад принявший и обязанности комиссара ДОТ. Разговор был недолг: Галлеру сообщили, что на Красной Горке и Серой Лошади белогвардейское восстание, крепостные полки — 1-й и 2-й Кронштадтские с мятежниками. Фронт у фортов практически оголен. Около семи утра с Красной Горки передали по телефону на форт Риф ультиматум, требуя присоединиться к мятежу и угрожая открыть огонь в случае отказа. «Андрею Первозванному» надлежит быть в готовности к стрельбе главным и средним калибрами по Красной Горке и к выходу на рейд.

Галлер не успел еще выйти из салона, когда радисты принесли две радиogramмы с мятежной Красной Горки. Одна из них была адресована в Биорке адмиралу Коуэну: «Красная Горка в Вашем распоряжении». Другая — гарнизону Кронштадта: «Присоединяйтесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен»⁴⁷. У Галлера не было сомнений — впереди бой с Красной Горкой.

⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 418, л. 216, 217.

Вернувшись к себе, Лев Михайлович приказал немедленно готовить корабль к бою и походу. Около одиннадцати начальник ДОТ распорядился вывести линкор на Большой Кронштадтский рейд. Заканчивали обедать, когда подошли буксиры. Сыграли аврал. Галлер стоял на мостике, всматривался сквозь оптику бинокля в южный берег. Пока все спокойно. Но он не обманывался, ожидал начала огня Красной Горки. Прикинул: на форту две двухорудийные башни и четыре открытых орудия калибром 305 миллиметров. Итого, восемь пушек. Значит, могут вести огонь четырех- или даже восьмiorудийными залпами... Он вспомнил бой в Ирбенском проливе в октябре 1917 года, когда Церельская батарея стреляла по германским линкорам. Противник вел дуэль, непрерывно маневрируя, церельцы добились, кажется, лишь одного попадания. Но и огонь дредноутов по батарее не был эффективным. Выводы? Нужно вести обстрел Красной Горки на ходу. Правда, маневрировать придется на прямых курсах — диктует движение по фарватеру. Таким образом, управляющий огнем на Красной Горке будет знать курс «Андрея». Что же делать? И он решил: нужно сбивать пристрелку изменением скорости. А чтобы повысить мощь огня линкора, ввести в дело и 203-миллиметровый калибр. При стрельбе бортом это будет семь орудий. И плюс четыре 305-миллиметровых. Стрелять по форту будут одиннадцать орудий. Неплохо!

Предстоящие действия ДОТ определил приказ Реввоенсовета Балтфлота, полученный С. Н. Дмитриевым вскоре после инструктажа командира «Андрея Первозванного»: «Ввиду известной вам обстановки предлагается: 1. Привести в готовность все боевые суда вашего отряда («Андрей Первозванный» в полную, «Петропавловск» в двухчасовую, «Олег» в часовую, миноносцы: дежурный в полную, а остальные в четырехчасовую готовность).

2. Суда расположить таким образом, чтобы: а) они могли вступить в кратчайший срок в бой с наступающим с моря неприятелем; б) могли производить обстрел обоих берегов (северного и южного берега залива. — С. 3.), по возможности не выходя за меридиан Толбухина маяка. 3. В случае обстрела Кронштадта или судов флота с береговых батарей следует немедленно отвечать»⁴⁸.

⁴⁸ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. С. 124—125.

Содержание приказа соответствовало складывающейся обстановке. Появление у Кронштадта английских кораблей не исключалось. Видимо, «Национальный центр» должен был обеспечить захват всех фортов Кронштадтской крепости. Получив секретные карты и шифры с перешедшего 13 июня на сторону мятежников тральщика «Китобой», Коуэн мог попытаться двинуть свои корабли непосредственно к Кронштадту. Надо думать, Коуэн ожидал дальнейшего и, как он надеялся, благоприятного развития событий.

Одновременно с предъявлением Реввоенсоветом Балтфлота в полдень 13 июня ультиматума Красной Горке началась подготовка к подавлению мятежа силами 7-й армии и Балтфлота. Формировалась береговая группа войск, в основном из моряков, для наступления на Красную Горку со стороны Ораниенбаума. Предусматривалось, что оно будет проходить во взаимодействии с ДОТ и авиацией. Решение было правильным, так как уже после истечения двухчасового срока ультиматума Реввоенсовета мятежники предъявили Кронштадту новый ультиматум, требуя сдать через 15 минут. Прошел этот срок, и в 14 ч 50 мин 305-миллиметровые орудия Красной Горки открыли огонь по Большому рейду и по городу.

Галлер, не покидавший мостика и после того, как в 14 ч отдали якорь на Большом Кронштадтском рейде, немедленно запросил «добро» на ответный огонь. К этому времени он вместе с артиллеристом А. С. Соболевым и его братом старшим штурманом Л. С. Соболевым, будущим известным советским писателем, рассчитал данные для стрельбы по Красной Горке с места стоянки. И вот разрешение начальника ДОТ получено, в 15 ч 15 мин пошли первые залпы... Одновременно он услышал гром выстрелов «Петропавловска». Дредноут стрелял из Военной гавани, в секторе обстрела у него оказалась лишь одна башня — четвертая. Вскоре дальномерщики доложили Галлеру, что залпы «Петропавловска» падают с недолетами, и он приказал дать об этом семафор начальнику ДОТ. Между тем артиллеристы мятежного форта пристрелялись по «Андрею Первозванному», снаряды ложились довольно близко от корабля, поднимали высокие всплески в саженях 50—100. Но огонь с Красной Горки вели редкий, с большими паузами.

После пяти вечера Красная Горка почему-то прекратила обстрел рейда. В 17 ч 40 мин дал последний залп

главным калибром и «Андрей Первозванный». Лев Михайлович приказал оставить у орудий одну смену, разрешил команде обедать и спустился в кают-компанию. С едой покончили быстро: все уже знали, что скоро съема с якоря и переход к маяку Толбухин. Галлер поднялся на мостик, закурил трубку. На баке проббили две с половиной склянки — 18 ч 30 мин. Как всегда, с удовольствием слушал он приятный перезвон — склянки отбивали и на «Петропавловске», отдававшем якорь поблизости. «Время!» — подумал он, взглянув на часы, и приказал играть аврал. Вскоре линкор снялся с якоря, медленно развернулся к западу. «Легли на створ Николаевских маяков», — доложил штурман Л. С. Соболев.

Путь до Толбухина прошли меньше чем за час. Все данные в приборы стрельбы были введены, в башнях и казематах напряженно ожидали открытия огня. Но Галлер не давал команду — не хотел начинать бой с Красной Горкой на сближении, на курсе к весту. Ведь если корабль получит в начавшейся дуэли повреждения, разворачиваться на курс к Кронштадту придется под сосредоточенным огнем форта. А до него каких-то 50—60 кабельтовых. На такой дистанции от мощных снарядов 305-миллиметровых орудий не спасет никакая броня... На траверзе Остовых вешек Галлер скомандовал на руль, и линкор начал поворот на обратный курс.

Видимо, на мятежном форту не открывали огня по «Андрею Первозванному», решив вначале установить его намерения. Может быть, линкор идет к Шепелевскому маяку, в Копорский залив? Но увидев, что линкор ворочает на обратный курс, привели в действие артиллерию. Корабль еще не закончил поворот, когда встали всплески от падения снарядов с недолетом. Галлер тут же приказал открыть огонь по форту главным и средним калибрами. В 20 ч 20 мин грянули залпы двух башен 305-миллиметровых орудий, двух башен 203-миллиметровых. Из казематов били три 203-миллиметровых орудия правого борта. «Стреляют хорошо, без пропусков!» — отметил Галлер. Опытный артиллерист, он чувствовал, что снаряды ложатся кучно. Вот на форту начался пожар... Но поначалу ослабевший было огонь с Красной Горки вскоре усилился. В 20 ч 45 мин снаряды стали ложиться в 10—15 саженьях от борта, засыпая палубу осколками. «Пристрелялись», — заключил Галлер и поставил телеграфы на самый полный. Линкор прибавил узла четыре. И два снаряда с Красной Горки, кото-

рые наверняка бы попали в цель, теперь лишь подняли фонтаны за самой кормой линкора...

Лев Михайлович считал дальнейшую дуэль для «Андрея Первозванного» невыгодной. На такой дальности боя мятежники могли задействовать и имеющиеся на форту орудия других калибров — 280 и 254 миллиметра. Он повел линкор на Большой Кронштадтский рейд. В 21 ч 15 мин корабль отдал якорь на рейде, став так, чтобы не мешать стрельбе «Петропавловска» по Красной Горке. Пока сигнальщики передавали начальнику ДОТ семафор с вопросом «Повторить ли маневр?», Лев Михайлович собрал в кают-компании командный состав. Вместе с Зуевым они заслушали доклады о состоянии артиллерии и машинной части, расходе снарядов. Существенных неисправностей не было, и он от своего имени и от имени комиссара поблагодарил за отличную службу.

Потом вместе с Н. Н. Зуевым обошел кубрики. Военморы, несмотря на усталость, вспоминали прошедший бой. Кто-то посмеивался над молодым комендором, прятавшим голову в плечи при каждом залпе... Зуев остался в кубрике носового плутонга, а Лев Михайлович вновь поднялся на мостик. Его уже поджидал ответный семафор Дмитриева: «Идти и стоять на якорь на меридиане Толбухина, на выстрелы отвечать». Чуть позже пришло дополнение, обрадовавшее Галлера: «В ваше распоряжение переходят «Гавриил», «Гайдамак» и «Всадник». Это было совсем неплохо: не дело линкору ходить без охранения миноносцев. Английская подлодка может рискнуть пройти и к Шепелевскому, и даже к Толбухину...

В 23 ч 25 мин на «Андрее Первозванном» снова прозвучала боевая тревога. Снявшись с якоря, линкор двинулся к маяку Толбухина. Впереди шли эсминцы. После полуночи, в 0 ч 50 мин, 14 июня Галлер поставил линкор на якорь к югу от маяка. Котлы приказал иметь на поддержке, чтобы сразу же можно было дать пар к машинам. Рискованно, конечно, стоять на якоре так близко от Красной Горки, но что делать, если уголь на вес золота, да и есть на это прямой приказ. Дав указание старшему боцману Е. Л. Костюченко быть готовым расклепать якорь-цепь, если придется спешно сниматься под обстрелом, Лев Михайлович устроился в кресле на мостике. Лучше подремать здесь — в каюте ему все равно не заснуть. Но и тут сон не шел. Галлер проверил носовую башню главного калибра, башню № 3 среднего, посмот-

ред, как несут готовность на 120-миллиметровых орудиях противоминного дивизиона.

Галлер вернулся на мостик, совсем было задремал, но за плечо тронул сигнальщик: «Товарищ командир, на норд-весте дым!» Оставив для охранения «Гайдамака» и «Всадника», он приказал «Гавриилу» пройти до линии своего минного заграждения — для разведки. И почти сразу же с Красной Горки грянули залпы. Галлер немедленно приказал играть боевую тревогу и сниматься с якоря. Но снаряды вблизи не падали. Красная Горка была по Кронштадту. Скорее подавить ее огонь, помешать стрельбе! В 1 ч 41 мин «Андрей Первозванный» уже был на ходу, лег на курс 285°, в 1 ч 50 мин заработали его орудия. Дальномерщики доложили: «Накрытие!»

В течение всего дня Лев Михайлович не спускался с мостика. Линкор вел огонь по форту, эсминцы выходили в разведку, выясняя, кому принадлежат дымы, появившиеся на горизонте. Их обнаруживали на западе дальномерщики линкора, вознесенные в своем посту на 20-метровую высоту. Дымили миноносцы: то их было шесть больших, видно английских, то два малых. «Гавриил» обстреливал форт Серая Лошадь и селение Лебяжье, где находились части мятежников, а может быть, и белых из армии генерала Родзянко, на запад пролетел на разведку наш аэроплан. Галлер водил линкор то вестовыми, то остовыми курсами, изменял скорость, если форт начинал пристреливаться по кораблю. И внимательно следил, как падают снаряды орудий линкора, контролируя по возможности доклады из дальномерного поста.

Конечно, стреляла то по подходившему ближе к форту, то удалявшемуся линкору и Красная Горка. В 20 ч 27 мин четыре залпа легли вплотную по носу и по корме, многометровые всплески от снарядов окатили ют. Снаряды упали настолько близко, что газы при их разрыве попали в кормовую башню главного калибра. Отравленные газами, потеряли сознание плутонговый командир К. И. Славецкий, комендоры П. В. Васильев, В. К. Горсков и И. Ф. Якушин. Но обошлось: люди остались живы, хотя двоих на следующий день пришлось отправить в госпиталь. А Галлер самым полным вывел линкор из накрытий. Чудо — корабль двое суток под обстрелом, и ни одного попадания!

Периодический огонь по форту, открытый 14 июня в 1 ч 50 мин, «Андрей Первозванный» прекратил только в 23 ч 45 минут. Придя на Большой Кронштадтский рейд,

Галлер запросил «добро» на вход в гавань. Нужно было принять уголь, провести ремонт рулевой машины, пополнить артиллерийские погреба. Несмотря на усталость — Лев Михайлович не спал уже вторые сутки, — он вместе с комиссаром пригласил старшего артиллериста А. С. Соболева. Расход снарядов оказался внушительным: главного калибра за два дня 170 — половина имеющегося, среднего — 408, т. е. шестая часть.

Утром на линкор приняли уголь. Рулевую машину привели в порядок еще ночью, и Галлер к полудню 15 июня доложил начальнику ДОТ о готовности к выходу. Но немедленной нужды в том не было: по Красной Горке с Большого Кронштадтского рейда вел огонь «Петропавловск», от Толбухина маяка — крейсер «Олег». Галлер получил приказ быть в двухчасовой готовности. 16 июня утром «Андрей Первозванный» вновь стоял на Большом рейде. К 17 ч 15 июня наши войска вышли на ближние подступы к Красной Горке. Два часа спустя, не выдержав непрерывного артобстрела, мятежный гарнизон фактически оставил форт. Разбежавшиеся мятежники бродили в лесу, при появлении наших войск сдавались в плен группами без сопротивления. Отступил и оборонявший форт полк белых — так называемый Ингерманландский, которым командовали английские и белофинские офицеры. В 23 ч 20 мин «Петропавловск» дал по форту последний залп. Через пятьдесят минут в Красную Горку вошли советские войска. После полудня 16 июня без боя был занят и форт Серая Лошадь. Наши войска развивали наступление вдоль побережья Копорской и Лужской губ. Оперативная сводка штаба Балтфлота, которую Галлер читал в штабе ДОТ, сообщала, что белые отступают, теряя захваченное в мае — июне 1919 года.

Так в тесном взаимодействии сухопутных сил и флота, подавившего артиллерию фортов, в течение трех-четырех дней был ликвидирован контрреволюционный белогвардейский мятеж. В короткий срок оба форта были подготовлены к бою. Огонь могли вести семь из имеющихся восьми 305-миллиметровых орудий Красной Горки. Ничто не угрожало теперь Кронштадту с южного берега, вновь стал открыт выход кораблям Балтфлота в Финский залив, вновь был прегражден путь врагу к Петрограду по побережью Копорской и Невской губ. Операцию по разгрому гарнизонов и взятию фортов Красная Горка и Серая Лошадь спланировали и провели штабы 7-й армии и Балтфлота, руководимые военачальниками,

имевшими опыт мировой войны, — И. И. Вацетисом, Д. Н. Надежным, А. П. Зеленым, А. К. Ремезовым, С. Н. Дмитриевым.

И поэтому выглядит странным хвастливый тон телеграммы, данной 16 июня В. И. Ленину уполномоченным Совета Обороны И. В. Сталиным: «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившие до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных».

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой»⁴⁹.

Здесь и искажение реально происходившего и явное самолюбование — «взятие с моря», хотя операция была комбинированной, но без морского десанта, апология грубого вмешательства в оперативные дела со стороны непрофессионала и «навязывание своих собственных» приказов... Пройдет немногим более года, и на члена Военного совета Юго-Западного фронта И. В. Сталина ляжет тяжкая ответственность за невыполнение приказа главкома С. С. Каменева о передаче 12-й и 1-й Конной армий Западному фронту, за «навязывание своих собственных» приказов. И это послужит одной из главных причин неудачи Варшавской операции Красной Армии...

Потерпев неудачу в первом наступлении на Петроград, британские интервенты и Юденич немедленно приступили к подготовке нового комбинированного удара. На этот раз наступать намеревались большими силами и по суше, и со стороны моря. В Балтийское море вошло соединение английских крейсеров, 14 июля в Биорке прибыла авиаматка «Виндиктив» с 22 гидросамолетами и значительным числом колесных аэропланов. К 30 июля в Биорке находились семь английских торпедных катеров (водоизмещение 5 тонн, скорость 40 узлов, вооружение — одна торпеда, 3—4 пулемета) и полуфлотилия миноносцев.

Тем временем белые готовились прибрать к рукам корабли Красного Балтийского флота. В Биорке еще в последних числах июня появился контр-адмирал Пил-

⁴⁹ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. С. 132—133.

кин — в 1917 году начальник бригады крейсеров, назначенный Колчаком командующим «будущего белого» Балтийского флота. Английский адмирал принял его на крейсере «Дельфи» и заявил, что признает его «полномочия как командующего флотом» и обещает «передать ему сдавшиеся военные корабли в Кронштадт, сохраняя за собой главнокомандование союзными флотами»⁵⁰. Об этом сообщал из Лондона «российский поверенный в делах» Набоков в Омск колчаковскому «генмору» (т. е. морскому генштабу, существовавшему при «верховном правителе»). Видимо, не сомневались в успехе похода на Петроград деятели «белого движения»...

В штабе Балтфлота, в штабе ДОТ и на кораблях не сразу стало известно об усилении противника на море. Но что англичане и белые вновь угрожают Петрограду и Кронштадту, Галлер, как и все военморы и жители флотской столицы, почувствовал по начавшимся воздушным налетам. С конца июля Галлеру не раз приходилось подниматься на мостик «Андрея Первозванного», чтобы управлять отражением воздушных атак англичан. Пилоты не выдерживали зенитного огня, не осмеливались приближаться к боевым кораблям, зато сбрасывали бомбы на жилые кварталы Кронштадта, даже на Летний сад. Гибли дети и женщины.

В первой половине августа, продолжая воздушные налеты на Кронштадт, англичане в строгой тайне готовили комбинированный удар торпедных катеров и авиации по главным силам Балтфлота — линкорам. Они надеялись, что после вывода из строя линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», броненосного крейсера «Рюрик», крейсеров «Аврора» и «Диана», учебного судна «Память Азова» — плавбазы подводных лодок, Красный Флот не сможет поддержать приморский фланг 7-й армии и не окажет сильного сопротивления английской эскадре на морских подступах к Кронштадту и Петрограду. Наличие у англичан торпедных катеров оставалось неизвестным командованию Балтфлота даже после торпедирования 18 июня 1919 года крейсера «Олег», стоявшего на якоре у маяка Толбухина. Английский катер был обнаружен после взрыва торпеды — на отходе, по нему вели огонь с охранявших «Олега» эсминцев «Гайдамак» и «Всадник». Но катер посчитали

⁵⁰ Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах, Т. 2. Ч. 1. С. 178.

рубкой подводной лодки. Командир «Олега» докладывали: «...увидел кабельтовых в 20—25 на курсовом угле 30° с левого борта... рубку и перископ подводной лодки, уходящей на норд-вест»⁵¹. Почему-то командование флота должным образом не оценило и не отреагировало и на выход в атаку 30 июля английского катера по тральщику «Невод», который находился в дозоре у маяка Толбухина. Ему удалось уклониться от выпущенной катером торпеды. В. А. Белли вспоминал, что, по рассказам Галлера, примерно в начале августа на совещании у С. Н. Дмитриева командир «Петропавловска» С. П. Ставицкий предложил закрыть вход в гавань боном. Его поддержал Галлер, напомнив, что в июне прошлого 1918 года итальянские торпедные катера потопили австро-венгерский линкор. Однако командование Кронштадтской крепости так и не собралось поставить боны...

И. С. Исаков в своих воспоминаниях «Кронштадтская побудка» утверждает: «К лету 1919 г. советские моряки ничего не подозревали о существовании так называемых «торпедных катеров»⁵². Однако с этим согласиться трудно, памятуя о рассказанном Л. М. Галлером и торпедной атаке на «Невод». Да и сомнительно, чтобы к августу 1919 года на Балтийском флоте не знали о действиях английских торпедных катеров в 1917 году в Северном море и итальянских в 1918 году в Адриатическом. Таким образом, непринятие мер по заграждению входа в гавань Кронштадта явилось результатом халатности, которая чуть было не привела к тяжелейшим последствиям.

В ночь на 18 августа в 3 ч 45 мин Галлера разбудила аэропланная тревога. Он выбежал из каюты на мостик, принял доклады о готовности к бою зенитной артиллерии и всего корабля в целом, посмотрел в небо. Ночь выдалась лунная, но высокая облачность часто скрывала ночное светило. Где-то в небе гудели моторы, в просветах облаков мелькали тени английских самолетов, изредка слышались взрывы бомб у Пароходного завода, в Средней гавани. К частым налетам английских самолетов летом 1919 года в Кронштадте уже привыкли. Но в этот раз вдруг сквозь хлопки выстрелов зенитных автоматов, так называемых «помпомов», более гулкие и редкие вы-

⁵¹ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 213.

⁵² Исаков И. С. Избранные труды. М., 1984. С. 107.

стрелы зенитных пушек прорвался откуда-то поблизости, с воды, рев моторов. Лев Михайлович не понял вначале, в чем дело: подбитый гидросамолет?! Но тут же скомандовал: «По воде не стрелять!» Напротив стояли заградители с минами на борту. Со стороны рейда, от ворот гавани, тоже были слышны выстрелы. Как выяснилось позже, это вел огонь по мчавшимся к гавани семи торпедным катерам дежуривший на Малом рейде эсминец «Гавриил». Его меткие залпы пустили ко дну один катер на подходе к воротам гавани и два на выходе из нее. Прорвавшиеся в гавань катера выпустили торпеды...

Галлер вдруг ощутил, как вздрогнул корпус, в носу, по левому борту, блеснуло пламя взрыва, фонтан воды, вставший чуть впереди мостика, обрушился на бак. «Торпедировали!» — мелькнула мысль. И он сразу же скомандовал: «Аварийные партии в нос!» Удары колокола оповестили о водяной тревоге. А в воротах гавани что-то пылало — горели подбитые «Гавриилом» катера.

Улетели самолеты, около 7 ч дали отбой тревоги. «Андрей Первозванный» несколько осел носом, но креп был незначителен, и вода более не поступала. Галлер приказал старшему офицеру и стармеху осмотреть повреждения борта. Вскоре, обобщив все доклады о повреждениях, Лев Михайлович принялся за донесение начальнику ДОТ. Он указал, что пробоина незначительная — выбиты со своих мест две броневые плиты, затоплены четыре отделения — таранное, канатный ящик, помещенные трюмных, провизионка с ледником. Корабль сел носом на два фута. Есть жертвы: один военмор убит и два контужены. Галлер сам отнес донесение С. Н. Дмитриеву на «Петропавловск». «Что, бог миловал?» — спросил начальник ДОТ. «Бог миловал, Степан Николаевич. Попади мина чуть подальше в корму — как раз бы в погреб носовой башни. Тогда бы я вам не докладывал...»

И в самом деле, «Андрею Первозванному» повезло. Когда к концу дня стали в док, увидели: пробоина между 4 и 13 шпангоутами. Заводские вместе с помогавшими военморами за неделю заделали борт, закрепили броню. Англичане желанного успеха не добились: потопили лишь учебное судно «Память Азова», военное значение которого было невелико. К счастью, в момент атаки у его борта не было подводных лодок. Не удалось интервентам и взорвать батопорт Николаевского дока, чтобы лишить возможности ремонтировать большие корабли. Противник же потерял шесть катеров из семи, поврежденные

пришлось затопить. Да и секрет нового боевого средства — русский флот с торпедными катерами встретился впервые — был теперь раскрыт. Красный Флот продолжал действовать. 31 августа подводная лодка «Пантера» пустила ко дну в Копорском заливе английский эсминец «Витториа».

Но Галлер понимал, что успокаиваться нельзя. Летнее наступление белых на Петроград отбито. Однако, судя по разведсводкам, британский флот не собирается уходить из Финского залива, а Юденич спешно приводит в порядок свои полки. Белые намереваются вновь вскоре ринуться на Петроград, чтобы помочь армиям Деникина, рвущимся к Москве. 21 сентября белые захватили Курск... Правительства Англии, Франции и США явно не оставляли планов уничтожения Республики Советов. Под их давлением тянули с началом мирных переговоров с РСФСР буржуазные правительства Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. «Можно ожидать нового наступления на Кронштадтскую крепость с моря, на южные форты и Петроград — по суше. Мы должны быть готовы к бою», — сказал Лев Михайлович, выступая перед командой «Андрея Первозванного».

Начавшееся 28 сентября 1919 года второе наступление Северо-Западной армии генерала Юденича и белоэстонских частей, поддерживаемое с моря британскими кораблями, не застало Балтфлот врасплох. Но опять начались неудачи на сухопутном фронте. Части 7-й армии отступали, вновь нависла угроза над твердынями Кронштадтской крепости на южном берегу залива — фортом Краснофлотский (Красная Горка), и фортом Передовой (Серая Лошадь). Реввоенсовет флота спешно формировал береговые экспедиционные отряды и отправлял их на защиту южных фортов. В эти отряды вошли и многие военморы с «Андрея Первозванного».

Галлер ждал приказа на выход, но наморси Зеленой пока держал корабли в гаванях Кронштадта — с топливом с началом наступления Деникина стало совсем плохо. Было решено, что корабли получат приказ выйти к маякам Толбухин и Шепелевский, когда британский флот предпримет попытку прорыва к Котлину или возникнет непосредственная угроза южным фортам. Случилось так, что «Андрей Первозванный» из Средней гавани так и не вышел. По полкам белых, прорвавшимся на ближние подступы к Петрограду, начиная с 20 октября били орудия линкора «Севастополь», стоявшего на пози-

ции у Гуттуевского острова. Его артиллерия поддержала успешное наступление 7-й армии, начавшееся с рубежа Пулковских высот 21 октября. Перелом был достигнут благодаря принятым экстренным мерам для защиты Петрограда. Под руководством прибывшего председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого в городе провели мобилизацию коммунистов, сформировали новые части. На фронт были отправлены коммунистические батальоны и рабочие полки, курсантские подразделения...

Радость с начавшимся разгромом белых войск омрачила гибель трех эсминцев «новиков» — «Гавриила», «Свободы» и «Константина», подорвавшихся на минном поле. Эти три корабля и «Азард» должны были поставить мины в Копорском заливе, чтобы помешать английскому флоту обстреливать советские войска на приморском фланге. В числе погибших были и командир дивизиона «новиков» Л. Н. Ростовцев — Лев Михайлович хорошо знал этого храброго офицера. Командир «Гавриила» В. В. Севастьянов — тоже знакомый... И опять у Галлера недоумение: зачем спешили, нарушая все каноны военно-морского искусства? Разве можно было посылать корабли, не обеспечив предварительного траления или не послав впереди тральщики? Неужели не могли предусмотреть это те, кому следовало оценивать оперативную обстановку: Зеленой, Дмитриев, наконец, сам Ростовцев? Как будто все забыли о гибели германских эсминцев на минном заграждении в устье Финского залива в 1916 году...

Не получил «Андрей Первозванный» приказа на выход в море и когда 27 октября английский монитор «Эребус» обстреливал форты Краснофлотский и Передовой из своих 381-миллиметровых орудий. Огонь по фортам вели также крейсера и эсминцы противника. Артиллеристы береговых батарей вступили в единоборство с кораблями врага и заставили их отойти. Не выдержали огня орудий фортов и атак экспедиционных отрядов моряков-кронштадтцев и части белых на суше. 3 ноября началось отступление белых на Красногорском участке фронта. Наступали и полки 7-й армии. 14 ноября был освобожден Ямбург, а к концу ноября последние остатки армии Юденича отступили в Эстонию.

Близилась зима, скоро лед скует залив. Лев Михайлович листал атлас: Москве уже не угрожает Деникин. С 11 октября войска Южного фронта перешли в контр-

наступление, освобождены Орел и Курск. Похоже, белых вскоре погонят к Крыму и Азовскому морю. С 19 ноября наступают Южный и Юго-Восточный фронты. Можно не сомневаться, что теперь правительства Эстонии, Латвии и Литвы пойдут на мирные переговоры с Советской Россией. Быть может, идет к концу и война на Балтике? Лев Михайлович прикидывает: вот уже пять с половиной лет Балтийский флот в боях. Изношены корабли, есть немалые потери... Но и британцы, поднявшие меч на Советскую Россию, с конца 1918 года потеряли в Финском заливе легкий крейсер, два эсминца, подводную лодку, два тральщика, несколько торпедных катеров. Понят ли урок, попытается ли английский флот вновь начать боевые действия весной 1920 года? Об этом Галлер может лишь гадать.

Мирный договор с Эстонией будет подписан 2 февраля 1920 года. А до этого, с началом ледостава, на командира «Андрея Первозванного» нахлынули обычные заботы. Его линкор, как сообщил С. Н. Дмитриев, остается в составе ДОТ и на кампанию 1920 года. Значит, надо организовать ремонт механизмов и оружия, начинать учебно-боевую подготовку военморов — рядовых и командного состава. И это при том, что план зимней обороны Кронштадта предусматривает готовность части артиллерии линкора к ведению огня: враг может неожиданным ударом захватить форты, в первую очередь те, что цепью протянулись от северного, теперь финского, берега к острову Котлин, пройти по льду к Кронштадту. Да, мирные дни еще не пришли. И все-таки Лев Михайлович уверен, что худшие времена позади. Республика Советов крепнет.

Впервые за несколько месяцев он берет у начальника ДОТ разрешение на поездку в Петроград. И вот опять Эртелев переулочек... Лев Михайлович обнимает сестер, выслушивает их поздравления: сегодня, 30 ноября, ему тридцать шесть. Он раскрывает чемоданчик; в нем мешочки с крупой и мукой, головка сахара, соль, бутылка с конопляным маслом — паек военмора, благословенные дары тех голодных лет. Сестры ведут его на кухню — там теплее, и он рассказывает о событиях лета и осени уходящего года, о восстании Красной Горки и налете британских катеров, еще много о чем. А потом настает его черед спрашивать. Лев Михайлович выслушивает рассказы об общих знакомых, о том, как тянутся к книге рабочие Александровского завода Николаевской желез-

ной дороги: в его библиотеке работает Антонина, о том, какие самоотверженные люди — врачи в больнице Жени... Он все ждет чего-то, Антонина замечает его рассеянность. И говорит тихонько: «Левушка, никаких писем, никаких вестей. Но ты же знаешь — войпа, все связи оборваны...» Лев Михайлович все, конечно, понимает. Понимает, что напрасно ждет вестей из Парижа. И все-таки его не оставляет надежда: а вдруг?! Вдруг перед ним на столе окажутся листки, и он сразу же узнает Надин почерк...

Начальник штаба

В начале апреля 1920 года командир «Андрея Первозванного» военмор Л. М. Галлер доложил начальнику действующего отряда С. Н. Дмитриеву о завершении основных ремонтных работ и готовности линкора к кампании. Высказал и просьбу — выделить его линкору десять 120-миллиметровых орудий взамен снятых в прошлом году для вооружения кораблей речных флотилий. А снять можно с линкора «Республика» (бывший «Император Павел I»), с осени восемнадцатого года находящегося на хранении в порту. Ведь атаки быстроходных торпедных катеров вполне возможны. Да и нападение вражеских миноносцев отражать без значительной части артиллерии противоминного калибра затруднительно. Попросил Галлер и о пополнении команды — некомплект составлял около двухсот человек, о выделении лимита угля на выход для учебных артиллерийских стрельб.

Степан Николаевич внимательно выслушал и доклад, и просьбы, обещал помочь. Но разговор закончил предложением должности начальника штаба ДОТ. «У вашего «Андрея» перспектив особых нет, — сказал Дмитриев. — Посудите сами, надо вводить в строй «Гангут», «Полтаву», ремонтировать «Петропавловск» и «Севастополь». До «Андрея» ли? А ваше назначение Зеленой поддержит, я уже с ним говорил».

Галлер согласился. Он и сам понимал, что «Андрей Первозванный» будет находиться в составе ДОТ, а следовательно, и плавать лишь до заключения мира с Финляндией. Судостроительные заводы в Петрограде обезлюдели, работают в четверть силы. Да и с топливом для промышленности перебой. Конечно, все внимание надо уделить новым кораблям — линкорам-дредноутам, эсминцам «новикам», подводным лодкам. Да еще тральщи-

кам, которым с наступлением мира предстоит расчистить фарватеры через минные поля в Финском заливе. «Андрей» же требует основательного ремонта... Привлекало новое место службы и тем, что в должности начальника штаба действующего отряда можно основательно освоить новые линкоры, ходить на кораблях в море — и в бой, и для выполнения учебных задач. А линкоры типа «Севастополь» в то время средоточие самой новой, самой передовой военно-морской техники.

17 апреля 1920 года военмор Галлер вступил в обязанности начальника штаба действующего отряда. Работы оказалось выше головы. ДОТ тех дней практически чуть ли не весь Балтийский флот. В его состав входили линкоры «Петропавловск», «Севастополь» и «Андрей Первозванный», девять эсминцев «новиков», свыше десятка эсминцев-угольщиков, подводные лодки, канлодка, сторожевые суда. До начала летней кампании оставалось две-три недели, а на многих кораблях еще не закончили ремонт механической части, не хватало топлива. На значительной части эсминцев артиллеристы не имели опыта стрельб, да и состояние орудий требовалось как следует проверить. Был молод, не имел достаточно опыта и командный состав — в основном бывшие мичманы, выпускники военных лет из Морского училища и Гардемаринских классов. Лишь командиры кораблей, старшие помощники и помощники, старшие специалисты линкоров имели хорошую подготовку.

Лев Михайлович работал до глубокой ночи, для сна оставалось лишь несколько часов. Вначале он ознакомился с состоянием дел на кораблях. Пришлось доложить начальнику действующего отряда, что на большинстве из них забывают о необходимости регулярно обучения военморов специальности, не проводят тренировок и учения. В таком состоянии корабли в море не выпустишь. С. Н. Дмитриев был рад энергии нового начштаба. Поддержал планы Галлера по развертыванию усиленной учебно-боевой подготовки и комиссар действующего отряда П. Марин. И на кораблях началась систематическая учеба — занятия, учения, тренировки. Было, однако, и немало недовольных. Снова Лев Михайлович слышал шепоток кое-кого из бывших офицеров: «Выслуживается...» Но он продолжал свою линию, приказами подгоняя ленивцев и просто недобросовестных командиров.

Сошел лед, но вывести корабли на учебные артил-

лерийские и торпедные стрельбы, даже на отработку одиночного плавания не удалось. Военная обстановка оставалась напряженной: белополяки вторглись на Украину, 25 апреля захватили Киев. Может быть, поэтому переговоры с Финляндией о заключении мирного договора шли трудно, ее делегация выдвигала абсурдные требования. Например, право свободного плавания финских судов по Неве в Ладожское озеро. Командующий Морскими Силами Республики А. В. Немитц 17 мая телеграммой предписал А. П. Зеленому «избегать передвижения на море боевых судов, которые могут быть поняты финнами как подготовка к боевым операциям»⁵³. Пришлось эсминцам и подводным лодкам вести боевую подготовку в Ладожском озере, а линкорам оставаться в гаванях Кронштадта. Впрочем, от этого работы у Льва Михайловича не убавилось — так или иначе, а боевую готовность надлежало поддерживать.

Переход Красной Армии в успешное контрнаступление на польском фронте, быстрое продвижение в глубь Польши, к Варшаве, напугали британское правительство. 4 августа премьер-министр Ллойд Джордж пригласил к себе советского представителя Л. Б. Красина и потребовал немедленно приостановить наступление. Он пригрозил, что в противном случае через три дня британский флот выйдет в море и возобновит блокаду Советской России⁵⁴. Возможность появления английских кораблей на Балтике не исключалась...

Надо думать, что сведения о готовых к выходу в море линкорах, эсминцах и подводных лодках, чем наверняка располагали в Гельсингфорсе, так же как и успешное наступление армий М. Н. Тухачевского, склонили в конце концов финскую делегацию к разумному компромиссу. 16 августа 1920 года коморси А. В. Немитц телеграфировал из Москвы в штаб Балтфлота: «15.08 в 12.15 перемирие с Финляндией вступило в силу. 1. Приступить срочным порядком к минному тралению прибрежного фарватера... 2. Работу вести усиленным темпом...»⁵⁵

Эта телеграмма, возвещавшая о наступлении долгожданного мира на Балтике, была адресована уже по-

⁵³ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 288.

⁵⁴ См.: История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 201.

⁵⁵ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 288.

вому командующему флотом Балтийского моря Ф. Ф. Раскольникову. Через несколько дней в салоне флагмана на «Петропавловске» Лев Михайлович прощался с А. П. Зеленым, уезжавшим в Москву в распоряжение Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики. Расставаться было грустно — бывший адмирал и бывший капитан 2 ранга, с первых дней Октября верно и самоотверженно служившие Советской России, понимали и ценили друг друга. Вместе служили на «Андрее Первозванном», вместе готовили флот к Ледовому походу, вместе были в Кронштадте, в грозном 1919-м... Да и разве может забыть офицер своего командира корабля? Галлер всю жизнь помнил Александра Павловича Зеленого, отличного моряка, прекрасного человека, настоящего российского интеллигента. Прощаясь, Зеленой крепко пожал руку: «Успеха вам, Лев Михайлович, всегда семь футов под килем. Уверен: еще поведете в море эскадру, покажете наш флаг и за проливами. А я устал что-то и чувствую себя паршиво. Так что рад сдать командование флотом. Пора и честь знать...» Лев Михайлович посмотрел на него — действительно, осунулся Александр Павлович, под глазами мешки... А ведь всего-то сорок восемь, еще не стар. Но за плечами мировая война, а после ухода флота в Кронштадт тяжкие дни драматичной борьбы с немцами и финнами за сохранение оставшихся в Гельсингфорсе кораблей, за саму жизнь их команд. И гибель Б. А. Жемчужина, комиссара его штаба, расстрелянного белофиннами... Потом гражданская война, командование флотом, борьба с британскими интервентами, когда не было самого необходимого — топлива, продовольствия. Даром все это не проходит, каждый год в такие времена, быть может, идет за три...

Больше Льву Михайловичу не довелось встретиться с Зеленым. В начале сентября 1922 года он прочитал некролог о его кончине после длительной болезни. Незадолго до этого А. П. Зеленому исполнилось пятьдесят. Позже узнал: несмотря на тяжелые приступы грудной жабы (так в то время называли сердечную недостаточность), Александр Павлович Зеленой продолжал трудиться над планом восстановления и строительства нового флота. Умер легко, на службе — «в присутствии», как он шутливо называл штаб. «Хорошая смерть, — подумал тогда Галлер. — Быть может, такова награда за честно прожитую жизнь? Вот так бы...»

Военная страда на Балтике завершилась. 12 июля был подписан мирный договор РСФСР с Литвой, 11 августа — с Латвией, ожидалось скорое окончание переговоров и заключение мирного договора с Финляндией. Тральщики расчищали путь торговым судам к Петрограду. Ф. Ф. Раскольников на совещании руководящего состава флота Балтийского моря сказал, что пора вводить в строй все корабли, что действующий отряд свою задачу выполнил.

Ремонт кораблей шел медленно, несмотря на то что 23 октября 1920 года Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление об ускорении «работ по восстановлению Балтфлота». В нем указывалось: «Доклад президиума Петроградского Совдепа и т. Раскольникова о принятых ими мерах и установленном ими способе работы назначить через две недели...»⁵⁶ Руководство флота беспокоило и морально-политическое состояние личного состава, низкая дисциплина, недостаточная боеспособность кораблей и частей. Обо всем этом Раскольников доложил в ЦК партии специальной телеграммой, несмотря на несогласие с ее содержанием Г. Е. Зиновьева, секретаря Петроградского губкома. Довести начатую работу по поднятию боеспособности флота ему, однако, не довелось. В январе 1921 года, вступив в конфликт с Г. Е. Зиновьевым, Ф. Ф. Раскольников попросил освободить его от обязанностей командующего флотом Балтийского моря. Потом убыл в Москву за новым назначением и В. А. Кукель. Во временное исполнение должности начальника штаба вступил в конце января 1921 года Л. М. Галлер, с 29 октября 1920 года командовавший Минной дивизией. Практически некоторое время он исполнял и обязанности командующего.

В нелегкое время принял дела Галлер. С декабря 1920 года фактически прервался подвоз в Петроград донецкого угля. Из-за катастрофического состояния железнодорожного транспорта срывались поставки продовольствия. «Петроградская правда» в январе и феврале 1921 года не раз сообщала о снижении норм выдачи продуктов по карточкам. В эти месяцы из-за отсутствия топлива, электроэнергии и сырья закрылись многие заводы и фабрики. С большим трудом удавалось частично продолжать работу на крупнейших оборонных заводах —

⁵⁶ Ленин В. И. Военная переписка 1917—1922 гг. М., 1966. С. 297.

Обуховском, Балтийском, Невском судостроительном и некоторых других. То на одном, то на другом предприятии начинались волнения рабочих (по терминологии тех дней — «волынка»), требовавших улучшения продовольственного снабжения, восстановления рыночной торговли и снятия на дорогах к Петрограду заградительных отрядов, не только не пропускавших крестьян в город, но и павывавших продукты у рабочих, возвращавшихся из деревни. На ряде заводов выступили представители меньшевиков, призывая к перевыборам Советов. На Васильевском острове 24 февраля толпа разоружила охрану гауптвахты Петроградской морской базы, освободила находившихся там арестованных. В то же время прекратил работу Балтийский завод.

На следующий день, 25 февраля, губком РКП(б) образовал Чрезвычайный комитет обороны Петрограда во главе с М. М. Лашевичем. Его приказом Петроград объявлялся на военном положении, в каждом районе города образовывались «революционные тройки», взявшие на себя всю полноту власти.

Находясь в штабе флота, помещавшемся в Адмиралтействе, Галлер с тревогой наблюдал за обстановкой в Петрограде. Он вызвал начальника Минной дивизии Г. Г. Виноградского и приказал обязать командный состав находиться на своих кораблях безотлучно. Сам прошел на «Полтаву» и «Гангут», проверил, как охраняются громадные линкоры, экипажи которых не насчитывали и четверти положенных по штату людей. Хотел побывать в Кронштадте, но член РВС Э. Г. Батис и начальник политотдела Балтфлота Н. Н. Кузьмин решили, что сами поедут в Кронштадт с председателем ВЦИК М. И. Калининым.

М. И. Калинин приехал в Петроград 26 февраля. Вечером он выступил на заседании Петросовета. Там же выступил и Н. Н. Кузьмин, заверивший, что «Балтфлот не подведет». В последние дни февраля — начале марта был принят ряд экстренных мер, чтобы разрядить обстановку в Петрограде. 28 февраля Петросовет принял решение о немедленной мобилизации всех привлеченных к работам на заводах по трудовой повинности. 1 марта постановлением Петроградского Совета Труда и Обороны (СТО) сняли заградотряды по всей территории губернии. По карточкам выдавали продукты. В результате принятых мер положение в Петрограде стабилизировалось. В Кронштадте, однако, как вскоре выяснилось, обстановка

ухудшилась — уже выходила из-под контроля партийных органов и командования.

Вечером 28 февраля Галлеру в штаб доставили телеграмму, полученную из Кронштадта в адрес Минной дивизии. «Общее собрание линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», — значилось в ней, — просит все морские части, находящиеся в Петрограде... выделить своих представителей беспартийных в Кронштадт на линкор «Петропавловск» на собрание моряков Кронбазы не позже к двум часам дня 1 марта с. г.»⁵⁷ В сопроводительной записке Г. Г. Виноградский запрашивал: посылать ли делегатов. Галлер немедленно позвонил ему и приказал — никого и никуда не посылать. Вскоре выяснилось, что подобные телеграммы пришли практически на все корабли, стоявшие в Петрограде. В Кронштадте с утра того же дня находились Э. Г. Батис и Н. Н. Кузьмин, и Лев Михайлович, вызвав их на связь, сообщил о происходящем.

На следующий день, 1 марта, вернулся из Кронштадта Калинин, пытавшийся вместе с Кузьминым и Батисом выступлениями на митинге на Якорной площади разъяснить положение в стране и повести за собой многотысячную толпу. Попытка, однако, не удалась. Митинг принял резолюцию с требованиями упразднения комиссаров, организации свободной торговли и перевыборов Советов под лозунгом «Советы без коммунистов». Созданный мятежниками 2 марта временный революционный комитет приказал арестовать Кузьмина, Батиса и многих других коммунистов Кронштадта.

3 марта «Петроградская правда» опубликовала сообщение Совнаркома РСФСР о белогвардейском мятеже в Кронштадте, а «Известия ВЦИК» — постановление СТО РСФСР с объявлением Петрограда и Петроградской губернии на осадном положении. Днем раньше, 2 марта, из Москвы в штаб флота поступил приказ Реввоенсовета Республики о передаче власти на Балтфлоте революционной тройке — И. К. Кожанову, А. А. Костину, Г. П. Галкину. Начальником политотдела флота был назначен П. И. Курков. Лев Михайлович остался врид начальника штаба Морских сил Балтморя.

В ночь на 3 марта Галлер доложил И. К. Кожанову и П. И. Куркову оперативную обстановку на флоте. Он пояснил, что ключевую роль в блокаде мятежного Крон-

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 304, оп. 1, д. 46, л. 38.

штадта играют форты Краснофлотский и Передовой; они не допустят ни выхода кораблей из гавани, ни подхода с моря тех, кто захотел бы оказать помощь мятежникам. Впрочем, еще месяц-полтора лед будет крепок, а навигация невозможной, так как все ледоколы стоят в Петрограде. Войскам для подавления мятежа придется двигаться с южного и северного берегов Невской губы по льду. Это трудная задача. С давних времен Кронштадтская крепость готовилась к обороне от наступления противника по льду. И можно не сомневаться, что изменник А. Р. Козловский, командующий артиллерией Кронкрепости и бывший генерал, задействует все 140 орудий мятежных фортов. В Кронштадте также имеются десять противоаэропланнх батарей. Но главная опасность — 305-миллиметровая артиллерия линкоров «Петропавловск», «Севастополь» и «Андрей Первозванный». Последний, однако, скорее всего использован не будет, так как с осени сдан на хранение в порт. К счастью, еще два линкора — «Полтава» и «Гангут» в Петрограде, здесь же все эсминцы и подводные лодки. Галлер доложил также о численности полков и других частей в Кронштадте, присоединившихся к мятежу. По данным на середину февраля, в Кронштадте на кораблях и в береговых частях было всего 1455 командиров и 25 432 рядовых...⁵⁸

Кожанов и стоявший рядом с ним у карты Невской губы Курков задумались: велики силы мятежников! Галлер, не услышав вопросов, продолжал доклад. Он сказал, что следует немедленно подготовить к обстрелу Кронштадта 305-миллиметровые орудия Краснофлотского, его же 254-миллиметровые батареи — к ведению огня по форту Риф, что на Котливе, по островным фортам. На Краснофлотском мало 305-миллиметровых снарядов, следует пополнить его погреба за счет «Гангута» и «Полтавы». Использовать же орудия этих линкоров нецелесообразно: во-первых, в угле обстрела только кормовые башни; во-вторых, уже несколько лет эти орудия бездействуют. Их техническое состояние требует проверки, да и артиллеристов на линкорах мало. Итак, реальные сейчас силы флота для подавления мятежа — артиллерия Краснофлотского и аэропланы.

Предложения начштаба И. К. Кожанов принял.

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. р-34, оп. 2, д. 534, л. 179, 184.

С 3 марта началась выгрузка снарядов и зарядов с «Гангута» и «Полтавы» и перевозка их по железной дороге в Ораниенбаум. Оттуда по узкоколейке снаряды и заряды отправляли на Краснофлотский. Галлер держал эту работу под контролем. Когда погреба линкоров опустели, их команды перевели в Дерябинские казармы, охрану кораблей взяли на себя караулы красных курсантов. Необходимости в этом Галлер не видел, но такое решение приняли в ВЧК.

Галлер хотел сам проверить положение дел на Краснофлотском, но И. К. Кожанов предложил ему оставаться в Петрограде, помогать армейскому командованию, если возникнет необходимость. И в самом деле, 5 марта врид начальника штаба Галлер докладывал о силах мятежников, системе обороны Кронштадта и боевых возможностях артиллерии форта Краснофлотский прибывшим из Москвы председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому, главкому С. С. Каменеву и командующему Западным фронтом М. Н. Тухачевскому. В этот же день Галлер узнал о назначении Тухачевского командующим вновь образуемой 7-й армией, предназначенной для подавления мятежа, об оперативном подчинении ему Балтфлота.

Начиная с 6 марта орудия Краснофлотского повели обстрел гаваней Кронштадта, где стояли линкоры, форта Риф, островных фортов. И. К. Кожанов находился на форту Краснофлотский и лично убедился в эффективности огня. А Лев Михайлович по-прежнему оставался в Петрограде. Он каждый день бывал на кораблях, требовал продолжения ремонта и подготовки к кампании, проверял порядок и организацию службы. Но видел, что головы у командиров кораблей и дивизионов, у начальников дивизий заняты совсем другим: на кораблях и в частях флота в Петрограде ВЧК производила аресты, с кораблей списывали в экипаж военмором, и их немедленно воинскими эшелонами отправляли на Черное море и Каспий. Потом уточнили — более трех тысяч вывезли из Петрограда к 8 марта... Все это делалось помимо штаба флота, и Лев Михайлович спросил нового начальника Побалта П. И. Куркова: что же происходит. «Очищаем флот, Питер от ненадежных, — сердито ответил Курков. — Пусть поостынут вдали от Балтики. То-то будет еще нам работы, когда Кронштадт возьмем...» Галлер почувствовал, что вопрос Куркову неприятен. В самом деле, ему, бывшему матросу-машинисту, начинав-

шему службу в Кронштадте в 1912 году, большевику с семнадцатого и председателю судебного комитета «Авро-ры», комиссару Действующего отряда в 1919 году, больно было видеть позор революционной Балтики. Подумать только, балтийцы — опора партии и Советской власти лишились ныне доверия! «Гангут» и «Полтаву» охраняют армейцы-курсанты, два других дредноута изменили революции...

Первое наступление на мятежный Кронштадт, начатое 8 марта, окончилось неудачей. Командарм-7 М. Н. Тухачевский немедленно организовал подготовку к новому наступлению, стягивал подкрепления. В Петроград для участия в штурме прибыла группа делегатов начавшегося в Москве X съезда РКП(б). А Кожанов вновь отправился на Краснофлотский, чтобы проверить готовность к мощному артиллерийскому удару по мятежникам. 16 марта дружно ударили залпы батарей. В ночь на 17 марта, когда южная и северная группы войск 7-й армии вышли на лед и двинулись к Кронштадту, 305-миллиметровые «чемоданы» Краснофлотского обрушились на район стоянки линкоров, мятежные форты Риф, Милютин, Константин, Петр и Александр. Особую опасность представляли сильно укрепленные форты Константин и Милютин. Но после нескольких попаданий 305-миллиметровых снарядов они фактически прекратили сопротивление. К исходу 17 марта все главные пункты обороны мятежников в Кронштадте были заняты частями Красной Армии. Всю ночь по ледовой дороге к мысу Стирсудден — в Финляндию тянулись беглецы. Позже выяснилось, что их оказалось около восьми тысяч. А в Кронштадте с утра 18 марта уже наводил порядок назначенный комендантом П. Е. Дыбенко.

Л. М. Галлер приехал в Кронштадт 19 марта, сразу же вместе с флагманским артиллеристом штаба В. И. Ивановым пошел на линкоры. Целы! Правда, на «Петропавловске» пробита верхняя палуба. Все поправимо, существенных повреждений нет, корабли можно быстро ввести в строй. Но необходимо сменить оставшийся и командный состав, и «некомандный». Уже 20-го на линкоры прибыли новые командиры, рекомендованные Кожанову Галлером: на «Севастополь» — Н. А. Бологов, командир эсминца «Самсон», на «Петропавловск» — А. В. Макаров, командир дивизиона эсминцев. Из петроградского экипажа прислали военморев, а участникам мятежа предстояло пройти суровую проверку у

работников ВЧК — «фильтрацию», как тогда это называлось.

Какова была судьба этих 15—18 тысяч военморов, в большинстве своем крестьянских парней, призванных на флот в последние два-три года? Что стало с ними, с их командирами, бывшими офицерами дореволюционного флота? В. Т. Шаламов, основываясь на рассказах политических заключенных тех лет, пишет, что пленные мятежники, получившие при расчете в строю нечетный номер, были расстреляны, а «четные» отправлены в так называемый ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь в Холмогорах...⁵⁹

С 15 апреля 1921 года Л. М. Галлер утвержден начальником штаба флота Балтийского моря. Вместе с командом Кожановым и штабными специалистами он разместился на «Кречете», перешедшем с Невы в Кронштадт. И это правильно, потому что нужно быстрее зализывать раны, выходить из шока, в который мятеж поверг флот. Прежде всего нужно протралить фарватеры к западу от маяка Толбухина, чтобы открыть путь торговым судам в Петроград. Лев Михайлович вместе с флагманским минером дотошно проверял готовность тральщиков, торопил гидрографов из управления безопасности кораблевождения с подготовкой к установке навигационных ограждений — буев и вех. Он даже вышел в море на головном тральщике, чтобы убедиться в тщательности работы по очистке фарватеров.

На запад, к устью залива, еще плыли льдины, но солнце грело, свежий ветерок охлаждал лицо. Галлер осматривал в бинокль горизонт. Впрочем, какой там горизонт — чужие теперь берега совсем рядом. Вот мыс Стирсудден, форт Ино, когда-то петербургские дачные места Куоккала, Териоки... И в таких условиях, на пятакке, надо организовать учебно-боевую подготовку, проводить рейдовые сборы, учения и маневры! И Галлер уже думает, что нужно быстрее протралить воды Копорской и Лужской губ, выяснить возможность маневренного базирования там кораблей. Лев Михайлович сердито хмурится, еще раз осматривает в оптику принадлежащий теперь Финляндии остров Сескар. Работы предстоит много, да, очень много работы!

29 апреля траление закончилось, путь судам в Петроградский порт был открыт. Лев Михайлович предложил

⁵⁹ См.: Юность, 1988, № 10, С. 65.

И. К. Кожанову провести на Неве парад тральщиков. «Надо бы поднять настроение у военморов, показать петроградцам, что жив Балтфлот!» — убеждал он начальника Морских сил Балтийского моря — так именуется он с 15 апреля. И вот 2 мая на Неве выстроились украшенные флагами расцвечивания тральщики. Наморси вместе с членом РВС и начштаба обходит на катере корабли, поздравляет с началом летней кампании, вручает отличившимся награды — серебряные часы. Праздник, но Иван Константинович грустен. «На днях простимся, начштаба, — говорит он. — Поеду в Москву к Немитцу за новым назначением. Какой из меня комфлот? Командовал стрелковой дивизией, хотя и называвшейся морской, даже Гардемариинские классы не успел закончить». Лев Михайлович сочувствует, ему нравится этот спокойный, уверенный в себе человек, нравится его постоянный интерес ко всему флотскому, его живой ум. «Вы еще так молоды, Иван Константинович! Вам ли горевать? Будете учиться, и наше поколение еще уступит вам место на мостике флота», — успокаивает он Кожанова. И точно знает будущее: Кожанов окончит Военно-морскую академию, пройдет стажировку на Балтике в должности начштаба флота, а потом, с лета 1931 года, возглавит Морские силы Черного моря. До октября тридцать седьмого...

6 мая 1921 года в должность начальника Морских сил Балтийского моря вступил М. В. Викторов. Он моложе Льва Михайловича на десять лет — Морской корпус окончил в 1913 году, в годы мировой войны учился в Минном и Штурманском классах, был старшим штурманом на линкоре «Гражданин», бывшем «Цесаревиче», командовал эсминцем «Всадник». Уходя с «Андрея Первозванного» в начальники штаба действующего отряда, Галлер именно ему сдал командование линкором. А в дни мятежа Викторов уже был командиром линкора «Гангут». В первые дни мятежа Галлер вместе с ним обходил корабль. И вот Викторов наморси...

В первый же день, после утреннего доклада, Викторов внимательно смотрит на Галлера, спрашивает: «Лев Михайлович, я человек прямой и вопрос задаю прямо: вы не обижены, оказавшись у меня начштаба? Поверьте, я в том неповинен...» «Михаил Владимирович, рад вашему назначению и желаю успеха. Служу флоту и России, и буду служить там, где сочтут меня полезным. Постараюсь помогать вам всем, чем возможно...» Так они объяснились и до 1924 года, когда Викторов ушел командовать

Морскими силами Черного моря, прекрасно работали вместе, понимали друг друга с полуслова. Викторov вскоре убедился, что ему повезло: Галлер отличный начштаба, во всех флотских вопросах эрудит и лишен каких-либо амбиций. Служба для него — все. В Петроград к сестрам отбывает раз в месяц, да и то после неоднократных напоминаний о необходимости отдохнуть.

Тяжел был 1921 год для балтийцев. Регулярно выходили в море лишь тральщики, очищая от мин фарватеры, ликвидируя старые минные заграждения на подходах к острову Котлин, губам Лужской и Копорской. На остальных же кораблях, составлявших мощь флота, — линкорах и крейсерах, эсминцах и подводных лодках, недвижно стоявших в Петрограде и Кронштадте, прежде всего требовалось решить кадровые вопросы. Все военморы — командный состав, краснофлотцы и старшины проходили «фильтрацию». Первоначально планомерный и спокойный ее ход был неожиданно прерван. 20—22 августа 1921 года ВЧК провела в Петрограде и Кронштадте внезапные массовые аресты бывших офицеров и военных чиновников, служивших в Красном Флоте. Из общей численности в 977 человек было арестовано более половины⁶⁰. В декабре 1921 года более двухсот заключенных выпустили из тюрем и «раскассировали под наблюдение ВЧК» по городам страны, в числе которых были и Иркутск, и Самарканд⁶¹. Но основная масса продолжала находиться в тюрьмах. Так, только в Новгороде в «исправдоме» сидели 350 человек...⁶² К концу 1922 года были пересмотрены дела 283 заключенных. Они вышли на свободу, но служить на кораблях в Морских Силах Республики разрешили только 103 бывшим офицерам. В тюрьме после декабря 1922 года осталось 60 человек, по делу которых ВЧК продолжала следствие...⁶³

По результатам работы «фильтрационной» комиссии в Кронштадте были отправлены в ВЧК в Петроград 63 военмора. Хранящийся в архиве акт свидетельствует об изъятии у арестованных казенных часов, ключей от кают и от ящиков хронометров, призм Белля, с помощью которых контролируется соблюдение заданной дистанции при совместном плавании... Среди 63-х командиры дивизионов кораблей и командиры эсминцев, штурманы, инже-

⁶⁰ ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 4, д. 183, л. 135.

⁶¹ ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 4, д. 184, л. 4.

⁶² ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 4, д. 183, л. 87.

⁶³ ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 4, д. 40, л. 2—4, 7.

Здание Морского корпуса в Петербурге

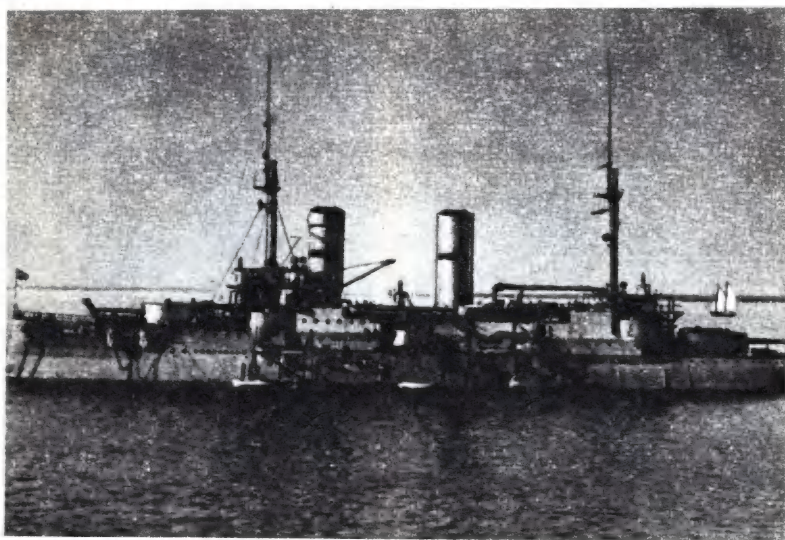
Н. О. Эссен

Н. Л. Кладо

Учебный корабль «Генерал-адмирал»

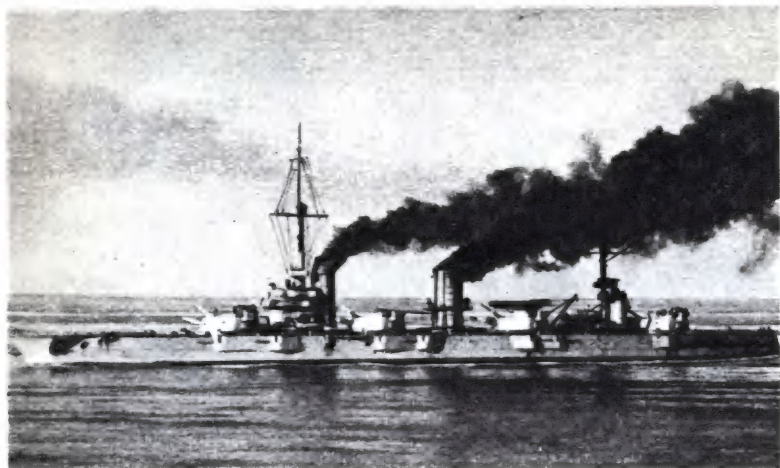
Линейный корабль «Слава»

Эсминцы Морских сил Балтийского моря. 1919 год

Л. М. Галлер (в центре) с группой командиров и комиссаров
Морских сил Балтийского моря

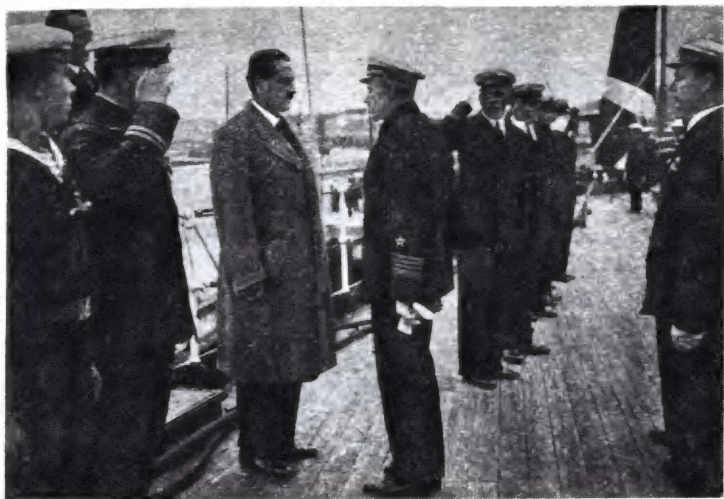
Линкор «Парижская коммуна» переходит на Черное море

Э. С. Панцержанский

Л. А. Поленов

Л. М. Галлер на борту крейсера «Марат» встречает советского полпреда в Польше. 1934 год

В. М. Орлов и Л. М. Галлер (слева)

Л. М. Галлер (в первом ряду третий слева) с группой командиров
Штаба РККФ. 1935 год

Н. Г. Кузнецов. 1941 год

Л. М. Галлер. 1943 год

В. А. Белли

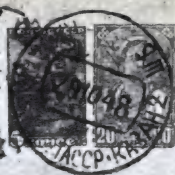
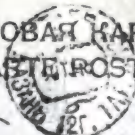
В. В. Чистозвонov

Дом в Ленинграде на ул. Чехова, 9 (бывший Эртелев пер.), где жил Л. М. Галлер

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
CASTEPOST

Куда

Казань

Наименование места, где находится почта, и области или края, а для станций — наименование железной дороги.

Некрасова ул. 5 и 18

Район, город или деревня.

Чистозвонов Марии Васильевны

Улица, дом и квартира.

Кому

Дядя передаст Владимиру Васильевичу

Подробное наименование адреса.

Чистозвонову

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ АДРЕСНОЙ ПОЧТОВОЙ КАРТОЧКОЙ ПРИ НАВЕДЕНИИ АДРЕСНЫХ СПРАВОК

Адрес
отправителя
Adresse
de l'expéditeur

Казань 27 котловый двор 51.
Таланов Лев Михайлович

Последняя весть из застенка...

Уважаемый Владимир Васильевич, приветствую
Был очень обрадован Вашими письмом, посылкой
подарком. В условиях моего пребывания ко-
ллекции таких продуктов в предметах
сабой исключительную ценность. Желаю обяза-
тельно себе эту вещь. Спасибо Вам, надеюсь,
еще раз увидеть в будущем. Кроме подарка Ваши
много благодарности за внимание.
Надеюсь, что Ваш визит с Казани в ближайшее
Ваше посещение. С удовольствием все Ва-
шимое наше советское дело служу во
имени. Благодарю за Ваше предложе-
ние посетить в будущем. С уважением
и любовью Васильевича Васильевича
с искренним уважением Ваш Л. Таланов
23 Октября 1948.

пер-механики и завхозы, как теперь именовались на кораблях ревизоры. Узнав об этих арестах, Галлер зашел в каюту к члену РВС и начальнику политотдела Балтфлота П. И. Куркову: «Петр Иванович, вы знаете, конечно, арестованы Ралль и командир 1-го дивизиона эсминцев Шельтинга — честнейшие люди, многие командиры... Корабли не смогут выйти в море. За многих могу поручиться лично. Нужно добиться освобождения...»

Курков пригласил сесть, нахмурился. «Лев Михайлович, успокойся, ругаться погоди. Держу на контроле: разберутся в ЧК, кто чист — освободят. Ты же помнишь, в конце 19-го, когда Юденич наступал, адмиралы Бахирев и Развозов в заговоре участвовали? Участвовали. И кто-то из них морским министром быть собирался, кто-то Балтфлотом командовать. Командиры линкоров, командный состав в Кронштадте во время мятежа изменили? Изменили... Вот и проверить нужно. А про Ралля, про Шельтингу и еще многих и сам знаю: напрасно их взяли. И добьюсь, что они к нам вернуться...»

Лев Михайлович знал, таким комиссарам-политработникам, как Курков, Зуев, следует доверять, слово они держат, говорят всегда начистоту. Курков сделает все, что может.

Курков действительно слов на ветер не бросал: и в самом деле большинство военморов, арестованных 3 августа, из ЧК на флот вернулись. Но не так-то легко было им восстановить в себе прежнюю уверенность, прежнюю требовательность к подчиненным. Некоторых со временем приходилось переводить служить на берег — в училища, академию...

Понимали невозможность держать командный состав из «бывших» под постоянной угрозой ареста и Викторov, и Курков, и второй член РВС Ф. С. Аверичкин. После необоснованного ареста чекистами в декабре 1921 года в Петрограде представителя РВС Балтфлота Викторov и Курков направили протесты Мессингу — представителю ВЧК при Петроградском военном округе. Реввоенсовет в подобных действиях, писали они, «усматривает ненормально-болезненное явление». Твердая позиция Реввоенсовета позволила в какой-то мере покончить с тревожным настроением командного состава. И Галлер не ослаблял, да даже повышал требовательность штаба к кораблям и штабам соединений. «Больше работы — меньше дурных мыслей» — так говаривал в свое время ему отец.

После массовых арестов осенью 1921 года нелегко было командованию Морских сил Балтийского моря налаживать систему управления, организацию боевой подготовки и учебу кадров. Вдобавок летом 1921 года из Морских Сил Республики были выведены береговая оборона, морская авиация, командные учебные заведения. Это был явный знак недоверия к флоту. Но Л. М. Галлер был уверен, что это дело временное — жизнь все поставит на свои места.

Пока же начальник штаба Галлер разрабатывал новую схему организации Морских сил Балтийского моря. Он пришел к выводу, что при резко уменьшившемся корабельном составе нет нужды в делении на дивизии. В разработанном им проекте эсминцы и подводные лодки объединялись в отдельные дивизионы, тральщики составляли отряд траления. Причем в состав дивизионов входили лишь эсминцы «новики», лодки типа «Барс» — самые новые и лучшие по боевым качествам корабли. Эсминцы-угольщики старых типов Галлер планировал передать учебному отряду и отряду пограничной охраны Ладожского озера. Свои предложения Галлер подверг тщательной проверке и обсуждению с командирами соединений. Начальник Минной дивизии Георгий Георгиевич Виноградский и начальник дивизии подводных лодок Яков Константинович Зубарев целиком его поддержали. Летом 21-го года, однако, предложения эти наморси Викторovic приняты не были, реорганизацию флота провели лишь следующим летом. Но предложения начштаба по организации боевой подготовки флота, разработанные им планы по оперативной части и организационно-мобилизационным мероприятиям на случай войны возражений не встретили. И Лев Михайлович развернул работу практически с нуля, чтобы не торопясь, самым тщательным образом подготовить флот к кампании 1922 года. Трудился не считаясь со временем, редко покидая штабной корабль «Кречет».

Викторов и Галлер чувствовали: в Москве обозначился серьезный поворот к пониманию необходимости восстановления военно-морской мощи страны. Начало было положено еще X съездом РКП(б). Завершая работу после подавления кронштадтского мятежа, съезд постановил: «...в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской Республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного флота».

та»⁶⁴. Конечно, это постановление нужно было еще наполнить жизнью, привести в действие. В столице этим предметно занимались помощник главкома всеми вооруженными силами по морским делам (помглавкомор) Э. С. Панцержанский и его заместитель начальник Морского штаба А. В. Домбровский. Льва Михайловича радовало, что именно они заняли командные посты на флоте: оба с немалым боевым опытом мировой войны, участники гражданской — Панцержанский блестяще командовал Онежской флотилией, Домбровский — дивизионом эсминцев, был в 1919 году начальником штаба Морских сил Балтморя. Но усилия командования не могли бы быть реализованы без действенной поддержки политорганов и партийных организаций флота. Трудно переоценить здесь роль комиссара Морских сил В. И. Зофа, члена партии с 1913 года. Член Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря в 1919—1920 годах, не будучи моряком, неплохо разбирался в нуждах флота. И главное, умел выбирать высоко профессионально подготовленных консультантов, доверял советам военных специалистов.

По инициативе В. И. Зофа в начале апреля 1922 года в Москве прошло Первое Всероссийское совещание моряков-коммунистов. Л. М. Галлер знал, что Зоф в своем докладе на совещании сказал об ошибочности изъятия из состава флота береговой обороны, командных учебных заведений и авиации после кронштадтских событий, выразил надежду, что скоро с этими ошибками будет покончено⁶⁵. Действительно, училища и академию флоту вернули скоро, в августе, авиацию — годом спустя, но береговую оборону только в 1925 году. С января 1922 года Кронштадтская крепость, вся система фортов острова Котлин и южного берега Финского залива, была передана Петроградскому военному округу. Большой заслугой В. И. Зофа была неустанная забота о повышении авторитета Морских Сил Республики, пропаганда значения флота среди населения страны. На это он нацеливал и весь партийно-политический аппарат, начавший работать действеннее и целеустремленнее после выполнения решения X съезда РКП(б) о возвращении флоту моряков-коммунистов, занятых в советских учреждениях и народном хозяйстве. Балтфлот получил в 1921—1922 годах 697 партийцев.

⁶⁴ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 265.

⁶⁵ См.: Красный флот. 1922. № 2. С. 8.

Надо сказать, что Л. М. Галлер умел находить способных людей, всегда знал, на кого можно опираться. Начиная свою деятельность по воссозданию флота, он прежде всего подобрал людей для своего штаба. Отлично зная офицерский состав на Балтике, рекомендовал Викторову командиров кораблей и дивизионов, начальников штабов и командиров соединений. Пожалуй, он ни в ком не ошибся. И сам все годы, что был начальником штаба Морских сил Балтийского моря, опирался на Виноградского и Зубарева. Как и весь прочий командный плавсостав флота в те годы, они были бывшими офицерами. Г. Г. Виноградский окончил Морской корпус в 1909 году, с 1917 года командовал эсминцем. Я. К. Зубарев окончил корпус на год раньше Галлера, успел в 1912 году окончить Морскую академию, в 1916 году — класс подводного плавания, командовал с 1917 года подводной лодкой. Это были прекрасные специалисты, подлинные военные интеллигенты. В октябре 1917-го они сделали выбор раз и навсегда, решив служить Советской Республике. И делали это честно и безупречно. С их помощью выдвигались кандидатуры для назначения командирами кораблей и дивизионов, дивизионными и отрядными специалистами. А в штабе флота зимой 1921/22 года опорой Галлеру были начальник оперативного отдела Ю. Ф. Ралль, затем Н. А. Бологов и вскоре сменивший его А. В. Макаров, флагманский артиллерист В. И. Иванов — сослуживец по «Славе», начальник строевого отдела В. Н. Селянин и другие, также из бывших офицеров — отличные специалисты, все с большим или меньшим опытом войны на Балтике.

Вот с этими-то работниками штаба Л. М. Галлер и развернул подготовку к новому учебному году, начавшемуся с осени 1921-го, а затем и к летней кампании. М. В. Викторов согласился с предложенной Галлером общей концепцией становления Балтфлота к осени следующего года по этапам: первый — зимняя учеба с упором на изучение специальности, отработку боевой и повседневной организации кораблей при стоянке у стенки; с началом навигации второй этап — подготовка одиночного корабля на рейде и на выходе в море с выполнением ствольковых и калибровых артиллерийских стрельб, стрельб торпедами... И, наконец, на третьем этапе — совместное плавание в составе отряда кораблей в Финском заливе и за его пределами. Завершался год по плану Л. М. Галлера маневрами, на которых Балтфлот должен

был продемонстрировать боевую выучку и способность защитить с моря Петроград.

Планы — это только планы, а нужно было запустить маховик нормальной, целенаправленной жизни флота, когда каждый день и каждый час строго регламентированы и проходят с пользой. И Галлер, проверяя корабли сам и посылая своих штабных командиров, держал руку на пульсе флотской жизни. Но лишь в самом конце 1921 года, после того как флот несколько оправился после осенних арестов командного состава, наметился какой-то позитивный сдвиг: начались регулярные занятия по тактической подготовке, наладились занятия по специальности.

С зимы 1921/22 года в Морских силах Балтийского моря постепенно начали осуществляться организационные изменения, предложенные ранее Галлером. В марте передали из Минной дивизии в учебный отряд, который принял Н. А. Бологов как командир и как комиссар (он был членом партии), 3-й дивизион из 700-тонных миноносцев постройки 1905 года, канонерские лодки «Храбрый» и «Хивинец». В Финско-ладожский отряд пограничной охраны вошли 400-тонные миноносцы, спущенные на воду в 1905 году. Минная дивизия теперь состояла всего из двух дивизионов, насчитывающих восемь эсминцев «новики». Дивизия подводных лодок имела девять субмарин, все типа «Барс». Эти две дивизии с 1 июня 1922 года стали отдельными дивизионами эсминцев и подводных лодок. Им соответствовали командовали Виноградский и Зубарев. Вместе с линкором «Марат» отдельные дивизионы составили практический отряд Морских сил Балтийского моря, т. е. отряд плавающих кораблей. Приказ об этих преобразованиях, подписанный Викторовым и Курковым, объявлял также о реорганизации дивизии траления в отряд траления и расформировании охраны водного района. После расформирования еще ряда мелких частей Морские силы Балтморя выглядели компактно и четко. И Галлер сказал своему штабу, что сейчас все стало яснее и понятнее.

В последнюю декаду июля 1922 года командование Морских сил — Викторов и Галлер вместе или по очереди выходили в море на только что закончившем ремонт «Марате». Линкор (им командовал В. В. Вонлярьский) маневрировал, отражая учебные атаки эсминцев и подводных лодок, отрабатывал вместе с приданными силами бой на минно-артиллерийской позиции на подступах к

Кронштадту или изображал «синих», идущих с запада для подавления наших фортов и обеспечения высадки десанта на побережье в районах Лужской и Копорской губ.

Виноградский и Зубарев с начала кампании переходили с одного своего корабля на другой, обучая командиров. То же делал у себя начальник отряда траления Николай Константинович Никонов, бывший старший минный офицер «Авроры» и флагманский минер бригады крейсеров в 1917 году. Ему было труднее учить своих командиров тральщиков: большинство не имело военно-морского образования, в прошлом были кондукторами или унтер-офицерами старого флота. Хорошим помощником Никонову был флаг-капитан отряда И. С. Георгиади. Благодаря его высокому профессионализму обеспечивалась точность траления и обвехования границ опасных еще в минном отношении районов.

Впервые флот начал много плавать и днем, и ночью. И хотя ночи стояли пока белые, петербургские, не обошлось и без происшествий: по вине командира эсминца «Ивяслав» И. С. Исакова произошло столкновение его корабля с эсминцем «Амурец» в неогражденной части Морского канала. Командир его Н. Н. Савинов тоже мог действовать поосторожнее. Готовя проект приказа с разбором происшествия и наказанием виновных (оба эсминца пришлось ставить в док), Галлер определил Исакову выговор, а Савинову поставил на вид.

К середине сентября Морские силы Балтийского моря провели положенные артиллерийские и торпедные стрельбы, отработали одиночное и совместное плавание.

Замысел маневров и набросок их плана Лев Михайлович, никому не передоверяя, разработал сам. Интересно, что позже, в течение многих лет, в основу маневров брались разработки Галлера, сделанные в 1922 году.

Суть замысла Галлер разъяснил своему штабу так: к Ревелю подходит британская эскадра. В ее составе линейные крейсера, эсминцы и транспорта с войсками. На подходах к Лужской губе обнаружены британские мониторы, охраняемые эсминцами. Все это свидетельствует о намерении «противника» блокировать наш флот в Кронштадте, подавить форты и высадить десант для захвата юго-восточного берега Финского залива и продвижения к Петрограду. Морские силы Балтийского моря должны обнаружить подход «противника», ослабить его атаками подводных лодок, задержать продвижение к Кронштадту, поставив минные заграждения. И наконец, дать бой на минно-

артиллерийской позиции, приблизительно на меридиане Шепелевского маяка. Совместными действиями «красных» — огнем линкоров, артиллерийскими и торпедными ударами эсминцев во взаимодействии с фортами Краснофлотский и Передовой враг должен быть принужден к отходу. Флот также должен помочь частям Петроградского военного округа в разгроме десанта, если таковому удастся высадиться в Лужской губе. Итак, основа решения задачи обороны Петрограда с моря — бой на минно-артиллерийской позиции.

В штабе закипела работа. Разрабатывали схему движения и маневрирования для «синих» — их изображало учебное судно «Океан», недавно введенное в строй после ремонта; планировали развертывание «красных» подлодок и «красного» действующего отряда (линкор и эсминец), командовать которым должен был Г. Г. Виноградский.

Понятно, что концепция маневров основывалась и на наличном составе флота, и на принятых тогда теоретических посылах, т. е. на том, что, вслед за умершим в 1919 году Н. Л. Кладо, начальник Морской академии Б. Б. Жерве именовал морской доктриной. Впрочем, о сути доктрины и путях развития Красного Флота существовали разные точки зрения. Б. Б. Жерве, читавший в академии морскую стратегию, М. А. Петров, в свое время окончивший Морской корпус вместе с Галлером, служивший по оперативной части в штабе Балтфлота в годы мировой и гражданской войн и с 1919 года также преподававший в академии, полагали, что Красный Флот не может выполнять свои задачи, не имея мощных линейных сил, обеспечивающих их крейсеров и эсминцев. Но высказывались и иные мнения: Республике не по средствам ныне большие корабли, нужно оставить в строю и в дальнейшем развивать лишь легкие силы, от торпедных катеров до эсминцев, подводные лодки, минное оружие... Споры по этим кардинально важным вопросам: восстановлению кораблей и их модернизации, принципам составления кораблестроительной программы — еще были впереди. Однако с начала 1922 года «Морской сборник», воодушевленный решением IX съезда Советов о необходимости для Республики военно-морского флота, уже публиковал материалы проходившей в Морской академии дискуссии под рубрикой: «Какой РСФСР нужен флот». Началом ее послужило оглашение начальником Морского штаба А. В. Домбровским письма Э. С. Панцержанского,

в котором была изложена позиция командования Морских Сил Республики на роль военного флота⁶⁶. Панцержанский утверждал необходимость флота для обороны морских границ, его самостоятельного значения («нельзя считать флот придатком армии»). Он предлагал отремонтировать и привести в порядок еще не устаревшие корабли, достроить те, что стоят на заводах в высокой степени готовности. Прочие же продать на слом за границу или внутри страны, а вырученные средства использовать на ремонт и достройку кораблей. Шла речь в письме и о реорганизации тыловых органов — оставить лишь действительно необходимые, остальные сократить; о развертывании подготовки новых кадров — командных в училищах и академии, «некомандных» в школах учебных отрядов.

Галлер слушал некоторые выступления в академии. Он полагал дискуссию полезной: впервые после установления Советской власти широко обсуждалось, каким быть флоту. Но видел и ее излишнюю теоретическую условность; этим особенно отличались выступления Б. Б. Жерве и М. А. Петрова, а также и некоторых других участников дискуссии. Так, преподаватель академии А. А. Тощаков даже ставил вопрос о том, что Балтийский флот должен встретить силы врага в Бельтах и Зунде, не допустить прохода сил Антанты в Балтийское море. Выступать на дискуссии Лев Михайлович не стал, несмотря на уговоры Жерве и Петрова, — весьма признателен, но, как человек больше практический, должен заниматься боевой подготовкой команд и техническим состоянием имеющихся кораблей.

Лев Михайлович с самого начала занял позицию реалистическую: использовать те силы, что есть, восстанавливать все корабли, которые по своим тактико-техническим элементам еще не устарели, могут быть использованы для активной обороны морских рубежей. Он исходил из понимания слабости флота на Балтике, не говоря уже о практическом его отсутствии как реальной боевой силы на других театрах. Вот поэтому Галлер и планировал предстоящие маневры как бой на минно-артиллерийской позиции против превосходящих корабельных сил противника. Вести его должны были наши линкоры, крейсера, эсминцы и подводные лодки в районе к востоку от острова Сескар во взаимодействии с Кронштадтской крепостью.

⁶⁶ См.: Красный флот. 1922. № 2. С. 14.

План маневров был рассмотрен Реввоенсоветом Морских сил Балтийского моря, согласован с Петроградским военным округом и утвержден Э. С. Панцержанским, который 24 сентября, накануне маневров, прибыл в Кронштадт. В тот же день вышли на позиции подводные лодки «Волк», «Змея», «Рысь», «Леопард» и «Ерш», проследовал на запад отряд, обозначающий «синих», — учебное судно «Океан» и минный заградитель «Волхов». Утром 25 сентября «синие» начнут движение от острова Гогланд к советским берегам... И в то же утро вышел с Большого Кронштадтского рейда отряд «красных». Вперед ушли эсминцы Виноградского, чтобы от маяка Шепелевский развернуться завесой для поиска «противника». Вслед за концевым эсминцем «Гарибальди» (бывший «Лейтенант Ильин») двинулся и «Марат». Лев Михайлович стоял на ходовом мостике вместе с Панцержанским и Викторовым. В предшествующие маневрам дни он почти не спал, устал предельно. Но зато теперь был доволен: снялись с якоря вовремя и организовано, на запад, как планировалось, пролетели два «гидро» на воздушную разведку, подводные лодки уже донесли по радио о занятии позиций. Да и вообще хорошо в море! Хорошо и видеть результат, пусть самый малый, первый, долгой и нелегкой работы. Ведь пришлось практически своими силами готовить корабли к кампании, спешно обучать начавших поступать в мае учеников из военмор-комсольцев.

Трое суток длились маневры. «Марат» вел артиллерийский «бой» с линейными крейсерами «синих», эсминцы дружно атаковали врага, бомбовые удары с воздуха наносили «гидро», выходили в атаки подводные лодки... За все время ни одной неисправности, которая вывела бы корабли или их оружие из строя. Успешно прошли артиллерийские и торпедные стрельбы. Продемонстрировали также умелое взаимодействие линкор и эсминцы с фортами Кронштадтской крепости в «бою» с кораблями «синих» и при высадке и отражении десанта «синих» же на побережье Лужской губы. Правда, из-за того что Петроградский военный округ согласился участвовать в маневрах лишь условно, десант обозначили свозом с «Океана» на шлюпках двух рот машинной школы. Что ж, сделали все, что могли...

Э. С. Панцержанский был доволен: флот показал, что на Балтике у РСФСР есть реальная морская сила. Произвели маневры впечатление и на прибывшего на «Ма-

рат» командующего Петроградским военным округом В. М. Гиттиса. Бывший полковник, прошедший всю мировую войну на фронте, в гражданскую войну командовавший армиями и Кавказским фронтом, живо интересовался боевыми возможностями флота при взаимодействии с Красной Армией на приморском фланге. Галлер не жалел времени, чтобы убедить Гиттиса в его важности. «Упустил, Лев Михайлович, — признался он. — На будущий год спланируем высадку десанта, выделю минимум полк, проиграем и отражение десанта. Обещаю, штаб округа установит с вашим штабом самую тесную связь...»

Итак, успех. Но следует непременно отметить, что достижения Морских сил Балтийского моря в кампанию 1922 года во многом определили взаимопонимание М. В. Викторова и Л. М. Галлера с членами Реввоенсовета П. И. Курковым и Ф. С. Аверичкиным. Они поддерживали наморси и начштаба во всех их начинаниях, помогали силами политработников и партийных организаций налаживать крепкую воинскую дисциплину. Курков и Аверичкин высоко оценили самоотверженную работу командования флота. Еще 20 декабря 1921 года они писали в Москву В. И. Зофу, комиссару Морских Сил Республики, что Викторов и Галлер — «специалисты, добросовестно относящиеся к делу и работающие не за страх, а за совесть, а таких специалистов в Балтийском флоте не очень много...». Там же о Галлере: «...работает нач. штаба фактически с начала кронштадтских событий и за все время прекрасно относится к делу и выполняет всю штабную работу (особенно в связи с недостающими сведениями специалистами во флоте)»⁶⁷.

После того как в течение нескольких дней был закончен и отправлен в Москву, в Морской штаб, отчет по маневрам, Лев Михайлович наконец-то выбирается в Петроград. Катер «Марата» с высокой и тонкой, надраенной до блеска медной трубой доставляет его из Кронштадта в Неву, швартуется к пристани у Сенатской площади. Стоит чудный день, сухой и теплый, как это иногда бывает в Петрограде золотой осенью. С деревьев уже опадают желто-красные листья, они шуршат под ногами, когда Галлер проходит к Невскому Александровским садом. Как всегда, Галлер привычно окидывает взором Адмиралтейство, мощенную булыжником Дворцовую с величавой колонной. На Невском оживленно, по случаю выходного

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. 307, оп. 1, д. 84, л. 43.

прогуливается принарядившаяся публика. В совсем еще недавно забытые доски окна магазинов нынче вставлены стекла, на витринах — давно забытое. Какие-то колбасы, окорока, свежая аппетитная зелень... Он заходит в кофейню, выпивает чашечку кофе (настоящего, ароматного и крепкого!) с вкуснейшим пирожным и даже берет коробку с собой — для сестер. И откуда все появилось, как из-под земли?!

Правильная политика — нэп... Лев Михайлович не раз беседовал на баке у фтиля с военморами. Большинство их из крестьян, безусловно довольны заменой продразверстки продналогом. Лев Михайлович вспоминает давние беседы с Белли о том, как успокоить российское крестьянство. Вот большевики и дали ему все, что нужно, — землю, теперь установили твердый налог. Дали перспективу. Зачем же мужику бунтовать? И кончились крестьянские восстания, экономика страны сразу начала набирать силу. Теперь можно залечивать раны мировой и гражданской войн. Только сегодня он прочел сводку по Петроградскому торговому порту; в этом году уже триста с лишним иностранных пароходов загрузились у нас и ушли на запад. От торговли страна богатеет...

Лев Михайлович сворачивает на Литейный. Вот и Эртелев переулок. Сестры, потеряв терпение, выглядывают из окна. Заждались, бедные... За обедом бесконечные расспросы о его делах и здоровье, рассказы о своем житье-бытье, о знакомых. Лев Михайлович улыбается в усы — все заняты, все «при деле». Потом Женя играет любимого всеми в семье Скрябина...

Гулко бьют напольные часы — внушительное сооружение, приобретенное когда-то отцом. Восемь вечера, пора собираться: в 21.00 катер будет ждать его у Сенатской площади. Лев Михайлович целует сестер («старейт...»), пытается противиться намерениям снабдить его теплым бельем и какими-то особыми сухариками, свертком с вкуснейшим пирогом — «кухеном», таким же, как пекла когда-то мать. Но все бесполезно, и, сдавшись, держа в руке саквояж, он спускается вниз по черной лестнице (парадная закрыта уже который год), выходит на улицу, где его уже поджидает вполне приличный извозчик: еще одна примета восстановления нормальной жизни.

Часа через два Галлер на «Кречете» принимает доклад оперативного дежурного по штабу Морских сил, отдает необходимые распоряжения и спускается из руб-

ки к себе в каюту. Он снимает тужурку, накидывает на плечи вытершуюся меховую безрукавку, которая сопровождает его по кораблям начиная с мичманских времен, достает виолончель. Услышав знакомые звуки галлеровского инструмента, оперативный улыбается: начштаба любят и уважают, хотя иногда посмеиваются над невинным чудачеством. Надо же, говорят, всю жизнь таскает по каютам виолончель... А Лев Михайлович, поиграв, садится за стол, придвигает поближе англо-русский словарь и открывает «Большой флот. 1914—1916» адмирала Джеллико. Эту книгу о мировой войне на море ему прислал Е. А. Беренс, командированный по каким-то делам в Лондон. Опыт войны Галлер изучает постоянно, не пропуская ни одной работы, выходящей за рубежом...

Возрождение

В октябре 1922 года съезд РКСМ постановил: «принять шефство над Красным Флотом Республики». По всей стране комсомол проводил митинги и собрания, пропагандируя флот, привлекая к нему внимание трудящихся и особенно молодежи. И вскоре, уже в конце года, в учебные отряды и училища Красного Флота пришли тысячи полных энтузиазма добровольцев-комсомольцев.

Галлер внимательно присматривался к этому совершенно для него новому по самой своей сути добровольному пополнению. Военморы-комсомольцы не походили ни на довоенных новобранцев, ни на мобилизованных в годы мировой войны. Это были преданные Советской власти, сознательные грамотные люди, стремящиеся как можно быстрее и лучше овладеть флотскими специальностями. Они резко отличались и от призывников 1918 года, часть которых поддалась эсеровской агитации и даже выступила против «большевиков-комиссаров», а в марте 1921 года оказалась в рядах кронштадтских мятежников. О лучшем пополнении для флота, чем комсомольцы, нельзя было и мечтать. В этом Галлер был убежден, в этом убеждал и некоторых командиров из бывших офицеров, которым молодежь казалась излишне «настырной».

«Важно понять, что нужно не только приказывать, но и объяснять команде, разумеется когда позволяет обстановка, цель работ или занятий, похода или боевого упражнения. Нужно больше быть с людьми в часы от-

дыха, не увиливать от собраний...» — учил Лев Михайлович командный состав. Он всеми силами боролся против пренебрежительного, высокомерного отношения некоторых командиров к команде, к комиссарам, уровень образования, культуры которых в те годы часто был невысок.

Морские силы вступили в новый этап своего развития. И начштаба военмор Галлер работал, чтобы закрепить успехи кампании 1922 года, пойти дальше в поднятии мощи Красного Флота, его восстановлении. Он уделял много внимания учебному отряду, чем мог помогал Н. А. Бологову — его начальнику и комиссару, требуя так поставить дело, чтобы к началу кампании на корабли пришло пополнение специалистов-военморов. Не раз проверял начштаба ход ремонта на учебном судне «Комсомолец» (бывший «Океан»), лишь в ноябре, после похода с новым пополнением в район Кильской бухты, завершившем кампанию. Планируя мероприятия на 1923 год, он обстоятельно беседовал с начальниками отдельных дивизионов Г. Г. Виноградским и Я. К. Зубаревым, командирами кораблей. Корабли их дивизионов с 1923 года получили новые названия. Эсминцы «новики», на которых зимой часто бывал начштаба, отныне носили имена основоположников марксизма или, как тогда говорили, вождей.

Несколько раз побывал Галлер и на подлодках, зимовавших на Неве. Он приходил неожиданно, вместе с выбегавшим по звонку вахтенного дежурным по лодке спускался по вертикальному трапу в центральный пост, проходил корабль от носа до кормы, проверяя порядок и чистоту. Каждый раз его поражало отсутствие отсеков — не мог привыкнуть. Удивительно странный проект создал все же Иван Григорьевич Бубнов! Всем хороши лодки типа «Барс», но безотсечные, в случае повреждения прочного корпуса никаких шансов на спасение... Нет, при новом проектировании следует разделить прочный корпус на несколько герметичных отсеков, позаботиться о способах и устройствах для спасения команды.

С лодки Галлер уходил обычно уже с Зубаревым — начдива вызывали сразу же со стоящей рядом плавбазы «Смольный», на которой размещались команды дивизиона. Вместе они шли на плавбазу, чтобы согреться стаканом крепкого чая в каюте. Каждый раз Галлер и Зубарев обсуждали последние книжки по тактике под-

водных лодок — переводные, изданные у нас. Позже, в начале тридцатых годов, Галлер говорил В. А. Белли, что Зубарев — «подводная энциклопедия», беседы с ним дают очень много. «Я, Владимир Александрович, возможно, обладаю малым воображением: все должен постичь досконально собственным опытом. На линкорах, крейсерах и эсминцах ходил, поэтому все знаю. На подлодках — раза два, уже начальством. А так корабль, его возможности не познаешь. Вот Зубарев и был моим лучшим советчиком по своей части...»

Так, в хлопотах, в трудах, прошла зима. Успешно провели в январе Неделю Красного Флота по всей стране. Воздушный флот Балтийского моря получил первые 4 гидросамолета эскадрильи «Красный Балтиец», построенные на собранные военморами деньги. В феврале закончили ремонт «Авроры», и наморси Викторов уже послал в Москву ходатайство Э. С. Панцержанскому и В. И. Зофу о дальнем заграничном походе крейсера и минного заградителя «Волхов» вокруг Скандинавии в Мурманск. Рождались в штабе проекты новых уставов, наставлений и правил использования оружия и техники (Галлер сам разрабатывал их планы, писал многие разделы), в Петрограде открылось Военно-морское инженерное училище. Галлер чувствовал: флотская жизнь становилась все более интенсивной, все меньше случалось событий неожиданных, нарушающих ее ритм. Ему казалось, что все наконец-то входит в спокойное деловое русло. Он думал: впереди года три-четыре на восстановление и достройку кораблей, проектирование новых, затем развертывание кораблестроения, создание образцов вооружения. Скоро страна будет иметь на это средства. Лев Михайлович теперь все чаще думал о дальней перспективе, о будущем флота. Просматривая новые выпуски «Джен», английского справочника по военным флотам, читая изданную за рубежом военно-морскую литературу и «Морской сборник», в котором всезнающий Е. Е. Шведе из номера в номер помещал регулярные обзоры по всем флотам мира, Галлер все больше склонялся к мысли о необходимости для Красного Флота авиаматов. Ведь англичане строили авиаматки «Игл» и «Гермес», не отставали японцы и североамериканцы. Понимают: есть резон. Почему бы и нам не построить авианосцы, используя, например, недостроенные крейсера типа «Светлана» или линейные крейсера типа «Бородино»? Наконец, можно с минимумом затрат превратить

в авианосец линкор «Полтава», вот уже пять лет ждущий основательного ремонта. Снять с него кормовые башни, переконструировать палубу для посадки и взлета аэропланов...

Лев Михайлович как-то поставил вопрос об авиаматках перед М. В. Викторовым. Михаил Владимирович поддержал, загорелся, направил вскоре предложение в Москву Панцержанскому. Но из Морского штаба сообщили, что средств на такие работы нет. А потом на «Полтаве» был пожар, корабль серьезно пострадал. Достроенная «Светлана» стала крейсером «Профинтерн» (позже — «Красный Крым»), а еще из двух ржавевших на Неве корпусов таких же крейсеров построили танкеры. Но эти корабли так или иначе, а служили Родине — в военном флоте или гражданском. По-другому поступили с недостроенными линейными крейсерами типа «Бородино». И много лет спустя с болью вспоминал Лев Михайлович, как проданные на металлолом «Бородино», «Кинбурн» и «Наварин» в 1923 году отбуксировали в Германию. Туда же продали крейсера «Адмирал Макаров», «Громобой» и «Россия». Линкоры «Андрей Первозванный», «Республика» и «Гражданин», оставшиеся крейсера, исключая «Аврору», и 12 миноносцев разбирались на металлолом.

1923 год прошел спокойно. Маневры, проведенные осенью, показали, что Морские силы Балтийского моря окрепли, подняли свою боевую выучку. «Аврора», которой командовал отличный моряк Л. А. Поленов, совершила несколько походов, в том числе с выходом из Финского залива в Балтику — до параллели острова Готланд. Правда, из-за ограничений по топливу отменили поход учебных кораблей вокруг Скандинавии. Значит, надо совершить его в следующем, 1924 году.

Итак, год прошел для флота хорошо, но Галлеру казалось, что страна стоит на пороге каких-то перемен. Говорили, что В. И. Ленин болеет, по слухам, непосредственного участия в государственной деятельности не принимает. Правда, газеты печатали его новые небольшие статьи. Многие в них отвечало мыслям и мироощущению Льва Михайловича. Например, по части опасности бюрократизма и борьбы с ним. Одно из проявлений, не самое важное, но заметное, — какая-то безудержная анкетная кампания. Ладно на флоте, в армии. Тут как-то можно объяснить. Но зачем анкета из 55 пунктов для поступления на работу в Публичку? Галлер был поражен, когда сестра Антонина показала ему анкету, вы-

данную ей кадровиком библиотеки. На листах ее внизу жирным шрифтом грозно значилось: «Писать четко, ясно и точно отвечать на все вопросы». Каких только не было здесь вопросов! «Чем занимались и в качестве кого: а) до 1905 года; б) с 1905 до марта 1917 года; в) с марта 1917 года до Октябрьской революции; последняя должность; г) после Октябрьской революции до поступления в отдел (Публ. библи. — С, З.)...»⁶⁸ Много, много всяческих вопросов, слишком много. Совсем ненужных, почему-то пугающих людей, в том числе и бедную Тоню. Впрочем, куда несноснее проявлялся и набирал силы бюрократизм в хозяйственной деятельности, во взаимоотношениях с различными учреждениями. Льву Михайловичу даже казалось, что бумаг теперь приходится писать больше, чем до революции...

С августа 1923 года действовал новый состав Реввоенсовета СССР, в который вошел М. В. Фрунзе. О Фрунзе очень тепло говорил Галлеру Э. С. Панцержанский, знавший его по совместной работе в 1920—1921 годах. Фрунзе тогда командовал войсками Украины и Крыма, а Панцержанский был его помощником по морской части и начальником Морских сил Черного и Азовского морей. И Галлер, прочитав приказ о составе Реввоенсовета СССР, подумал, что включение в него М. В. Фрунзе на пользу: будет через кого решать кардинальные проблемы флота.

1924 год начался с тяжелой утраты. Приказ Реввоенсовета СССР № 39 от 22 января 1924 года известил Красную Армию и Красный Флот о скоропостижной кончине вождя — Владимира Ильича Ленина⁶⁹. Галлер ощутил смерть Ленина и как личную потерю. В. А. Белли вспоминал, что Лев Михайлович говорил именно так, сам удивляясь этому, в сущности, инстинктивному чувству. Ведь он никогда не встречался с Лениным. И все же понял тогда, что от штурвала государства отошел рулевой, которого трудно заменить. Ушел, лишь начав гигантское дело построения новой России. Этот разговор был, вспоминал Белли, в 1927 или 1928 году, когда Троцкий уже потерял все свои посты. И Галлер, изменив обычной сдержанности, сказал ему, что боялся, как бы Ленина не заменил Троцкий. В Троцкого веры у Галлера

⁶⁸ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде: Отдел кадров. Архив. Дело № 844/1А, Галлер Антонина Михайловна, л. 5—6.

⁶⁹ См.: Морской сборник. 1924. № 1. С. 6.

не было: наркомвоенмор, который ни разу не попытался выйти в поход на боевом корабле, вникнуть по-настоящему в жизнь флота, продавший на слом недостроенные линейные крейсера! Правда, он не раз говорил и писал о значении флота, но очень общо, неконкретно. Его статья «Перспективы и задачи военного строительства», напечатанная в 1923 году в «Морском сборнике»⁷⁰, была тому примером — общие слова. А когда было Троцкому заниматься армией и флотом, если конец 1923 года прошел в дискуссии в связи с его письмом к партии, содержащим критику перерождающегося партийного аппарата? Сущность этой дискуссии, значение поднятых Троцким вопросов Галлер осознал много позже.

Председателем Совнаркома стал А. И. Рыков, ранее заместитель Ленина на этом посту. Галлер, как и Викторов, именно его воспринял как преемника Владимира Ильича. Рыков им импонировал: и по образованию, и по внешнему виду российский интеллигент, деловой человек, выводящий экономику страны на путь развития. С его именем и именем М. В. Фрунзе, которого Президиум ЦИК СССР 21 марта 1924 года назначил заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя Реввоенсовета СССР, Галлер связывал разработку первой пятилетней программы модернизации кораблей, развитие морской авиации и восстановление фортов Кронштадтской крепости.

Перемены в Москве не могли не занимать Галлера, но главным, разумеется, оставалась работа в штабе, которая все прибавлялась. Кампании 1924 года предстояло стать знаменательной во многом. Нужно было продолжить траление мин, отправить в дальний поход — в Мурманск и Архангельск крейсер «Аврора» и учебное судно «Комсомолец». И конечно, провести успешно кампанию: подготовить соединения к осенним маневрам, более сложным и напряженным, чем предыдущие.

Кампанию начинали 15 мая празднично — торжеством на Неве. Ниже моста Лейтенанта Шмидта ошвартовались поднявшие флаги расцвечивания эсминцы «Сталин» и «Зиновьев». Выше по реке, до Дворцового моста, стали на бочки подлодки. Под звуки оркестра «Зиновьев», принявший на борт делегацию губернского союза металлистов — шефов «Марата», направился к линкору, стоявшему на Большом Кронштадтском рейде. Еще бо-

⁷⁰ См.: Морской сборник, 1923. № 7—8. С. 8—12.

лее почетная миссия выпала «Сталину»: на эсминец прибыли представители ЦИК СССР А. С. Енукидзе и П. Г. Смидович, комиссар Морских сил В. И. Зоф. Их встречал член Реввоенсовета Балтфлота П. И. Курков.

Еще накануне на Большом Кронштадтском рейде заняли свои места линкор «Марат», крейсер «Аврора», эсминцы, канонерские лодки и тральщики, подводные лодки. Лев Михайлович стоял на мостике «Марата» рядом с Викторовым и заранее прибывшим из Москвы Э. С. Панцержанским. О многом успели они втроем переговорить за два дня. Панцержанский рассказывал об обстановке в столице, в наркомате, в своем штабе на Воздвиженке. Он был откровенен, не скрыл, что скорее всего в ближайшее время расстанется со своим постом. Причины он видел и в том, что не состоит в партии, а это, вероятно, не позволяет ввести его в Реввоенсовет СССР, и еще больше в том, что не терпит, когда к флоту относятся как к кавалерии — тоже, мол, род войск. Потихоньку отнимают и то, что есть: сокращают Морской штаб, например. Он, Панцержанский, протестует, но побеждает редко... Будь его воля, ушел бы на один из флотов. Командуя флотом, делаешь нечто реальное. В столице приходится слишком много заниматься дипломатией.

Галлер смотрел на красивое, живое лицо Панцержанского и думал: как было бы хорошо, если бы все уладилось и тот остался на посту — настоящий флагман, умен, интеллигентен, прост, хорошо говорит, прекрасно пишет. Кто его сменит? Какой это будет моряк и человек?

Со стороны Ленинграда показался эсминец — шел «Сталин» с членами ЦИК. Катер «Орлик» с Панцержанским и Викторовым направился к эсминцу, потом, взяв на борт почетных гостей, — к «Авроре». В тот день крейсеру было вручено шефское Знамя ЦИК...

Утром 16 мая эскадра вышла в море. С этого дня началась повседневная работа: рейдовые сборы в Лужской губе, походы, стрельбы, строгие проверки штаба на кораблях, учения. Летняя кампания в 1924 году проходила напряженно. Галлеру пришлось предметно заниматься подготовкой похода «Авроры» и «Комсомольца» в Мурманск и Архангельск, торопить с окончанием ремонта линкора «Парижская коммуна» — выход на испытания задерживался, а надо было успеть подготовить корабль к маневрам. К тому же в июне был переведен на Черное

море М. В. Викторov, на смену ему пришел А. К. Векман. Понятно, что начштаба Галлер должен был ввести его во флотские дела. Новый наморси окончил Морской корпус двумя годами раньше Галлера, в мировую войну служил на крейсере «Адмирал Макаров» старшим артиллеристом, потом был начальником Охраны водного района (ОВР) Ботнического залива. В гражданскую Векман воевал на Волжской флотилии, после Раскольникова командовал флотилией на Каспии. На посту начальника Морских сил Черного моря в 1922 году был награжден орденом Красного Знамени. Векман и Галлер быстро поняли друг друга, работали дружно.

С середины мая флот базировался на Лужскую губу, отрабатывал стоянку на незащищенном рейде. Отсюда корабли выходили на стрельбы и маневрирование, откуда флот в сильном тумане совершил в конце июня поход до устья Финского залива. Затем были два похода в июле: первый до Гогланда, второй до меридиана Дагерорта — маяка на эстонском острове Хийумаа. В походах эскадра отрабатывала эволюции и двухстороннее маневрирование. Галлер с полным основанием доложил наморси Векману, что линкор «Марат» и бригада эсминцев Г. Г. Виноградского, образованная с начала июля из отдельного дивизиона, готовы к действиям в открытом море. Его вывод подтвердило первое после мировой и гражданской войн четырехдневное плавание «Марата» и эсминцев в Южную Балтику в начале сентября — к берегам Польши. Несмотря на штормовую волну, основательно трепавшую эсминцы Виноградского, график похода был выдержан точно. Выполнили свою задачу и подводные лодки Зубарева, развернутые в Балтике. Они своевременно обнаружили отряд и вышли в учебные атаки на корабли. А еще через месяц свою боевую готовность флот продемонстрировал на маневрах, начавшихся 3 октября 1924 года. В них принимала участие и вступившая в строй «Парижская коммуна». «Красные» — линкоры, эсминцы и канлодки, подводные лодки, минные заградители и тральщики вели активные действия против «синего» флота в море, обороняли сескарскую позицию и подступы к Кронштадту и Ленинграду. Эсминцы «Энгельс» и «Урицкий» выпустили по шесть торпед, не потеряв ни одной. Виноградский атаковал линкоры дивизионом своих эсминцев, атаковали надводные корабли подлодки-«барсы» № 4 («Красноармеец»), № 5 («Комиссар»), № 8 («Краснофлотец») и № 9 («Рабо-

чий»). С минных заградителей высаживали в Лужской губе десант — армейский полк...

Маневры, по оценке Панцержанского и Зофа, прошли успешно, удался и смотр флота на Большом Кронштадтском рейде. Но Галлер, как всегда, больше вел счет недостаткам: минный заградитель «9 января» чуть не столкнулся с подлодкой «Рабочий», подлодка «Красноармеец» не смогла быстро погрузиться и была «уничтожена» крейсером «синих»; по вине радистов дозорного эсминца «Троцкий» (с 1928 года — «Войков») не прошло радио об обнаружении линкоров «противника»... Обо всем этом он строго и доказательно говорил на разборе после маневров. Потом, в салоне с глазу на глаз, Векман сказал ему как бы шутя: «Напрасно, Лев Михайлович, все грехи наши выдаете при начальстве. Потом бы разобрались...» Галлер лишь упрямо склонил голову: «Простите, Александр Карлович, иначе не умею...» Он и в самом деле не умел служить как бы в двух измерениях, оставляя за некой чертой то, что может не понравиться начальству. Понимал, что это отнюдь не облегчает жизнь, но поделать с собой ничего не мог.

Поход красной эскадры в Южную Балтику политические деятели и буржуазная пресса Европы восприняли чуть ли не панически. Газеты в Польше, Германии и Швеции писали о «красной опасности» с моря, о том, что эскадре Векмана и Галлера на Балтике никто не может противостоять. Читать об этом Галлеру было приятно, но он все же завидовал Н. А. Бологову, водившему «Аврору» и «Комсомолец» вокруг Скандинавии. Как бы он хотел ощутить океанский простор, вдохнуть его соленый воздух! Но разве может начштаба позволить себе такое путешествие. Дела, дела... Приближалась зима, под руководством Галлера штаб отработывал план зимней обороны Котлина и фортов. Артиллерия береговой обороны и кораблей, распределенная по ответственным секторам, остановит противника, если тот попытается взять штурмом твердыню Красного Флота. За зиму надо было подготовить флот к предстоящей кампании, двинуть вперед ремонт и достройку кораблей.

В общем, дел у начштаба с окончанием одного учебного года и началом следующего стало еще больше. Но Льва Михайловича это только радовало. Флот, работа на его благо были содержанием его жизни. Здесь сознательно не употребляется обычное прилагательное — «основным». Галлер принадлежал флоту весь, без остатка. Он

по-прежнему редко бывал в Ленинграде, не больше одного-двух дней в месяц. Да и визиты эти были непродолжительны: поговорит с сестрами, пройдет по лавкам букинистов на Литейном — его знали и оставляли интересную морскую книгу. Зимой ходил с сестрами в филармонию или в театр. А потом, к ночи, вернувшись в Кронштадт на борт штабного корабля, в тишину раз и навсегда установленный порядок своей каюты, просматривал газеты и журналы, раскрывал новые книги.

Нельзя сказать, что его не волновали, не интересовали события внутриполитической жизни. Но он всегда рассматривал их в преломлении к сегодняшним или будущим нуждам флота, служению которому себя отдавал.

Читая осенью 1924 года в газетах материалы развернувшейся дискуссии по статье Троцкого «Уроки Октября», Галлер видел, что наркомвоенмор вновь, как во время дискуссии осенью 1923 года, остается в явном меньшинстве. «Морской сборник» № 12 за 1924 год поместил большую статью Л. Б. Каменева «Ленинизм или троцкизм», в которой резко осуждался и сам Троцкий и его теоретические посылки. И, не вникая глубоко в суть дискуссии, Галлер сознавал, что исходное положение Троцкого о наитеснейшей связи судьбы Советской России с мировым революционным движением лишает страну перспективы в ближайшем будущем. Лев Михайлович полагал, что лишь дальнейшее движение истории покажет ход революционного процесса в Европе и в остальном мире. Сейчас же следует восстанавливать и всесторонне развивать экономику, поднимать культуру народа, укреплять вооруженные силы. По воспоминаниям В. А. Белли, и он, и Галлер в то время были, что называется, государственниками. Во имя блага Родины, ее величия, думали они, должно произойти единение всех патриотов. Они надеялись, что и круги русской эмиграции, объединившиеся вокруг издававшейся с марта 1922 года в Берлине газеты «Накануне», так называемые «сменовеховцы», признают новую Россию, пойдут на позитивное сотрудничество с партией большевиков и Советской властью. Надежды эти были подкреплены статьей А. В. Луначарского в еженедельнике «Культура и жизнь» о смене вех интеллигенцией. «...Важно сознавать, — писал нарком просвещения, — что самое ядро этих наших новых союзников состоит из наших недавних врагов, открытых, активных, беспощадных... Что же это за люди? Это патриоты. Да, это активные патриоты. Это люди,

которые... горячо интересуются русской государственно-стью и судьбами русского народа...»⁷¹ Итак, единение интеллигенции внутри страны и той ее части, что волна эмиграции вынесла за пределы России, единение во имя блага ее. Бывших офицеров, служивших в Красном Флоте, в том числе и себя, Галлер и Белли также относили к интеллигенции — военной. Их единение с народом, с Советской властью берет начало с первых дней Октября.

Решение Объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б) в январе 1925 года о снятии Троцкого с постов председателя Реввоенсовета СССР и наркомвоенмора, назначении на них М. В. Фрунзе Галлер расценил положительно. В вооруженных силах страны, как он понимал, заканчивалась одна эпоха и начиналась другая. Шесть лет Троцкий стоял во главе Красной Армии и Красного Флота, нес непосредственную ответственность за оборону государства. Деятельность его на постах председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора носила в основном военно-политический характер. «Чисто военные» вопросы решал, опираясь на свой штаб, главком «всех вооруженных сил» С. С. Каменев. Теперь с этим своеобразным разделением власти в военном ведомстве было покончено: пост главкома в конце 1924 года упразднили. С. С. Каменев вступил в исполнение обязанностей главного инспектора РККА, а с марта 1925 года — начальника штаба РККА. Каково же будет отношение нового наркомвоенмора к флоту? Как будут работать вместе М. В. Фрунзе и В. И. Зоф, сменивший в декабре 1924 года Э. С. Панцержанского? Галлер думал, что, может быть, назначение Зофа командующим Морскими Силами пойдет на пользу флоту. В. И. Зофа и К. А. Еремеева, бывшего члена Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря, члена РСДРП с 1898 года, ввели в Реввоенсовет СССР. Значит, представители флота теперь есть в высшем оборонном органе государственной власти, и они смогут там отстаивать его интересы. Панцержанский же принял командование Морскими силами Черного моря, будет возрождать флот на юге, займется, как сам хотел, практическим делом. Быть может, он и доволен... А по части военно-морской — профессиональной правильности решений М. В. Фрунзе всегда может получить совет от Штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота и его начальника С. П. Блинова, опытного военмора, бывшего

⁷¹ Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 2.

офицера, прошедшего и мировую, и гражданскую войны. И между прочим, однокашника по Морскому корпусу... Вскоре Галлер убедился, что М. В. Фрунзе намерен серьезно заниматься всем, что касается флота. Уже в феврале он побывал в Ленинграде и Кронштадте. «Летом постараюсь побывать у вас, выйти в море на кораблях — посмотрю, на что Балтфлот способен...» — сказал наркомвоенмор Векману и Куркову.

В апреле 1925 года в Ленинград прибыл коморси В. И. Зоф. Он заслушал на заседании Реввоенсовета доклады А. К. Векмана о готовности флота к началу летней кампании, Л. М. Галлера — о ходе боевой подготовки в зимний период, ремонте и достройке кораблей на заводах Ленинграда. В своем докладе Галлер от имени Реввоенсовета поставил перед новым коморси вопрос о ремонте и переоборудовании линкора «Полтава» в авиаматку. Он обосновал это предложение, проанализировав строительство авиаматок в капиталистических странах и малые возможности авиации, базирующейся на сухопутные аэродромы, по прикрытию кораблей в море от ударов противника с воздуха.

В. И. Зоф, однако, не поддержал предложения о переоборудовании «Полтавы»: «С финансами положение трудное, давайте подождем». Затем он пояснил свою позицию по единоначалию: «Комиссары в береговых частях, в которых вводится единоначалие, не должны вмешиваться в функции командиров. Комиссар как представитель партии ответствен за морально-политическое состояние личного состава, руководит всей партийно-политической работой, но не выполняет контрольных функций по отношению к командирам. Но на кораблях мы на это пойти не можем. Там пока что все остается по-старому...»

На следующий день начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов и В. И. Зоф выступили на 8-й партконференции Балтфлота. И здесь Зоф сказал, что в ближайшее время единоначалие на кораблях вводиться не будет. Как известно, повсеместно оно было введено на кораблях лишь в 1933 году.

Некоторое время спустя Г. Г. Виноградский в разговоре с Галлером обронил: «Что, Лев Михайлович, не доверяют нам? Единоначалие-то только на берегу. Корабельным доверия нет...» Галлер знал, что политуправление тщательно следит за становлением краскомов — командиров-выпускников из командного и инженерного

училищ, куда, как правило, принимали тех, у кого в анкете на вопрос «сословие или происхождение до революции» ответ был «из рабочих» или «из крестьян». Первый выпуск Училище командного состава флота дало в 1922 году, краскомов было еще мало. Понятно, что они служили на должностях вахтенных начальников, командиров плутонгов... Лев Михайлович тепло встречал выпускников-краскомов, заботился, чтобы их хорошо принимали на кораблях, помогали быстрому становлению как профессионалов. Ему нравился энтузиазм краскомов, стремление все знать и уметь. И он помогал молодежи «схватить» корабельной практики. Адмирал В. А. Алафузов в 1962 году писал Адмиралу флота Советского Союза Н. Г. Кузнецову: «Лев Михайлович был очень доступен, и попасть к нему мог кто угодно... Будучи слушателем... училища, вместе с тремя своими товарищами просился... на «Комсомолец», который в 1922 году первым из кораблей Балтийского флота уходил «в дальнее», по понятию 1922 года, плавание в южную часть Балтийского моря. На нашу просьбу командир «Комсомольца» ответил, что может взять нас только с разрешения начальника штаба флота. Мои товарищи делегировали меня в штаб флота, помещавшийся на «Кречете». Я пошел туда не без трепета, но был очень удивлен, когда после обращения к дежурному по штабу без проволочек был направлен к начальнику штаба флота — Льву Михайловичу. Он меня узнал. Надо сказать, что после нашей практики вместе со всем курсом четверо..., в том числе и я, остались по собственному желанию на поход «Марата» (первый в 1922 году) за счет своего отпуска. Когда я со своими тремя товарищами занимался на мостике «Марата» прокладкой, Галлер заметил нас и с нами беседовал... Он узнал (Алафузова. — С. 3.)... и сразу же дал мне и моим товарищам направление на «Комсомолец», лично его подписал»⁷². Об этом же вспоминает и Н. Г. Кузнецов: «Доступность Галлера была всем известна. Еще будучи курсантом, я и мои товарищи иногда вместо отпуска оставались на кораблях и участвовали в учениях флота. Когда в сентябре 1924 года мы оказались в Кронштадте, Лев Михайлович легко принял нас и указал корабли, на которых мы сможем получить больше пользы»⁷³.

⁷² Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер: Рукопись из архива В. Н. Кузнецовой (далее Адмирал Л. М. Галлер), С. 4.

⁷³ Там же. С. 6.

Кампании 1925 года, полагал Галлер, надлежало двинуть вперед подготовку молодых командных кадров: для первого выпуска краскомов она была уже третьей. На основе ее опыта можно будет выдвигать краскомов на должности помощников командиров и старших специалистов эсминцев и канлодок, командиров дивизионов на линкорах и крейсерах⁷⁴.

Но кампания еще лишь начиналась. 3 мая отряд кораблей вышел из Кронштадта на запад. Галлер вместе с Векманом шел на «Марате». Он с удовлетворением отмечал, как четко наладил службу на линкоре Ю. Ф. Ралль, давний его знакомый, как спокойно, без суеты управлял он кораблем. А ведь мог и сгинуть осенью 1924 года... В кильватер «Марату» следовала «Парижская коммуна». Охраняемые эсминцами линкоры к вечеру прошли меридиан Гельсингфорса и лишь ночью к западу от Ревеля повернули на обратный курс. В течение дня, до возвращения в Кронштадт, на отряд выходили в учебные атаки подводные лодки, гидросамолеты. Так с первых дней кампании без всякой раскачки началась организованная штабом флота интенсивная боевая учеба.

В Кронштадте у Галлера взял интервью корреспондент журнала «Красный флот». «Первый в 1925 году поход оставил... чувство полного удовлетворения, — сказал начштаба. — Он показал, что зимнее время проведено не даром»⁷⁵. В те же дни финская газета писала: «В морских кругах считают достойным внимания, что русский флот так рано готов к плаванию и уже начал летнюю кампанию... Знаменательно, что весь флот был в море...»⁷⁶. Да, Красный Флот на Балтике стал силой! Это поняли в столицах Европы. Не желанием ли продемонстрировать противостояние ей были многочисленные визиты летом 1925 года иностранных кораблей в порты Финляндии? В них побывали эскадры и отряды кораблей военных флотов Англии, Италии, Германии, Голландии.

Возросшую мощь Балтфлота показал так называемый «большой поход» — под этим наименованием вошел он в историю Советского ВМФ.

19 июня в Ленинград прибыли М. В. Фрунзе и коморси В. И. Зоф. На эсминце «Зиновьев» (с конца 1928 го-

⁷⁴ См. там же. С. 7.

⁷⁵ Красный флот, 1925. № 5, С. 4.

⁷⁶ Там же. С. 42.

да — «Артем») пришли они в Лужскую губу. Здесь стояли на рейде корабли флота. Векман, Галлер и Курков встречали высшее командование на юте «Марата». Утром 20 июня после подъема флага линкоры и эсминцы снялись с якоря, поход начался.

С командой «По местам стоять, с якоря сниматься» Фрунзе вместе с Векманом и Зофом поднялся на ходовой мостик линкора. Здесь их встретил Галлер, доложивший, что все идет по плану. И в самом деле, над кораблями прошли гидросамолеты, чтобы вести разведку по курсу эскадры, над Лужской губой барражировали истребители, тральщики уже ушли далеко от места стоянки, проверяя фарватер.

Пока линкор снимался с якоря и занимали свое место в строю корабли, нарком, не желая мешать, не задавал никаких вопросов. Но вот отряд лег на курс. Впереди линкоров и по бортам шли эсминцы, строго удерживаясь на положенных курсовых углах и дистанциях. Увидев, что напряжение на мостике спало, Фрунзе сказал: «Товарищ Векман командует своей эскадрой, товарищ Ралль — линкором, а товарищ Галлер, по-моему, сейчас не занят», — и нарком попросил Льва Михайловича провести его по кораблю. Они осмотрели центральный пост, много времени провели во второй башне главного калибра. Фрунзе показали, как заряжаются орудия, как будет вести огонь башня, если прекратится подача электроэнергии. Они спустились в кочегарку, затем прошли в машинное отделение. И всюду Фрунзе беседовал с людьми. Он обладал искусством общения: военморы говорили с ним свободно, не стесняясь, откровенно. Все остальное время похода, лишь немного отдыхая, Фрунзе продолжал осмотр корабля, интересуясь и его устройством, и организацией использования артиллерии различных калибров.

Отряд прошел в Южную Балтику, миновал, оставив к югу, остров Борнхольм, проливом Фемарн-белът проследовал в Кильскую бухту. Здесь, в нейтральных водах, близ датского острова Лангеланд, корабли стали на якорь. С ходового мостика Фрунзе смотрел, как эсминцы выполняли маневр постановки на якорь все вдруг. «Здорово!» — сказал он. Нарком был восхищен отличной морской выучкой балтийцев.

Стемнело, на кораблях зажглись якорные огни. Галлер, поработав с донесениями с кораблей, установив очередность подхода к кораблям танкера с мазутом и водо-

лея, поднялся на мостик. Он вспомнил, как в 1911 году вот так же, как сейчас, стоял на мостике «Славы» и смотрел на Кильскую бухту, заполненную мощным германским флотом. Ныне у Германии флот совсем несилён, шведский, пожалуй, помощнее. А первенство на Балтике у Красного Флота: два линкора-дредноута, третий, «Гангут», тоже вскоре войдет в строй. На Балтике им никто противостоять не может. Но у немцев судостроение высокого класса. Изменится политическая обстановка в Европе, и Германия за несколько лет восстановит свою мощь на море. Надо скорее приступать к новому военному кораблестроению и в Советской России. Ведь год-два, и все недостроенные корабли вступят в строй, закончат капитальный ремонт «новики», что стоят у причалов ленинградских заводов. Резерв пополнения флота будет исчерпан.

О новом кораблестроении говорили на мостике «Марата» уже на обратном пути, после того как Фрунзе во время якорной стоянки выступил на «Марате» и «Парижской коммуне» с докладами о международном положении. Нарком хотел в непринужденной беседе с командованием флота прояснить для себя нужды Морских Сил, поспорить о том, какой флот нужен стране. И Векман, и Галлер говорили о необходимости комплексного развития флота. В разумных пропорциях в нем должны быть крупные надводные корабли и легкие силы — минные, или, как сейчас говорят, торпедные катера, подводные лодки. Флоту безусловно нужна авиация — разведчики, истребители и бомбовозы. И специальные корабли — носители самолетов — авиаматки. Галлер добавил, что за рубежом проводят опыты с воздушными торпедоносцами, дело интересное и перспективное. Сказал Лев Михайлович и о том, что рано сбрасывать со счетов крупные артиллерийские корабли-линкоры. Пока что они основа всех флотов мира. И наших линкоров остерегаются на Балтике; в случае войны без их мощи флоту не подавить береговые батареи врага, а значит, и не пробиться к устью Финского залива, без поддержки их 305-миллиметрового калибра не помочь Красной Армии на приморском фланге... Михаил Васильевич слушал внимательно, переспрашивал, уточнял, что-то заносил в записную книжку, вынимая ее из большого накладного кармана френча.

Отряд подошел к устью Финского залива, пройдя вдоль побережья Германии и Польши, Литвы, Латвии и

Эстонии. После ночной стоянки у острова Оденсхольм (Осмуссар) отряд двинулся к Кронштадту. На рассвете 27 июня, оставив за кормой 1732 мпм, корабли стали на якорь на Большом Кронштадтском рейде. Фрунзе обошел выстроенную на юте команду «Марата», простился, высоко оценив достигнутое балтийцами за семидневный поход. Вскоре после похода М. В. Фрунзе писал: «...мы строим и построим сильный Балтийский флот. Ядро его у нас уже есть. Наша походная эскадра — неплохое начало. Республика позаботится, чтобы это начало увенчалось еще лучшим концом»⁷⁷.

Галлер многого ждал от наркома Фрунзе. Он считал, что страна имеет теперь мыслящего военного лидера, понимающего нужды армии и флота, видящего перспективы их развития. Но случилось непоправимое: 31 октября 1925 года председатель Реввоенсовета СССР и наркомвоенмор М. В. Фрунзе скончался после сделанной ему операции. Это случилось уже после того, как в августе линкоры и эсминцы совершили на больших скоростях тысячемильный поход по Балтийскому морю от Кронштадта до Данцигской бухты; после того, как в конце сентября были успешно проведены маневры и флот еще раз вышел за пределы Финского залива. Надводные корабли, подводные лодки балтийцев (четыре лодки ходили в Кильскую бухту!) учились плавать и вести боевые действия в отрыве от баз, высоко подняли свою боеготовность.

О смерти Фрунзе Лев Михайлович узнал в Ленинграде, в Военно-морской академии. С 6 октября 1925 года по 15 апреля 1926 года он занимался на Курсах усовершенствования высшего командного состава (КУВНАС) при академии. Странно было каждый день после занятий приходить домой, обедать с сестрами в гостиной, вести неторопливую беседу, зная, что до утра ты свободен и никаких неожиданных дел возникнуть не может. Вечером, если не шел на концерт в филармонию, Лев Михайлович отправлялся на прогулку. Проходил на Васильевский остров по Дворцовому мосту, от Академии художеств, любовался уже плохо видной в сумерках перспективой невских набережных... Однажды он дошел до Никольской церкви, постоял у памятника экипажу бро-

⁷⁷ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 391—392.

неносца, погибшего в сражении при Цусиме. Потом зашел в храм. Лев Михайлович задумался, внимая красивому речитативу священника. И вдруг он увидел олеандр: тот самый, что «Слава» доставила из Италии в подарок цариче. Господи, сколько смертоносных бурь пронеслось над Россией, над бывшей ее столицей, а прекрасный цветок жил. Он подумал: где-то там, далеко, Надя. От нее нет писем. Значит, все — забыла, как-то устроила свою жизнь. Пусть будет счастлива, только этого он ей желает. И так же хороша, как эта вечная азалия... Скорей бы снова на флот, в водоворот дел, не дающих времени на грустные мысли о личном, запрятанном глубоко...

В эти полгода учебы Лев Михайлович много читал. Ему хотелось понять, как будет развиваться страна. С интересом познакомился с докладом А. И. Рыкова на XIV партконференции. Ему нравилось в докладе уважение к хозяйственному мужику, утверждение, что «нет никакой надобности ставить административные препонны развитию производительных сил деревни», что «вместо административного зажима должно действовать хозяйственное соревнование», а также намерение «всемерно укреплять массовую кооперацию»⁷⁸. Это была линия нэпа, линия Ленина, так понимал Лев Михайлович, и она несла успех. Правда, и А. И. Рыкову, и Н. И. Бухарину приходилось отстаивать крестьянство от других деятелей партии, защищать его от желающих прижать деревню налогами, силой отнять хлеб. Это было бы ужасно — Лев Михайлович прекрасно помнил голодные годы гражданской и продразверстки, гибель сотен тысяч людей в Поволжье... И он был целиком согласен с выступлением Бухарина на той же партконференции. «Это не ставка на кулака, — говорил Бухарин, — а ликвидация такой системы, которая была раньше в городах, когда все магазины были в наших руках, когда на каждом из них было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но когда в этих магазинах ничего не было, ничего нельзя было купить и нечего было кушать»⁷⁹.

Да, страна восстанавливала хозяйство, богатея, продавая сельскохозяйственное сырье, как и до мировой войны, получала возможность покупать в Европе и Америке машины для обновления и развития индустрии. С вос-

⁷⁸ Красный флот. 1925. № 5. С. 64.

⁷⁹ Красный флот. 1925. № 5. С. 48.

торгом воспринял Галлер и решения состоявшегося в декабре 1925 года XIV съезда партии об ускорении индустриализации страны. Страна построит новые современные заводы, у нее будет вдоволь стали и станков. Значит, будет и мощный флот! Лев Михайлович считал, что программа индустриализации делает реальной и осуществление программы военного кораблестроения.

Это было замечательно. И он как должное воспринял перемены в партийном руководстве в Ленинграде: Зиновьев, возглавлявший с 1918 года петроградских, а потом ленинградских коммунистов, был снят со своих постов. Что ж, правильно снят; газеты писали, что он против индустриализации. Первым секретарем Ленинградского обкома партии стал С. М. Киров.

Еще в 1923 году в аттестации Л. М. Галлера было записано: «Корректен, исполнитель, работоспособен. Прекрасный командир. Пользуется авторитетом. Заслуживает повышения и самостоятельной работы. Политически вполне надежен. Выдвинут на должность наморси и представлен к награде». Еще более высокую оценку давала ему аттестация 1924 года, подписанная Векманом и Курковым: «Энергичный, инициативный, хороший администратор. Прекрасно ориентируется в обстановке. Скромен, дисциплинирован. Работает, не считаясь со временем, на совесть. Пользуется исключительным авторитетом и уважением у начальников и подчиненных. Вежлив и ровен, активен в общественной работе. Аттестуется на наморси»⁸⁰. Однако после окончания академических курсов Галлер не стал командовать флотом, был вновь назначен начальником штаба Морских сил Балтморя. Это было в апреле 1926 года, в те же дни, когда на смену А. К. Векману пришел М. В. Викторов. Лев Михайлович обижен не был. Главное, он снова на флоте.

Тот 1926 год позже Галлер вспоминал, как время спокойное. Обстановка на флоте была деловая. Он сразу же втянулся в работу — ее было выше головы, многое за месяцы его отсутствия казалось ему упущенным, сделанным «не так», как следовало бы.

15 мая отпраздновали День Красного Флота, а в конце месяца корабли перешли в Лужскую губу. Началась боевая учеба. Это было то, что так любил Лев Михайлович. Он выходил в море на «Марате» и «Парижской коммуны», добываясь умелого взаимодействия бригад лин-

⁸⁰ ЦВМА, личное дело Л. М. Галлера, инв. № 8764, л. 5—7.

коров и эсминцев между собой, с бригадой тральщиков, с авиацией и Кронштадтской крепостью, с 1925 года вновь наконец-то перешедшей в прямое подчинение флоту. Потом пошли различные учения, состязательные стрельбы. И все подлежало контролю и всестороннему анализу, нелегкому разбору с участниками.

Следил Л. М. Галлер и за ходовыми испытаниями линкора «Октябрьская революция», бывшего «Гангута», начавшимися в конце июня. 23 июля Виктор и Галлер поставили свои подписи под приказом о вступлении линкора в кампанию. В августе же флоту учинил строгую проверку инспектор РККА и член Реввоенсовета СССР С. С. Каменев. 10 августа линкоры и эсминцы вышли в поход в Балтийское море. Еще ранее развернулись на позициях подводные лодки. На «Марате» вместе с командованием флота находился С. С. Каменев. Инспекция проверила и другие соединения, Кронштадтскую крепость и учебный отряд. Заключение сделала положительное. Виктор и Киреев не скрывали радости: Балтийский флот не подкачал!

Конечно, доволен был и Лев Михайлович. Только сколько огрехов значилось в его знаменитой книжечке, куда убористым почерком заносилось все, все... Поэтому, пока командование позволяло себе чуть-чуть почитать на лаврах, пока на кораблях отдыхали после похода, Галлер и его штаб трудились над очередным «планом мероприятий по устранению недостатков». Такова уж доля штабных, ничего не поделаешь — так было, так будет. И специалисты штаба работали на совесть, зная, что Лев Михайлович все помнит, никого не обидит и каждый получит желанный отдых в Ленинграде, где уже жаждали мужей и отцов.

23 августа на флоте узнали о назначении начальником Морских Сил РККА Р. А. Муклевича. В. И. Зоф возглавил правление Совторгфлота, сменив, так сказать, меч на орало. Уже 10 сентября новый наморси поднял свой флаг на «Марате», и флот вышел в большой поход. Снова уклонение от атак развернутых в Балтике подводных лодок, снова двухстороннее маневрирование с ведением артиллерийского боя и торпедными атаками эсминцев, отражение кораблями ударов бомбовозов. Галлеру понравился Муклевич: не рубит сплеча, деловит, вдумчив. Хорошо, что досконально знает авиацию — почти два года был помощником начальника Военно-воздушных сил РККА. Быть может, ему удастся двинуть вперед авиаци-

онное дело на флоте, усилить морскую авиацию, а то и вернуться к вопросу о строительстве авиаматок? Флот же ему близок, потому что Ромуальд Адамович Муклевич, член партии с 1906 года, был призван в него еще в 1912 году, тогда и окончил школу мотористов, служил унтер-офицером в Кронштадте, скромно. Вот и, оценивая флот по результатам похода, оговорился, что полноценных и всесторонних суждений об увиденном еще иметь не может, но первые впечатления у него самые благоприятные.

За походами кораблей Морских сил в Балтике внимательно следили в Европе. Немецкий журнал «Марине Рундschau» в конце 1926 года писал: «...прогресс Красного Флота очень значителен»⁸¹.

На этом и закончилась кампания для Балтийского флота, так как лимиты на топливо Москва неожиданно сократила. Но хотя кампанию из-за суровой зимы начали позднее, а закончили раньше, потеряв таким образом два с лишним месяца, все положенное Морские силы выполнили. Можно было начинать подводить итоги проделанной работы, готовиться к зиме 1926/27 года.

Конец двадцать шестого Льву Михайловичу запомнился радостным событием: за подписью А. И. Рыкова вышло постановление Совета Труда и Оборона по программе военного кораблестроения. Пусть число кораблей, которые надлежало построить, в ней невелико. Но это была первая такая программа при Советской власти. Программа предусматривала строительство и достройку (восстановление) кораблей в две очереди. В первую (1926—1930 годы) строились 6 подводных лодок, 8 сторожевых кораблей, 6 торпедных катеров. В это же время достраивались и восстанавливались два крейсера типа «Светлана», три эсминца «новика». Во вторую очередь (1927—1932 годы) надлежало построить еще 6 подводных лодок, 10 сторожевых кораблей, 30 торпедных катеров, восстановить линкор «Фрунзе» (бывший «Полтава») и один эсминец «новик»⁸².

Лев Михайлович оценил постановление как переломный момент в истории отечественного флота. В Морских Силах начинался качественно новый этап. Но Галлер прекрасно понимал предстоящие трудности. Новые корабли не строили почти десятилетие, нужно найти, со-

⁸¹ Морской сборник. 1927. № 10. С. 27.

⁸² ЦГАВМФ, ф. 307, оп. 2, д. 32, л. 2.

брать конструкторов, способных проектировать на современном мировом уровне, нужно было обеспечить корабли современным оружием. Наконец, промышленности предстояло превратить замыслы и разработки конструкторов-инженеров в реальность — задача, казавшаяся подчас неразрешимой.

Со всеми этими проблемами Галлер вскоре столкнулся вплотную. С начала 1927 года и до 1940 года председателем постоянной комиссии по приемке кораблей от промышленности был А. К. Векман. Он сразу же привлек к ее работе Галлера. Лев Михайлович, пока до 1937 года служил на Балтике, да и позже, так или иначе неизменно участвовал в апробации проектов, в какой-то мере и в приемке головных кораблей всех типов. В этой работе он всегда принимал самое деятельное участие, полагая ее важнейшей.

5 марта 1927 года Галлер присутствовал при закладке на Балтийском заводе первых подводных лодок — «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец». Проектирование их началось в 1925 году, после соответствующего решения Совнаркома, принятого годом раньше. Лев Михайлович в свое время ознакомился с тактико-техническим заданием на подводные лодки 1-й серии, в разработке которого принимали участие подводники Морских сил Балтморя: начальник дивизиона Я. К. Зубарев, его заместитель А. Н. Бахтин, инженер-механик дивизиона Н. А. Петров.

Лев Михайлович испытывал радостное волнение — наконец-то флот через некоторое время получит новые корабли, ведь строительство этих лодок лишь начало. Такие же чувства, наверное, испытывали прибывшие на торжество первый секретарь Ленинградского обкома С. М. Киров, Р. А. Муклевич, М. В. Викторов и Г. П. Киреев. Но еще больше значил этот день для Б. М. Малинина, А. Н. Щеглова, Э. Э. Крюгера и С. А. Базилевского, других инженеров из конструкторского бюро, в кратчайший срок разработавших закладочные чертежи первых советских подлодок. Главная их работа, однако, еще была впереди.

Закладка трех подлодок была только началом. От А. К. Векмана Галлер знал, что под руководством В. А. Никитина идет спешная работа над проектом сторожевого корабля типа «Ураган». В августе Галлер будет присутствовать при закладке и этих первенцев советского надводного кораблестроения, а в течение 1927 года

ему не раз придется заниматься ходом достройки крейсера «Профинтерн» (бывшая «Светлана»), эсминцев «Карл Либкнехт» и «Рыков» (позднее — «Куйбышев»).

Церемония закладки, торжественное начало летней кампании в первых числах мая — все это были праздники. Но начштаба, разумеется, жил буднями флота. Уже в конце марта преемник М. В. Фрунзе наркомвоенмор К. Е. Ворошилов провел смотр флота, потом повторил его 16 мая, после чего эскадра из трех линкоров и бригады эсминцев ушла в поход. Снова стрельбы, учения... Начштаба Галлер работал, как всегда, много и целеустремленно. И его штабные не замечали в своем начальнике никаких перемен. Однако на душе у Льва Михайловича было беспокойно. В начале июля ожидался первый выпуск «красных академиков», заканчивавших четырехлетний курс обучения. Лев Михайлович многих знал ранее, с другими познакомился, когда был на КУВНАС и во время стажировки «академиков» на кораблях. «Красных академиков» — выходцев из рабочих и крестьян — предназначали для занятия постов высшего командного состава — для замены тех, кто пришел в Красный Флот из флота дореволюционного. Командование Красного Флота не смущало, что никто из них не имел до академии нормального военно-морского образования, не командовал кораблями. Зато все были коммунистами, все прошли суровую школу гражданской войны. Считалось, что выпускники пройдут годичную стажировку, за время которой подготовятся к занятию руководящих должностей в Морских Силах. И Галлер думал: не подходит ли время, когда ему предложат перейти на берег — преподавать, вести каким-нибудь флотским учреждением. Сама мысль об этом была для него ужасна. Он не желал расставаться с действующим флотом, он не мог себе представить, что будет лишен повседневной связи с корабельными соединениями, что не сможет выходить в море то на одном, то на другом корабле.

Для Галлера не было тайной, что Виктор и Кирев предложили Муклевичу назначить на должность начштаба И. М. Лудри, бывшего унтер-офицера старого флота, в гражданскую комиссара Кронштадтской базы и Онежской флотилии, а после ее окончания — комиссара и начальника Морских сил Каспийского моря⁸³.

⁸³ ЦГАВМФ, ф. 307, оп. 2, д. 20, л. 16.

Льву Михайловичу казалось, что подготовкой к этому была и аттестация, с которой ему дали ознакомиться в конце 1926 года. Наряду с лестными словами было в ней в его адрес и неожиданное: «...недостатком является малое внимание оперативному руководству...» И хотя в конце стояло «подлежит продвижению на должность командующего»⁸⁴, выводы по аттестации его насторожили. Но вопросов о своем будущем Галлер ни Викторову, ни Кирееву не задавал. Ни о чем не спросил он и Муклевича, прибывшего в июне вместе с наркомом Ворошиловым. Поход, во время которого высшее командование находилось на линкоре «Октябрьская революция», и осенние маневры прошли успешно. И уже в конце кампании, поздней осенью, Льва Михайловича вызвал в Москву наморси Муклевич. Беседа не была длинной. Муклевич предложил Галлеру дать согласие на командование дивизией линкоров. «На выходах в море у вас кроме линкоров будут два дивизиона эсминцев, — сказал он. — А затем, когда построим, в состав дивизии войдет дивизион сторожевиков. Таким образом, вы, Лев Михайлович, будете фактически командующим эскадрой, как когда-то Эссен. Начштаба мы пайдем. А вот лучше вас командовать эскадрой не сможет никто. Соглашайтесь!»

Приказом Реввоенсовета СССР № 217 от 17 ноября 1927 года военмор Л. М. Галлер был назначен командиром дивизии линкоров Морских сил Балтийского моря.

Все дредноуты страны

На улице Чехова, как стал называться Эртелев переулок, у подъезда дома Льва Михайловича окружили мальчишки. Кто восхищенно считал нашивки на рукаве кителя, кто просто глазел на высокого подтянутого моряка. Один отважился, спросил: «Дяденька, правда, что вы начальник всех дредноутов?» Об этом Лев Михайлович рассказал за обедом сестрам и дорогому гостю — Владимиру Александровичу Белли, вернувшемуся в Ленинград после работы в Китае и службы в Москве в штабе коморси. С того дня Тоня, провожая брата в передней, снимая пушинку с идеально сидящего синего кителя, спрашивала: «Когда нас снова навестит начальник всех дредноутов?»

⁸⁴ ЦВМА, личное дело Л. М. Галлера, инв. № 8764, л. 18.

В дивизию линкоров Морских сил Балтийского моря и в самом деле входили все линкоры-дредноуты Советского Союза. Правда, существовали еще два дредноута типа «Севастополь», ранее входившие в состав российского флота. Но надежды вернуть уведенные белыми в 1920 году и ржавеющие с тех пор во французской Бизерте корабли Черноморского флота уже не оставалось. Переговоры по дипломатическим каналам не дали результатов, хотя и длились не один год. Значит, линкору «Воля» (бывший «Император Александр III») не суждено возвратиться в родной Севастополь. Восстановление же линкора «Фрунзе» все еще не было начато.

Три линкора — «Марат», «Парижская коммуна» и «Октябрьская революция» в конце 20 — начале 30-х годов составляли основу боевой мощи флота на Балтике. На каждом по 12 305-миллиметровых орудий — по три в четырех башнях, по 16 120-миллиметровых противоминного калибра, размещенных в бронированных казематах. Противоминный калибр разделялся на восемь плутонов. Противоаэропланная артиллерия состояла из шести 75-миллиметровых и одного 47-миллиметрового орудия. В погребах линкоров хранилось внушительное число снарядов, по сто на каждое орудие главного калибра, по триста на ствол противоминного. Артиллерия линкоров могла вести бой побашенно и побатарейно или управляться централизованно, с командных пунктов. Подача снарядов из погребов, зарядание орудий и наводка башен обеспечивались работой сотен электромоторов. Громада линкора, полным водоизмещением более 26 000 тонн, могла двигаться со скоростью 22—23 узла благодаря 10 турбинам общей мощностью 42 000 лошадиных сил. Пар к ним поступал от 25 котлов, сосредоточенных в четырех котельных отделениях. Топливом служил уголь, его максимальный запас составлял 1500 тонн. При форсировании котлов на полную мощность в топки через форсунки подавалась нефть из цистерн, рассчитанных на запас в 700 тонн. Турбины, расположенные в трех машинных отделениях, вращали четыре гребных вала... Чтобы работали котлы и машины, турбодинамо вырабатывали электроэнергию, стреляли орудия, поддерживалась радиосвязь, были в строю штурманские приборы и велось наблюдение за воздухом и морем, более тысячи двухсот краснофлотцев, старшин и командиров проверяли исправность механизмов и оружия, ремонтировали то, что было необходимо, несли круглосуточные вах-

ты и дежурства во время походов, стоянок на якоре или у стенки.

Вот такие корабли входили в дивизию Л. М. Галлера. На фок-мачте одного из них — «Парижской коммуны» поднял он свой флаг с двумя красными звездами на белом фоне и Военно-морском флагом в крыже, флаг старшего флагмана. Когда дивизия выходила в море, фарватер проверяли тральщики, неуклюжие гидросамолеты-разведчики искали противника впереди по курсу, истребители барражировали над линкорами, готовые отразить неприятельские бомбовозы. А в ближнем охранении линкоров — впереди, по бортам и за кормой шли эсминцы «новики». Все эти корабли и самолеты подчинялись старшему флагману: он вел эскадру. Лишь подводные лодки и минные заградители обычно не входили в его подчинение.

Зимой, до того как сошел лед в Финском заливе, Лев Михайлович Галлер все свое внимание направил на качественный ремонт механизмов и оружия линкоров. По графику, висевшему на переборке в его салоне, было видно, как много предстоит сделать. Но день за днем клетки на нем закрашивались цветными карандашами, показывая успешный ход ремонтных работ. Особо занимался Галлер «Маратом», на котором с конца 1927 года началась модернизация. По плану шла и командирская учеба. Комдив сам разрабатывал групповые упражнения, сам и проводил их, добиваясь твердых знаний и единства тактического мышления командиров и старших специалистов линкоров, своего штаба. Затем, уже с марта, начались военные игры. Галлер стремился «проиграть» типовые варианты боевых действий своей дивизии — боя с линкорами и крейсерами противника, отражения атак эсминцев, торпедных катеров, подводных лодок и авиации. Особое внимание уделял взаимодействию линкоров с артиллерией фортов, с самолетами и легкими силами, в том числе и с торпедными катерами — бою на минно-артиллерийской позиции против превосходящих сил «противника». Штаб и командиры-кораблей немало поработали, чтобы попытаться решить непростые задачи противовоздушной, противокатерной и противоминной обороны громадных кораблей на переходе морем и в бою. В спорах рождались предложения, уточнялись действующие на соединении тактические инструкции. Но все предстояло еще проверить на учениях во время приближающейся кампании.

В середине июня 1928 года линкоры уже выполняли совместные стрельбы главным калибром. Галлер управлял дивизией с «Октябрьской революции», тактическим фоном было отражение ночных и дневных атак эсминцев, уклонение от подлодок, взаимодействие с авиацией. В отчете штабу Морских сил, который подписал командир, указывалось, что поход дал практику в совместном маневрировании, позволил проверить ряд тактических приемов, а «механизмы кораблей работали безукоризненно». Но вместе с тем и признавалось, что дневная атака эсминцев была удачна, так как «противника» по условиям видимости обнаружили слишком поздно — уже в 20—25 кабельтовых. И снова рейд, снова совещания командиров линкоров и их старших специалистов, штаба дивизии, вновь на основе полученного опыта вносятся изменения в действующие инструкции и наставления. Так было и после похода к Дагерорту в июле, и после, как тогда говорили, «большого похода» в Южную Балтику в августе 1928 года... Обычная круговерть флотской службы.

Учебный год, как всегда, закончился маневрами Краснознаменных Морских сил Балтийского моря, которые завершились в начале сентября. Когда в восточной части Финского залива стал лед и из Кронштадта в Ленинград стали добираться по ледовой дороге на Ораниенбаум, а оттуда поездом, когда стало рано темнеть и палубы кораблей поверх опилок покрылись деревянными щитами — для сбережения тепла, Лев Михайлович решил наконец-то как следует проштудировать накопившиеся за лето журналы, да и частично газеты. В месяцы, заполненные походами, стрельбами и учениями, было иногда и не до чтения. Он просматривал газеты и журналы, привычно подчеркивал то, что казалось главным, просто обращало внимание, вынуждало к раздумьям. Многое Льва Михайловича уже давно беспокоило. Когда в начале 1928 года «Правда» сообщила, что ранее исключенные из ВКП(б) Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Х. Г. Раковский выведены из состава ЦИК СССР и РСФСР⁸⁵, он подумал, что в Москве установилось единомыслие. Ничего более не желал Лев Михайлович: надо работать, созидать новую могучую Россию, улучшать жизнь народа и поднимать его культуру. И проводить индустриализацию, открывающую возможности

⁸⁵ См.: Правда. 1928, 3 янв.

построить сильный флот. Ему были близки высказывания А. И. Рыкова о необходимости поднять культуру земледелия и за этот счет увеличить хлебные ресурсы. Подумать только, урожайность в Европе чуть ли не в три раза превышает нашу! Значит, крестьянин должен спокойно трудиться, и ему в этом надо помогать. Но, судя по газетам, зимой началось принудительное изъятие зерна у крестьян. А. И. Рыков, выступая в марте на пленуме Моссовета, говорил, что крестьянин испуган, в деревне распространяются слухи о возвращении к «военному коммунизму». И как не испугаться — появились заградотряды, заем распространяется зачастую принудительно, есть также попытки принудительного товарообмена. Лев Михайлович с удовлетворением прочитал сказанное Рыковым: «Нэп, как система отношений с деревней на основе товарного обращения, остается полностью и целиком, а те излишества, злоупотребление, головотяпство и глупости, которые допускаются местными работниками и которые помогают распространению злостных сплетен о ликвидации новой экономической политики, необычайно вредны и опасны. С ними необходима систематическая и жестокая борьба. Нужно, чтобы все крестьянство знало, что товарооборот в отношениях между городом и деревней остается, как остается и революционная законность во внутренней жизни деревни»⁸⁶.

Вообще-то деревни Галлер не знал: наезды на дачу, которую снимали родители, а потом и сестры в Мартышкино, что близ Ораниенбаума, помочь тут не могли. Деревню, ее думы и надежды Галлер познавал через команду — так было до революции и во время ее, так было и при Советской власти. Из неторопливой вечерней беседы с краснофлотцами на баке или от приборщика каюты можно узнать многое. Вот так Галлеру становились известны беды деревни, похоже, мало защищенной от местного произвола. Иногда он пытался успокаивать своих собеседников, приводя слова Рыкова о том, что процесс коллективизации — укрупнения в сельском хозяйстве будет длительным, что он не может осуществляться какими бы то ни было принудительными мерами. Напоминал краснофлотцам и о докладе Н. И. Бухарина на собрании актива Ленинградской партийной организации, четко заявившего: «Нэп никакой отмене не подлежит; перегибы должны быть прекращены во что бы то ни ста-

⁸⁶ Правда. 1928. 11 марта.

ло»⁸⁷, сползания к продразверстке — тоже. Слушали Льва Михайловича внимательно, уважительно. Но верили ли? Именно в те месяцы, как свидетельствуют архивные документы, по данным ОГПУ, многие краснофлотцы из крестьян говорили, что деревню давят налогами, а колхозы барщиной, что если завел три коровы — значит, кулак; что забирают хлеб, а если сдал положенное, набавляют еще⁸⁸.

Свою позицию по отношению к деревне А. И. Рыков подтвердил и в июле 1928 года в докладе на собрании актива Московской партийной организации. Льву Михайловичу казалось, что все, что говорит предсовнаркома, соответствует политике первого предсовнаркома — Ленина. Ведь Рыков сказал, что «союз рабочего с крестьянином, как это многократно подчеркивал Ленин, должен строиться на хозяйственной основе», а «за всяким шагом по пути администрирования или судебного нажима, серьезно нарушающего товарооборот, встает картина военного коммунизма со всеми теми недостатками и лишениями, которые тогда переживались»⁸⁹. Лев Михайлович уловил в сказанном боль: может быть, не все в правительстве так думают? Ему же была близка мысль Рыкова о том, что, обеспечивая развитие города и деревни на социалистических началах, нужно добиваться, чтобы люди жили лучше и лучше. И именно на этой основе широкие массы должны «привязаться к Советской власти».

Видимо, предсовнаркома решил употребить власть, пытаясь остановить опасный процесс усиления давления на крестьянство. Он сделал все, что мог: 21 июля в газете «Красный Балтийский флот» было напечатано Постановление СНК СССР, подписанное Рыковым. Оно предписывало немедленно прекратить принудительное изъятие хлеба, обход дворов крестьян, внесудебные аресты, запретительные меры в отношении базаров, принуждение крестьян продавать хлеб на них по государственным ценам. Одновременно постановление объявляло о повышении закупочных цен на зерно и намерении улучшить снабжение деревни товарами⁹⁰. Только через годы Лев Михайлович оценил в должной мере мужественный поступок А. И. Рыкова.

⁸⁷ Правда. 1928. 19 апр.

⁸⁸ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 67, л. 27.

⁸⁹ Правда. 1928. 19 сент.

⁹⁰ См.: Красный Балтийский флот. 1928. 21 июля.

В сентябре 1928 года, однако, в газетах появились материалы с совсем иными суждениями. В обращении ЦК ВКП(б) «Ко всем членам Московской организации ВКП(б)» у Галлера вызвали тревогу слова об обострении классовой борьбы в стране, и «особенно в деревне», о том, что в партии есть «чуждые элементы», «не понимающие основ нашей классовой политики» и «пытающиеся... никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаками, вообще сохранять популярность среди «всех слоев в деревне». Имена Рыкова и Бухарина в обращении не упоминались. Но не в их ли адрес было сказано, что «педооценка моментов классовой борьбы представляет собой открыто оппортунистический уклон...»⁹¹

Не радовали Галлера и корреспонденции с более чем сорокадневного процесса по «контрреволюционному заговору в Шахтинском районе Донбасса», начавшегося 18 мая 1928 года в Москве. Многие Галлеру было непонятно: почему председатель суда А. Я. Вышинский не допустил на процесс адвоката от германского профсоюза металлистов для защиты немцев-инженеров и техников, почему отказали в экспертизе специалистов по сути обвинения. Удивило и заявление прокурора Н. В. Крыленко: «Не станет же сам обвиняемый на себя наговаривать»⁹². Где же презумпция невиновности? Наконец, подсудимые не раз отказывались от признанного ранее и странным образом через день-два все подтверждали вновь. Только один из инженеров — Л. Г. Рабинович, старый человек (68 лет!) отказался признать свою вину. Большинство, однако, признались во вредительстве. В дни процесса газеты предостерегали от «спецедействия», но Лев Михайлович почувствовал рост подозрительности к инженерам. Поэтому я предостережение... А что, если это трансформируется в подозрительность к ученым, инженерам вообще, наконец, к флотским специалистам?

Последующие месяцы зимы и весны 1929 года, к сожалению, лишь подтвердили опасения Льва Михайловича. Сталин в речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 8 апреля говорил об обострении классовой борьбы, «которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии», о том, что этого перелома не видит «группа Бухарина». Особенно взволновали его слова Сталина о «шахтинцах»: «Шахтинцы» сидят теперь во всех отрас-

⁹¹ Правда. 1928. 19 сент.

⁹² См.: Правда, 1928. 22 мая; 30 мая; 4 июля.

лях нашей промышленности. (...) Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом»⁹³. Во всех отраслях! После этого не могла не распространяться «ловля ведьм». Так и случилось. «Красный Балтийский флот» сообщал о когеча-рах-вредителях на электростанции Кронштадтского порта, о вредительстве на пароходах, ходивших на линии Кронштадт — Ораниенбаум... Было же ясно, что аварии или неполадки происходят потому, что изношено оборудование или мала квалификация работающих. Вредителей обнаруживали и на судостроительных заводах...⁹⁴

Постановление Совнаркома от 21 июля 1928 года было забыто, газеты сообщали о массовой коллективизации, число колхозов в 1928 году выросло вдвое, бурный рост числа их продолжался в 1929 году, приближаясь к сорока тысячам⁹⁵. Было понятно, что добровольность при этом нарушается. Флотская газета изредка печатала взволнованные письма краснофлотцев из крестьян о таких нарушениях, о неправильном раскулачивании, насильственном изъятии хлеба. Авторов писем в газете тут же клеймили «подкулачниками», на кораблях проводили собрания по их «разоблачению». Был «разоблачен» и командир эсминца «Володарский» П. П. Чувахин, будто бы пытавшийся помешать хлебозаготовкам, когда был в отпуску в родной деревне⁹⁶. От нового военкома и начальника политотдела своей дивизии М. В. Кузьмина, недавно окончившего Военно-политическую академию имени Н. Г. Толмачева, Галлер знал, что Чувахин на самом деле лишь протестовал против насильственного изъятия зерна у середняков. Делу дали ход местные власти, приславшие документ, в котором Чувахин характеризовался как «правый уклонист»... А с продовольственным положением между тем становилось все хуже. Сестры рассказывали Льву Михайловичу о перебоях с хлебом, о введении «заборных книжек». В. М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б), выступая на I Московской областной партконференции, объяснял «противоречиями роста» «хвосты» за хлебом у лавок и недостаток мяса,

⁹³ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 232.

⁹⁴ См.: Красный Балтийский флот. 1929. 9 мая; 21 июня.

⁹⁵ См.: Красный Балтийский флот. 1929. 12 марта.

⁹⁶ Там же. 19 ноября.

сетовал, что у нас будто бы потребляют в 3—7 раз меньше овощей, чем за границей⁹⁷.

Так текла жизнь страны за пределами брони боевых рубок линкоров, стальных переборок уютных кают и продуваемых соленым ветром ходовых мостиков. Галлер наблюдал ее течение как-то со стороны. Вроде бы происходящее в Москве, в стране непосредственно не сказывалось на флоте. Дивизия как обычно проводила боевую учебу, Галлер добивался успешного выполнения артиллерийских стрельб линкорами на больших ходах, учил свою эскадру — линкоры и два приданных дивизиона эсминцев отражать атаки торпедных катеров, появившихся в составе Морских сил. Куда больше, чем явная борьба в высших партийно-правительственных сферах (получалось, что Сталину противостоят Бухарин, Томский и Рыков), Галлера беспокоило грядущее усиление флота Германии, приступившей к строительству броненосцев; соседней Финляндии, которая строила два броненосца-монитора, подводные лодки и торпедные катера. Было ли это неким политическим инфантилизмом? Нет, пожалуй. За мощь страны на Балтике он чувствовал свою ответственность, здесь от него что-то зависело, особенно боевая готовность дивизии линкоров. И то не всегда, к сожалению. 17 августа 12 человек получили тяжелые ранения, четыре — легкие в башне главного калибра на линкоре «Октябрьская революция», когда случился затяжной выстрел⁹⁸. Нарушая инструкцию, преждевременно открыли оружейный замок, вырвались пламя, газы... Учили ведь, как поступать при затяжном выстреле, да, видно, недоучили.

Несмотря на это происшествие, к маневрам дивизии линкоров подошла, выполнив все положенные боевые упражнения, сплаванная. И в маневрах, состоявшихся во второй половине сентября, показала себя хорошо. В те дни на «Октябрьской революции» рядом с Галлером был Ф. Ф. Раскольников. В последний раз Льву Михайловичу довелось с ним встретиться. Уже давно Федор Федорович не связан с флотом — стал дипломатом, в 1929 году возглавлял в Москве издательство, писал. Галлер с удовольствием читал его воспоминания о годах революции, об Энзелийской операции на Каспии, книгу об Афганистане. Когда встретились, похвалил. Но Раскольников от-

⁹⁷ См.: Красный Балтийский флот. 1929. 21 сент.; 3 окт.

⁹⁸ ЦГАВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 917, л. 9.

махнулся: главная книга еще впереди, а вот вы на Балтике — молодцы! Правда, «молодцы» подкачали: во время ночной торпедной атаки на линкоры столкнулись выключившие ходовые огни эсминцы «Войков» и «Володарский» — трое погибло, двенадцать ранены. Допустил ошибку недавно и спешно назначенный командир «Володарского»...

Начало нового учебного года командование флота решило ознаменовать конференцией начальствующего состава. В родном тогда почти каждому военному моряку-командиру зале Революции в Военно-морском училище имени М. В. Фрунзе собрались командиры соединений, штабов и кораблей, преподаватели и командование Военно-морской академии, Командирских классов и военно-морских училищ. Занимая свое место в президиуме, не знал Галлер, что многих из тех, кто в зале, потом долго не увидит, с некоторыми расстанется навсегда: до волны арестов на флоте оставалось несколько месяцев. А совещание было и деловым, и интересным. О необходимости готовить себя к проведению операций разнородных сил говорил профессор Военно-морской академии Б. Б. Жерве; командир дивизиона торпедных катеров В. Ф. Чернышев произнес пылкий панегирик своим корабликам; командир эсминца «Рыков» В. Е. Эмме предлагал быстрее приступить к строительству новых эсминцев... Выступил и Галлер. Он говорил, что командный состав не должен успокаиваться на достигнутом, что уровень знаний неизбежно будет падать, отставать, если командиры сочтут, что все изучили. Флоты морских держав стремительно развиваются, растет мощь морской авиации, входят в строй авианосцы. Быть может, у нас еще нет возможности начать строить большой флот. Но необходимы полноценные конструкторские бюро для создания проектов будущих эсминцев и лидеров, крейсеров, линкоров и авианосцев. Оперативно-технические задания на них должно разрабатывать в тесной связи с начальствующим составом Морских Сил. Главный путь и здесь, и в продвижении к новому в тактике и искусстве операций совместная, коллективная работа...⁹⁹

После совещания член Реввоенсовета Г. П. Киреев пригласил к себе Галлера. «Лев Михайлович, только что звонил Муклевич. Вызывают вас в Москву. Зачем — узнаете на месте. Выезжайте...»

⁹⁹ См.: Красный Балтийский флот. 1929. 18 окт.

На следующее утро Галлер выехал из Кронштадта в Ленинград. Неожиданный вызов взволновал его. Может быть, предстоит новое назначение? Лишь бы не на берег... И Лев Михайлович решил, что будет просить послать на любой флот, только бы не «думным боярином», как называл язвительный Белли чиновных флотских береговиков высокого ранга. Смятение его духа заметила Тоня. Собирая чемоданчик в дорогу, ничего не спросила, и, пытаясь отвлечь, рассказывала городские новости: про выставку замечательного художника Павла Филонова, которую никак не открывают в Русском музее, о новом интереснейшем романе Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и группе «Перевал» Воронского («Левушка, как ты мог не прочитать! Я же тебе говорил!»). Лев Михайлович слушал, согласно кивал, но мысли его были далеко...

Как был Галлер счастлив, когда наморси Муклевич известил, что Реввоенсовет СССР поручает ему перевести из Балтики в Черное море линкор «Парижская коммуна» и крейсер «Профинтерн»! Его кандидатуру, пояснил Муклевич, выдвинул Г. П. Киреев. Конечно, приятно доверие, но и как замечательно выйти в океан, пройти морскими дорогами, хоженными в довоенные еще годы на «Герцоге Эдинбургском», на «Славе»! Но пока океану предшествовала проза: работа в штабе РККФ по согласованию графика приема топлива с транспортов во время перехода, инструктаж в Наркомате иностранных дел. И наконец, еще одна встреча с Муклевичем, где Галлеру было сказано, что по переходу отряда он получит секретную инструкцию, но главное должен знать уже сейчас: его соединение будет именоваться практическим отрядом Балтийского моря. О том, что отряд идет в Севастополь, проинформируют только флагмана, комиссара отряда и комиссаров кораблей. Официально корабли идут в Средиземное море для боевой подготовки в зимнее время, с тем чтобы затем вернуться в Кронштадт или перейти в Мурманск. На самом деле цель перебазирования — усилить Морские силы Черного моря, так как турецкий линейный крейсер «Явуз», в прошлом германский «Гебен», в 1929 году заканчивает модернизацию. Корабли, способного ему противостоять, у нас на Черном море нет...

Вернувшись в Кронштадт, Галлер немедленно приступил к подготовке «Парижской коммуны» и «Профин-

терна» к походу. Впервые за годы Советской власти кораблям такого класса предстояло пройти в Средиземное море. Отряд должен был пересечь в период зимних штормов Северное море, Бискайский залив и, обогнув Пиренейский полуостров, пройти через Гибралтарский пролив. Готовы ли, смогут линкор и крейсер выдержать неистовые штормы Бискайи? Ответа на этот вопрос никто дать не мог: ни линкоры типа «Севастополь», ни крейсера типа «Светлана» еще никогда не выходили за пределы Балтийского моря. «Профинтерн», вступивший в строй только в июле 1928 года, был новым кораблем. Но Галлера это не успокаивало; новый — значит, еще недостаточно испытанный.

«Парижская коммуна» стояла в доке, линкор, находившийся в строю уже 15 лет, тщательно готовили к плаванию...

Приказом Реввоенсовета Морских сил Балтморя от 15 ноября 1929 года был объявлен следующий состав командования и штаба отряда: командир Л. М. Галлер, флагштурман Н. А. Сакеллари, помощник флагштурмана Б. П. Новицкий, флагмех К. Г. Дмитриев, флагсвязист В. М. Гаврилов. Кроме того, по просьбе Льва Михайловича в штаб отряда вошли «для особых поручений» преподаватели Военно-морской академии Е. Е. Шведе и П. Ю. Орас. Знатоки театра и международного морского права, они могли пригодиться. В поход шел и член Реввоенсовета, начальник политуправления флота Г. П. Киреев.

21 ноября в Кронштадт прибыл начальник Военно-Морских Сил РККА Р. А. Муклевич. «Парижская коммуна» и «Профинтерн» уже стояли на Большом Кронштадтском рейде, готовые к походу. Наморси провел смотр кораблей, выступил с короткой речью перед командой линкора: «Предстоящий поход тяжел и будет полон лишений, но на Кронштадтском рейде нет ни одного моряка из остающихся, которые бы не позавидовали вам». И вот Галлер в салоне флагмана получает последние напутствия. Муклевич вручает ему секретную инструкцию. Она гласит, что поставленная задача имеет «важное политическое и военное значение» и «до стоянки в Неаполе никто, кроме Вас и комиссаров кораблей, не должен знать, что отряд направляется в Черное море». Сообщить личному составу о следовании в Севастополь инструкция разрешала лишь после выхода из

Неаполя. И наконец, последнее указание: «Газетным репортерам интервью не давать»¹⁰⁰.

В 16 ч 25 мин 22 ноября 1929 года отряд в сопровождении эсминцев вышел в море. Галлер стоял на мостике линкора, вслушиваясь в привычные слова команд К. И. Самойлова, командира «Парижской коммуны». В Москве предлагали, чтобы командовал линкором в походе А. К. Сивков. Самойлов-де имеет братьев за границей — во Франции, кажется. Беспартийный, характер вулканический, выживал с корабля своего старпома — краскома Г. И. Левченко. Да и вообще... Но Лев Михайлович отстоял и его, и командира «Профинтерна» Аполлона Александровича Кузнецова, тоже из бывших офицеров. «И я ведь из бывших, Ромуальд Адамович, — сказал он тогда. — В море главное профессиональный опыт. И Самойлов, и Кузнецов моряки настоящие, не подведут. Поверьте мне — оба патриоты, все будет в порядке. Я ручаюсь...» «Ну, если вы ручаетесь, то даю согласие», — улыбнулся Муклевич. И вот Самойлов командует линкором, а на идущем за ним «Профинтерне» на мостике стоит Кузнецов. Есть на кого положиться...

У Гогланда простились с эсминцами, ложившимися на обратный курс к Кронштадту. Комбриг семафором пожелал счастливого плавания. Дальше пошли одни. Погода стояла для балтийской зимы приличная — ветер около четырех баллов. До Кильской бухты к полуночи 24 ноября дошли хорошо, тут и стали на якорь в международных водах. К кораблям пришвартовались уже ожидавшие отряд танкер «Железнодорожник» и угольщик «Металлист». Нефть и уголь приняли быстро и организованно, Галлер был доволен: по подсчетам флагмеха, отряду хватит топлива более чем на две тысячи миль плавания. Но запасы будут еще пополнены у берегов Франции. Галлер приказал капитану танкера немедленно сниматься и следовать к мысу Барфлер — к северному берегу Франции, там точка очередного рандеву для приемки нефти.

Утром 26 ноября отряд направился к Большому Бельту. Шли 15-узловым ходом, и штурмана, разделив силы, работали в хорошем темпе: Сакеллари вел прокладку, Новицкий брал пеленга на береговые ориентиры — маяки и знаки, на обозначенные на карте внушительные

¹⁰⁰ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 55, л. 100.

ветряные мельницы. Штурмана линкора Я. Я. Шмидт и С. Ф. Белоусов помогали. Вскоре надвинулся туман, пеленговать штурманам приходилось в его разрывах, когда вдруг открывались берега. Но вот благополучно прошли Бельт, остались позади пролив Каттегат. Лев Михайлович после штурманов и сам взял пеленг на маяк Скаген — что поделаешь, командирская привычка проверять. Сакеллари и Новицкий поймут — это не недоверие... Далее отряд шел проливом Скагеррак и в Северном море по счислению. Но после полудня 27 ноября флагмех доложил Галлеру о «вскипании» воды в котлах. Это случилось из-за того, что машинные команды кораблей не имели опыта эксплуатации механизмов в водах с океанской соленостью. Лев Михайлович приказал стать на якорь. «Пусть механики поработают, поищут неисправности в спокойной обстановке, — решил он. — Зато потом пойдем без приключений...»

Галлер прошел к себе в каюту. Дышали теплом calorиферы, создавая уют, неярко светили бра на переборках, настольная лампа под зеленым стеклом на письменном столе. Лев Михайлович подошел к развернутой генеральной карте, на которой младший штурман линкора периодически отмечал пройденный путь. Отряд стал на якорь в районе, в котором в свое время разыгралась первая фаза знаменитого Ютландского боя, самого крупного морского сражения минувшей мировой войны. Здесь маневрировали эскадры британцев и германцев, здесь Гранд-флит лорда Джеллико прозевал прорыв Флота открытого моря адмирала Шеера к берегам Германии — к Гельголанду и Вильгельмсгафену.

Галлер помнил соотношение сил по крупным кораблям: у англичан было 28 линкоров и 9 линейных крейсеров, у немцев соответственно 22 и 5. И сражение, в сущности, закончилось вничью... Какова же будет будущая война на море? Как развивать флот? Лев Михайлович бросил взгляд на книжную полку на переборке с «Морскими сборниками» за последние два года. Он внимательно читал все печатающиеся в них дискуссионные статьи «о малом флоте» и «малой войне». Однокашник по Морскому корпусу Михаил Александрович Петров, автор чуть ли не двух десятков книг по морской стратегии и тактике, истории флота, предлагал включиться в дискуссию. Лев Михайлович только посмеивался: «Вам, профессорам Военно-морской академии, сам бог велел дискутировать. А мы практики, libera nos a malo — из-

бави нас, господи, от излишней писанины. И так хватает».

Не нравилась Льву Михайловичу эта дискуссия, ему казалось: была в ней оторванность от реального. «Малый флот», «малая война»... Война, во-первых, «малой» быть не может — для нас она всегда будет большая. А флот будет малый, если не построим кораблей побольше. Ясно, что начинать строить надо с того, что сейчас по силам промышленности и по кошельку, — с подводных лодок, торпедных катеров, тральщиков, сторожевиков и эсминцев. Не забывать об авиации. Потом, когда индустриализация даст свои плоды, придет время строить и большие корабли, океанские — с большим радиусом действия. Вот К. И. Душенев трактует «малую войну» как «искусство выполнения коротких ударов по противнику, не отрываясь в основном от своих баз»¹⁰¹. А если возможно будет «оторваться», а действия подводных лодок на коммуникациях врага это что — короткий удар? Статьи М. А. Петрова и Б. Б. Жерве излишне теоретичны, но они исходят все же из опыта прошлой войны на море, в первую очередь английского и немецкого. Петров, по мнению Галлера, был прав, ратуя за активные операции, причем вовсе не отрицая оборонительного боя на минно-артиллерийской позиции, в чем его безосновательно упрекал Душенев. Последний утверждал, что «отыскание и уничтожение в море противника «не наши лозунги», что «зерна пораженчества, в худшем понимании этого слова, скрыты именно в этих сверхактивных лозунгах, несоизмеримых с действительностью»¹⁰². Конечно, в реальной обстановке флагман определит меру активности флота, исходя из соотношения сил. Льву Михайловичу не нравился переход дискуссии профессионалов к политическим обвинениям. Душенев начал, А. П. Александров, коллега Белли по кафедре морской стратегии, продолжил в этом же духе, да еще как! Изничтожая Жерве, назвал его трактовку теории морской войны «реакционной», «вредной» и «империалистической». Это же запрещенные в честной полемике удары! В Морских Силах были люди, которые искали вредителей — «шахтинцев», чтобы найти ответственных за неполадки, за аварии... Проповедника такой теории, по всей видимости, надлежало карать. Уже с конца 1929 года

¹⁰¹ Морской сборник. 1928. № 4. С. 36.

¹⁰² Там же, С. 43.

Военно-морскую академию вместо Жерве возглавил Душенев, а его кафедру морской стратегии — Александров... Кара же на Жерве, Петрова и других ревнителей «реакционной теории» обрушилась спустя еще несколько месяцев.

Лев Михайлович не раз слушал доклады Жерве и Петрова, во многом с ними был не согласен, особенно с Жерве. Недооценивал Жерве роль морской авиации и подводных лодок. Но к чему мы придем, если так будем дискутировать? Такая дискуссия вредна для дела. И разумно ли ее вести, когда, как оказывается, все предreshено, истина изначально у Александрова, а остальные чуть ли не «шахтинцы».

Все это он говорил перед походом зашедшему проститься Мише Петрову и Белли. Настроение у «академиков» было хуже некуда. И Лев Михайлович, желая их развеселить, шутил, вспомнил историю с Вадимом Ивановичем, командиром «Марата», который, торжественно встречая афганского короля на юте линкора, назвал его «товарищ падишах», а переводчик, ничтоже сумняшеся, так и перевел. Кто-то, кажется Каганович, потом допытывался у члена Реввоенсовета Куркова: не нарочно ли это сделано бывшим царским офицером и потомственным дворянином? Но у начальства хватило чувства юмора, пронесло... Потом друзья провожали Галлера до причала, где стоял ожидавший комдива катер. И Лев Михайлович, пожимая друзьям руки, сказал: «Слушайте, не бейтесь лбом в стену, эконоьте силы. Как-то все еще пойдет. А наше дело — флот, ему нужны честные, порядочные люди...»

...С якоря снялись рано утром 28 ноября, легли на курс к Английскому каналу. Налетали шквалы с дождем, видимость была малая — кабельтовых 10—20. Галлер, стоя на ходовом мостике, скорее вслушивался, чем всматривался, пытаясь понять обстановку впереди по курсу. Он приказал брать глубины лотом Томсона, чтобы нащупать подходы к Доггер-банке. Вместе с Сакеллари и Новицким, наносившими точки измерений глубин на карту, пытался установить, где идет отряд. Но ясной картины не получалось. На мгновение открылся плавучий маяк Ауттер-габбард, и мгла снова сгустилась. Исчезал из видимости временами даже «Профинтерн», шедший в трех кабельтовых. А определение места по крюйс-целенгу по маяку Ауттер-габбард получилось недостаточно точное, увидеть плавучий маяк Галлопер не

удалось. Лев Михайлович подошел к карте, прикинул — впереди банка...

Б. П. Новицкий вспоминает: «Предположив, что нас сносит приливное течение, взяли курс 193° с расчетом к полудню выйти на плавучий маяк Сандетти. Но нашел сплошной туман, и в 11 ч 20 мин командир отряда предложил стать на якорь. Помню, я даже рассердился, считая, что можно спокойно идти еще минут сорок. Но предложение перешло в приказ...»¹⁰³

Галлер отдал приказ стать на якорь, хотя и не сомневался в высокой штурманской культуре Сакеллари и Новицкого. Однако соблюдение осторожности необходимо. В 11 ч 50 мин, минут через пять после отдачи якоря, туман точно прорвало. «...И мы увидели в 37 кабельтовых, почти на восток, плавучий маяк Сандетти. Прямо по курсу в 2 милях находилась банка Сандетти!» — продолжает Б. П. Новицкий. Еще десять минут хода прежним курсом, и отряд оказался бы на банке. «Вот что значит морской опыт, чутье и осторожность командира отряда Л. М. Галлера», — так заканчивает рассказ об этом эпизоде флагштурман. Но только ли чутье, опыт и осторожность?

В. А. Белли, вспоминая о Льве Михайловиче, подчеркивал, что присущая ему (в том числе и в кораблевождении) осторожность была вовсе не интуитивна, а всегда основывалась на точном расчете. Вот и рассказывая в свое время об этом случае, Галлер объяснил, что прикинул радиус вероятной ошибки в месте отряда, исходя из «отличного» норматива при прокладке по счислению. И у него получилось, что при этом допустимом «отлично» отряд может оказаться на мели. Тогда и приказал стать на якорь...

В точку randevu с транспортом снабжения у мыса Барфлер отряд пришел в 4 ч 30 ноября. Здесь корабли приняли нефть с танкеров «Железнодорожник» и «Совнефть», уголь с транспорта «Пролетарий». Принимать уголь было непросто: сильная зыбь то вздымала, то опускала стоявший у борта линкора транспорт, мешала погрузке. Но 2 декабря корабли закончили прием топлива и котельной воды. Теперь вновь в путь!

Как только корабли вышли в Бискайский залив из-за прикрывавшего стоянку мыса, началась сильнейшая качка. «Парижская коммуна» не всходила на волну, а

¹⁰³ Морской сборник. 1964. № 12. С. 22—23.

как бы прорезала ее толщу. Высота набегавших волн была намного больше фальшборта, сооруженного на баке линкора прошедшей зимой, чтобы уменьшить заливание палубы и зарывание в воду носа. Для балтийской волны этот фальшборт, быть может, и был хорош, но сейчас встречная океанская свободно врывалась на бак. Крен линкора достигал 29 градусов, он качался точно ванька-встанька с амплитудой в семь-восемь секунд. Лев Михайлович встречал каждую волну так, будто сам грудью принимает ее удар. Он прикинул: носом, окруженным фальшбортом, корабль черпал около ста тонн воды, которая потом уходила за борт через двери волнолома у первой башни. Выдержат ли эту тяжесть, эти удары волн пиллерсы, поддерживающие палубу бака? Тяжело приходилось и «Профинтерну». Кузнецов доносил, что кладет на борт до 34 градусов. Однако благодаря высокому полубаку, крейсер заливало меньше линкора, было видно, как он взбирается носом на волну. Пока все шло как надо, и Лев Михайлович уже подумывал, что Бискайский залив в конце концов останется за кормой. Но поздно вечером 3 декабря Кузнецов доложил семафором о поступлении воды в котельное отделение. Вскоре уточнил: разошелся заклепочный шов обшивки, на ходу повреждения не устранить. Медлить было нельзя, и Галлер приказал ложиться на курс к Бресту. Он решил стать на якорь близ острова Уиссан и устранить повреждения. Пришлось, однако, просить разрешение у морского префекта Бреста вице-адмирала Пиро зайти на рейд: и у Уиссана гуляли гигантские волны, качка не позволяла провести необходимые работы.

В 12 ч 30 мин 4 декабря линкор и крейсер вошли на Брестский рейд, прогремел 21 залп Салюта наций кораблей отряда и ответные залпы береговой батареи... Приказав Самойлову и Кузнецову немедленно провести тщательный осмотр корпуса и механизмов, после чего сразу же приступить к ремонту, Галлер отправился с визитом к морскому префекту. Французы блюли этикет: на причале советских моряков встретил офицер штаба, ожидал автомобиль. Любезен был и вице-адмирал, предложивший помощь для исправления повреждений. Но Галлер, извинившись за плохой французский, отказался, попросив лишь снабдить корабли топливом и водой.

Воду с небольших барж-водолеев получили в тот же день, но топливо не принимали: к вечеру 4 декабря сила ветра начала нарастать, достигала 10 баллов. Галлер при-

казал «Профинтерну» стоять с прогретыми машинами. Вскоре Кузнецов доложил, что якоря держат плохо, и крейсер, чтобы остаться на месте, работает малым ходом вперед. К утру 5 декабря ветер спал до 6 баллов. На «Профинтерне» спешно начали работы по устранению повреждений. К утру следующего дня откачали воду, поставили новые заклепки на стальные листы обшивки.

Улучшение погоды, однако, оказалось недолгим. И когда Галлер провожал на куте линкора прибывшего с ответным визитом вице-адмирала Пиро, волнение вновь стало усиливаться. Вместе с французами на берег ушел и Гельфанд, секретарь посольства СССР во Франции, прибывший из Парижа. Он передал Кирееву и Галлеру, что в Москве недовольны промедлением. Командиру отряда приказано немедленно продолжать поход.

Прогремели 15 выстрелов полагающегося морскому префекту салюта, и Галлер поднялся на ходовой мостик. Море точно кипело: один за другим набегали с моря пенные валы. Погрузка угля опять не состоялась, так как подать баржи с углем на внешний рейд было невозможно. Приходилось ждать хоть какого-то улучшения погоды.

Несмотря на сильную волну, утром 6 декабря буксиры подвели две угольные баржи к линкору и баржу с нефтью к крейсеру. Погрузку топлива успели завершить до того, как погода снова ухудшилась. Ночью ветер достиг 10 баллов, корабли стояли с прогретыми машинами, готовые немедленно дать ход. В каюту к Льву Михайловичу зашел Г. П. Киреев, постоял, постучал пальцем по стеклу барометра — давление падало... Потом сказал: «Нужно выходить, командир. Говорю это как член Реввоенсовета... — И усмехнувшись, закончил: — Промедление смерти подобно». В полдень 7 декабря отряд вышел с рейда Бреста. И опять корабли вступили в единоборство со штормом. На вторые сутки амплитуда качки достигла на линкоре 38°, на крейсере — 40°. Были разбиты и унесены волнами шлюпки, точно бритвой срезаны козырьки вентиляционных шахт — «грибы», как их называют на флоте. Через их отверстия в помещения шла вода. Пришлось на удаление воды из батарейной палубы бросить свободных от вахты. Еще более опасная обстановка складывалась в котельных отделениях. Здесь вода плескалась на паелах площадок перед котлами, водоотливные средства с трудом справлялись с откачкой. Но еще одна беда была впереди. На третий день борьбы

со штормом волны разрушили на линкоре носовую часть фальшборта, сорвали половину волнолома на баке. «Парижская коммуна» стала еще больше зарываться носом во встречную волну.

К стоявшему на ходовом мостике Галлеру подошел Самойлов: «Лев Михайлович, худо. Пиллерсы в буфетной палубе гнутся, в палубе вода. Люки пропускают воду, вентиляция не в строю...» Галлер молча кивнул — понял!

Лев Михайлович попросил подняться на мостик Киреева, вызвал стармеха И. П. Корзова, доложившего, что в кочегарку ежечасно поступает больше полусотни тонн воды, что вода проникает в носовую башню через маме-ринец и порванный в клочья брезент орудийных амбразур. Вода затопила трюмы кочегарок, ее откачивают, но она у паровых магистралей — опасно... «Григорий Петрович, — повернулся Галлер к члену Реввоенсовета, — в таких штормах и мне бывать не довелось. Представьте, над казематом орудия номер три оказалась фертоинговая скоба. Волна с бака притащила, а в ней — 25 пудов». Потом Галлер привел Киреева в штурманскую рубку: «Посмотрите, Григорий Петрович, синоптическую карту...» Штурман Белоусов доложил, что в Бискайе бедствуют сотни судов, эфир заполнен сигналами SOS, скорость отряда не превышает четырех узлов...

Галлер посмотрел Кирееву в глаза, сказал твердо: «Как командир отряда, несущий ответственность за жизнь команд и кораблей, принимаю решение повернуть к французскому берегу. Сейчас запишу приказание в вахтенный журнал...» Киреев не возражал.

К югу от полуострова Бретань, между портами Лориан и Сен-Назер, есть островок Бель-Иль, тот самый, на котором, если верить Дюма, бывали его герои-мужкетеры. В 5—6 милях от острова каменная гряда, здесь у бухты Киберон погиб в 20-х годах линкор «Франс». Но это единственное место, рекомендуемое лодией для укрытия от штормовых вестовых и зюйд-вестовых ветров. Сюда и повел отряд Галлер. Б. П. Новицкий вспоминает: «Ворочаем на курс 41°. Две-три минуты корабль лежит на курсе, затем корма резко бежит под ветер, и нет никакой возможности ее остановить. Командир... Самойлов попытался с ходу (12 узлов) вывернуться влево на ост. Но корабль ворочает лениво, доходит до курсов 190—160° и не идет дальше. Несколько раз его кладет так, что не только казематы, борт и ватервейс, но и па-

луба на 1—2 метра уходит в воду. Кренометр в штурманской рубке стучит в стенки своего ящика. Размахи были порядка 38—42°»¹⁰⁴.

Но поворот все же выполнить необходимо. «Константин Иванович, больше десяти градусов руль не кладите», — приказал Галлер. Но и это мало помогло. «Я стоял на левом крыле ходового мостика, — вспоминает Новицкий, — командир отряда на правом. Вдруг он, обняв целлорус гирокомпаса, повис буквально надо мной: корабль лег совсем на борт и не встает. Это длилось какие-то секунды, но мне они показались вечностью!»¹⁰⁵

Линкор и крейсер легли на курс 90°, размахи качки уменьшились до 20—22°. Галлер приказал идти этим курсом к берегу: следовало уточнить свое место. В 10 ч 15 мин 9 декабря старшина сигнальщиков В. В. Токарев увидел огонь маяка Шассирон. Отряд был у входа в Ла-Рошель, но зайти в этот порт корабли не могли из-за большой осадки. И командир отряда приказал идти к Бресту. Вечером 10 декабря отряд стал на якорь на Брестском рейде.

Тяжелое и опасное плавание закончилось. Только теперь, получив возможность прочитать французские и английские газеты, Галлер понял, с какими исключительными по силе штормами пришлось встретиться отряду. Первый шторм, 5—6 декабря, они выдержали, стоя на якорях в Бресте и имея прогретые машины. В это время в море и Английском канале сила ветра достигала 10—12 баллов. Второй сильнейший шторм застиг отряд, вышедший из Бреста 7 декабря, где-то посередине Бискайского залива. Шторм, писали английские газеты, достиг кульминации в ночь с 7 на 8 декабря. В это время ветер набрал ураганную силу, что в этом районе бывает редко, во всяком случае, не наблюдалось с 1922 года. Гигантские волны привели к гибели нескольких английских, французских и итальянских пароходов, многие суда были выброшены на берег, десятки получили тяжелые повреждения.

Кораблям отряда требовалось провести необходимые ремонтные работы, причем нужна была помощь мастерских порта. Лев Михайлович направился с визитом на берег, передал соответствующую просьбу морскому префекту. Однако контр-адмирал Бертело, замещавший от-

¹⁰⁴ Морской сборник. 1964. № 12. С. 25.

¹⁰⁵ Там же.

существующего вице-адмирала Пиро, не торопился с ответом и не проявлял особого радушия. Рабочие для ремонта прибыли лишь 14 декабря, когда линкор ввели на внутренний защищенный рейд, сход на берег был разрешен только командному составу. Понятно, что никто не воспользовался этим разрешением.

В те дни в Бресте Галлеру пришлось отстаивать и честь Красного Флота, когда пришедший в Брест французский линкор не поприветствовал советского флагмана положенным орудийным салютом. П. Ю. Орас вспоминает, что Галлер немедленно отправил по этому поводу протест морскому префекту. «На свой берег они могут нас не пускать, но флаг уважать должны!» — сказал он. И «француз», принося извинения, несколько часов спустя отсалютовал как положено, а «Парижская коммуна» ответила...¹⁰⁶

Основные ремонтные работы закончили к 23 декабря: на линкоре с помощью рабочих-французов сняли остатки фальшборта и установили новый волнолом, заменили несколько пиллерсов, на крейсере отремонтировали электропривод рулевого устройства. 26 декабря отряд вышел из Бреста, и через двое суток Бискайя была уже за кормой. 30 декабря корабли прошли Гибралтарский пролив. Погода стояла отличная, пригревало южное солнце, и Лев Михайлович отдыхал впервые за месяц походной жизни. Хорошо в Средиземном!

Утром 1 января корабли стали на якорь в нейтральных водах близ бухты Кальяри, началась приемка топлива с черноморского транспорта «Плеханов». Старпомы тут же организовали мытье бортов и надстроек, подкраску. Вскоре итальянские власти проявили любезность, пригласив советские корабли перейти на рейд Кальяри. 6 января линкор и крейсер отдали якоря всего лишь в двух милях от военного порта. Лев Михайлович сразу же отправился с визитом к итальянскому военно-морскому командованию и мэру города, потом принимал ответные визиты на борту «Парижской коммуны». Итальянское командование охотно разрешило и сход советских моряков на берег. Впервые за полтора месяца сотни краснофлотцев ступили ногой на твердую землю.

9 января отряд уже подходил к Неаполю, гремели залпы Салюта наций, потом салюта командующего военно-морским округом. И здесь команды не один раз побы-

¹⁰⁶ Морской сборник. 1930, № 1. С. 16.

вали на берегу. За все время пребывания в Неаполе, как и в Кальяри, ни одного нарушения дисциплины. А на командира отряда обрушился шквал визитов. Лев Михайлович побывал у начальника штаба командующего Южно-Тирренским морским округом капитана Миральи, у командира армейского корпуса генерала Таранто и командира дивизии генерала Бонстрокки, у заместителя командира милиции генерала Лонго, заместителя верховного комиссара провинции Неаполь и мэра города. Потом два дня принимал ответные визиты. Представители итальянских властей лестно отзывались о русских моряках: посещают музеи, побывали в Помпее, нет пьяных, нет скандалов, любезны и подтянуты! Еще об одном событии тех дней долго вспоминал Лев Михайлович — встрече с Максимом Горьким. 13 января Алексей Максимович побывал на кораблях отряда. Всего лишь полчаса был Галлер с ним в узком кругу: пили чай в салоне флагамена. Киреев за хозяина, присутствовали Самойлов и комиссар линкора Кежущ. Но и этого времени хватило, чтобы понять: писатель внимательно следит за происходящим в СССР, многое знает о культурной жизни в Ленинграде. Например, спросил: бывают ли командиры на выставках художников и на каких, как относятся к новым течениям — Филонову, Малевичу, что читают...

На 10 и 14 января Галлер назначил выход в море. В кубриках и кают-компаниях гадали — куда пойдет отряд? Ходили слухи: в Мурманск, до весны... За два часа до выхода Киреев и Галлер собрали на линкоре командиров и комиссаров, штаб отряда. Галлер объявил: по приказу Реввоенсовета СССР корабли идут в Севастополь. Командам сообщить об этом с выходом в море. В пути возможны провокационные действия британского флота — сохранять бдительность. И вот отряд втягивается в Мессинский пролив.

Все время, что отряд шел к Эгейскому морю, его сопровождали английские корабли. Они скрылись на горизонте у мыса Матапан, после того как установили движение советских кораблей к Дарданеллам. 16 января Галлер подписал радиogramму в Стамбул в адрес председателя международной Проливной комиссии, сообщая о предстоящем движении в Черное море. В ночь на 17 января корабли прошли Дарданеллы, вошли в Мраморное море. Утром проходили Сан-Стефано, небольшой городок на европейском берегу. Лев Михайлович тронул за плечо Киреева: «Смотрите, Григорий Петрович, видите горо-

док? Чуть больше полсотни лет тому назад здесь, казалось, навсегда открыли проливы для России и закрыли для ее врагов. А дружественная Болгария должна была стоять рядом на страже наших интересов. Не вышло. Бисмарк предал Россию, Англия и Франция лишили нас плодов победы...» «Это все милюковские шуточки в тебе играют», — отозвался Киреев. Галлер нахмурился: «Не скажите... Сколько русской солдатской крови пролили. Оказалось — напрасно. Правда, болгар освободили...»

В 9 ч 20 мин 17 января отряд вошел в Босфор, грянул орудийный Салют наций. На мачте линкора заполоскали на ветру флаги сигнала по международному своду: «Привет турецкой нации, правительству, флоту». В 11 ч 34 мин Босфор остался за кормой, вот оно, Черное море! Лев Михайлович вызвал флаг-связиста, вписал в журнал радиogramму в Севастополь: «...прибываем 18 января. Командир практического отряда Балтийского моря Галлер»¹⁰⁷. Потрогал усы, весело глянул на Самойлова: «Дошли, Константин Иванович! Распорядитесь-ка дать пресную воду в бани и души, подвахтенным мыться и стирать. И на «Профинтерн» передать о сем же. Черноморцы славятся чистотой и порядком, как бы балтийцам не подкачать!»

Еще кренила корабли отряда зимняя черноморская волна, сыпала снежная крупа, но Крым становился все ближе и ближе. Около полудня 18 января сквозь мглу проступили берега Крыма. У мыса Айя отряд встретили эсминцы и гидросамолеты, с кораблей балтийцев и черноморцев грянуло «ура». Пройдя за 57 дней 6270 миль в нелегких условиях зимней непогоды, линкор и крейсер стали на бочки в Севастопольской бухте.

Еще в Севастополе, в дни передачи кораблей Морским силам Черного моря, Галлер прочитал приказ по Военно-Морским Силам РККА № 13 от 18 января 1930 года, подписанный Р. А. Муклевичем: «...сегодня я имел возможность с большим удовлетворением доложить Реввоенсовету СССР о том, что личный состав линейного корабля «Парижская коммуна» и крейсера «Профинтерн», проявив в условиях длительного и тяжелого плавания высокие политико-моральные и физические качества и преодолев все трудности, стоявшие на пути, в полной мере оправдал возлагавшиеся на него надежды и успешно выполнил поставленную ему задачу...»¹⁰⁸ Пополнение

¹⁰⁷ Морской сборник. 1930. № 2. С. 25.

¹⁰⁸ Линкор «Парижская коммуна». Минск, 1934. С. 75.

советского флота на Черном море линкором и крейсером имело большое значение, в полной мере оцененное уже в годы Великой Отечественной войны. Немалый вклад в победу над врагом внесли эти корабли, действуя в составе эскадры, которой командовал замечательный флагман Л. А. Владимирский.

Командующий флотом

Снова Галлер в Ленинграде. Сестры расспрашивают о плавании на линкоре, рассматривают фотографии, на которых корабль преодолевает штормовую волну, и ужасаются мощи морской стихии. Они любят золотыми часами с дарственной надписью — наградой брату от Реввоенсовета СССР. Какой замечательный моряк Левушка, их надежда и опора! Но Лев Михайлович просит отложить расспросы: нужно спешить в штаб, чтобы доложить наморси Викторову о походе.

Михаил Владимирович Викторов принимает Галлера немедленно, и они долго говорят о прошедшем походе, о том, как идет строительство и проектирование новых кораблей. Будущее флота волнует обоих. «На подлодках «барсах» ходить в море уже опасно: одна неисправность за другой, — говорит наморси. — Хорошо, что к концу года поступит первая новая лодка — «Декабрист», вслед за ней пойдут и другие. Да, скоро будет приказ — дивизион строящихся сторожевиков войдет в вашу дивизию...» Викторов неожиданно умолкает, хмурится. Лев Михайлович понимает, что его одолевают невеселые думы. В чем дело? Наморси всегда так уверен в себе...

Галлер вновь вступает в должность командира дивизии. Он проверяет ход модернизации «Марата» и требует от завода ускорить работы. Надев комбинезон, обходит строящийся «Ураган» — головной сторожевик. Лев Михайлович вошел в рабочий ритм, дел много, но все-таки нет-нет да вспоминает наморси. Быть может, дурное настроение Викторова из-за слухов о замене его В. М. Орловым, ныне начальником Морских сил Черного моря?

Что такие слухи были (а дыма без огня, как известно, не бывает), свидетельствуют архивные документы. В январе 1930 года Г. П. Киреев получил донесение от ОГПУ¹⁰⁹ о негативной реакции командиров из бывших

¹⁰⁹ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 67, л. 41—43.

офицеров на замену Б. Б. Жерве и некоторых лиц начальствующего состава («...У Душенова мало опыта»), о разговорах среди «бывших», что их не посылают на учебу в Военно-морскую академию, не продвигают по службе («Собираются нас заменять»). О наморси Викторове в донесении указывалось, что из-за слухов о замене его Орловым «заметно упал духом». «Вечерами раскладывает пасьянс, что за ним наблюдается тогда, когда он собирается с мыслями по разработке каких-либо серьезных вопросов». И кроме того, «высказывает мнение о несогласии с политической линией нашего правительства (в лице Сталина) по вопросам индустриализации страны, указывая, что он не правый уклонист, но чувствует в проведении 5-летнего плана перегиб палки». Несогласие «с линией» — это уже весьма серьезно... В то время, однако, тучи над М. В. Викторовым хотя и сгустились, но гром не грянул. Не сыграло ли тут роль то, что донесение прежде всего попало к члену Военного совета Г. П. Кирееву?

Григорий Петрович Киреев делал многое, чтобы сохранить, защитить нужные флоту опытные кадры начальствующего состава, помочь в работе, дать почувствовать, что бывшие офицеры пользуются полным доверием. Надо думать, именно Киреев способствовал принятию в начале октября 1930 года кандидатами в члены ВКП(б) В. М. Викторова и Л. М. Галлера. Льва Михайловича принимали в кандидаты партии на линкоре «Октябрьская революция», коммунисты проголосовали дружно, а до этого сказали много добрых слов о наддиве...

В то время Киреева заботило усиление флотов других стран на Балтике новыми кораблями и промедление с пополнением отечественных Морских Сил. 19 апреля 1930 года он пишет об этом секретное письмо С. М. Кирову¹¹⁰, предлагает принять решительные меры по укреплению нашего флота на Балтике, ускорить строительство военных кораблей на ленинградских заводах, решить вопрос о восстановлении линкора «Фрунзе» и начале проектирования новых боевых кораблей.

Предстоящее вступление в строй и последующее освоение новых подводных лодок, сторожевиков и торпедных катеров было невозможно без создания деловой обстановки на флоте, без мобилизации на решение этой задачи всего личного состава. Это не мог не понимать

¹¹⁰ ЦГАВМФ. ф. р-307, оп. 2, д. 72, л. 2—3.

Г. П. Киреев. Это понимал, конечно, Л. М. Галлер. Но получилось так, что конец 1930 года был отмечен разгромом значительной части командных кадров. С 15 октября началась волна арестов на кораблях, в штабе флота, в Военно-морской академии и училищах, других учреждениях. Не смог, очевидно, Киреев выстоять против напора ОГПУ...

А ведь в первых числах февраля того же года более пятисот человек начальствующего состава флота собрались в Кронштадте, чтобы выразить протест «против подлой клеветы белогвардейцев», оповестивших в зарубежной прессе о массовых арестах командиров в Красной Армии и Красном Флоте¹¹¹. С сообщением о провокации выступил тогда Л. А. Поленов, командир крейсера «Аврора». Многие говорили в тот день о преданности Советской власти и партии большевиков. Говорили искренне и горячо. Но какое до этого было дело тем, кто плел сеть для мнимых участников несуществующего «заговора», так славно продолжающего «шахтинский» процесс!

Теперь мы знаем, что арестованным предъявляли обвинения в деятельности, связанной с мифической «промпартией». Процесс главных ее «участников» проходил в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 года.

Во второй половине октября, перед самым завершением кампании 1930 года, Галлер узнал об аресте друзей — Владимира Александровича Белли и Михаила Александровича Петрова, других видных деятелей военно-морской науки и ведущих преподавателей Военно-морской академии, в том числе Л. Г. Гончарова, Д. П. Белоброва, Н. В. Новикова, Ю. А. Добротворского, Г. В. Генриксона... В дальнейшем, в конце 1930 — начале 1931 года были арестованы многие флотские командиры. Вот имена части из них: Г. Г. Виноградский, К. Н. Белокопытов (командир артиллерийской бригады береговой обороны), Б. В. Билевич (помощник командира линкора «Октябрьская революция»), П. П. Сомохвалов (командир учебного корабля «Ленинградсовет»), С. М. Жонголович (командир подводной лодки «Пролетарий»), Н. К. Никонов (командир бригады траления и заграждения), Н. А. Мамонтов (командир дивизиона тральщиков), Б. С. Слестников (командир подводной лодки «Коммунист»), Г. И. Трахтенберг (начальник штаба бригады эсминцев), М. К. Шенявский (командир

¹¹¹ Красный Балтийский флот, 1930, 9 февр.

эсминца «Карл Либкнехт»), В. Е. Эмме (командир эсминца «Рыков»), А. П. Белобров и Г. П. Круссер (сотрудники научно-исследовательского артиллерийского полигона), командиры из штаба флота — Л. А. Поленов, С. А. Плотников, В. Н. Федотов, В. А. Хвоццкий. Наконец, начальник штаба А. А. Тошаков...

Этот список, составленный по «Справочнику начальствующего состава ВМС РККА» 1934 года, далеко не полный. В отчете по боевой подготовке Балтийского флота за 1931 год подведен итог только по плавсоставу: «В начале текущего года... за контрреволюционную вредительскую работу было взято ряд командиров флота — бывших старых офицеров, причем большое число пало на плавающий состав: так, командиров соединений было взято 3 чел. (соединений было четыре. — С. 3.), начальников штабов соединений — 2, командиров дивизионов — 3 чел., командиров кораблей — 7 человек...» «В результате арестов и перемещений: из 8 командиров соединений (видимо, и плавающих, и береговых. — С. 3.) вновь назначено 5, из 8 командиров дивизионов 5, из двух командиров линкоров 1, из двух командиров кораблей 1 ранга 2, из 20 командиров кораблей 2 ранга 17 (из них на эсминцах из 12—10), из 9 командиров подводных лодок 5»¹¹².

Кончилась кампания, наступила зима, корабли не плавали. А случись весь этот ужас летом, не раз думал Галлер, пришлось бы флот ставить на прикол. Теперь к началу кампании 1931 года придется заново готовить командиров. Об этом говорили друг с другом Галлер и Викторов как-то вечером, засидевшись в салоне на «Октябрьской революции». «А что, Лев Михайлович, не близится ли и наш черед?» — спросил тихонько наморси и забарабанил пальцами по столу. Галлер нахмурился: «Сие от нас не зависит. Пытался поговорить с Киреевым, через него как-то за посаженных вступиться — и слушать не хочет. Ходит чернее тучи. Не может, видно. Только и остается что через сестер передачи отправлять на Шпалерную. Моя сестра старшая — Анна Михайловна носит, благо, не работает, стара...» Он встал, подошел к иллюминатору, за которым неся снег январской вьюги. Что-то будет дальше?

Весной освободили осужденного на десять лет и уже назначенного на этап Б. Б. Жерве — он остался препо-

¹¹² ЦГАВМФ, ф. р-9, оп. 1, д. 943, л. 5.

давать в Москве; затем Л. Г. Гончарова и Ю. А. Доброворского — эти вернулись в академию. Но больше никого не освободили, а передачи для Белли, которые носила Анна Михайловна, не принимали — значит, вывезли из Ленинграда. Жерве поместил в «Морском сборнике» покаянную статью о своих ошибках, А. П. Александров тоже напечатал статью, только не покаянную, а «против реакционных теорий на военно-морском научном фронте», в которой объявил «теорию владения морем» вредительской. Теперь этот «теоретик», подумал Галлер, может резвиться беспрепятственно.

А ведь немногим более двух лет назад, в мае 1928 года, именно М. А. Петрову было доверено выступить на расширенном заседании РВС СССР с докладом «О значении Морских Сил в системе вооруженных сил страны». Присутствовали все командующие военными округами и флотами, первым докладчиком был начальник штаба РККА М. Н. Тухачевский. Как гордился Михаил Александрович Петров принятым тогда решением Реввоенсовета! В нем говорилось, что при развитии ВМС необходимо «стремиться к сочетанию надводного и подводного флотов, береговой и минно-позиционной обороны и морской авиации...»¹¹³. Кто теперь ответит Александрову — нет в академии Жерве, нет Миши Петрова. Он, правда, освобожден, но отстаивать истину не будет уже никогда.

Между тем жизнь продолжалась, надо было работать. И Галлер нагружал себя, как мог, — по максимуму, лишь бы не думать о происшедшем. Следовало прикинуть возможности артиллерийского боя с финскими броненосцами, постройка которых шла к концу, пересмотреть наставления по обороне дивизии на переходе морем: ведь возросли скорости авиации и торпедных катеров, проработать организацию стрельбы линкоров с самолетом-корректировщиком по берегу. И наконец, продумать планы наставлений по боевому использованию сторожевиков приданного линкорам дивизиона. Проводил, как всегда, и занятия, и игры с командирами и штабом. Впрочем, командиры линкоров «Марат» В. И. Иванов и «Октябрьская революция» Н. Н. Несвицкий дело знали. Николая Николаевича Несвицкого, всегда молчаливого, угрюмого, Галлер помнил еще с гражданской, когда тот командовал «Азардом», и по совместным занятиям на КУВНАС. На линкор Несвицкий пришел после командования черно-

¹¹³ ЦГАВМФ, ф. р-1483, оп. 1, д. 80, л. 23—24.

морским крейсером «Червона Украина», сменив В. И. Иванова, переведенного на модернизирующийся «Марат».

Главной своей задачей на зиму 1931 года, однако, Лев Михайлович считал обеспечение модернизационных работ на «Марате». Не раз бывал он на Балтийском заводе, добиваясь ускорения ремонта, строгого выполнения согласованного с флотом графика. Бывало, что на заводе встречался с С. М. Кировым. Первый секретарь обкома не только почти каждую неделю звонил директору, чтобы узнать о ходе ремонта, но и приезжал посмотреть на месте, как идет дело. Сергей Миронович интересовался мнением Галлера о боевых возможностях линкоров, спрашивал, как они будут вести бой, если к Кронштадту двинется эскадра англичан или французов — такая возможность в то время не исключалась. Галлеру нравился его живой интерес к флоту, желание помочь. По рассказам Б. П. Новицкого, не раз они вели разговор и о будущем: строительстве новых эсминцев и крейсеров, подводных лодок и боевых катеров. Говорили и об авианосцах. «Погодите, Лев Михайлович, — улыбался Киров, — будут, будут вам новые корабли, дайте срок. Какие — определит Реввоенсовет СССР...»

Прошла зима. Галлер вышел в море на «Марате», закончившем модернизацию. Теперь котлы линкора работали на мазуте — ушли в прошлое выматывающие людей авралы по погрузке угля. Над башнеподобной мачтой вознесся командно-дальномерный пост с двумя восьмиметровыми оптическими дальномерами. В этом посту в бою должен был находиться управляющий огнем главного калибра. Увеличилась и дальность огня 305-миллиметровых орудий — вырос возможный угол их возвышения. Для защиты от бомб и снарядов толще стала броня палубы. «В общем, после модернизации линкор стал сильнее, защищеннее», — подвел итог Галлер. Он еще послужит флоту! Теперь, с осени, наступает очередь модернизации «Октябрьской революции». И нужно учесть опыт переделок на «Марате», опыт плавания в Севастополь «Парижской коммуны» — линкор должен стать и мореходнее.

В конце сентября 1931 года произошло еще одно радостное для флота событие: Галлер принял в состав своего соединения первый сторожевой корабль «Ураган». Ему нравился этот сторожевик водоизмещением 610 тонн, вооруженный двумя 102-миллиметровыми орудиями, тремя зенитными автоматами и трехтрубным торпедным ап-

паратом. Мог он и мины поставить, и атаковать подводную лодку глубинными бомбами. Лев Михайлович поблагодарил за хороший корабль главного конструктора В. А. Никитина, конструктора турбозубчатого агрегата Б. С. Фрумкина, Н. В. Алякринского — начальника НИИВК (Научно-исследовательского института военного кораблестроения), с которым у него установились дружеские отношения. Теперь, построив первый при Советской власти надводный корабль, получив немалый опыт, корабели могли приступать к работе над новыми проектами — лидерами эсминцев и эсминцев, крейсеров.

Лев Михайлович стал частым гостем в ленинградских конструкторских бюро, начавших проектирование новых кораблей. Строительное дело должно было начаться во второй пятилетке. Конструкторы с вниманием выслушивали предложения Галлера по находившимся в работе проектам. Но чувствовалось, что обстановка в бюро сложная. Многие конструкторы были арестованы по делу «Промпартии», по обвинению во «вредительстве», оставшиеся дискутировали... Нужно было решить принципиальный вопрос: продолжать ли традиции разработчиков проекта когда-то лучших в мире эсминцев типа «Новик» или ориентироваться на опыт итальянского кораблестроения, как предлагали некоторые, основываясь на настоятельных рекомендациях из Москвы. Лев Михайлович полагал итальянские корабли слишком «легкими» — недостаточно прочными, считал, что они хороши для Средиземного моря. Нам же необходимы надводные корабли, которые сумеют выдержать штормы Баренцева моря и Тихого океана. Опыт недавнего плавания в Бискайе он не забывал.

Споры среди кораблестроителей разрешились уже во второй половине 30-х годов. И способом не лучшим. Но всеми этими делами по кораблестроению Галлеру пришлось в какой-то мере заняться позже, с осени 1932 года. Весной же этого года, в марте, на него нахлынул поток других дел — Л. М. Галлер вступил во временное исполнение должности начальника Морских сил Балтийского моря. В. М. Викторов получил новое и очень почетное назначение — начальником Морских сил Дальнего Востока, будущего Тихоокеанского флота.

Весной 1932 года Красный Флот на Балтике представлял собой внушительную силу. В его состав входила бригада линкоров «Марат» и «Октябрьская революция», бригада эсминцев (12 «новиков»), бригада подводных ло-

док (9 подлодок типа «Барс», 3 — типа «Декабрист», «Л-55», бывшая английская), бригада заграждения и траления (тральщики и минные заградители), отряд учебных кораблей и отряд торпедных катеров. Береговая оборона флота включала форты и подвижные батареи, объединенные в две артиллерийские бригады. В авиацию флота входили две авиабригады — бомбардировочно-разведывательная и истребительная¹¹⁴. За исключением трех подводных лодок типа «Декабрист» и сторожевика «Ураган», все корабли были старые, с которыми Галлер имел дело еще будучи начальником штаба флота. Но на стапелях ленинградских заводов строились и должны были поднять флаг до конца первой пятилетки пять сторожевых кораблей, в 1933 году ожидалось поступление подводных лодок типа «Щука», подводных минных заградителей типа «Ленинец». И это было лишь начало: промышленность приступала к массовому строительству подводных лодок. Береговая оборона готовилась получить подвижные крупнокалиберные батареи — на механической тяге и железнодорожные. Ожидала пополнения новыми самолетами и авиация флота. Таким образом, Морские силы Балтморя вступали в этап перевооружения на новую технику и ее освоения. Галлер понимал, что задача состоит и в том, чтобы выработать новые тактические приемы, создать для поступающих от промышленности кораблей и их соединений оперативно-тактические документы и проверить их действенность в море в условиях, приближенных к боевым. И он без промедления начал разворачивать направленную на эту работу штаба.

Ко времени вступления в командование флотом у Л. М. Галлера в целом сложились взгляды на задачи Морских Сил, на способы ведения морского боя. Красный Флот на Балтике должен был надежно прикрывать морские подступы к Ленинграду, быть готовым отразить превосходящие силы противника, воспрепятствовать высадке десанта на берега Лужской и Копорской губ. Решение этих главных задач осложнилось военно-географическими условиями. Единственная база флота в Кронштадте просматривалась с территории Финляндии. Цепь принадлежащих Финляндии островов в Финском заливе, начиная с самого восточного — Сескара, протянулась в двух-трех десятках миль от советских берегов. Только высочайшая боевая готовность, четкая организация всех

¹¹⁴ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 72, л. 2—5.

разнородных сил флота могли сделать оборону с моря несокрушимой. Поэтому Галлер считал, что флот должен постоянно отрабатывать бой на минно-артиллерийской позиции. Казалось бы, здесь нет ничего нового: русский флот готовился к такому бою до мировой войны и во время ее. Начиная с маневров 1922 года подготовкой к нему занимались и Морские силы Балтийского моря. Но к 1932 году развитие флотов внесло свои коррективы. Теперь следовало строить бой на минно-артиллерийской позиции по-новому — как операцию, всесторонне используя подводные лодки, торпедные катера и, конечно, авиацию. Да и следовало учесть возросшие дальности огня артиллерии главных калибров линкоров и фортот.

Не менее трудной задачей были для флота действия на коммуникациях противника в Балтийском море. В случае войны с морскими державами — Англией и Францией или поддержки их мощными флотами антисоветской коалиции из стран, пограничных с СССР, возможность и целесообразность прорыва советской надводной эскадры в Балтику казались Галлеру сомнительными. Эскадра из линкоров и эсминцев, лишенная постоянного прикрытия с воздуха, могла стать легкой добычей противника или, во всяком случае, понести тяжелые потери. Следовательно, действия на коммуникациях за пределами Финского залива должны вести подводные лодки и авиация (бомбардировочная и торпедоносная), если флот получит самолеты с большим радиусом действия. Надводным силам и авиации надлежало отрабатывать обеспечение прорыва лодок к устью Финского залива и возвращения их в базу.

Галлер также полагал необходимым серьезно готовиться к десантным операциям. Он хорошо помнил высадку десанта на побережье Нарвского залива во время наступления наших войск на Ревель в начале 1919 года. Десант тогда помог продвижению Красной Армии. О десантах, их организации и необходимых средствах в свое время он не раз беседовал с Г. В. Генриксеном, бывшим флотским генералом, много лет читавшим соответствующий курс в Военно-морской академии. Но здесь вставал целый ряд проблем. Флот не имел десантных судов специальной постройки. И Галлер решил, что будет добиваться строительства хотя бы таких, как черноморские «эльпидифоры», которые хорошо себя показали в десантах на берега турецкого Лазистана во время мировой войны. Наконец, следовало наладить четкое взаимопони-

мание по поддержке огнем корабельной артиллерии действий частей Красной Армии на приморском фланге.

О задачах флота и путях их реализации в ходе боевой подготовки Галлер, вскоре после принятия дел наморси, говорил на совещании своего штаба, пригласив на него и нового члена Реввоенсовета Александра Сергеевича Гришина. Он сменил Г. П. Киреева, отозванного в начале 1931 года в Москву. Галлер поставил задачи штабу. Они были нелегкими, требовали большой — и обязательно творческой! — работы. Лев Михайлович видел по лицам штабных — сомневаются, справятся ли в установленные им жесткие сроки. Но ничего изменять не стал. Будет трудно, поможет сам. А время не терпит.

Галлер и в самом деле не считал зазорным брать на себя разработку или руководство разработкой необходимых документов, в данном случае оперативных. Так он поступал, командуя кораблем и соединением, будучи начальником штаба. И вскоре начальник штаба Морских сил П. Г. Стасевич, штабные командиры Б. П. Новицкий, В. А. Петровский, Д. Г. Речистер и другие поняли, что новый наморси абсолютно доступен и всегда готов помочь и словом и делом. Но и усвоили, что предельная вежливость и форма приказа («Я вас попрошу, голубчик...») вовсе не означает отсутствия требовательности, спроса за порученное. Галлер все и всегда помнил, был пунктуален («Пунктуален и дотошен, как немец-аптекарь», — обиженно говорили получившие вежливый разнос провинившиеся).

В начале осени на обновленном «Марате», сопровождаемом эсминцами, вышли в традиционный учебно-боевой поход в Балтику нарком К. Е. Ворошилов и С. М. Киров. Сергей Миронович был в таком походе впервые. Он искренне восхищался налаженностью флотской боевой и повседневной организации, четким взаимодействием эсминцев с охраняемым ими линкором. Киров, конечно, обошел корабль — боевые посты и служебные помещения, но больше всего его интересовали люди. С ним, как и с Фрунзе, краснофлотцы говорили удивительно легко, свободно, с полным доверием. Сергей Миронович привлекал к себе какой-то особой благожелательностью, искренней заинтересованностью, тем, что ему рассказывают, чем делятся. Вечером в каюту к нему приходили краснофлотцы, чтобы побеседовать. Так, собравшаяся у него в каюте команда электриков услышала рассказ об

обороне Астрахани в гражданскую войну, освобождении от белых форта Александровский на Каспии...¹¹⁵

В. А. Белли, со слов Галлера, вспоминал о разговоре, состоявшемся между ним и Кировым. Как-то, когда они стояли рядом на крыле мостика, Киров вдруг сказал: «Все наладится, Лев Михайлович. Надеюсь, что довольно скоро многие ваши друзья вернутся. Случаются и ошибки...» Это было так неожиданно для Галлера, что он даже не успел ничего спросить. Но тогда в нем пробудились надежды: есть в стране у государственного руля деятели, желающие единения общества во имя блага страны! Если еще и верны слухи о том, что новый коммори В. М. Орлов добивается пересмотра дел арестованных, то, быть может, он увидит и Белли...

Прошел начавшийся поздней осенью поход под флагом наркомвоенмора К. Е. Ворошилова в Балтийское море, успешно завершились маневры, показавшие возросшую мощь надводных и подводных сил. И поход, и маневры положительно оценил присутствовавший на них командующий Военно-Морскими Силами В. М. Орлов. На начальника Морских сил Балтийского моря (приставка «врид» исчезла в июле) нахлынули обычные заботы, связанные с началом нового учебного года в боевой подготовке, с ремонтом... Он делал все, что положено, присутствовал вместе с С. М. Кировым и А. С. Гришиным на закладке головного лидера эсминцев «Ленинград» — прекрасный корабль придет на флот! Но мысль о том, будут ли освобождены Белли и другие, не оставляла его, мучила. В самом деле, его в октябре перевели из кандидатов в члены ВКП(б), а честные люди в концлагере...

В середине ноября в кабинет Галлера в штабе флота зашел А. С. Гришин. Вид его был радостен. Он и в самом деле принес замечательную весть: арестованный в 1930—1931 годах командный состав флота «выпускают»! В. А. Белли освободили в начале нового, 1933 года. Однако освободили далеко не всех. Не вернулся, например, Генриксон. Освобожденных, как правило, на корабли не назначали, направляли в академию, на Командирские классы и в училища, в различные береговые учреждения флота. Долгое время положение продолживших службу в ВМС было странным: числились «исполняющими обязанности» (хотя Белли, например, об этом не знал), не носили на рукавах кителей положенных нашивок.

¹¹⁵ Линкор «Марат». М., 1942. С. 93.

Немало слышали Галлер и сестры от Владимира Александровича, когда он впервые после двухлетнего перерыва появился в квартире на улице Чехова. «Прежде всего — морское братство, — говорил Белли, чуть улыбаясь. — Все было замечательно. Пирог Анны Михайловны скрашивали пребывание в узилище на Шпалерной, в лагере и того лучше — комендантом оказался знакомый матрос с Минной дивизии, помнил меня с Куйваста, с 15-го года. А освобождением, кажется, мы обязаны Владимиру Митрофановичу Орлову — он хлопотал...»

Заботы, круг вопросов, которыми занимается командующий флотом... Нелегко очертить их границы. Отвечая за флот — отвечаешь за все. Стасевич как начальник штаба флота был энергичен, деловит, но ему, конечно, не хватало знаний, опыта: в мировую войну радист, в 1921 году окончил курсы разведки, учился в академии. В конце 1933 года его сменил И. С. Исаков. Иван Степанович стал Галлеру хорошим помощником: Балтику знает отлично, инициативен, предан штабной работе, культурен. Разве что немного склонен работать «на публику» — любит, чтобы о нем говорили, восхищались эрудицией, знаниями... Но это недостаток несмертельный.

И все же дел у Галлера было предостаточно. По хранящимся в архиве приказам по флоту видно, как часто проверял он соединения. Вот приказ по проверке бригады линкоров, которой с 1933 года командовал Г. И. Левченко, такие же приказы по проверкам бригады эсминцев З. А. Закупнева, подводных лодок, береговой обороны, авиации, учебных отрядов. Спокойный, выдержанный тон: нет грозных разносов и суровых наказаний, зато есть деловые и разумные указания по устранению выявленных недостатков. По документам можно судить и о другой повседневной работе Галлера. Так, он предметно занимается вопросами базирования, ремонтом кораблей, строительством аэродромов и разного рода складов, железнодорожных путей для трехорудийной батареи невиданного еще на Балтике калибра — 356 миллиметров.

Особо беспокоило его базирование кораблей. Было понятно, что гавани Кронштадта не смогут вместить флот, на пополнение которого в ближайшие годы придут десятки новых кораблей. Да и сосредоточение всего флота в одном месте представляло понятную опасность. И Лев Михайлович вместе с Гришиным ставит перед С. М. Кировым и коморси В. М. Орловым вопрос о строи-

тельстве военно-морской базы Ручьи в Лужской губе. На это нужны миллионы, но иного выхода нет. Пока в Москве решают вопрос о строительстве, Галлер не медлит: направляет флотских инженеров-строителей для изысканий на местности и составления подробных предложений.

Вплотную занимается Галлер кораблестроением. Его беспокоит невыполнение по срокам работ на Северной верфи, где строится лидер «Лепинград», на заводе имени Марти — промедление с перестройкой бывшей царской яхты «Штандарт» в минный заградитель «Марти», очень нужный флоту. Галлер собирает под своей эгидой совещание директоров и главных инженеров всех заводов, участвующих в поставках оборудования и монтажных работах на лидере и минзаге, выслушивает их взаимные претензии, выявляет тех, кто не выполняет свои обязательства, добивается составления совместно утверждаемого графика. Потом такой график появляется в кабинете в штабе флота, и Галлер еженедельно отмечает продвижение работ на кораблях. Куда лучше идет дело со строительством подводных лодок и сторожевиков. К концу 1933 года в строй вступают средние торпедные подводные лодки «Щука», «Окунь» и «Ерш», подводные минные заградители «Ленинец», «Сталинец» и «Фрунзевец», дивизион сторожевиков насчитывает уже четыре корабля.

Новых кораблей на флоте могло быть и больше. Но с вводом в действие Беломорско-Балтийского канала начинается переброска кораблей для будущей Северной военной флотилии. Для этого формируется экспедиция особого назначения — ЭОН-1, которую возглавляет комбриг эсминцев З. А. Закупнев. Начальником штаба ЭОН назначается И. С. Исаков. 18 мая 1933 года корабли покидают Кронштадт, идут по Неве к Ладожскому озеру. В составе отряда эсминцы «Урицкий» и «Куйбышев» (бывший «Рыков»), сторожевики «Ураган» и «Смерч», подводные лодки «Д-1» («Декабрист») и «Д-2» («Народоволец»). Лев Михайлович шел с отрядом на «Урицком» по Неве, Ладожскому озеру и реке Свирь. У входа в Онежское озеро, у деревни Вознесенье, когда основные трудности перехода были позади, Галлер протиснулся с будущими североморцами и вернулся в Кронштадт. Отряд пошел дальше, к Белому морю, по только что построенному Беломорско-Балтийскому каналу. Лев Михайлович, конечно, знает, чьими руками он построен. Быть может,

свой каторжный срок отбывают там и многие флотские.

...Думать об этом ужасно. Лучше не думать, потому что можно сойти с ума. Изменить ничего нельзя... Но неужели этот канал, действительно нужный, хотя корабли на Север можно было бы перебросить и вокруг Скандинавии, не могли построить свободные люди? Ведь не каторжники же перед японской войной в кратчайший срок построили железнодорожную магистраль через Сибирь — до Владивостока...

В сентябре того же года он проводил ЭОН-2: И. С. Исаков повел к Белому морю эсминец «Карл Либкнехт», сторожевик «Гроза» и подводную лодку «Д-3» («Красногвардеец»). Успешно завершил переход и этот отряд. Вернувшийся Исаков рассказывал Галлеру о просторах Баренцева моря, о замечательной базе Северной военной флотилии в Екатерининской гавани, которую создает назначенный командующим Закупнев. Мечта Ф. Ф. Раскольникова о восстановлении военно-морской силы на Севере становилась явью.

В том же 1933 году Льва Михайловича дважды вызывают в Москву. Без учета мнения командующего флотом на Балтике, награжденного к 15-й годовщине РККА орденом Красного Знамени, В. М. Орлов не хочет решать принципиальных вопросов развития ВМС. В первый приезд в столицу Галлер участвует в заседании, на котором обсуждается проект программы военно-морского судостроения на вторую пятилетку — на 1933—1938 годы. Она обширна и предусматривает строительство крейсеров (главный калибр артиллерии 180 миллиметров), лидеров, эсминцев, сторожевых кораблей, тральщиков и речных мониторов, подводных лодок и боевых катеров — торпедных и противолодочных. Выступая на заседании, Галлер приветствовал переход к строительству Большого флота. Но высказал и предложения. Он настаивал на необходимости построить для Балтики больше тральщиков: в случае войны минная опасность будет велика, просил включить в план разработку проекта перестройки в авианосец линкора «Фрунзе» или проектирование нового авианосца, высказал удивление, что не планируется строительство десантных кораблей. Наконец, Галлер напомнил, что флот должен получить корабли обеспечения — плавбазы подводных лодок и торпедных катеров, транспорта снабжения, а также заводы и мастерские

(часть плавучие) для ремонта кораблей. Иначе не обеспечить их боевую готовность.

11 июля 1933 года Галлер снова в Москве — присутствует на заседании Совета Труда и Оборона, принявшем третью при Советской власти программу военно-морского судостроения. Лев Михайлович был восхищен: за пять лет только Балтийский флот должен получить 64 подводных лодки¹¹⁶. Однако число запланированных тральщиков осталось прежним, десантные корабли в план не включили. «Нет средств, нет мощностей у заводов», — объяснил Галлеру коморси Орлов.

Итак, ВМС страны набирают мощь, растут. Во второй пятилетке начато строительство 5 крейсеров, 4 лидеров, 50 эсминцев, 137 подводных лодок, 27 тральщиков...¹¹⁷ Очень ко времени начинает пополняться флот: в Германии пришли к власти фашисты. Всем, пожалуй, ясно, что Гитлер — это война. Национал-социалисты и их фюрер не раз заявляли, что СССР — первейший враг. Лев Михайлович листает справочник — германский флот к 1934 году имеет мало новых первоклассных кораблей. Всего-то три легких крейсера, несколько эсминцев и подводных лодок. В его составе также два старых линкора додредноутного типа. Но через год-два должны вступить в строй три «панцершiffe» — нечто среднее между линкором и тяжелым крейсером с шестью орудиями калибра 280 миллиметров. Это уже большая сила. Да и надо думать, вскоре Гитлер заложит новые мощные корабли. Первоклассная судостроительная промышленность позволит довольно быстро построить все, что будет ей заказано. Боевую и оперативную подготовку флота теперь нужно строить с учетом возможности нападения германских фашистов.

На 1934 год у Галлера большие планы. В первую очередь они связаны с освоением подводных лодок новых типов — «шук» и «ленинцев». По его заданию штаб под руководством И. С. Исакова трудится над разработкой операции, в которой надводные силы и авиация флота будут обеспечивать прорыв лодок из Финского залива в Балтийское море. Ее элементы предстоит отрабатывать в будущую кампанию. В наступающем году предстоят и большие хозяйственные заботы. Совет

¹¹⁶ См.: Дмитриев В. И., Чемесов О. Г. В глубинах Балтики. М., 1988. С. 20.

¹¹⁷ См.: Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С. 136.

Труда и Обороне на своем заседании 2 июня 1933 года принял решение о начале строительства в 1934 году базы в Лужской губе. Галлеру также известно, что предстоит визит флота в Польшу — первый после долгого перерыва заграничный поход. Участвовать в нем будут «Марат» и эсминцы.

Пожалуй, этот предстоящий визит больше беспокоил А. С. Гришину, члена Реввоенсовета, чем Льва Михайловича. «Ведь на берег буржуазной страны в Гдыне сойдут сотни краснофлотцев, десятки командиров. А в Польше осело немало белогвардейцев, возможны провокации. Да и среди наших выявляем таких, кто скрывает социально чуждое происхождение...» — делится он своей тревогой. Галлер успокаивает члена РВС: все будет хорошо! Ведь накал политических страстей в стране спадает, командам надо доверять. Лев Михайлович напоминает о директиве, полученной в апреле 1933 года от наркомвоенмора, ссылаясь на выступление И. В. Сталина на Всесоюзном съезде колхозников-ударников: колхозы победили, все позади! Гришин усмехается, однако не возражает. Чувствуется, что он думает иначе. Быть может, понял страшную сущность речи Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 года? Ведь Сталин сказал: «Мы виноваты в том, что не разглядели новой обстановки и не уяснили себе новую тактику классового врага, действующего тихой сапой»¹¹⁸. Значит, ничего не кончено, нужно продолжать искать скрывающегося врага, и конца этому нет и не будет... А может быть, Гришин, матрос-подводник с 1911 года, прошедший мировую и гражданскую войны, но не утеревший связи со своей деревней Сивково в Калужской губернии, лучше знает, что делают всякого рода власти с крестьянством, чем петербуржец Галлер? На директиву наркома Галлер ссылается, однако, правильно. На ее основании 16 апреля 1933 года Галлер и Гришин направили командирам всех соединений флота свою директиву за № 35¹¹⁹. В ней указывалось, что нарком приказал «по договоренности с ОГПУ впредь аресты начальствующего состава от командира взвода и выше могут быть произведены лишь с разрешения наркомвоенмора... При необходимости по требованию соответствующих органов... ареста,

¹¹⁸ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 443.

¹¹⁹ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 90, л. 10.

немедленно доносить Революционному Военному Совету МСБМ...».

Галлер надеялся, что директива К. Е. Ворошилова поможет предотвратить необоснованные аресты, что отныне он и Гришин смогут, в случае необходимости, защитить людей — прежде всего тех, кто стоит у телеграфов на ходовых мостиках кораблей. Начальствующий состав, особенно командиры кораблей, должен работать спокойно, это аксиома. Лев Михайлович хорошо знал (и не только по личным делам) всех командиров кораблей, дивизионов и соединений, начальников штабов и штабных, никогда не упускал случая поговорить с командирами. И всегда был готов их защищать. Ведь многих из них Галлер выдвинул еще в годы, когда служил начальником штаба флота. Он наблюдал за их командирским ростом, направлял учиться на Командирские классы и в академию, продвигал по служебной лестнице. Галлера радовали успехи подопечных. Пожалуй, он испытывал к ним отеческие чувства — молодые командиры годились ему в сыновья. Ведь Галлеру уже за пятьдесят. Он гордился, например, что не ошибся, направив осенью 1924 года на Подводные классы Александра Пышнова — младшего брата Бориса Пышнова, бывшего на «Славе» в 1917 году и служащего ныне в ЭПРОН. Он еще в 1923 году заметил молодого командира тральщика «Стрела», бравшего не раз призы на шлюпочных гонках, и помог переводу минным специалистом на лодку «Товарищ» (ею командовал отличный моряк А. А. Ждан-Пушкин). В 1925 году А. А. Пышнов пришел штурманом на подводную лодку «Красноармеец», а в 1930 стал командиром лодки «Товарищ». В августе 1930 года «Товарищ» и «Красноармеец» под началом комбрига А. А. Иконникова ходили в Копенгаген — то был первый заграничный поход балтийских подводников при Советской власти. А в конце 1931 года Александр Пышнов принял командование новой подводной лодкой «Л-3» («Фрунзовец»). Все о нем отзываются как о талантливом командире-подводнике, а Лев Михайлович знает еще и о его интеллигентности, обширных знаниях в военно-морской истории. И Льву Михайловичу хочется верить, что будет Александр Александрович Пышнов флагманом, будет достойным продолжателем известной в российском флоте династии Пышновых, ведущей начало от плотников-корабелов Таганрогской верфи царя Петра. Отец Пышнова —

А. М. Пышнов в мировую войну командовал тяжелым крейсером «Рюрик», за храбрость был награжден Золотым оружием, а после революции честно служил в Красном Флоте. Братья отца, тоже морские офицеры, погибли в бою: один в русско-японскую, второй в мировую, командуя эсминцем на Черном море.

Сколько таких «крестников» было у Галлера, сколько он оказал помощь и поддержку в трудную минуту! Сколько людей хранило о нем благодарную память... Адмирал Л. А. Коршунов, долгие годы возглавлявший один из НИИ ВМФ, вспоминает, как в 1927 году, будучи командиром машинной группы на «Октябрьской революции», не раз приглашался Галлером на вечерний чай в салон флагмана. В такие вечера Лев Михайлович и сам рассказывал о флотской службе, умело и тактично расспрашивал о службе молодежь.

...«Марат» в сопровождении эсминцев «Володарский» и «Калинин» выходит из Кронштадта для визита в польский порт Гдыня ранним утром 1 сентября 1934 года. Галлер с мостика осматривает линкор, эсминцы. Корабли выглядят хорошо — отлично покрасили. Чистейшие парусиновые обвесы обтянуты так, что не вздуваются на встречном ветру. Рядом с ним на мостике А. С. Гришин и комбриг линкоров Г. И. Левченко, у телеграфов — командир «Марата» А. Ф. Леер. Минный унтер-офицер до революции, член партии с 1919 года, он служил на эсминцах, был старпомом линкора. Опыта управления кораблем, на взгляд Галлера, у Леера еще маловато. И наморси внимательно следит за его действиями.

Корабли ложатся на курс, и Галлер вслушивается в разговор между А. С. Гришиным и комбригом линкоров Г. И. Левченко, начальником своего походного штаба. Они рассуждают о цели визита и сходятся, что Москва хочет поугагать правящего Польшей президента Пилсудского: смотрите, паны, какой у нас на Балтике флот! Полежете на СССР — получите удар и с моря. Лев Михайлович вмешивается в разговор: «А если цель не устрашение?» И он напоминает, что, несмотря на заключенный в январе 1934 года договор о ненападении между Польшей и Германией, несмотря на поддержку Польшей Германии в Лиге Наций, всем ясно, кто самый страшный враг поляков. Гитлеру куда легче отнять у Польши Силезию и Познань, чем Эльзас и Лотарингию у Франции. Гитлер пришел к власти с лозунгом реван-

ша. Возможно, Польшё скоро придется искать союзников против Германии. Не изменится ли отношение в Варшаве к СССР? И тут полякам стоит подумать, кто защитит их с моря. Их флот слаб и никогда не сравнится с германским. Пусть посмотрят на «Марат» — корабля такой мощи у немцев еще нет.

Но доводы Галлера не кажутся Гришину и Левченко основательными. Они убеждены, что панская Польша Пилсудского — враг, и иной быть не может. Но так или иначе, а показать флоту свой флаг в Польше полезно. С этим согласны все...

В 23 ч 40 мин того же дня отряд стал на якорь в нейтральных водах у северной оконечности эстонского острова Хийумаа. Здесь приняли мазут с подошедшего танкера и на рассвете двинулись в Южную Балтику. Немного штормило, но на следующий день корабли точно в назначенный час встретились в условленной точке с польскими эсминцами «Вихер» и «Бужа», обменялись положенными 17 выстрелами артиллерийского салюта. 3 сентября в 9 ч 45 мин отряд подошел к Гдыне. Прогремел 21 залп орудий «Марата» — Салют наций, потом еще 13 — флагу командующего польским флотом. В 10 ч 24 мин линкор и эсминцы ошвартовались у стенки напротив Морского вокзала. Потом для Галлера и Гришина началась полоса визитов и ответных приемов. Обменивались визитами и кают-компания советских и польских кораблей, а полтораста краснофлотцев отправились в кинотеатры польского флота, сто младших командиров — в клуб флотских подофицеров. Гришин волновался: ему доложили, что советских моряков угощают вволю водкой и пивом, закуску же подают весьма экономно. Лев Михайлович его успокаивал: «Не нервничайте, народ у нас сознательный...» И в самом деле, на борт и ужину вернулись все, несмотря на сдобренное спиртным гостеприимство. После этого 30 человек начсостава кораблей отправились в офицерское собрание. Когда в 23 ч Галлер, Гришин и несколько командиров штаба выезжали поездом в Варшаву, все советские моряки были уже на кораблях. Первый день визита показал высокую дисциплину команд.

На вокзале в Варшаве начальника Морских сил Балтийского моря встречал почетный караул, оркестр играл «Интернационал». День ушел на визиты к заместителям военного министра и министра иностранных дел, начальнику Морского управления, президенту Варшавы,

начальнику Главного штаба. Но все-таки Лев Михайлович смог бегло познакомиться с Варшавой. «Красивый город!» — восхищенно говорил он потом. Переночевали в гостинице, утром поездом же выехали в Гдыню. Тем временем советские моряки осматривали Гдыню, большая группа (более трехсот человек) выехала в Познань. Польские рабочие встретили гостей из Советского Союза лозунгами — «Долой фашизм», «Да здравствует Тельман», «Да здравствует мировая пролетарская революция» и пением «Интернационала». Это была политическая демонстрация братьев по классу, и полиция разогнала дубинками толпу встречавших.

В последующие дни польские моряки и гражданское население осматривали «Марат», наши краснофлотцы и командиры — польские эсминцы. Осмотрел польские подводные лодки и эсминцы и Л. М. Галлер, сделал вывод: построенные во Франции корабли хороши, и содержат поляки их тоже отменно, порядок чувствуется. Команда дисциплинирована и подтянута. Через пять лет, в сентябре 1939 года, Галлер прочтет о бое эсминца «Вихер» с многократно превосходящими силами немцев и отдаст дань памяти его отважному экипажу, который предпочел гибель спуску флага.

Все-таки Гришин в своих опасениях в чем-то был прав: из Гдыни «Марат» вышел без одного из комендоров 4-й башни. Краснофлотцы вспоминали, что видели его подвыпившим с какой-то женщиной... Нарком Ворошилов за случившееся «поставил на вид» и Галлеру, и Гришину. Но скоро все это позабылось за волной нахлынувших дел. Лев Михайлович проверял, как развивается строительство в Ручьях, добивался у В. М. Орлова разрешения на исключение из состава флота трех лодок «барсов» — «Б-1» («Коммунар»), «Б-5» («Батрак») и «Б-6» («Пролетарий»), перевода в учебные остальных пяти лодок этого типа. Просил также перевооружить на новые орудия флотскую бригаду ПВО. Он побывал и на заводах, на которых краснели суриком корпуса строящихся подводных лодок.

Не один час провел Лев Михайлович в конструкторском бюро, где велась работа над проектом эсминцев типа «Гневный» (проект № 7). В следующем году предстояло заложить первые эсминцы в Ленинграде и Николаеве. Конструкторское бюро, в котором ведущая роль принадлежала В. А. Никитину, уже имело опыт проектирования сторожевых кораблей типа «Ураган» и лиде-

ров типа «Ленинград». Казалось бы, в работе над проектом эсминца нужно исходить из проекта лидера. Но существовала и другая концепция. Ее сторонники полагали, что при установленном для проекта № 7 водоизмещении в 1450 тонн и мощном вооружении добиться требуемой скорости — 40 узлов возможно только на основе итальянского опыта. В свое время, участвуя в утверждении тактико-технического задания на новый эсминец, Галлер напоминал, что англичане не гонятся за 40-узловым ходом, подобно итальянцам. Такой ход корабль будет развивать редко. Не нужно забывать о мореходности, о прочности корпуса, о живучести. Это по крайней мере не менее важно, чем скорость. Понят он, однако, не был. Кто-то «в верхах» решил, что скорость должна быть 40 узлов. И вот, чтобы выиграть в весе и объемах, вместо эшелонного расположения энергетической установки, принятого на «новиках» и лидере «Ленинград», выбрано линейное, обеспечивающее меньшую живучесть. Кроме того, говоря языком кораблестроителей, в целях экономии нагрузки масс по корпусу заменили продольную систему набора на смешанную: в оконечностях поперечную, там, где машины и котлы — продольную. Выиграли в весе, зато проиграли в прочности... Лев Михайлович знал, что при проектировании «Гневного» конструкторам было велено исходить из теоретического чертежа эсминца итальянской фирмы «Ансальдо». Все это позволило, при водоизмещении на 800 тонн меньшем, чем у лидера «Ленинград», разместить на проекте № 7 четыре 130-миллиметровых орудия¹²⁰. На «Ленинграде» было пять... Так доложил Льву Михайловичу В. А. Никитин. Вроде бы все хорошо, все соответствует утвержденному в Москве заданию. Но Галлеру показалось, что Никитин и его коллеги не удовлетворены сделанным. Было у них какое-то беспокойство, какая-то неуверенность... Но, провожая, Никитин лишь сказал: «Боюсь, Лев Михайлович, перегруз будет, ни одного килограмма на «семерке» запаса нет. Перегруз скажется на остойчивости. А тогда придется размещать твердый балласт...» Галлер ничего ему не ответил, не упрекнул в просчете. Ну что было делать Никитину, другим его конструкторам? Отказаться принимать к руководству то, что велено, ссылаясь на опыт отечественной кораблестроительной школы? Стоять до конца на

¹²⁰ См.: Памятники науки и техники. М., 1986. С. 17.

своем? Но какой бы был этот конец... Обернулся бы «вредительством», пожалуй. И проектом занялись бы люди «чего изволите», сделали бы все куда хуже. «Можно ли плыть против течения, — подумал Галлер уже не первый раз, — не ведая куда снесет? Нет, уже отлично ведая», — поправил он тут же себя. Видимо, нельзя. Обстоятельства диктуют поведение. Необходим маневр: прямая атака бессмысленна. Но чести, нравственных принципов терять нельзя. К подобным размышлениям он вернется в будущем не раз...

Еще 7 ноября, после военного парада, Галлер и Белли, отведав знаменитый пирог Анны Михайловны, говорили о том, что вроде бы воцаряется порядок, обстановка на флоте и в городе спокойная. Можно работать. Настроение у них было благостное. В камине, затопленном по случаю приезда в Ленинград Льва Михайловича, потрескивали березовые поленья, на столе коньяк и даже лимон, где-то добытый сестрами к празднику. Да и в самом деле 1934 год кончался благополучно. Так думали они, себя, впрочем, обманывая относительно спокойной обстановки. Ведь в тридцать третьем из Кронштадта выселили несколько тысяч человек (куда делись эти кронштадтцы?), многих арестовали как «социально чуждых элементов»¹²¹. «Изымали» таковых и среди личного состава флота. Это были люди, скрывавшие, что их родственники раскулачены... Но нельзя же жить только этим, должна же быть надежда на лучшее, ведь есть еще работа, служба. Если только горевать — ложись и помирай. Так хотелось, чтобы год закончился спокойно!

Не получилось. Как удар грома 1 декабря 1934 года прозвучала страшная весть: в Смольном убит Киров. Галлер запретил сход с кораблей на берег, приказал штабу флота находиться на местах. Понимал: непредсказуемо то, что может произойти в ближайшие дни. Рано утром 2 декабря специальным поездом в Ленинград прибыли Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Вышинский, Ежов, Ягода... Газеты писали, что убийца террорист из троцкистско-зиновьевской группы, публиковали сообщения о митингах трудящихся, на которых принимались резолюции с требованием беспощадного уничтожения белогвардейцев, троцкистов и других врагов-террористов. 2 декабря «Правда» призвала охранять

¹²¹ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 2, д. 90, л. 3.

жизнь вождей, как знамя на поле битвы; 4 декабря опубликовала постановление ЦИК СССР от 1 декабря о борьбе с террором. В нем говорилось, что следствие отныне будет проводиться ускоренным порядком, а приговоры исполняться немедленно, ибо просьба о помиловании ЦИК принимать не будет...

Год кончался плохо: снова начались аресты. Они продолжались и в наступившем новом году. В январе прошел ряд судебных процессов над «врагами народа». Немало горького выпало в тот плохо начавшийся год и на долю Галлера, с 11 января именовавшегося командующим Краснознаменным Балтийским флотом — КБФ. 27 июля 1935 года погибла подводная лодка «Б-3» («Большевик»). Случилось несчастье во время учений, когда лодка подныривала под идущий «Марат». Да не погрузилась почему-то на нужную глубину и была протаранена линкором. Никто не спасся.. На мостике «Марата» в тот час находился начштаба И. С. Исаков. Вел он себя благородно: при расследовании чрезвычайного происшествия правительственной комиссией всю вину взял на себя. Вины, конечно, ни у кого из бывших на мостике «Марата» не было, с командира же «Б-3» не спросишь... Исаков был снят с должности, назначен преподавателем в Военно-морскую академию. На его место пришел А. К. Сивков...

Лев Михайлович тяжело переживал случившееся. В тот выход на линкоре его не было, но он винил себя: не добился вовремя исключения «барсов» из числа действующих кораблей. Эти старые лодки ненадежны, их конечно же можно использовать только у стенки, для тренировок будущих подводников. К. Х. Звейнек вспоминает: Галлер сидел в кабинете в штабе флота, обхватив голову руками, вдруг его затрясло, вырвались глухие рыдания. Комиссии сказал: за случившееся несет вину...

«Б-3» подняли через две недели, экипаж хоронили в Кронштадте. На похороны приехал из столицы Владимир Митрофанович Орлов, выступил на кладбище — говорил хорошо, доходило до сердца. Потом, сидя у Галлера в штабе, просил его не казнить себя: так делу не поможешь. Сказал грустно: «Сил нам, Лев Михайлович, нужно много, так что крепитесь. Вон какой флот для России строим! А Исакова через год, дорогой командующий, глядишь, и вернем...» Лев Михайлович провожал Орлова на вокзале, тепло простились, медленно поплыл вагон. Коморси махнул рукой... Надежный чело-

век во главе флота, подумал тогда Галлер. Умеет слушать: все можно объяснить. И дипломат — знает, как добиться нужного флоту, умеет убедить кого следует и в ЦК, и в ВСНХ, и в Совнарком... А подводные лодки он, как командующий, возьмет под самый жесткий контроль. Подводные корабли поступают на флот один за другим, нужна высокая организация их изучения экипажами, четкая последовательность в боевой подготовке. И никакой спешки!

В 1935 году Галлер провел утвержденную командующим ВМС РККА реорганизацию подводных сил КБФ. Осенью флот имел в своем составе уже три бригады и учебный дивизион. Повседневное руководство ими осуществлял отдел подводного плавания штаба КБФ. 1-я бригада (командир Е. К. Самборский) включала подводные лодки типа П, Л и Щ, предназначалась для действий в Балтийском море. 2-я бригада (командир П. А. Штейнгаузен) имела в своем составе подводные лодки типа Щ и готовилась действовать в основном в Финском заливе. Этот же район должна была осваивать 3-я бригада лодок типа М — «малюток», как их стали называть на флоте. В 1936 году в составе этой бригады было уже 16 лодок. 3-й бригадой командовал А. А. Пышнов. Ему, как и другим комбригам, с введением в РККА в сентябре 1935 года персональных воинских званий, присвоили капитана 1 ранга. Поздравляя его, Лев Михайлович пошутил: «Быть вам вскоре, Александр Александрович, красным адмиралом!» В то время, однако, адмиральские и генеральские звания еще не ввели. Галлер тогда же получил звание флагмана флота 2 ранга, соответствующее адмиралу — одну широкую и три средние узкие золотые нашивки на рукав. Такое же звание получил командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов. Высшее в то время на флоте воинское звание флагмана флота 1 ранга было присвоено командующему ВМС РККА В. М. Орлову и командующему ТОФ М. В. Викторову.

К концу года Галлеру удалось добиться создания на КБФ еще одного соединения — Охраны водного района (ОВР), включившего тральщики разных типов, сторожевые и противолодочные катера, принявшего на себя охрану рейдов.

Командир и штаб ОВР взяли под контроль режим плавания и стоянки кораблей и судов в прибрежном районе, стали обеспечивать вход и выход в базы над-

водных кораблей и подводных лодок, контролировать отсутствие мин на фарватерах и в полигонах боевой подготовки кораблей. ОВР были необходимы тральщики, а их у КБФ оставалось всего два, построенных в 1910 и 1916 годах. Правда, на заводах Ленинграда строились восемь тральщиков: четыре для КБФ, четыре для ТОФ. Галлер добился у Орлова разрешения включить все восемь в состав своего флота. Готовил штаб по указанию командующего и реорганизацию береговой обороны: намечалось создание двух укрепленных районов. В новый, 1936 год КБФ вступал более сильным, более организованным, ожидая скорого пополнения подводными лодками и торпедными катерами. Несмотря на чрезвычайные происшествия на КБФ в прошлые месяцы, результаты боевой подготовки, боевую готовность его Реввоенсовет РККА оценил высоко. В декабре 1935 года флагман флота 2 ранга Л. М. Галлер был награжден орденом Красной Звезды.

О составе, ожидаемом росте, возможностях и задачах, которые сможет решать КБФ в случае войны, Лев Михайлович докладывал в конце года командарму 1 ранга Б. М. Шапошникову, назначенному командующим Ленинградским военным округом. С Борисом Михайловичем Галлер познакомился еще в 1925 году — тогда он в первый раз принял командование ЛВО. Они понравились друг другу: много общего было у командующего округом и начштаба Морских сил. Возраст, срок начала военной службы, можно сказать, одинаковы. Оба прошли, не отлынивая, нелегкую воинскую школу до первой мировой войны: один в полку, другой на линкорах, оба воевали, после революции служили в Красной Армии и Красном Флоте. И еще, это главное, их сближала преданность делу, увлеченность, поиск нового. Планы взаимодействия войск округа и флота Галлер отработывал с начштаба округа, но Шапошников и сам часто принимал участие в работе — предлагал свое, спорил, доказывал... Потом выяснилось, что общее у них и в любви к книге, к военной истории. Лев Михайлович показал свою библиотеку: изданные при Петре I морские книги, фолианты описаний путешествий по океанам (многое перешло к нему от дядюшки-географа), «Морские сборники», начиная с самого первого... Было что показать и Шапошникову. А потом, встречаясь, говорили о роли штабов, их организации и методах работы, сравнивали системы проведения маневров и учений

в армии и на флоте. Б. М. Шапошников писал «Мозг армии» — три тома этой интереснейшей работы вышли в 1927 и в 1929 годах. Со временем они встали на книжную полку в кабинете Льва Михайловича. А тогда Шапошников давал ему читать отдельные фрагменты, не говоря, что это будет книга... В. А. Белли вспоминал, что на первом томе «Мозга армии» была дарственная надпись автора: «Уважаемому Льву Михайловичу — с признательностью».

И вот спустя почти десятилетие воинская служба свела их вновь. Весь 1936 год они дружно и творчески работали вместе. Растущие силы КБФ позволили внести много нового в планируемые операции по взаимодействию войск и флота на приморском фланге. Все это нашло отражение в разработке их штабами оперативных документов, которые использовались в дальнейшем и в боевой подготовке, и во время войны с Финляндией в 1939—1940 годах. Со стороны КБФ этой работой непосредственно руководил начальник штаба флагман 2 ранга А. К. Сивков. Галлер, однако, и сам принимал в ней деятельное участие.

Хорошо работалось Льву Михайловичу в последний год командования КБФ. Глубочайшее удовлетворение доставляло претворение в жизнь планов укрепления на Балтике флота. В самом деле, в 1936 году в строй вошел минный заградитель «Марти», способный принять около 400 мин, подводные лодки типа II, Щ и М, на верфях нарастал темп строительства эсминцев проекта № 7 и крейсера «Киров». Продолжала получать новые катера типа Г-5 бригада торпедных катеров. В ее составе имелся и дивизион торпедных катеров, управляемых по радио — с самолета или корабля. Но комфлот не ослаблял внимания и к кораблям, построенным или законченным еще до революции. Важнейшим элементом боевой мощи КБФ оставались линкоры «Марат» и «Октябрьская революция». На «Октябре», как любовно называли линкор на флоте, в 1934 году была закончена модернизация. И на этом линкоре появился командно-дальномерный пост, что коренным образом улучшило управление огнем артиллерии главного калибра, в башнях установили новые дальномеры. Кроме того, усилилась зенитная артиллерия линкора, 25 ранее имевшихся котлов заменили на 12, работающих на мазуте. Возросли дальность плавания и мореходность корабля. А эсминцы «новики», прошедшие капитальный ремонт, полу-

чившие новую зенитную артиллерию, оставались его любовью. Бригадой вновь командовал Г. Г. Виноградский — лучшего комбрига, считал Галлер, и быть не может. У каждого моряка есть корабли, которым отдано сердце; Галлер с давних лет восхищался «новиками», кораблями надежными, прочными, был уверен, что они не подведут, если грянет военная гроза. И оказался прав.

Как-то при очередной встрече Б. М. Шапошников сказал Галлеру, что недавно был в Москве, докладывал Сталину и Ворошилову по нуждам своего округа. «Товарищ Сталин спросил меня о вас, поинтересовался, дружно ли мы работаем. Разумеется, я отозвался весьма лестно. В чем дело — не знаю...» — Шапошников развел руками. «Что ж, вопрос обычный — где-то, может быть, и не сработались округ и флот», — ответил Галлер.

Но вопрос, видимо, был задан не напрасно. В конце 1936 года Л. М. Галлер простился со своим флотом. Он получил новое назначение — заместителем командующего ВМС РККА. Тем самым Лев Михайлович Галлер становился правой рукой коморси флагмана флота 1 ранга В. М. Орлова. Именно он и предложил наркому Ворошилову назначить Галлера своим заместителем.

В последний раз собрал Лев Михайлович свой штаб и командиров соединений. Вот они его помощники, те, кто трудились, не жалея сил, не считаясь со временем, на благо Краснознаменного Балтийского, на благо страны: начштаба А. К. Сивков, с сегодняшнего дня командующий флотом; член Военного совета А. С. Гришин и его заместитель С. З. Рабинович; комбриг эсминцев Г. Г. Виноградский, великолепный моряк; скоро его бригада пополнится новейшими кораблями; патриот торпедных катеров комбриг Г. П. Нествед; комбриги-подводники Е. К. Самборский, П. А. Штейнгаузен и А. А. Пышнов; brave летчики — командующий ВВС флота Горбунов и командир авиабригады И. В. Шаратов; строители новой базы флота в Ручьях — П. В. Бойков, М. Я. Гмира и В. И. Пуговкин; начальник отдела инженерных войск И. С. Панов; А. Б. Елисеев, хозяин Береговой обороны, тут же командир «Марата» В. И. Иванов — чуть ли не двадцать лет их служба шла бок о бок; помощник командующего флотом Г. П. Галкин и начальник Ленинградского военного порта Н. Н. Зуев. Немного запоздав — добирались из Ленинграда, в при-

емную комфлота входят начальник НИИ военного кораблестроения Н. В. Алякринский и представитель Управления кораблестроения ВМС Н. Е. Ростовцев. Кажется, все; кого-то задержала служба... Пора произнести слова благодарности и прощания, но волнение сдавливает горло. Лев Михайлович минуту молчит, привычно разглаживает усы, начинает... Он говорит, что оставляет флот сплоченным и сильным, готовым ответить ударом на удар врага, стремительно наращивающим свою мощь; что залог высокой боевой готовности — стабильность кадров флота, в первую очередь командиров соединений и штабов, командиров кораблей. «Я старался не спешить с переменами и передвижениями с места на место. Нужно пробыть на мостике не менее пяти лет, прежде чем получится настоящий командир. — Лев Михайлович оборачивается к Сивкову и Гришину, подчеркивает: — Я в этом убежден». Он делает паузу, принимает в трубку табак и говорит, что особенно обязан, очень многим обязан присутствующим здесь старым матросам-балтийцам: своему первому комиссару Зуеву, а также Галкину, Бойкову, Гришину. С первыми тремя судьба впервые свела его в годы революции и гражданской войны, мятежа в Кронштадте, в годы начала восстановления флота. «Вы многое помогли мне понять, во многом помогли...» Лев Михайлович вдруг смущается патетики и кончает. Он обнимает соратников, жмет руки, просит писать в Москву, звонить, заходить к нему в Управление ВМС.

Вечером Галлер прощается с сестрами, просит их подумать о переезде в Москву. Да, да, Ленинград есть Ленинград — родной город. Но что делать, ведь надо быть вместе. Утром следующего дня он уже представлялся В. М. Орлову.

Тучи на Западе

Должность заместителя командующего Морскими Силами РККА до Л. М. Галлера долгое время исполнял И. М. Лудри. К приезду Галлера в Москву Иван Мартынович уже выехал в Ленинград, чтобы приступить к обязанностям начальника Военно-морской академии. Лев Михайлович был немедленно принят флагманом флота 1 ранга В. М. Орловым. Командующий встретил тепло, рассказал о задачах, которые стоят перед Военно-Морскими Силами. «Все, пожалуй, у нас сейчас определяет бурное строительство флота,—подчеркнул он.—Отсюда и сложности с освоением новых кораблей, базированием, ремонтом и обеспечением. Работы — выше головы». Уделил он внимание и военно-политической обстановке... Затем Орлов очертил круг обязанностей своего заместителя.

Прежде всего Галлер становился первым заместителем, то есть при отсутствии в столице Орлова, например при выезде на флот, всегда должен быть готов заменить его. Он будет постоянно руководить работой Управления МС, за исключением тех отделов, которые замыкаются на заместителя коморси по материально-техническому снабжению. Но, разумеется, необходимо быть в курсе всех текущих дел штаба Морских Сил, поддерживать тесный контакт с его начальником капитаном 1 ранга В. Л. Галачевым. Галлер немедленно включился в работу. Жил он в своем кабинете в управлении, так что, как делал это всю жизнь, мог не ограничивать себя в продолжительности рабочего дня.

Галлер постоянно наблюдал за ходом строительства флота на заводах Ленинграда, хорошо знал, над какими образцами вооружения работают конструкторы города, часто бывал в НИИ военного кораблестроения у Н. В. Алякринского. Оставалось познакомиться с тем, что создавалось на южных заводах для Черноморского флота, на новых дальневосточных — для Тихоокеанского. Особого изучения требовали связи судостроения с поставщиками: заводы многих наркоматов изготавливали для флота необходимое оборудование и вооружение.

Вскоре он уже полностью представлял себе масштабы бурного роста флота. В наступившем 1937 году в Ленинграде и в других городах продолжалось строительство пяти крейсеров типа «Киров» и «Максим Горький», эсминцев типа «7» (головной входил в строй в 38-м), подводных лодок. В следующем году начиналось пополнение флота новыми эсминцами, планировалось окончание испытаний крейсера «Киров».

Все эти корабли закладывались и строились по программе на вторую пятилетку. Но как пойдет дело дальше, в третьей пятилетке — в 1938—1942 годах? С этим Льву Михайловичу предстояло разобраться. В. М. Орлов сказал, что разработка новой программы еще идет. Многое было не ясно с вооружением и приборами для флота. Особенно беспокоило наметившееся, как ему казалось, отставание с принятием на вооружение образцов зенитной артиллерии и гидроакустических средств обнаружения для подводных лодок и надводных кораблей.

Конечно, Галлеру предстояло включиться в разработку новой программы военного судостроения и на следующую пятилетку, и на перспективу. Но такая работа невозможна без четко сформулированной военной доктрины. Следовало знать общее направление политики государства, апробированный правительством военно-политический анализ обстановки на ближайшие годы. И не только для работы над программой, но и для общей ориентации в руководстве Морскими Силами. С середины 1936 года в Испании шла гражданская война. Мятежникам генерала Ф. Франко активно помогали фашистские государства — Германия и Италия. Лев Михайлович знал, что республиканская армия получает из СССР оружие: танки, самолеты, артиллерию... Флот помогал республиканской Испании советниками, с осени там находились Н. Г. Кузнецов, В. П. Дрозд, С. С. Рамишвили, И. Н. Быков, С. Д. Солоухин... Он знал и помнил большинство этих и других на-

ших командиров. Многие из них в свое время проходили практику или стажировку на Балтике. Не придется ли посылать надводные корабли и подводные лодки в Средиземное море, в памятную Бискайю? Резкое изменение обстановки могло произойти и на Дальнем Востоке, где японцы продолжали свое проникновение в Китай. Наконец, флот Германии усиливал свою активность: в Средиземном море находилась эскадра из двух «карманных линкоров» и эсминцев. Там же, у берегов Испании, действовали корабли ВМФ Италии. Следовало учитывать в перспективе и возможность агрессивных действий против СССР флотов Англии и Франции на Черном море и на Балтике. Антисоветская направленность политики этих государств существенно не изменялась.

Получить необходимую информацию о военно-политической обстановке и прогноз на будущее следовало, конечно, в Генеральном штабе. В мае его начальником стал командарм 1 ранга Б. М. Шапошников, сменивший маршала А. И. Егорова. Для Галлера это была большая радость: Шапошников отлично понимал необходимость тесного взаимодействия между армией и флотом.

Начальник Генштаба принял Галлера поздно вечером, извинился — дела. Получасовой разговор, однако, не дал Галлеру необходимой информации. Шапошников, как оказалось, и сам не обладал ею в должной степени. Однако Борис Михайлович заметил, что Генштаб работает организованно, стратегическое планирование, мобилизационная работа, руководство боевой подготовкой войск в его руках. «Вам куда труднее», — сказал он, заканчивая разговор. Галлер был с ним полностью согласен. Существующая система органов руководства Морскими Силами не отвечала, как он полагал, требованиям времени, копировала, в сущности, структуру управления РККА времен двадцатых годов. Получалось, что штаб МС проводил лишь планирование развертывания на случай войны, выдавал те или иные рекомендации. Руководство боевой подготовкой и организацию мобилизационных мероприятий осуществляло Управление Морских Сил. Его 1-й отдел, руководивший боевой подготовкой, возглавлял флагман 1 ранга Э. С. Панцержанский. Отдел состоял из трех отделений — оперативно-тактической подготовки, методического и уставного. Непрерывность руководства и контроля специальной боевой подготовкой обеспечивалась начальниками служб (т. е. фактически главными флагманскими специалистами) по подводным лодкам, эсминцам и

торпедным катерам, артиллерии, минно-торпедному вооружению, штурманской части, связи, противовоздушной и противохимической обороне. Таким образом, отдел Панцержанского руководил боевой подготовкой флотов, учил, как это нужно делать методически, и отрабатывал необходимые руководящие документы — уставы и наставления.

Еще шесть отделов управления занимались организационно-мобилизационной работой, кадрами, учебными заведениями, морской авиацией, кораблестроением и вооружением. В общем, на долю штаба оставалось не так-то много. Проанализировав сложившуюся систему управления Морскими Силами, Галлер приблизительно через полгода работы пришел к выводу, что штаб, лишенный руководства мобилизационной работой и контроля за боевой подготовкой, не может реально планировать ни подготовку Морских Сил к войне, ни оперативное развертывание на случай войны. Лев Михайлович перечитал курс штабной службы флагмана 2 ранга А. В. Шталя, который преподавался в Военно-морской академии, еще раз просмотрел свои выписки из «Мозга армии» Б. М. Шапошникова, из работ М. Н. Тухачевского, французского адмирала Костекса. Необходимость перестроить систему руководства Морскими Силами не вызвала у него сомнений. В Штаб Морских Сил должны влиться организационно-мобилизационный отдел, отделы боевой подготовки и разведывательный. Должны быть в его составе также подразделения, занимающиеся вопросами транспорта (военных сообщений) и материально-технического планирования. Такой штаб стал бы полноценным органом управления, а начальник его — правой рукой командующего Морскими Силами. И Лев Михайлович исподволь, постепенно занялся разработкой структуры такого штаба, да и вообще органов управления Красного Флота. Понадобилась эта работа лишь к концу 1937 года — совершенно неожиданно. Впрочем, неожиданного в тот год случалось более чем достаточно...

20 января 1937 года Галлер прочел в «Правде» сообщение «В Прокуратуре СССР». «...Органами НКВД закончено следствие по делу троцкистского параллельного центра в составе... организованного в 1933 г. по указанию находящегося в эмиграции Л. Троцкого...»¹ Из сообщения следовало, что «центр» готовил вредителей и диверсион-

¹ Правда. 1937. 30 янв.

ные акты, террор против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, стремился подорвать военную мощь СССР, свергнуть Советскую власть. К судебной ответственности привлекались Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и многие другие. Лев Михайлович почувствовал: идет вторая «волна» после 1929—1930 годов. Вины ли эти люди? Он сомневался, ибо помнил «филтрацию» в 1924 году и аресты в начале 30-х годов. Ведь потом стало ясно, что арестованы люди неправильно. Обвиняли же бог знает в чем. В последующие дни января, когда еще шел суд, газеты печатали гневные письма и резолюции собраний с призывами «призвать к ответу шпионов и убийц», «уничтожить врагов народа». А подсудимые, отвечая на вопросы прокурора А. Я. Вышинского, каялись, признавались в ужасных преступлениях. Признания были пелены, алогичны, будто делавшие их люди находились под гипнозом...

Вслед за процессом прокатилась волна арестов в Москве, Ленинграде. На заводе «Большевик», на котором Галлер не раз бывал, был арестован директор А. А. Рудой. Всюду шли митинги. «Страна приветствует справедливый приговор», — писала «Правда». Лев Михайлович всматривался в газетные фотоснимки: вот Сталин, справа от него человек очень маленького роста в форме с непонятными значками на петлицах, с мальчишеским лицом — Ежов. Мал ростом, но наименование должности длинное: народный комиссар внутренних дел СССР — генеральный комиссар государственной безопасности. Вот кто руководит раскрытием страшных заговоров врагов... Месяц спустя после того сообщения «В Прокуратуре...» еще одна неожиданность: сообщение о скоростипажной кончине Орджоникидзе...

Начиная с января 1937 года, из номера в номер, газеты сообщали о разоблачении провсков «троцкистов-зиновьевцев»: среди ученых-биологов и политэкономов, в писательских организациях, в научных коллективах агрономов... В «Правде» громились антимарксистские теории права и ошибки исторических журналов. Лев Михайлович не знал, что и думать. Быть может, люди и допускали ошибки, неправильно что-то трактовали, но откуда эта злоба, это навешивание ярлыков «троцкизма», звучащее приговором? Он говорил себе: мне эти люди не известны, я не знаю сути их несогласий, споров. Возможно, полная информация поступает очень узкому кругу. Наверное, В. М. Молотов обладал какими-то особыми данны-

ми, когда писал для «Правды» статью «Наши задачи в борьбе с вредителями, диверсантами и шпионами»...²

Галлер не был знаком с Пятаковым, Радеком, теми, кого осудили вместе с ними. Но людей, названных в очередном сообщении «В Прокуратуре СССР», напечатанном в «Правде» 11 июня, знал отлично: недавний заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский, командующие Киевским и Белорусским военными округами И. Э. Якир и И. П. Уборевич... И конечно, знал, кто такие А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна, перечисленные в этом же сообщении. Цвет начальствующего состава Красной Армии, те, кому было доверено руководить обороной государства. Неужели и они виноваты? Неужели они изменники? Неужели изменник недавно арестованный командующий Каспийской флотилией Захар Александрович Закупнев, коммунист с 1919 года, балтийский матрос, потом командир эсминца, комдив, наконец, командир бригады эсминцев и командующий Северной военной флотилией?! Лев Михайлович неплохо знал его по Балтике, сам выдвигал в комбриги. Закупнев не очень организован, маловато у него культуры, но безусловно честен и, конечно, предан Советской власти. Ничего не прояснил Галлеру и приказ наркома обороны К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 года. Он извещал о приведении в исполнение приговора о расстреле военачальников из «предательской контрреволюционной фашистской организации»...

Но вскоре случилось такое, что Галлер и не пытался уже понять. Начались повальные аресты на флотах. Они продолжались до конца года. Один за другим арестовывались люди, с которыми он служил на Балтике годы, знал и по делам, и по личному общению. Почти все, кто провожал его перед отъездом в Москву, были арестованы. 15 июля покончил жизнь самоубийством вызванный в Москву А. С. Гришин, человек необычайной жизнерадостности, веселый, легкий. А в августе были арестованы В. М. Орлов, командующий КБФ А. К. Сивков, командующий ЧФ И. К. Кожанов, начальник Военно-морской академии И. М. Лудри. Галлер ждал, когда придут за ним. Не должна была миновать его чаша сия — на КБФ арестованы люди, которых он годами продвигал по служебной лестнице. Знал: в доносах упоминается и он,

² Правда. 1937. 21 апр.

бывший командующий флотом. Ведь не А. К. Сивков, бывший его начштаба, подписывал документы по строительству военно-морской базы в Ручьях. А строительство вроде бы признано вредительским, арестованы все руководители работ. И Г. П. Галкин — помощник командующего КБФ, Н. Н. Зуев — начальник Ленвоенпорта, комбриги подводных лодок; в академии — Миша Петров и многие другие... Легче перечислить тех, кто еще не арестован. Нет, его, Галлера, судьба predetermined. Что будет с сестрами? Стары, немощны...

Но Галлера не арестовывают. М. В. Викторов, новый командующий Морскими Силами, вызывает Льва Михайловича к себе. Он держится строго официально, явно не склонен обсуждать что-либо внеслужебное. Галлер докладывает командующему о ходе строительства кораблей, о проектировании линкора и тяжелого крейсера, начавшемся в самом конце 1936 года. Он говорит о необходимости реорганизации Управления Морскими Силами: не пора ли создать штаб, по структуре и функциям близкий к Генштабу? Но Викторов не отвечает, молчит, похоже, что коморси во власти своих дум. Лев Михайлович просит разрешения выйти. Он проходит в свой кабинет, раскрывает тетрадь. Что бы ни готовила ему судьба, нужно работать. Десятки тысяч людей на флотах — на Балтике и Тихом океане, на Баренцевом и Черном морях. Ими нужно руководить. Нужно восстанавливать подорванную арестами боеспособность флота, проводить боевую подготовку, учитывая малый опыт командиров, ставших у телеграфов взамен «изъятых». Учить добротню и основательно. Нужно вводить в строй новые подводные лодки, надводные корабли и катера. Этим мог бы заняться Эдуард Самойлович Панцержанский, великолепный моряк, опытейший флагман. Но и он исчез навсегда одновременно с Орловым. На последнем первомайском параде Панцержанский познакомил Льва Михайловича с женой, двумя дочками-красавицами. Был весел, спросил: «Как вам мои паненки, правятся?» Очень милые девочки, милая жена. Где они сейчас? И Лев Михайлович, может быть впервые, подумал: хорошо, что у него нет жены, нет детей...

Мог ли в те дни Галлер попытаться поговорить с кем-то о невинности хотя бы тех арестованных, кто был ему хорошо известен? Например, с М. В. Викторовым или членом Военного совета Морских Сил дивизионным комиссаром П. И. Лаухиным. Вряд ли, однако, разговор к чему-нибудь бы привел. Скорее всего те, к кому он обра-

тился бы, посоветовали отказаться от всякого рода ходатайств.

Если бы не служба, не гора дел, трудно сказать, как вынес бы Лев Михайлович все происходившее после ареста Орлова, Панцержанского и многих других. Он еще и специально загружал себя как можно больше. И работа шла. Викторов согласился с необходимостью реорганизации Управления МС, штаба и подписал соответствующий проект. Документ отослали на отзыв в Генштаб. Кроме решения повседневных вопросов по флотам трудился по вечерам над планом военного судостроения — готовил для доклада правительству; анализировал поступавшие материалы по войне в Испании. Самые первые из них были подписаны еще Тухачевским... Здесь помогали беседы с «испанцами» — с начавшими возвращаться нашими советниками. Тех, кто был направлен в Испанию в конце 1936 — начале 1937 года, заменяли. Вернувшимся предстояло поделиться боевым опытом. Лев Михайлович с интересом поговорил с А. П. Лабудиним, артиллеристом с «Октябрьской революции», который плавал на испанском линкоре «Хайме I», и С. С. Рамишвили, фактически командовавшим военно-морской базой в Картахене. Но наибольшее удовлетворение получил от долгой беседы с Н. Г. Кузнецовым. Галлер хорошо помнил выпускника Военно-морской академии Кузнецова по лету 1932 года. Тогда тот стажировался в штабе КБФ. Отличная работа Кузнецова в штабе над выполнением конкретного задания по оперативной подготовке, умение управлять соединением в море не остались вне внимания Галлера, всегда внимательно следившего за стажировкой «академиков» и любившего отыскивать «алмазные зерна». Аттестуя «академиков» по итогам стажировки, он особо отметил успехи Кузнецова.

Конечно, главным в состоявшемся осенью 1937 года разговоре было желание со стороны Галлера помочь бывшему главному советнику флота республиканской Испании, только что назначенному первым заместителем командующего Тихоокеанским флотом. Лев Михайлович тактично коснулся своего давнего, с гражданской войны, знакомства с командующим ТОФ флагманом 1 ранга Григорием Петровичем Киреевым. «Вам повезло, — сказал он. — Ваш командующий прекрасный человек, отличный организатор, многие годы ведал материально-техническим снабжением наших Морских Сил. Как старый моряк-балтиец, окончивший машинную школу еще до мировой вой-

пы, превосходно умеет войти в контакт с личным составом. Думаю, вам будет с ним хорошо работать...» П. Г. Кузнецов вспоминает о том разговоре: «Лев Михайлович... подробно рассказал о составе флота, объяснил, какие на нем решались задачи боевой подготовки. Всех командиров соединений он называл по фамилии. Я не удивлялся: уже давно слышал, что Галлер знает по имени командира любого буксира. Давая подробные характеристики людям... ни о ком не говорил плохо. Он не скрывал недостатков, однако на первый план выдвигал достоинства... Лишь иногда Галлер предупреждал: «За этим командиром надо присматривать внимательно. Пометьте в записной книжке. Ведь вы не сразу узнаете людей»³.

Не с одним вновь назначенным пришлось в то время беседовать Галлеру: Черноморский флот принял П. И. Смирнов, когда-то командир эсминца «Энгельс» на Балтике (он был известен как Смирнов-Светловский, но потом почему-то отбросил вторую часть фамилии), Краснознаменный Балтийский — И. С. Исаков. Пришли новые люди и в Управление и Штаб Морских Сил. С ними Галлер заканчивал важную работу — «Большую кораблестроительную программу 1938 г.». Программа была рассчитана на 10 лет. К концу 1946 года планировалось построить 15 линкоров и 15 тяжелых крейсеров, 2 авианосца, 28 легких крейсеров, 20 лидеров, 144 эсминца, 96 сторожевиков и 204 тральщика... Еще более внушительно выглядели цифры, характеризующие планируемое строительство подводных лодок: предполагалось на 1 января 1939 года иметь 221 лодку, на 1 апреля 1943 года — 341⁴. Не все в проекте программы удовлетворяло Льва Михайловича: мало авианосцев, отсутствуют десантные корабли. Но Виктор не разрешил ни увеличивать число авианосцев, ни внести в план десантные корабли. Лишь огрицательно покачал головой да показал пальцем на потолок — мол, там так решили. И все-таки программа была грандиозна, выполнение ее превращало СССР в великую морскую державу.

Проект программы направили «наверх» — в Народный комиссариат обороны (НКО). Но программа не была утверждена ни в бурном и трагическом 1938 году, ни позже... Закладка и строительство кораблей для флота в

³ Кузнецов П. Г. Накануне. М., 1966. С. 176.

⁴ См.: Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 11; Базилевский С. А., Дмитриев В. И. Краткая история советского подводного кораблестроения. Л., 1982. С. 151.

предвоенные годы велись по планам, утверждаемым правительством на год.

Конец 1937 года у Галлера ушел на планирование боевой подготовки на будущий год, на председательство в комиссиях по 152-миллиметровым артиллерийским башням, по броневой защите проектируемых линкоров и тяжелых крейсеров, на подготовку и проведение заседаний Военного совета Морских Сил, обсуждавшего новые проекты легких крейсеров и орудий калибром 406 и 356 миллиметров — опять-таки для будущих громадных кораблей. Немало времени пришлось выделить и на контроль за изучением и внедрением на флотах Временного боевого устава Морских Сил, позже, после утверждения его в 1939 году, получившего наименование БУМС-37.

До появления этого устава боевая подготовка флотов проводилась исходя из положений Боевого устава Военно-Морских Сил РККА (БУ-30). В нем определялись роль ВМС РККА в составе вооруженных сил страны и их задачи. БУ-30 был построен на концепции активной обороны. «Военно-Морские Силы РККА... — говорилось в нем, — должны быть готовы к смелому и решительному ведению борьбы с противником на море, направленной к обороне берегов СССР, содействию операции сухопутных войск Красной Армии и обеспечению их как со стороны моря, так и на речных и озерных системах». БУ-30, в разработке которого Л. М. Галлер, наряду с М. А. Петровым, Э. С. Панцержанским, Ю. Ф. Раллем, В. А. Белли и другими принимал деятельное участие, достаточно полно для своего времени отражал взаимодействие разнородных сил в бою и операции. Тактика взаимодействия разнородных сил получила в нем значительное развитие. В БУ-30 излагались не только основы ведения морского боя, но и смешанные операции, т. е. совместные действия армии и флота: десантные и противодесантные операции по обеспечению приморского фланга сухопутных войск. Благодаря всему этому БУ-30 сыграл весьма крупную роль и в тактической, и в оперативной подготовке флота. Командуя дивизией линкоров, а затем КБФ, Л. М. Галлер требовал от командиров соединений и начальников штабов, командиров кораблей знания и неукоснительного проведения в жизнь положений этого устава. Н. А. Петрищев, в тридцатые годы командир сторожевика и эсминца, а затем старпом и командир линкора «Октябрьская революция», вспоминал, что Галлер как-то сказал командирам: «БУ-30—ваша библия, вы должны знать Боевой устав не

хуже, чем батюшка священные тексты. Должны уметь устав толковать и применять, на его основе творчески совершенствовать тактику».

Однако ничто не вечно. В строй флота вступали новые сторожевые корабли, подводные лодки и боевые катера — торпедные и противолодочные. Вскоре флот должен был получить новые лидеры и эсминцы, а затем и крейсера. Командуя КБФ, Галлер отрабатывал ведение боя маневренным соединением из кораблей различных классов — линкоров, эсминцев и торпедных катеров, подводных лодок и авиации. Опыт маневров КБФ в 1935 и 1936 годах подтвердил, что будет логичным введение новой организации флота. Отдельные соединения из кораблей одного класса следует объединить. Таким образом, маневренные соединения, создававшиеся ранее временно на учения и маневры, должны стать постоянными. На разборе маневров Л. М. Галлер предложил создать на КБФ и ЧФ эскадры, включив в них линкоры, бригады крейсеров и эсминцев, дивизионы сторожевых кораблей. Там же, где число крейсеров будет пока что невелико, возможно объединить эсминцы и крейсера в отряде легких сил. Тогда же Галлер поставил вопрос о необходимости нового Боевого устава Морских Сил, в котором найдет отражение опыт боя и операций маневренных соединений.

Подготовку нового Боевого устава организационно возглавил Э. С. Панцержанский. Внес в его написание немалый вклад и сам Лев Михайлович. И вот к осени 1937 года появился будущий БУМС-37. Но не могли уже порадоваться этому многие из его создателей...

Бывая на флотах, Лев Михайлович собирал начальствующий состав штаба, командиров и начальников штабов соединений. Среди вопросов, которых он касался, неизменно присутствовал ход изучения нового Боевого устава, его усвоение и претворение в практику боевой и оперативной подготовки. Галлер всегда обращал внимание на то, что новый устав включает и ряд разделов оперативного характера: основы боевых действий на море, боевое управление Морскими Силами, различные виды боя... Он подчеркивал, что это очень важно, так как Морские Силы еще не имеют наставления по ведению морских операций. Именно поэтому устав определял боевой порядок корабельного соединения в бою.

Как вспоминал В. А. Белли, Галлер считал тогда недостатком нового Боевого устава то, что в нем не было типовых расчетов сил и средств для ведения боя, проведе-

ния операции. Но существовали методики расчетов для различных вариантов боевых действий Морских Сил, разработанные в Военно-морской академии. Галлер рекомендовал флотам использовать их с тем, чтобы проверить на практике. В дальнейшем типовые расчеты предполагалось ввести как приложение к Боевому уставу.

Конец 1937 года снова принес беду. Началось с проверки ТОФ Наркоматом обороны. Спустя несколько месяцев Галлеру рассказывали, как шла та достопамятная инспекция... Проверяющие прежде всего выискивали вредительство. Любая авария или даже выход из строя оружия и механизмов объяснялись тайными действиями «врагов народа». Среди выявленных «вредительских акций» оказались и рельсовые пути для железнодорожных береговых батарей, проложенные будто бы не с тем уклоном и не так, как надо, и невыполнение планов строительства портовых сооружений и складов, и многое другое. В общем, все обнаруженные недостатки были сочтены вредительством. В акте проверки, утвержденном начальником Политуправления РККА армейским комиссаром 2 ранга П. А. Смирновым, заменившим покойившего жизнь самоубийством «врага народа» Я. Б. Гамарника, указывалось, что на ТОФ явно «оставила следы» работа арестованных «врагов народа» — бывшего начальника штаба Солонникова, бывшего начальника Оперативного отдела Орлова и иных «вредителей». Содержалась в акте и опасная инсинуация в адрес командующего флотом флагмана 1 ранга Г. П. Киреева: «вступил в командование ТОФ в августе 1937 г. (прошло три месяца)», по видно, что его «руководство... является поверхностным, недостаточно глубоким и конкретным»⁵.

Акт инспекции явно метил и в М. В. Викторова. Ведь это он в течение пяти лет командовал ТОФ, прежде чем сдал дела Кирееву. Это он в неимоверно трудных условиях создавал морскую силу, способную вступить в бой с агрессором. Так оценил направленность этого акта Галлер. Лучше не быть пророком... Не прошло и нескольких дней, как был арестован М. В. Викторов, второй и последний в Морских Силах флагман флота 1 ранга. В тот же день арестовали командующего Тихоокеанским флотом Г. П. Киреева. И снова недоумевал Лев Михайлович. Невиновность Викторова и Киреева, комбрига Виноградско-

⁵ Центральный военно-морской архив (далее ЦВМА), ф. 14, оп. 47, д. 1, л. 54.

го, арестованного в декабре на КБФ, не вызывала у него даже малейшего сомнения. Почему же не трогают его? Лотерея? Кто-то ему ворожит? Впрочем, что гадать. Нужно быть фаталистом — что будет, то будет...

1938 год Лев Михайлович встречал в своем служебном кабинете. Зашел к дежурному по Управлению Морских Сил, поздравил с Новым годом, позвонил сестрам в Ленинград, поговорил с ними, пообещал вскоре навестить. Почувствовал: волнуются. Переживают, наверное, арест Алякринского и Виноградского, Зуева и Галкина, гибель Гришина. Ведь знали их жен, детей... Но как он может их успокоить, если не знает, что будет завтра?

А назавтра было объявлено Постановление ЦИК СССР от 30 декабря 1937 года об образовании Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР. Впервые после 1923 года, когда был упразднен Наркомат по морским делам, флот страны обрел самостоятельность и входил в непосредственное подчинение правительству — Совпаркому. Положение о НК ВМФ предусматривало образование Главного морского штаба (ГМШ). Наркомом назначили армейского комиссара 1 ранга П. А. Смирнова, того самого, который утвердил акт по ТОФ... Первым его заместителем стал П. И. Смирнов, бывший командующий ЧФ, заместителем наркома и начштаба — Л. М. Галлер, заместителем наркома по кораблестроению — И. С. Исаков. «Неисповедимы пути господни! Так бы сказал дед Рихард...» — подумал Лев Михайлович, расписываясь на полях приказа о своем назначении. Тихоокеанским флотом теперь командовал Н. Г. Кузнецов, Черноморским — И. С. Юмашев. Служба продолжалась. Надлежало исполнять свой долг...

Структура Главного морского штаба НК ВМФ почти полностью воспроизводила то, что предлагали в свое время Викторов и Галлер.

Лев Михайлович хорошо понимал громадную ответственность, которая ложилась на его плечи как пачальника Главного морского штаба. Ведь в разработанном им же положении значилось, что ГМШ создан «как центральный и боевой орган НК ВМФ СССР по подготовке и использованию ВМС для морской обороны страны, организации и координации работы всех управлений... и руководства боевой подготовкой флотов и флотилий»⁶. Теперь Галлеру предстояло возглавить работу штаба по разра-

⁶ ЦГАВМФ, ф. р-1877, оп. 1, д. 37, л. 1.

ботке оперативных планов использования ВМФ для обороны страны и организации морского тыла, который обеспечит флоты в военное время. Нужно было создать схемы развертывания ВМФ и директивные указания по мобилизационным мероприятиям на случай войны... Все это, как и многое другое, вошло в составленный Львом Михайловичем план работы Главного морского штаба на 1938 год. Отделам Главного штаба — оперативному, боевой подготовки, организационно-мобилизационному, материального планирования и морских военных сообщений предстояла громадная работа. Но никто, конечно, не снимал и постоянное руководство боевой подготовкой флотов и флотилий, разработку наставлений и боевых уставов. Наконец, не следовало забывать, что именно Главный штаб представлял наркому ВМФ проекты сводного годового плана для промышленности — по кораблестроению и производству вооружения и задания на новые образцы вооружений и технических средств для флота.

Лев Михайлович работал не считаясь со временем, оставлял себе для отдыха лишь несколько часов под утро. Выполнить намеченное можно было лишь при четкой и безупречной работе всех штабных командиров. Постепенно состав Главного штаба устоялся, его отделы возглавили талантливые командиры, обладавшие большим опытом службы на кораблях и в штабах. С глубоким уважением относился Галлер к начальнику оперативного отдела капитану 1 ранга В. А. Алафузову, в мае 1938 года ставшему заместителем начальника Главного штаба. Завершив в 1916 году учебу в Морском училище (так именовался Морской корпус после февраля 1917 года), Алафузов служил на Онежской флотилии, принимал участие в боевых действиях. В последующие годы был штурманом на линкорах, помощником командира на крейсере, работал в штабах. В 1937—1938 годах он советник в республиканском флоте Испании. Прекрасный штабной оператор, знаток истории военно-морского искусства, Владимир Антонович Алафузов стал правой рукой начальника ГМШ. Галлер ценил также заместителя начальника оперативного отдела Н. А. Питерского, помощника начальника ГМШ С. Н. Иванова...

Штаб работал с громадным напряжением. Примером всем служил Галлер, но сравниться с ним было трудно. День Льва Михайловича начинался в шесть утра. Он быстро завтракал в буфете наркомата, у себя в кабинете час-полтора знакомился с поступившей почтой, от-

бирал то, что необходимо доложить наркому, и к восьми уже ожидал его в приемной. Петр Александрович Смирнов имел немалый опыт политической работы в армии, но всего около года, в 1928 году, был членом РВС и начальником политуправления Морских сил Балтийского моря. Понятно поэтому, что флота он толком не знал и не понимал в должной мере его нужд. Лев Михайлович, вспоминал Белли, как-то назвал его «марсианином». Уж очень странные, «неземные» подчас задавал вопросы... Документы, однако, нарком подписывал исправно и благо-разумно придерживался советов Галлера и других своих заместителей — флагмана 2 ранга П. И. Смирнова и флагмана 2 ранга И. С. Исакова, хотя иногда и кое-что путал.

Затем начальник Главного штаба распределял требующие исполнения документы между отделами. Его резолюции-указания при этом были настолько точны, полны, логично и понятно изложены, что исполнители могли быстро выполнить полученные приказания. Для основной работы, требующей внимания и времени, Лев Михайлович предпочитал ночь, когда, как правило, никто не мешал. А в течение рабочего дня не любил сидеть в кабинете. Он заходил в компаты отделов, интересовался у штабных командиров делами, спрашивал, как идет выполнение конкретных заданий, и тут же давал советы. Штабисты не стеснялись задавать ему вопросы, признаваться, если чего-то не знали и не понимали. Лев Михайлович на любой вопрос всегда давал исчерпывающий ответ и не заканчивал объяснение, пока не убеждался, что понят и с ним согласны. В оперативном отделе работа, как известно, особенная, творческая. И Галлер, если то или иное решение было многовариантно, старался вызвать на спор, на дискуссию. В этом случае он никогда не стремился заставить что-то сделать в приказном порядке. Если ему возражали, говорил: «Вы, батенька, обдумайте еще раз, посоветуйтесь с товарищами. Решение еще не принято — можно и подискутировать...» Единственное, чего он не прощал людям — безделье и нечестность. Тот, кто страдал подобными грехами, в Главном штабе не задерживался. Но никто, даже и в таких случаях, не слышал от него резкого слова — начальник штаба был всегда безупречно вежлив.

Конечно, Галлер не раз выезжал на флоты для проверки их боевой готовности. Стиль его работы был деловым и спокойным, направленным на выявление фактической картины состояния всего сложного флотского ор-

ганизма. В марте 1938 года он выехал в Севастополь для проверки Черноморского флота. Разместившись в купе, Лев Михайлович взял в руки газету. Сжало сердце: вновь аресты, вновь процесс. Почти все имена хорошо знакомы: Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольд, Н. Н. Крестинский, Г. Х. Раковский... Неужто не будет этому конца? И опять пойдут, вопреки всякой логике, признания в страшных преступлениях, начатых чуть ли не в первые дни революции?

Так и было. В последующие дни в сообщениях о процессе, который опять вел Вышинский, появились странные, необъяснимые признания: Рыкова — того самого, который когда-то виделся Галлеру преемником Ленина в строительстве государства народного благоденствия; Бухарина, как и Рыков, защищавшего крестьянство... Лев Михайлович подумал: случись с ним несчастье — арест, как себя будет вести он, флагман флота 2 ранга, с понятиями об офицерской чести, которые не вытравить ничем, вошедшими в него как кальций в скелет? Только Гамарник, кажется, да еще Гришин успели уйти от бесчестия — покончили жизнь самоубийством. Успели. Повезло? Что с ним будет, если окажется в застенках?

Лев Михайлович заставил себя отогнать, спрятать в какие-то дальние уголки эти мысли. Он вынул из внутреннего кармана кителя записную книжку, взял вечное перо, еще раз просмотрел план предстоящей работы в Севастополе...

Командующий Черноморским флотом И. С. Юмашев работал неплохо, но возникли вопросы, которые решить он был не в силах. Докладывая после возвращения в Москву на Главном военном совете наркомата о проверке, Галлер отметил, что необходимо помочь ЧФ. Он поставил вопрос о выделении средств для строительных работ в портах, в том числе в Новороссийске и Поти, чтобы обеспечить развертывание сил флота в военное время. Особое внимание уделил недостаткам ПВО баз и кораблей. Он предложил направить флоту зенитную артиллерию новых типов, в том числе автоматы, провести замену зенитной артиллерии на кораблях, на которых стоят устаревшие 76-миллиметровые орудия.

Следует заметить, что после каждой проверки флотов Галлер непременно брал под строгий контроль план мероприятий по устранению выявленных недостатков и оказанию помощи. По архивным документам видно, как

упорно и систематически добивался начальник Главного штаба их реализации.

Находился на контроле у начальника Главного штаба и план мероприятий, связанных со строительством эсминцев. Работы на заводах Ленинграда, Николаева и Комсомольска-на-Амуре по строительству эсминцев проекта «7» шли, казалось, успешно: в 1935 году было заложено 6, в 1936 уже 39 кораблей⁷. Галлер, в свое время указывавший на недостатки проекта, не думал, что придется снова к ним возвращаться. Но это произошло после того, как в мае 1937 года в Средиземном море, близ Картахены, подорвался на mine английский эсминец «Хантер». Корабль спасли испанские моряки-республиканцы. Тогда же советские командиры — советники в республиканском флоте проанализировали, почему едва не погибший английский эсминец имеет малую живучесть. Получалось, что одно из объяснений этому линейное расположение энергетической установки. Действительно, после подрыва на mine корабль сразу же лишился и хода, и электроэнергии, вышли из строя водоотливные средства. Но и наши эсминцы проекта «7» имели линейное расположение машин и котлов! В конце 1937 года М. В. Викторову и наркому судостроения И. Ф. Тевосяну было приказано приостановить строительство эсминцев и срочно выработать меры, которые бы позволили поднять их живучесть. Выход был один: достроить уже заложенные в 1936 году «семерки» по измененному проекту. Проект дорабатывали во время массовых арестов инженеров конструкторских бюро и заводов кораблестроительной промышленности. Лишь некоторые из них через многие годы вернулись к своим семьям, к работе. Но оставшиеся в те дни на свободе под руководством О. Ф. Якоба быстро перепроектировали эсминец проекта «7», приняв эшелонное расположение машинно-котельной установки. На корабле появился еще один котел, а больше пара — выше мощность турбин. Поэтому удалось обеспечить высокую скорость — 38 узлов. компоновка корабля подверглась существенным изменениям: появилась, например, вторая дымовая труба. Стандартное водоизмещение эсминца, проект которого получил наименование «7-у», увеличилось на 120 тонн. По совместному решению, подписанному М. В.

⁷ См.: Корабли и суда ВМФ СССР 1928—1945: Справочник. М., 1988, С. 28—32.

Викторовым и наркомом судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяном, по усовершенствованному проекту было построено 19 кораблей. Головной эсминец проекта «7-у» спустили на воду в Ленинграде 20 октября 1938 года. Это был «Сторожевой». Галлер присутствовал на торжественной церемонии. Длительные испытания показали, что корабль превосходит эсминцы проекта «7» в мореходности и маневренности, при большем водоизмещении обладает такой же скоростью. 13 эсминцев проекта «7-у» получил КБФ до войны и в первые ее недели, 5 — ЧФ⁸. Позже был построен один эсминец этого проекта и на Дальнем Востоке.

Поздно вечером того же дня, когда родился «Сторожевой», Лев Михайлович сидел в своем кабинете. Сестры, рассказав все печальные ленинградские новости, спали. А ему ложиться не хотелось, и работа не шла, хотя следовало тщательно распланировать завтрашний день. «Мог ли сразу, не в два приема, быть создан нужный проект эсминца?» — размышлял Галлер. И отвечал себе: «Безусловно». Но последнее слово в утверждении проектов кораблей с 1935 года, как он понял еще со слов В. М. Орлова, принадлежало Сталину. Из каких-то неведомых Владимиру Митрофановичу источников Сталин получил сведения о замечательных качествах итальянских кораблей. И вот уже закупаются чертежи, заказывается заводу фирмы «ОТО» в Генуе лидер, который будет назван «Ташкент». Есть планы покупки крейсера и даже линкора...

Надо думать, и по проектам линкора и тяжелого крейсера многое решать будет тоже сам Сталин. Скоро их закладка. А со строительством авианосцев до сих пор нет ясности. Как доказать, что даже на Черном море не обойтись без легкого авианосца, истребители которого прикроют эскадру от ударов бомбардировщиков и торпедоносцев? Авианосцы можно было бы построить, уменьшив предполагаемое число линкоров или крейсеров...

В тот приезд в Ленинград, при спуске на воду «Сторожевого», Лев Михайлович встретился с Белли. Вместе сходили они на Смоленское кладбище: давно следовало побывать на могиле отца и матери, в пути поговорили. Владимир Александрович был невесел, говорил, что ждет по ночам звонка в свою коммуналку. Рассказал, что при-

⁸ См. там же. С. 28—32; Памятники науки и техники. М., 1986. С. 20.

казали подать в политотдел академии списки книг личных библиотек. Иногда среди приходящих к нему домой слушателей явно заметны специально присланные — вынюхивают, ищут крамолу, которой нет и быть не может. Белли говорил, что не видит в жизни просвета.

Вот так шел к концу 1938 год. Начиналась закладка линкоров и тяжелых крейсеров, на артиллерийском полигоне испытывали орудия для новых кораблей. Японцы, получив в августе сокрушительный отпор у озера Хасан, похоже, изменили направление агрессии — вторглись в Южный Китай. В Испании же после успешного наступления республиканцев на Эбро в июле обстановка на фронтах вновь ухудшилась, мятежники и интервенты — итальянцы и немцы наращивали силы. Франция не пропускала оружие, предназначенное для армии республиканцев, а пути морем в испанские порты были перерезаны итало-германским флотом. Испанская республика была, увы, обречена. Если только не произойдет чуда... А Гитлер, проглотив Австрию, готовился, наверное, к новому прыжку: подозрительно активизировались германские националисты в Чехословакии. Есть «новости» и в наркомате. Год шел к концу с уже новым наркомом ВМФ: в августе арестовали П. А. Смирнова. Еще совсем недавно, менее полугода тому назад, выступая во время приезда на КБФ, он говорил: «Долгое время во главе флота стояли враждебные люди — Зоф, Муклевич (шпион с 1917 года), Орлов (английский шпион), на Балтийском флоте — Курков (с 1924 года слившийся с оппозиционными элементами), Разгон, Баттис и «группа молодых» — Кожанов, Лудри, Сивков, политическое руководство — Гришин, возглавлявший контрреволюционную организацию, Рабинович...»⁹ И вот и он «враг народа»...

Наркомом ВМФ с августа 1938 года стал М. П. Фриновский, пришедший из Наркомата внутренних дел — от Ежова. Говорили, что он ведал там пограничной охраной. Вряд ли кто-нибудь в Наркомате ВМФ тогда знал, что Фриновский был правой рукой Ежова при выбивании признаний по делу «военно-фашистского заговора» Тухачевского и других, непосредственно руководил работой следователей-палачей...¹⁰ Новый нарком, четвертый, с тех пор как Галлер оказался в Москве, ничего не смыслил во флотских делах. Все вопросы — и повсе-

⁹ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 6, д. 1, л. 252.

¹⁰ См.: Правда. 1988. 27 апр.

дневного руководства, и по перспективным направлениям решали Л. М. Галлер, П. И. Смирнов и И. С. Исаков. У Исакова все было хорошо: Сталин вызывал его для докладов по кораблестроению, в феврале он стал флагманом 1 ранга, вступил в марте в кандидаты ВКП(б). Работал прекрасно, даже с блеском, истово. Ему можно было позавидовать в умении ладить с высшим руководством. Исакова ценили и принимали незамедлительно и нарком К. Е. Ворошилов, и член Главного военного совета НК ВМФ А. А. Жданов, секретарь ЦК, ведавший в ЦК партии флотом и судостроением. Исакову удавалось успешно решать проблемы военного кораблестроения. Добивался этого он отличным знанием проектов кораблей, тактико-технических характеристик оружия и различных приборов. Иван Степанович не только объехал все заводы, побывал во всех конструкторских организациях, работавших на ВМФ, но и поддерживал с ними постоянную связь, оказывал необходимую помощь.

В конце года Исаков как-то сказал Галлеру, что заложено кораблей много, но неизвестно, успеем ли построить. Англия и Франция предали Чехословакию, теперь эта страна обессилена, и совсем скоро Гитлер ее захватит окончательно. Что будет дальше? «Не стоит ли попытаться закупить большие корабли — линкоры или линейные крейсера в США? Или хотя бы купить проекты?» — спросил Исаков. Лев Михайлович лишь развел руками. Идея, конечно, хороша, но сомнительно, что североамериканцы на такую сделку пойдут. Хорошо бы, конечно, купить готовый или заказать в США линкор, а лучше два, типа «Вашингтон» или «Северная Каролина», с девятью 406-миллиметровыми орудиями. Если их иметь на Балтике, то будут не страшны немецкие линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц». Они вступят в строй году в сороковом, а наш «Советский Союз» — не ранее сорок третьего. Но продадут ли американцы? Им нужно иметь флот, превосходящий японский. А Япония усиленно строит линкоры, авианосцы... Исаков, однако, был настроен оптимистично, надеялся, что удастся поладить с американцами. «Буду докладывать Жданову, поддержке», — сказал он.

Идея Исакова не увлекла Льва Михайловича, он не верил в ее осуществимость. Куда больше волновало его реальное состояние боеготовности флотов. Истребление командного состава в 1937—1938 годах не прошло даром. На заседании Главного военного совета НК ВМФ

16 декабря отчитывался новый командующий ТОФ Н. Г. Кузнецов — преемник Г. П. Киреева. Он говорил: «На Тихоокеанском флоте за 1938 год сменилось 85 процентов руководящего состава, включительно до командиров кораблей...»¹¹

Такое же положение было и на других флотах. Недостаточная подготовленность командиров кораблей и соединений отбросила флоты по уровню готовности к ведению боевых действий далеко назад, резко выросла аварийность. Командующие и штабы флотов тоже практически были вынуждены начинать чуть ли не с нуля: их состав изменился почти полностью. Вот что в конце тридцать восьмого, по мнению Галлера, было наиважнейшим.

Другого взгляда придерживался нарком Фриновский. Подводя итоги за 1938 год, он писал: «Старые вредные теории о длительном воспитании командиров кораблей полностью опрокинуты... Проведенное и проводимое очищение флота от всех видов враждебных элементов и их последней освободило флот от ненужного мусора, бременем сидевшего на флоте и тормозившего боевую подготовку и боевую готовность флота. Вскрытое органами НКВД вредительство во флоте показало, что враг проник во все отрасли флота, строительства, береговой обороны, авиации и там творил свое гнусное дело... Огромное количество аварий и происшествий, имевших место на флоте в текущем году, не может быть объяснено только неопытностью командного состава... Ряд аварий, являющихся прямым следствием действий врагов народа, находили также объяснения, как неверное маневрирование и т. п. ...»¹² Галлеру стояло больших усилий доказывать наркому, что то или иное происшествие отнюдь не вредительство «троцкистов». Но тут он усилий и времени не жалел — людей надо было спасать.

После окончания работы Главного военного совета Жданов объявил, что его постоянные члены и присутствовавшие командующие флотами приглашаются на встречу с руководителями партии и правительства. Как вспоминал Н. Г. Кузнецов, встреча началась прямо с обеда в Грановитой палате. «Нас хвалили, говорили, что перед флотом открываются необычайно широкие перспективы. Провозглашались тосты за Сталина, за моря-

¹¹ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 294, л. 1.

¹² ЦГАВМФ, ф. р-1877, оп. 1, д. 252, л. 1—3.

ков и командующих флотами. Мы отвечали горячими, до боли в руках, аплодисментами»¹³, — писал Кузнецов. Был на том приеме и Галлер...

Умудренный опытом, значительно старше годами командующих флотами и Исакова (Галлеру минуло 55), он позже говорил Белли, что было бы полезней, если бы правительство поговорило с руководящим составом ВМФ, выслушало о нуждах флотов. И еще он сказал, что не может не думать о будущем этих молодых флагманов, полных энтузиазма и веры в Сталина.

В феврале Исаков вместе с группой командиров из Управления кораблестроения и инженерами выехал в Париж. Затем из Гавра ему предстояло плыть на «Нормандии» в Нью-Йорк. Миссия в США должна была продлиться несколько месяцев. Официальная цель — ознакомление с американским судостроением. Но Лев Михайлович знал, что Исакову поручено попытаться закупить в США корабли и оборудование, проектную документацию.

В конце февраля 1939 года командующие начали прибывать в Москву, чтобы участвовать в XVIII съезде ВКП(б). Лев Михайлович беседовал с каждым, выслушивал просьбы и предложения, выяснял нужное ему самому. Но главным оставались текущие дела, целиком лежавшие на нем: Фриновский еще реже, чем раньше, появлялся в наркомате. Галлеру приходилось самостоятельно решать вопросы и в Генеральном штабе, куда его не раз вызывал Б. М. Шапошников.

Осенью 1938 года гитлеровцы начали шумную кампанию о необходимости создания некоего «украинского государства» на основе Закарпатской Украины, входившей ранее в расчлененную Чехословакию. В то время французский министр иностранных дел Боннэ заявил, что его страна резервирует свою позицию на тот случай, если СССР «не сможет противостоять... движению, имеющему целью образовать независимую Украинскую республику»¹⁴. В феврале в Риме и Берлине появилась японская миссия, велись какие-то переговоры. Обострение военно-политической обстановки Генеральный штаб не мог не принимать во внимание. С учетом роста корабельного состава на флотах в Генштабе корректировались планы взаимодействия на приморских направлени-

¹³ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 215.

¹⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 744.

ях. В те дни Шапошников сказал Галлеру, что Сталин интересовался, как сотрудничает Наркомат ВМФ с Генштабом, как работает сам Галлер. «Я ответил так же, как когда-то...»

10 марта начался XVIII съезд партии. От ВМФ на съезде слово предоставили только Н. Г. Кузнецову. Он рассказал о делах тихоокеанцев, обещал ЦК и съезду, что Тихоокеанский флот будет внимательно следить за японскими агрессорами и всегда готов защитить морские границы страны. Галлера, конечно, удивило, что не выступил Фриновский — все же нарком! Съезд закончился, все командующие выехали на флоты, получив последние напутствия от Галлера, но Н. Г. Кузнецову Ворошилов приказал оставаться в Москве. На следующий день, после окончания съезда, Сталин вызвал к себе Кузнецова, расспросил о службе на Тихоокеанском флоте, поинтересовался его мнением о Галлере и Исакове. Как вспоминает Н. Г. Кузнецов, в гостиницу он вернулся к трем утра. А через несколько часов открылось внеочередное заседание Главного военного совета — распоряжение собрать его П. И. Смирнову передал Жданов. Лев Михайлович понимал, что это экстренное мероприятие проводится не зря. И не ошибся: Жданов взял слово первым и предложил от имени ЦК на место Смирнова-Светловского назначить Н. Г. Кузнецова. П. И. Смирнов опустил голову... В таких случаях особых мнений высказывать было не принято, да и к командующему ТОФ все относились с уважением. Так Николай Герасимович Кузнецов был назначен первым заместителем наркома ВМФ.

Фриновский в наркомате не появлялся. Н. Г. Кузнецов встретился с Л. М. Галлером, попросил ввести его в курс флотских дел. Но вскоре он вместе со Ждановым выехал на Дальний Восток. Видимо, Сталин приказал Жданову познакомиться с Тихоокеанским флотом, и тот решил взять с собой знающего человека. Таким человеком, разумеется, был прежде всего Кузнецов. С ними в путь отправился и И. С. Юмашев, назначенный командующим ТОФ. И опять Лев Михайлович Галлер сосредоточил в своих руках все: и обязанности исчезнувшего навсегда наркома Фринового, и его первого заместителя Кузнецова, и заместителя наркома Исакова. Один за троих.

Совместная длительная поездка Жданова и Кузнецова на Дальний Восток имела целью, видимо, и тщательное изучение молодого флагмана, только что назначен-

ного на высокий пост. Понятны и неоднократно заданные Сталиным вопросы Шапошникову и Кузнецову о Галлере и Исакове, такие же вопросы Жданова к Кузнецову. Надо думать, Сталин выбирал на пост наркома ВМФ из трех кандидатур. Перечислим их по алфавиту — Галлер, Исаков и Кузнецов. Остановился он на Кузнецове. Следует сказать, что это был правильный выбор: наркомом стал флагман, полный сил и энергии, который прошел школу корабельной службы на Черноморском флоте, получил драгоценный опыт войны в Испании и хорошо себя показал, командуя ТОФ. Все это подтвердилось в годы руководства ВМФ Николаем Герасимовичем Кузнецовым.

Назначение Н. Г. Кузнецова наркомом ВМФ состоялось почти сразу же после его возвращения с Дальнего Востока — 27 апреля 1939 года. Вечером того же дня Лев Михайлович докладывал ему о текущих делах по Наркомату ВМФ, давал краткие и четкие пояснения по документам, представленным на подпись. Николай Герасимович вспоминает о том первом разговоре нового наркома и начальника ГМШ:

«Он пробыл у меня часа два. Мне хотелось посоветоваться с этим опытным, умным человеком.

— Надо использовать «медовые» месяцы... — Галлер погладил свои рыжеватые усы, потом посмотрел на меня и добавил уже совсем неофициально: — В первое время ваши предложения будут рассматривать быстро. И быстро будут принимать по ним решения. Потом станет труднее...

Я учел его совет, хотя и не сразу оценил, насколько он был справедливым. Прошло некоторое время, и доступ к Сталину стал весьма затруднителен, а без него решать важнейшие флотские вопросы никто не брался¹⁵.

Действительно, в первые месяц-два, после того как Н. Г. Кузнецов стал наркомом, удалось продвинуть многие вопросы кораблестроения. Галлер отбирал и группировал то, что месяцами ожидало решения: конфликты с промышленностью из-за срыва сроков или невыполнения тактико-технического задания, претензии к строительным организациям, медленно и некачественно ведущим работы для береговой обороны и баз на флотах. Нарком действовал энергично и умно, великолепная осведомленность во всем, что касалось флота, позволяла ему умело,

¹⁵ Кузнецов Н. Г. Накауне. С. 227.

сжато докладывать Сталину и Жданову о важнейшем, а это значило много. Но прошло время, и ему стали отказывать в записи на прием к Сталину. Жданов же предпочитал не принимать никаких решений по конфликтным ситуациям, в которых пришлось бы встать на сторону Наркомата ВМФ против Наркомсудпрома или еще кого-нибудь.

Но все же не только конец «медового месяца» определил изменение отношения Сталина к наркому ВМФ. Дело было в другом. Военно-политическая обстановка в Европе обострялась, на западе сгущались грозовые тучи. С начала лета резко возросли военные бюджеты Англии и Франции. Видимо, в этих странах начали понимать, что нужно быть готовыми к войне с гитлеровской Германией, продолжавшей лихорадочно вооружаться. В Лондоне и Париже шли переговоры между высшими руководителями вооруженных сил Англии и Франции о военном сотрудничестве. Беспокойство обстановкой в мире проявляли и в США, расширяя военное производство. Надо думать, Сталина не могло не обеспокоить заключение 22 мая так называемого «стального пакта» — союзного договора между Германией и Италией. Ему было известно о попытках втянуть в этот военный союз и Японию. Куда будет направлен первый удар агрессоров? Против СССР? Не исключено: Чехия и Моравия уже были присоединены к Германии под видом «протектората», в Словакии создано марионеточное прогерманское правительство, а Закарпатскую Украину оккупировала Венгрия. Оставалась Польша. Германию и СССР разделяла ее территория. Сталин, вероятно, полагал, что Польша может стать союзником Германии в войне против СССР. Очевидно, в Москве было известно о нажиме Германии на Польшу, с тем чтобы она пошла на уступки на Западе в обмен на компенсацию на Востоке — за счет СССР.

Наркомат и Главный морской штаб получали довольно скудную информацию о военно-политической обстановке в Европе. В основном она состояла из донесений военно-морских атташе. Но Галлеру помогало регулярное ознакомление с заграничной прессой — английскими, французскими, немецкими, шведскими газетами. Весной и летом 1939 года, стоя перед картой, он не раз думал, как может сложиться соотношение сил в Европе, какова будет при этом военная ситуация. Что, если Гитлера остановят гарантии, данные Англией Польше 31 марта 1939 года, аналогичные гарантии Франции, и он

оставит поляков в покое? Ведь немцы могут вторгнуться в Прибалтику и оттуда повести наступление на СССР. При этом Англия, Франция и Польша, возможно, сохранят нейтралитет, как это было во время войны в Испании. Это была бы не их война — пусть Германия и СССР истощают друг друга... Что при этом должен делать флот на Балтике? Возможен и другой, тоже гипотетический вариант: война вместе с Польшей против Германии. Как действовать в этом случае? По ночам Лев Михайлович прикидывал варианты в тетради, наносил заготовки на карты-бланковки, на случай если подобный доклад понадобится наркому ВМФ или Генштабу. Но оперативный отдел к разработке планов не привлекал, хотя однажды показал свои, как он их назвал, «эскизы» В. А. Алафузову (Алафузов рассказывал об этом Белли в середине 50-х годов).

Почему же Галлер не проявлял должной активности, положенной вроде бы по должности? Возможно, стереотип поведения, исходящего из постоянного чувства грозящей незаслуженной кары, висящего над головой дамоклова меча, присутствовал в нем постоянно. Лучше не проявлять инициативы, пока это допустимо: ведь еще не воюем. А если спросят — он готов, все продумано. Да и было у Льва Михайловича, начиная с весны, другое важнейшее дело: разработка системы оперативных готовностей по ВМФ.

Решение о создании такой системы было принято наркомом Н. Г. Кузнецовым в мае, после того как Галлер представил ему по этому поводу докладную записку. Поясняя предложения МГШ по оперативным готовностям, Лев Михайлович напомнил о готовностях, введенных перед мировой войной на Балтийском флоте адмиралом Н. О. Эссенем. Их использование позволило в 1914 году своевременно привести Балтийский флот в боевую готовность и выставить тысячи мин, преградивших сильнейшему германскому флоту путь в Финский залив. Ныне же, с появлением скоростной авиации и механизированных сухопутных войск, значение своевременного перехода в повышенную боевую готовность еще более важно, чем в прошлом.

Вместе с Галлером нарком обсудил, по каким степеням нужно устанавливать готовности. Из собственного опыта войны в Испании Н. Г. Кузнецов уже давно сделал вывод, что система готовностей флота должна быть отработана заранее, и в случае необходимости действо-

вать, так сказать, автоматически. В бытность командующим Тихоокеанским флотом Н. Г. Кузнецов ввел систему готовностей. Свою организацию готовностей имели и другие флоты и флотилии. Теперь предстояло создать единую унифицированную систему, позволяющую наркому оперативно управлять ВМФ. Под руководством Галлера необходимые документы разработали быстро, в конце июня. На места была выслана директива под грифом «особой важности», подписанная наркомом ВМФ. Пункт 2 ее предписывал ежедневно после полуночи доносить обо всех изменениях за сутки в состоянии и дислокации кораблей; пункт 3 устанавливал три оперативные готовности. Оперативная готовность № 3 являлась повседневной. Ей соответствовала определенная директивой готовность боевого ядра флота к выходу в море, несение корабельного дозора у главной базы и периодическая воздушная разведка в море. При оперативной готовности № 2 боевое ядро находилось уже в четырехчасовой готовности к выходу, действовали дозоры у главной базы и велась постоянная воздушная разведка в море. Авиация в этом случае рассредоточивалась по оперативным аэродромам. И наконец, при высшей оперативной готовности № 1 боевое ядро флота должно было быть в однократной готовности к выходу в море, весь остальной состав флота — в четырехчасовой, вся зенитная артиллерия в готовности к немедленному открытию огня. Этот вид готовности предусматривал также срочное завершение ремонта кораблей, развертывание тылов, усиление воздушной разведки и дозоров у баз, рассредоточение и подготовку к выходу подводных лодок¹⁶.

Директива об оперативных готовностях сопровождалась необходимыми приложениями-пояснениями, подписанными начальником ГМШ флагманом флота 2 ранга Галлером. Одно из них имело принципиальное значение, так как разрешало военным советам флотов самостоятельно повышать оперативную готовность, немедленно уведомляя об этом наркома ВМФ. Таким образом, повышать готовность можно было и на месте, и по приказу из наркомата. Как известно, командующие военными округами таким правом не обладали.

Система оперативных готовностей вводилась немедленно. Ее отработкой Галлер занимался постоянно, добиваясь четкости и соблюдения установленных нормати-

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. р-1877, оп. 1, д. 78, л. 6.

вов. Систематически контролировалось, например, прохождение соответствующих условных сигналов по радио и проводным средствам. На всех учениях флотов, при всех проверках непременно отрабатывалась система оперативных готовностей. Никаких послаблений при этом не допускалось. И система органично вошла в жизнь флота, стала его неотъемлемой частью.

Военные историки справедливо отмечают быстрое и четкое приведение в боевую готовность флотов и флотий Советского ВМФ перед началом Великой Отечественной войны. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов смог это сделать благодаря системе оперативных готовностей, своевременно введенной и отработанной в течение двух предвоенных лет. Понятно, насколько значим здесь вклад начальника ГМШ Л. М. Галлера, руководившего и разработкой и внедрением ее на флотах.

В конце июня 1939 года Н. Г. Кузнецов и Л. М. Галлер выехали в Ленинград, чтобы проверить боевую готовность КБФ на больших учениях. Вместе с ними был и А. А. Жданов. Перед началом учений нарком и начальник ГМШ побывали на вступившем в строй крейсере «Киров», посетили судостроительные заводы, на которых строились крейсер «Максим Горький», лидер «Минск» и эсминцы, базовые тральщики типа «Фугас», торпедные катера типа «Г-5» и подводные лодки. Строительство этих кораблей шло в основном без срыва сроков, хотя приходилось вносить некоторые изменения в проекты, прежде всего в связи с усилением зенитной артиллерии. Высились на стапелях и корпуса заложенных в прошлом году кораблей новейших проектов — линкоров типа «Советский Союз» с девятью орудиями калибром 406 миллиметров и водоизмещением 65 тыс. тонн, тяжелого крейсера типа «Кронштадт», который, как считал Галлер, скорее, следовало отнести к линейным крейсерам (он имел девять 305-миллиметровых орудий и водоизмещение около 40 тыс. тонн), легких крейсеров типа «Чапаев» с двенадцатью 152-миллиметровыми орудиями. Были заложены также лидер и эсминцы новых проектов. И Кузнецова, и Галлера беспокоило одно: будет ли время, чтобы закончить строительство этого могучего флота? Германия опережала года на три по срокам вступления в строй линкоров типа «Бисмарк», которым должны были противостоять наши типа «Советский Союз», а линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» вошли в состав гитлеровского флота еще в 1938 году. Советские же тя-

желые крейсера, предназначенные для боя с ними, будут спущены на воду только через два года. «Опаздываем, как в 1904 году, — думал Галлер. — А попытка устранить разрыв, купив корабли в США, не удалась».

Ни линкоров, ни крейсеров, ни их проектов Исакову не продали... В мае он вернулся из США, набравшись опыта, восхищенный американским судостроением. Пользу поездки, конечно, принесла. Удалось, например, заказать машинно-котельную установку для эсминца. Наши машины и котлы, установленные на проектах «7» и «7-у», по своим параметрам и техническим данным уступали ей по всем статьям.

Затем был поход вместе с Ждановым на линкоре «Октябрьская революция», учения. Эскадра кораблей КБФ вышла в Балтику, обогнула Готланд, отражая атаки подводных лодок «синих», ведя бой с их надводными силами. Вроде бы все было хорошо, но и парком, и Галлер понимали, что в случае войны с Германией выход эскадры из Финского залива возможен лишь при благожелательном нейтралитете Финляндии и Эстонии. Иначе не разрешить проблем базирования, снабжения топливом... Надо сказать, что никто из них не предполагал совсем уже близких коренных изменений в военно-политической обстановке в Европе. Всех волновали тогда события на Дальнем Востоке: в мае японские войска вторглись на территорию Монголии. На помощь МНР пришли советские войска, шли тяжелые бои с японцами. Тихоокеанский флот находился в повышенной готовности.

10 августа на пароходе «Сити оф Эксетер» в Ленинград прибыли военные миссии Англии и Франции. На Морском вокзале на Васильевском острове их встречали командующий Ленинградским военным округом К. А. Мерецков и командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц. Через сутки миссии выехали в Москву, начались переговоры о соглашении для совместной борьбы с Германией, которые уже давно предлагало провести правительство СССР. Со стороны СССР в переговорах участвовали К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников, начальник Военно-Воздушных Сил А. Д. Лактионов и нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов. Лев Михайлович подготовил для наркома все необходимые документы и не отлучался из штаба, готовый к ответам на любые вопросы. У Н. Г. Кузнецова имелись разработанные Главным штабом варианты предложений по взаимодействию флотов СССР, Англии и Франции на случай войны с Германией, но до

их обсуждения дело не дошло. Из-за противодействия англо-французской миссии не находил решения главный вопрос — о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии, а это было необходимо в случае ведения военных действий. Переговоры становились бессмысленными. 21 августа было объявлено об их перерыве, а через два дня в Москву прилетел германский министр иностранных дел фон Риббентроп. Пакт о ненападении между СССР и Германией подписали сразу же. Через неделю германские армии вторглись в Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Началась вторая мировая война...

Внешнеполитический поворот был крутым, для Галлера неожиданным. Он ожидал указаний наркому ВМФ о повышении готовности флотов, но их не последовало. Н. Г. Кузнецов съездил в Генштаб к Б. М. Шапошникову и только тогда узнал, что западные военные округа находятся в повышенной боевой готовности. Потом Кузнецов и Галлер почти всю ночь работали, прикидывая на карте Балтики вероятные изменения в обстановке, новые задачи КБФ. Их мучил вопрос: насколько можно доверять Германии, не растопчет ли Гитлер только что заключенный с СССР договор о ненападении? Польская армия дралась героически, но немцы превосходили численностью и имели военно-техническое преимущество. В воздухе безраздельно господствовала их авиация, на море — флот. Через несколько дней гитлеровские войска вышли к Висле и Нареву, танковые и механизированные части быстро продвигались в глубь Польши. 8 сентября немцы подошли к Варшаве, польский флот погиб сражаясь, но пять подводных лодок и три эсминца прорвались к берегам Англии, чтобы оттуда продолжать борьбу с врагом. 16 сентября польское правительство выехало в Румынию, но героически оборонялась Варшава, до 2 октября отважно вели неравный бой моряки на полуострове Хель, до 30 сентября держалась крепость Модлин...

Сердце Льва Михайловича было с поляками. О, если б объединить военные силы СССР и Польши, немцам пришлось бы туго, думал он. В неравной борьбе один на один с сильнейшим по численности врагом гибла немалая польская армия, погиб польский флот. 17 сентября Красная Армия вступила в пределы Польши — в Западную Белоруссию и Западную Украину. Как военный человек Галлер понимал, что позволить немцам оккупиро-

ровать и эти районы нельзя, из соображений безопасности следовало установить разграничительную линию с войсками вермахта как можно дальше к западу. Ведь дальнейшее развитие событий оставалось непредсказуемым: немцы стремительно продвигались на Восток, а на границе Германии и Франции шли перестрелки патрулей. Что задумали в Париже и Лондоне? По мнению Галлера, в такой военно-политической обстановке занятие восточных районов Польши Красной Армией было оправдано. Целесообразен был и переход по Припяти к Пинску кораблей Днепровской военной флотилии. В. А. Алафузов, посланный на нее представителем Главного штаба, сообщал, что корабли уже в Пинске.

28 сентября с Германией был подписан договор о новой западной границе СССР. Разведка сообщала о переброске немцами войск на запад. Несколько раньше, 9 сентября 1939 года, после разгрома на Халхин-Голе Япония заявила о готовности заключить перемирие. Через неделю перемирие было подписано: становилось спокойнее и на Дальнем Востоке. И Лев Михайлович пришел к выводу, что непосредственная угроза войны отступила.

Нарком Н. Г. Кузнецов известил Галлера, что по линии Наркомата иностранных дел идут переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой о заключении между ними и СССР договоров о взаимной помощи. Они начались сразу же после нападения Германии на Польшу. Б. М. Шапошников в это же время доверительно сообщил о возможном в скором времени размещении наших военных баз в странах Прибалтики. «Вам, морякам, следует четко определить, где флоту нужны военно-морские базы. Прикиньте программу-максимум и программу-минимум... И наркома и вас могут вскоре спросить». Необходимую работу оперативное управление провело немедленно, Галлер сам руководил оформлением документации и подготовкой карт и схем. В число необходимых флоту основных баз включили Палдиски и Таллини в Эстонии, Усть-Двинск, Виндаву и Либаву в Латвии... Были составлены планы дислокации авиации флота по аэродромам, размещения береговых батарей на материке и островах Моонзундского архипелага.

Пакт о взаимопомощи с Эстонией был заключен 28 сентября 1939 года, с Латвией 5 октября, с Литвой 10 октября. Но уже 29 сентября Сталин вызвал к себе Н. Г. Кузнецова, Т. М. Галлера и И. С. Исакова, назначенного председателем военно-морской комиссии. Этой комис-

сии предстояло заключить с командованием вооруженных сил Эстонии и Латвии конкретные военные соглашения. Галлер кратко доложил о необходимых флоту базах, аэродромах и береговых батареях, показал на карте. Сталин одобрил предложения Наркомата ВМФ. Затем 1 октября комиссию инструктировал нарком обороны К. Е. Ворошилов. 3 октября И. С. Исаков, его заместитель С. П. Ставицкий и другие члены комиссии прибыли в Таллинн. 7 октября, обо всем договорившись с военным руководством Эстонии, Исаков вернулся в Москву. В час ночи 8 октября в присутствии Н. Г. Кузнецова и Л. М. Галлера он доложил Сталину о том, что в Таллинне ждут прихода советских военных кораблей. Сталин дал разрешение на начало перебазирования флота¹⁷. 12 октября советские корабли вошли в гавани Таллинна. Теперь здесь, в Балтийской ВМБ (Таллинн — Палдиски), базировались лидер «Минск», эсминцы «Гордый» и «Сметливый», одна из бригад подводных лодок. После заключения вскоре военного соглашения с Латвией пришли корабли и в только что созданную Либавскую военно-морскую базу. Здесь к причалам стали крейсер «Киров» и дивизион эсминцев¹⁸.

Перебазирование кораблей и авиации КБФ в порты Прибалтики требовало коренной переработки всех оперативных и организационно-мобилизационных документов по КБФ. Лев Михайлович немедленно возглавил эту сложнейшую работу. И он, и штаб спали урывками, вымотались, но все необходимое было сделано в установленный наркомом срок. С каким удовольствием занимался всем этим Галлер! Ведь исполнилась давняя, еще с 1918 года, мечта о возвращении российского флота в Балтику. Он хорошо понимал, как много нужно сделать. Перебазирование части кораблей и авиации в Прибалтику лишь начало. Военно-Морскому Флоту СССР на Балтике в любом варианте военной ситуации в ближайшие годы будут противостоять превосходящие силы противника. Это может быть англо-французский флот, это может быть и флот германский. Скорее, все-таки германский. Лев Михайлович не верил в длительный мир между СССР и Германией, хотя кое-кто в наркомате поговаривал даже о возможности военного союза, полюбовного раздела зон влияния... Нужно многое сделать. Пусть

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. р-1877, оп. 1, д. 218, л. 1—5.

¹⁸ См.: Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 176.

у вероятного противника будет превосходство в крупных надводных кораблях. Удары подводных лодок, легких сил и авиации ослабят врага, минно-артиллерийские позиции не пропустят его к базам, в глубь Финского и Рижского заливов. Но сколько еще предстоит сделать, сколько необходимо времени на строительство, на учения и маневры, освоение новых кораблей и самолетов... Медлить нельзя. И еще он думал, что опасно доверять Гитлеру и не следует дезориентировать, морально разоружать народ (а тем самым и армию, и флот) всякими реверансами перед Германией. А то Молотов уже называет Польшу «уродливым детищем Версальского договора»¹⁹, Сталин заявляет, что «не Германия напала на Англию и Францию, а Франция и Англия напали на Германию, звав на себя ответственность за нынешнюю войну»²⁰. Агрессор, конечно, Гитлер, тут сомнений нет.

Немалые трудности вставали перед Главным морским штабом при разработке оперативных планов на Балтийском морском театре. Лев Михайлович, сидя над картой вместе с Алафузовым, вздыхал: насколько Григоровичу и Эссену было легче! У российского Балтийского флота имелись в Финляндии превосходные базы, на островах в шхерах — батареи береговой обороны. Сейчас же у СССР лишь южный берег Финского залива. Батареи, установленные на эстонском острове Нарген, залив не перекроют. Иметь бы базу на полуострове Порккала-Удд, западнее Хельсинки, установить там башенные батареи 406 или 356 миллиметров — и залив на замке, как в ту мировую войну. Однако, докладывая наркому, Лев Михайлович говорил и о том, что времена изменились. Сомнительно, что надводная эскадра из линкоров и тяжелых крейсеров полезет в бутылку Финского залива. Любой флагман поймет, что ударами авиации, подводных лодок, торпедных катеров и эсминцев уничтожат или сильно ослабят его эскадру. Наконец, зачем противнику прорываться в залив ради артиллерийского обстрела, например Таллинна? Боевую задачу эффективнее решит авиация. Тогда для чего нужны береговые батареи? Поэтому, говорил Галлер, стоит подумать: надо ли вкладывать средства в строительство тяжелых береговых батарей-фортов, на которое уйдет, между прочим, не один год. Зато стоит побеспокоиться о сухопутной обороне баз. И Лев Михай-

¹⁹ Правда. 1939. 1 ноября.

²⁰ Правда. 1939. 30 ноября.

лович напоминал о необходимости четко определить, как будет прикрывать с суши военно-морские базы Прибалтийский военный округ. Нужны согласованные планы такой обороны, совместные учения армейских частей и флота. И нужно решить, будем ли оборонять Либаву — ранее, по планам российских генштабов, она не предусматривалась...

В то время когда Галлер отрабатывал варианты оперативных планов по КБФ, возобновились переговоры с Финляндией. Они были начаты, когда наркомом иностранных дел еще был М. М. Литвинов, в марте 1939 года, но тогда не дали позитивных результатов: правительство Финляндии отвергло предложения о сдаче СССР в аренду четырех островов в восточной части Финского залива. Не согласилось правительство Финляндии и на обмен территориями, который был предложен СССР²¹. Прерванные в апреле переговоры возобновились в октябре. Галлер получил от наркома Кузнецова указание срочно подготовить материалы о полуострове Ханко и его использовании в прошлом как базы русского флота. Лев Михайлович не задавал вопросов, но было件件но, что Сталин, очевидно, принял решение добиваться согласия Финляндии на аренду Ханко для военно-морской базы. Вскоре ему стало известно, что обсуждается также вопрос о передаче СССР островов в Финском заливе, части полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье, части Карельского перешейка в обмен на передачу Финляндии вдвое большей по площади территории в Карелии. Со стороны СССР предлагалось также взаимно разоружить укрепленные районы на Карельском перешейке вдоль границы. Но и эти предложения были отклонены.

Срыв советско-финляндских переговоров участвовавший в них Ю. К. Паасикиви через много лет, уже будучи президентом своей страны, назовет «одной из наиболее серьезных и тяжелых ошибок в серии внешнеполитических просчетов Финляндии»²² того времени.

30 ноября 1939 года началась война между СССР и Финляндией. По решению Сталина военные действия вначале вел Ленинградский военный округ, которым командовал командарм 1 ранга К. А. Мерецков. Генштаб от руководства был фактически отстранен. Галлеру, приехавшему в Генштаб для согласования действий армии

²¹ См.: История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 25—26.

²² История дипломатии. Т. 4. С. 28.

и флота, Б. М. Шапошников сказал, что от него ничего не зависит, Сталин отправляет его в отпуск и даже предложил свою дачу на Кавказе²³.

Сталин, видимо, полагал, что с маленькой Финляндией будет покончено в два счета. Получилось иначе. «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны»²⁴, — вспоминал в послевоенные годы маршал А. М. Василевский. Действительно, стремительного наступления не получилось. К 12 декабря 1939 года войска 7-й армии преодолели лишь предполье обороны противника на Карельском перешейке. 17 декабря начался штурм сильно укрепленной главной полосы обороны — линии Маннергейма. Прорвать ее с ходу не удалось.

В первые же дни войны нарком Кузнецов и начальник Главного штаба Галлер всесторонне обсудили задачи КБФ. Директива, подготовленная Галлером и утвержденная наркомом Кузнецовым, предписывала комфлоту В. Ф. Трибуцу систематически оказывать артиллерийскую поддержку приморским флангам Красной Армии, овладеть островами противника в восточной части Финского залива, не допуская в этот район его военно-морские силы, действовать на морских коммуникациях и обеспечить безопасность своих морских сообщений. Н. Г. Кузнецов решил, что молодому командующему КБФ необходима помощь — в Ленинград выехали Л. М. Галлер и И. С. Исаков. Они продолжали выполнять и свои постоянные обязанности, периодически возвращаясь в Москву. Но один из них всегда находился в штабе КБФ. Между прочим, помощь Трибуцу заключалась и в защите его и штаба КБФ от Л. З. Мехлиса — начальника Главного политического управления РККА и Г. И. Кулика — начальника Главного артиллерийского управления, присланных в Ленинград Сталиным. Они весьма энергично мешали работать К. А. Мерецкову, пытались мешать и В. Ф. Трибуцу, требуя от него, например, послать подводные лодки-«малютки» в Ботнический залив. Л. М. Галлер и И. С. Исаков принимали на себя «удары» этих деятелей.

Галлер ожидал, что финские броненосцы «Вайнемийнен» и «Ильмаринен» будут активно действовать на

²³ См.: Знамя. 1988. № 5. С. 72.

²⁴ Там же.

опушке шхер — их 254-миллиметровые орудия могли вести огонь на 162 кабельтовых²⁵. Но они не появлялись, и фактически действия кораблей КБФ в Финском заливе не встречали противодействия флота Финляндии. 30 ноября и 1 декабря наши канлодки нанесли артиллерийские удары по берегу в районе бывшего форта Ино, 3 декабря по этой же цели вели огонь орудия форта Красная Горка. В первые дни войны флот высадил десанты на острова Пенисари, Сескар, Лавенсари (Мощный), Гогланд, Большой Тютерс, Нерва (Нарвский) и Sommerс. На некоторых из них немедленно разворачивались береговые батареи. Действовали наши корабли также у портов Котка и Хамина, а также в западной части залива. Лидер «Минск», эсминцы и сторожевые корабли обстреливали береговые батареи противника, блокировали подходы к фарватерам, ведущим в шхеры.

В поддержке огнем приморского фланга 7-й армии приняли участие и линкоры. Несмотря на сплошной лед до маяка Шепелевский, 18 декабря по береговым батареям противника в Выборгском заливе вел огонь линкор «Октябрьская революция», а 19 декабря Л. М. Галлер вышел в море на линкоре «Марат»²⁶. «Марат» обстрелял главным калибром форт Сааренпя на острове Бьёрке (Большой Березовый). Этот форт имел на вооружении шесть 254-миллиметровых орудий и 152-миллиметровые орудия. В обстреле Бьёрке участвовали также эсминцы и канлодки, всего 14 кораблей. Батареи противника были подавлены.

Вскоре, однако, лед стал и навигация в восточной части Финского залива прекратилась. Л. М. Галлер выехал в Таллинн, помог в организации действий наших подводных лодок в Ботническом заливе. Несмотря на сложную ледовую обстановку, подводные лодки КБФ атаковывали транспорта, доставлявшие военные грузы из портов Швеции в Финляндию. В суровую зиму 1939/40 года лед рано сковал и Ботнический залив, ведущие из него в Балтику проливы. Последние наши лодки вышли из Ботнического залива и вернулись в свои базы во второй половине января 1940 года. Но силы флота, в том числе авиация, продолжали наносить удары по противнику и в суровые зимние месяцы.

²⁵ См.: Справочник корабельного состава военно-морских флотов. Л., 1943. С. 724.

²⁶ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 4.

11 февраля части Красной Армии под командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко перешли на Карельском перешейке в наступление. После упорных боев линия Маннергейма была прорвана. 11 марта пал Выборг. 12 марта был подписан мирный договор. К СССР отошли острова в Финском заливе, Карельский перешеек с Выборгом, северное побережье Ладожского озера. В аренду был получен полуостров Ханко с прилегающими островами. Здесь должна была быть создана военно-морская база.

Кончилась война, началось подведение итогов. Кто-то должен был нести ответственность за ущерб престижу Красной Армии, за немалые жертвы... Сталин снял с поста наркома обороны К. Е. Ворошилова, назначил С. К. Тимошенко, которому было присвоено звание маршала, он стал и Героем Советского Союза.

Б. М. Шапошникову поручили заниматься новыми укрепрайонами в западных областях Белоруссии и Украины. Генштаб принял К. А. Мерецков. Вскоре его сменил Г. К. Жуков.

Подвели итоги по участию в войне и в ВМФ. Н. Г. Кузнецов выступил на Военном совете КБФ с подробным разбором. Он отметил, что КБФ решал четыре задачи. Флот выполнил первую — обеспечение своего судоходства и господства в Финском заливе и вторую — обеспечение безопасности своего побережья от действий кораблей противника. Третью задачу — блокаду побережья Финляндии и четвертую — действия кораблями и авиацией против сил противника на островах Бьёрке решал неудовлетворительно. В Ботнику подводные лодки пошли слишком поздно. Кто-то из подводников написал в инстанции в Москву, что «посылка подводных лодок в Ботнику вредительство, они там погибнут». Все это задержало выходы в боевые походы. А транспорта с оружием тем временем шли в Финляндию из шведских портов. Авиация наносить бомбовые удары по портам начала также с запозданием; по Бьёрке, особенно вначале, действовала не проводя аэрофотосъемки, а потому недостаточно эффективно. Заканчивая неловкий разговор, нарком призвал извлечь уроки из прошедших месяцев войны. Он приказал исключить сезонность в боевой подготовке — быть готовыми к боевым действиям в любое время года, резко улучшить разведку. Говорил нарком и о необходимости перестроить работу военно-морских учебных заведений так, чтобы выпускать настоящих про-

фессионалов. «Мало иметь батраками родителей, — сказал нарком. — Будущему командиру надо воспитать в себе боевого командира-моряка...»²⁷ А Лев Михайлович, слушая, на его взгляд, несколько рискованное выступление наркома (надо ли о родителях-батраках; он бы не стал говорить об этом), думал, что нельзя, увы, сказать об очень важном. В 30-е годы люди все более отучались от самостоятельных решений, приучались «не высываться» — ждать указаний свыше. Вот и в штабе КБФ, получив директиву наркома ВМФ о десанте на острова в Финском заливе, не спешили с ее выполнением. Кое-кто говорил о неоправданном риске, что Гогланд чуть ли не Гибралтар. Острова подвергли массированному артобстрелу кораблей, а оказалось, что их гарнизоны противник эвакуировал... Следовало бы сказать еще и об удивительном способе руководства войной — пусть и «малой», хотя, как подтвердилось на горьком опыте, малых-то войн не бывает. (Лев Михайлович вспомнил дискуссии в академии 29—30-х годов...) Определяющие военные решения принимались в кабинете у Сталина, и хорошо, если при этом были представители Генштаба, нарком Кузнецов, а не один Ворошилов... В военном руководстве теперь явно не хватало эрудированных военных специалистов, а к оставшимся не всегда прислушивались. У Сталина, Жданова (по части флота) возникали иногда идеи, происхождение которых было скрыто: на их авторов не ссылались, спрашивать — не принято... Лев Михайлович вспомнил, как однажды ночью его неожиданно вызвали в Кремль. Он знал, что нарком Кузнецов у Сталина, но о чем пойдет речь, какая справка нужна? Галлер всегда волновался, когда его вызывали к Сталину. И был чрезвычайно осторожен: знал, что иногда лишь одно слово, а то и интонация, может решить судьбу и того, кто докладывает, и тех, имена которых упоминаются. Вот и в тот раз перед дверью в приемную Сталина сжалось сердце...

Сталин стоял у стола, на котором лежала карта Балтики, рядом с ним Кузнецов. Сталин тогда спросил: можно ли послать подводные лодки к Або (Турку) — главному тогда порту Финляндии. Николай Герасимович молчал, ничего не пояснил. Но ведь наши лодки и так находились на позиции близ плеса Стура Шифтет, через который проложены фарватеры к Або! Значит, Сталин

²⁷ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 6, д. 31, л. 2.

хочет послать лодки прямо к Або, нарком же, разумеется, возражает... И Галлер четко доложил, что фарватеры к Або идут через мелководье, через шхеры. Пройти к Або трудно: лодку обнаружат, уничтожат. До революции он, Галлер, не раз ходил в Або и фарватеры эти знает хорошо. Лодки к Або не послали...

С уходом Б. М. Шапошникова с Генштабом решать вопросы стало куда сложнее. Работы же, связанной с взаимодействием с ним, у ГМШ было более чем достаточно. После вступления Прибалтийских республик в СССР, в июле — августе 1940 года, КБФ усиленно передислоцировал свои корабли и авиацию на запад — в новые базы, на новые аэродромы. Спешно развертывалось строительство береговой обороны и баз на полуострове Ханко, на островах Моонзундского архипелага и в Ирбенском проливе. Оперативные возможности флота росли. Поэтому требовалась совместная с Генштабом разработка оперативных планов по взаимодействию КБФ и Северного флота с Ленинградским военным округом, КБФ с образованным в июле 1940 года Прибалтийским военным округом. Здесь, как считал Лев Михайлович, повезло: оперативной частью плана стратегического развертывания этих округов и флотов ведал заместитель начальника Оперативного управления Генштаба А. М. Василевский, умница и прекрасный штабной командир. Все вопросы с ним адмирал Галлер²⁸ и контр-адмирал Алафузов решали быстро и квалифицированно. Василевский вспоминал, что в то время «не вылезал из кабинетов Кузнецова и его начальника штаба Галлера»²⁹.

Чтобы проводить всю эту работу на должном уровне, Галлеру было необходимо побывать в Прибалтике, осмотреть самому новые военно-морские базы, проверить работу штаба флота. Поэтому он был рад в августе 40-го сопровождать наркома Кузнецова в поездке на Балтику. Вначале они проверили ход больших учений флота в устье Финского залива. К тому времени командование и Штаб КБФ уже находились в Таллинне и отсюда с флагманского командного пункта руководили разнородными силами флота, отражавшими попытку «синих» про-

²⁸ Генеральские и адмиральские звания для высшего командного состава были введены указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года. Звание адмирал было присвоено Л. М. Галлеру Постановлением СНК СССР от 4 июня 1940 года.

²⁹ Знамя, 1988, № 5, С. 82.

рваться в Финский залив. Боевые действия «красных» строились в основном так же, как в первую мировую войну. Значительное место в системе обороны занимала минно-артиллерийская позиция. Но, конечно, многое изменилось. Неизмеримо возросла роль подводных лодок и авиации. Подводные лодки и ударная авиация — бомбардировщики и торпедоносцы атаковали силы «синих» в открытом море, у своих берегов по отрядам кораблей «противника» наносили удары торпедные катера.

Разбор учений состоялся в штабе КБФ в Таллинне. После наркома выступил Л. М. Галлер. Он отметил недостатки взаимодействия авиации, подводных лодок и надводных сил, медленное освоение морской авиацией тактики низкого торпедометания и пикирования. В скором времени флот должен получить новые типы самолетов — торпедоносцев и пикировщиков. Быстрое освоение их — задача первостепенная... Затем Кузнецов, Галлер и командующий КБФ Трибуц вышли на крейсере «Киров» в Либаву. Крейсер сопровождали новые эсминцы типа «7». Лев Михайлович обошел корабль, особое внимание уделил управлению огнем главного калибра, организации отражения атак авиации. Много еще было недоработок и на крейсере, и на соединениях, но радовало, что флот имеет новые корабли и уровень их боевой готовности растет.

После осмотра баз в Либаве, Виндаве и Усть-Двинске Кузнецов и Галлер перешли на эсминце на Сааремаа, в порт Курессаре. Все это были памятные Льву Михайловичу места. Казалось, возвращается юность. Вспоминались детство — Гапсаль, уютный городок в Моонзунде, где гостил у деда-пастора, годы до первой мировой войны, революция... На машине Кузнецов и Галлер объехали районы острова, где начиналось строительство береговых батарей. А затем снова Таллинн, осмотр его гаваней, рассмотрение проекта их реконструкции для нужд базирования флота. Из Таллинна на эсминце вышли на Ханко. Здесь тоже осмотрели порт, побывали на границе с Финляндией. Командир ВМБ А. Б. Елисеев просил о помощи — строительство батарей и другого обширного хозяйства базы шло медленно, не хватало для этого сил и средств...

Итог пребывания наркома на Балтике подводился на Военном совете КБФ с приглашением командиров из штаба флота. Н. Г. Кузнецов потребовал поддержания высокой боевой готовности, указал, что не должно быть

саморасположенности: пожар войны может мгновенно перекинуться к границам нашей страны.

В Москву парком и начальник ГМШ вернулись через Ленинград, побывав на заводах и проверив ход работ на строящихся кораблях и подводных лодках. В Москве Лев Михайлович сразу ушел в работу — столько за время его отсутствия накопилось нерешенных вопросов, столько нужно было сделать заново, откорректировать, исходя из продуманного за дни пребывания на Балтике.

Так шли месяц за месяцем 1940 года. Главный морской штаб работал безукоризненно, парком не имел никаких претензий к его начальнику. Разве что через годы Н. Г. Кузнецов с некоторым упреком вспоминал об излишней осторожности Галлера. Осторожность, конечно, была, и вполне обоснованная. Например, Галлер выразил несогласие с выделением управления боевой подготовки из состава ГМШ, но ломать копыта не стал. Возможно, потому, что считал это не столь уж важным в конкретных условиях. Зато Лев Михайлович смело отстаивал необходимость иметь флоту свою авиацию, когда вдруг в Наркомате обороны кто-то решил, что это ни к чему. Так же решительно отстаивал он подчинение флотам всех средств ПВО, в том числе истребительной авиации. Начальник Главного штаба, исходя из опыта первой мировой войны, утверждал необходимость для флота сильной береговой обороны. Более того, приводя в пример созданный Н. О. Эссенем «Приморский фронт крепости Петра Великого», Галлер предлагал иметь в составе береговой обороны не только стационарные и подвижные батареи морской артиллерии, но и зенитные полки, войска — стрелковые части и танки, полевую артиллерию. Словом, там, где дело касалось жизненных интересов ВМФ, начальник ГМШ, по общему мнению, мягкий человек, стоял, что называется, «намерть».

Сложнейшая задача флотского штаба, и тем более ГМШ, — отбор, анализ информации, доклад ее в централизованном виде командованию вместе с предложениями по решению вопросов, которые ежедневно ставят жизнь. В этой работе Л. М. Галлер проявлял не только умения и знания, но и талант. Н. Г. Кузнецов вспоминает, что информированность Льва Михайловича обо всем, что делается в ВМФ, была идеальной, о пунктуальности его, необычайной памяти ходили легенды. Каждое утро он разговаривал со всеми флотами, принимал на-

чальников управлений и отделов, и прихода Н. Г. Кузнецова уже ждал с неизменной папкой.

Последней очень важной работой, которую ГМШ провел под руководством Л. М. Галлера, было создание «Временного наставления по ведению морских операций». В нем, как вспоминает Н. Г. Кузнецов, были сформулированы «взгляды Главного морского штаба на использование сил флота»³⁰. Нарком ВМФ утвердил это наставление 26 ноября 1940 года. В первых его статьях нашли отражение давно выношенные Львом Михайловичем мысли: «...в оперативном искусстве, как и в военном искусстве вообще, не может быть шаблонов или подражаний. Способы ведения операций меняются, развиваясь на основе изменения военно-технических условий... Военно-Морской Флот еще до открытия военных действий должен быть готов не только к отражению нападения, но и к решительным наступательным операциям»³¹. Характерно, что наставление, отразив основные положения теории оперативного искусства ВМФ, определило также роль авиации в войне на море. Это еще раз доказывает современность этого документа и перспективность его основных положений.

Немногим более полугода оставалось до начала Великой Отечественной войны, когда Лев Михайлович Галлер неожиданно для себя простился с Главным морским штабом, становлению которого он отдал три года жизни. Это случилось в дни, когда угроза близкой войны с Германией и ее союзниками становилась все более явной. Только недалекие люди могли еще надеяться, что можно отсидеться, откупиться от фашистского агрессора, например поставками сырья. Коричневое пятно расплодилось по Европе: в апреле — июне 1940 года были оккупированы Дания и Норвегия, в мае захвачены Голландия, Бельгия и Люксембург, в июне завершился разгром французской армии, остатки английских дивизий эвакуировались с материка на Британские острова, 22 июня капитулировала Франция... Начиная с августа германская авиация вела массированные бомбардировки английских городов, все большие масштабы приобретала морская война — в Атлантике, в Средиземном море.

³⁰ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 12.

³¹ ЦГАВМФ, ф. р-307, оп. 1, д. 144, л. 5—12.

Перемены в своей службе Лев Михайлович не ожидал, впрочем, кто мог предвидеть, что решит Сталин завтра, через час или минуту? Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вспоминает: «В октябре 1940 года вместе с начальником Главного морского штаба я докладывал в Кремле о строительстве береговых батарей. (...) После доклада собрался было уходить, но мне предложили задержаться. Вышел на минутку в приемную, переговорил о текущих делах с Л. М. Галлером, и он уехал в наркомат...

— Мне кажется, Галлера на посту начальника Главного морского штаба следует заменить Исаковым, — сказал И. В. Сталин. — Галлер — хороший исполнитель, но недостаточно волевой человек, да и оперативно Исаков подготовлен, пожалуй, лучше»³².

Нарком ВМФ согласился: сталинское «мне кажется» оспаривать в то время не решался, пожалуй, никто. Впрочем, судя по воспоминаниям Кузнецова, к тому времени и у него самого «сложилось мнение, что И. С. Исаков в качестве начальника Главного морского штаба был бы на своем месте... Так и было решено, — пишет Н. Г. Кузнецов. — И. С. Исакова назначили начальником Главного морского штаба, Л. М. Галлера — моим заместителем по судостроению»³³.

Сказанное наркомом ВМФ оспорить трудно, хотя не раз уже военными историками высказывалось мнение, что нецелесообразно было незадолго до войны, в 1940 году, заменять Б. М. Шапошникова на посту начальника Генштаба А. К. Мерецковым. Не так-то просто войти в круг дел Генштаба. Но ведь и Главного морского штаба — тоже. Очевидно, И. С. Исаков и в самом деле выглядел более энергичным, деятельным, более смелым в решениях. Льва Михайловича Галлера отличали не смелость и быстрота, а основательность, глубокая продуманность любой информации, которая направлялась наркому ВМФ, в Генштаб, в СНК, а также тщательнейшая, многократно проверенная проработка всех оперативных, организационно-мобилизационных и иных документов. Но может быть, Галлер отставал от движения, развития военно-морской оперативной мысли, оставлял без внимания и учета опыт войны на море в прошедшие месяцы вто-

³² Кузнецов Н. Г. Накануне, С. 267.

³³ Там же. С. 267—268.

рой мировой войны? Архивы, свидетельства очевидцев говорят об ином. В оперативные документы, в наставления Главным морским штабом своевременно вносились необходимые изменения. Доклады, которые делал Галлер и его заместитель по ГМШ В. А. Алафузов для руководящего состава флота выделялись глубиной и всесторонностью анализа. На военных играх, которые Галлер полагал одним из важнейших направлений повышения уровня оперативной подготовки, создавалась напряженная обстановка военного времени. Начальник ГМШ стремился придать каждой военной игре наибольшую активность, наращивая темп и сложность обстановки, старался дать возможность руководящему составу флотов совершенствоваться в управлении разнородными силами и в производстве необходимых расчетов, в организации взаимодействия. И все это с учетом последнего опыта военных действий флотов и авиации Англии и Германии.

...Вернувшись в наркомат, Кузнецов сразу же рассказал Галлеру о разговоре со Сталиным. Лев Михайлович, ничем не выдав своих чувств, обещал приложить все силы, чтобы и впредь, на новой должности, помогать наркому. Кузнецов был доволен: обмен должностями между его заместителями пройдет спокойно, по-деловому. Ведь и Исаков доволен новым назначением.

Итак, Л. М. Галлер второй заместитель наркома ВМФ, а И. С. Исаков первый. Но фактически, как станет ясно из дальнейшего, именно Галлер в годы войны «стал выполнять функции не только по кругу своих прямых обязанностей, но и как первый заместитель наркома»³⁴. В те дни октября, однако, все это было еще впереди...

Не выдал своих чувств... Н. Г. Кузнецов вспоминает: «Л. М. Галлер был тогда уже в годах, честолюбием не страдал»³⁵. Но все же горько было Льву Михайловичу расставаться со своим детищем — Главным морским штабом. И поделиться огорчениями не с кем... В тот вечер Галлер поехал домой. Недавно он получил квартиру и перевез сестер в Москву. По новому адресу — Лубянский проезд, дом 17, квартира 38, шли письма от немногих оставшихся друзей и знакомых. Предлагали квартиру на улице Серафимовича, в так называемом Доме правительства, там жили наркомы, его заместители И. В. Рогов и И. С. Исаков, он не захотел: сказал, что

³⁴ Военно-исторический журнал. 1963. № 6. С. 76.

³⁵ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 268.

стареньким сестрам далековато от центра. Нелегко было петербуржкам перебираться в шумную и суетную Москву, но не оставляют же сестер одних на берегах Невы — стареют, слабеют, болеют. Кто за ними присмотрит, кто поможет в случае нужды? Уговорил, перевез, основательно потрудился. Разместил в отцовских, еще шведских, шкафах все пять с лишним тысяч томов своей библиотеки. Теперь он изредка пополняет свое собрание уже с полок книжных лавок московских букинистов. Адмирала Галлера они знают и уважают — такого знатока морской книги еще не встречали, ему оставляют на просмотр редкое, интересное...

Антонина Михайловна заметила, что брату не по себе. Тоня, родная душа... Только год назад ушла из Публички — с 1923 года там работала. Подошла, положила руку на плечо: «Что случилось, Левушка?» «Ничего, милая...» И в самом деле, как объяснить ей происшедшее? Бог с ним, новая работа тоже интересна и не менее ответственна, успокаивает он себя. И служит он не ради карьеры. Он жив, существует, он работает на благо страны. Ему повезло...

И опять Лев Михайлович гадает, почему уцелел в кровавой бане предшествующих лет. С ним весьма любезен Жданов, с ведома которого канули в неизвестность, погибли лучшие командиры Балтийского флота, ленинградские кораблестроители — конструкторы и инженеры заводов. С ним вежлив Сталин. Молотов, с которым не раз приходилось иметь дело как с председателем Совнаркома, — тоже. Сохранили, как и Шапошникова, чтобы можно было спросить, проконсультироваться по военным делам и получить нелицеприятный, квалифицированный ответ? Ведь Шапошников, кажется, единственный уцелевший из командовавших округами в 36—37 годах, а Галлер — из командовавших в то же время флотами. «Вы мамонт!» — сказал как-то язвительный Белли. Судьба, повезло? Или случилось так, что Жданов (а он явно в фаворе у Сталина) поручился за нужных ему как «шефу» ВМФ, «своих» — командующего Ленинградским военным округом и командующего КБФ, знаниям которых доверяет? Скорее всего, решает наконец Лев Михайлович, это навсегда останется тайной.

15 ноября 1940 года адмирал Л. М. Галлер вступил в новую должность, приняв руководство управлениями Наркомата ВМФ — кораблестроения, артиллерийским, минно-торпедным, связи, химическим, техническим и гид-

рографическим. Каждое управление — это научно-исследовательские институты и испытательные полигоны, арсеналы, ремонтные заводы и мастерские, склады и всякого рода специальные учреждения и службы.

Всем этим конгломератом управлений, без которых невозможна жизнедеятельность флотов, отныне ведал замнаркома ВМФ адмирал Л. М. Галлер. И все было важно в их работе — повседневной и перспективной, в делах и трудностях каждого следовало разобраться.

Лев Михайлович начал с кораблестроения. Первый доклад о ходе строительства кораблей он сделал на Главном военном совете наркомата 26 ноября, после того как тщательно разобрался с переориентацией заводов на ускорение работ по легким надводным силам и подводным лодкам. Переориентация была связана с тем, что 19 октября 1940 года Совнарком принял постановление о прекращении закладки новых линкоров и тяжелых крейсеров. Тогда же было решено сосредоточить силы на строительстве малых и средних боевых кораблей и достройке лишь тех больших, которые имеют значительную степень готовности к вступлению в строй³⁶. Однако за прошедший после этого месяц заводы, как выяснил Галлер, практически не ускорили темпы строительства эсминцев, подводных лодок и боевых катеров. В значительной мере это объяснялось отсутствием необходимых поставок оборудования и оружия для кораблей предприятиями других наркоматов. Галлер предложил ряд мер, которые должны были навести здесь порядок, но и отметил, что без вмешательства Совнаркома имеющиеся проблемы по поставкам судостроительным заводам не разрешить. И Главный военный совет обязал замнаркома адмирала Галлера представить в СНК соответствующий доклад, изложив в нем состояние кораблестроения и пожелания Наркомата ВМФ.

Конечно, Льву Михайловичу жаль было расставаться с мечтой о Большом флоте. Но уже с конца 1939 года, после разгрома Польши, вспоминал В. А. Белли, Галлер пришел к выводу, что четырех-пяти лет, необходимых для окончания выполнения программы военного кораблестроения, у страны скорее всего не будет. Видно, уж таков рок российского флота: не успели построить флот к началу русско-японской войны, не успели к германской — первой мировой. И не успеваем вновь... После-

³⁶ ЦВМА, ф. 14, оп. 1476, д. 2, л. 176—177.

дующие месяцы подтвердили его мысли: Франция капитулировала, вся Европа, за исключением Югославии, Греции и Швеции, послушна воле Гитлера. Но Германия продолжала наращивать мощь своих сухопутных сил и авиации, значит, готовилась к войне с сильным противником на суше. И не было сомнения, что следует использовать все ресурсы для перевооружения Красной Армии, чтобы быть готовыми дать отпор вермахту — самой сильной в мире сухопутной армии.

В конце 1939 года, однако, поднимать перед Сталиным вопрос о свертывании строительства линкоров и тяжелых крейсеров было невозможно, даже если бы на это и решился нарком ВМФ. В верхах царил некая эйфория по части отношений между СССР и Германией. Галлер, впрочем, и сам не был до конца убежден в такой необходимости. Он думал, что Сталин обладает, вероятно, более полной информацией, если столько средств вкладывается в строительство флота. Ведь есть же нечто, дающее Сталину и Молотову уверенность в лояльном выполнении Германией своих обязательств... Но вот, в конце концов, пришли к необходимости значительного свертывания кораблестроения. Итак, ВМФ следовало максимально форсировать строительство тех кораблей, которые могут быстро вступить в строй. Это была первая и важнейшая задача, над выполнением которой должен был работать Галлер. Следующая задача состояла в немедленном усилении противовоздушной обороны кораблей. Этого требовал опыт войны: германские пикировщики топили английские корабли в Средиземном море. Надлежало в кратчайшие сроки получить у промышленности 37-миллиметровые автоматы «70-К» — сотни автоматов! И быстро обеспечить их установку на линкорах, крейсерах и эсминцах, сторожевых кораблях, тральщиках и крупных судах вспомогательного флота, на противолодочных катерах.

Опыт войны между Германией и Англией выдвинул еще одну проблему — борьбу с неконтактными минами. Немцы применили этот новый вид оружия, ставя мины близ английских портов в Северном море и в Суэцком канале. Неконтактные мины взрывались под днищем проходящего над ними корабля под воздействием магнитного поля. Вначале английский флот понес существенные потери: подрывался на mine линкор «Нельсон», погиб польский эсминец «Гром», пошло ко дну значительное число транспортов. Галлеру было известно, что в Англии ве-

дуются работы по размагничиванию боевых кораблей и торговых судов. Сообщения об этом появились в английской и американской печати в начале 1940 года, а в марте У. Черчилль высоко оценил заслуги ученых своей страны в борьбе с неконтактными минами. Это заявление он сделал уже после того, как практически все английские корабли и суда были защищены от подрыва на магнитных минах ³⁷.

Галлер знал, что исследования по проблемам защиты от магнитных мин начались у нас в конце 1936 — начале 1937 года. Как всегда, ученые работали прекрасно, а помогали в наркоматах им, увы, плохо. Более того, летом 1937 года была признана бесперспективной работа, проделанная группой из Ленинградского физико-технического института под руководством А. П. Александрова, будущего академика ³⁸. Однако начальник Научно-исследовательского минно-торпедного института (НИМТИ ВМФ) А. Е. Брыкин все же помог ученым продолжить исследования, выделил корабль для проведения опытных работ. И в 1938 году были получены отличные результаты: размещенные на корабле специальные кабельные петли, по которым пропускался постоянный ток, обеспечили многократное уменьшение магнитного поля. Потом прокатилась волна арестов «врагов народа» в НИМТИ, и вновь наступила пауза: работы перенесли на следующий год. Но началась война с Финляндией, и на линкор «Марат», на котором планировались испытания размагничивающего устройства, ученых не допустили. Уходило драгоценное время... Спасибо директору ЛФТИ А. Ф. Иоффе — совещание, собранное по его инициативе в ноябре 1939 года, приняло решение установить в 1940 году размагничивающие устройства на речных кораблях и завершить все научно-исследовательские работы по размагничиванию кораблей ³⁹. Действительно, в октябре комиссия от ВМФ приняла размагничивающие устройства, установленные на речном мониторе и катерном тральщике. Но ко времени вступления Галлера в новую должность ни один боевой корабль на флотах не имел защиты от магнитных мин. Не были, разумеется, оборудованы соответствующим образом и суда торгового флота. Положение это Галлер счел крайне опасным.

³⁷ См.: Ткаченко Б. А. История размагничивания кораблей Советского Военно-Морского Флота. М., 1981. С. 47.

³⁸ См. там же. С. 25.

³⁹ См. там же. С. 34—35.

Требовалось принять решительные меры для защиты от магнитных мин кораблей ВМФ — надводных и подводных в первую очередь, а затем и судов торгового флота. Кроме того, флот не имел на вооружении специальных тралов для борьбы с магнитными минами, а необходимость в них была совершенно очевидна. Англичане такие тралы уже имели.

Еще с двадцатых годов Лев Михайлович интересовался научными исследованиями по техническим средствам обнаружения. Иностранные журналы печатали немало чепухи о всяких таинственных лучах, но было ясно, что во многих странах ведутся работы по обнаружению самолетов, кораблей и подводных лодок различными техническими средствами. Добиться скорейшего принятия на вооружение ВМФ новых приборов для обнаружения целей в воздухе, на воде и под водой Галлер также считал своей важнейшей задачей.

В конце 20—30-х годов в ПВО Красной Армии широкое применение нашли различные типы звукоулавливателей, иногда спаренных с прожекторами. Но применить их на кораблях для обнаружения самолетов и выдачи целеуказания зенитной артиллерии не представлялось возможным: мешал фон собственных шумов корабельных механизмов. Поэтому в 1934 году Л. М. Галлер проявил большой интерес к научно-исследовательским работам, которые велись под руководством Главного артиллерийского управления РККА (ГАУ), по обнаружению самолетов по их тепловому излучению. Вскоре, однако, выяснилось, что дальности тепlopеленгации самолетов невелики. Тогда появилась мысль: нельзя ли использовать тепlopеленгатор для обнаружения надводных кораблей? Коморси флагман флота 1 ранга В. М. Орлов предложил провести необходимые испытания на КБФ. Генерал-лейтенант М. М. Лобанов, в то время молодой военный инженер, возглавлявший группу по испытанию тепlopеленгаторов, вспоминает свою первую встречу с командующим КБФ Галлером, «большим поклонником военной техники». С первых же минут разговора выяснилось, что Галлер знаком не только с принципом тепlopеленгации, но и с разработками по этой части за рубежом. Он даже показал неизвестные до этого Лобанову публикации о тепlopеленгации. «Я был настолько поражен его словами, — писал М. М. Лобанов, — что в первый момент не мог ничего ответить. Командующий флотом, видный морской военачальник — и такая осведомленность в вопро-

сах, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к его служебной деятельности. Каким же огромным должен быть диапазон знаний человека, чтобы он мог вот так свободно и непринужденно вести беседу о новейших технических проблемах!»⁴⁰

Теплопеленгаторы тогда разместили на островном форту К, начали испытания, обнаруживая и сопровождая пароходы, подходившие к Кронштадту с запада. И тут выяснилось, что дальности обнаружения судов очень малы — каких-то 8—9 километров. Ученые и инженеры недоумевали: по расчетам должно быть больше. В июле, вспоминает М. М. Лобанов, на форт пришел на катере Л. М. Галлер. Он внимательно просмотрел протоколы испытаний и посоветовал Лобанову съездить в торговый порт и осмотреть трубы пароходов — основной источник испускаемого тепла. Оказалось, что трубы торговых судов имеют кожуха, экранирующие излучение... После этого Галлер выделил для проведения испытаний сторожевик и эсминец. И были получены для того времени отличные результаты: теплопеленгатор обнаруживал сторожевик на 14 километрах, эсминец — на 22! Потом по предложению Галлера теплопеленгатор испытали в море, установив на линкоре «Марат»...

Лев Михайлович помнил, что работы по созданию на флоте теплопеленгаторов для кораблей и береговых постов продолжают. И в перечне дел, который он для себя составил, отметил: «Что с «Ураном»?» Так именовался образец корабельного теплопеленгатора. Стационарные береговые теплопеленгаторы БТП-36 к тому времени уже использовались на флотах.

С помощью теплопеленгаторов можно было обнаруживать лишь надводные корабли. Галлера осенью 1940 года больше занимало радионаблюдение — так тогда называлась радиолокация. Ему было известно о работах по обнаружению радиометодами самолетов, которые вели с начала 30-х годов ученые ЛЭФИ — Ленинградского электрофизического института и ЦРЛ — Центральной радиолaborатории. Командующий КБФ Л. М. Галлер через Николая Владимировича Алякринского, начальника НИИ военного кораблестроения, познакомился с лэфистами, занимавшимися радиообнаружением. Трудно было тогда решить, какой метод перспективнее для радиообнаруже-

⁴⁰ Лобанов М. М. Мы — военные инженеры. М., 1977. С. 109.

ния: непрерывного излучения, которому отдавали предпочтение Ю. К. Коровин и Б. К. Шембель, или импульсного — сторонником его был М. Д. Гуревич. Начальник НИМИС — Научно-исследовательского морского института связи Аксель Иванович Берг, давний знакомый Галлера еще с той поры, когда он был штурманом на линкоре «Цесаревич», склонялся к импульсному методу. Но Берг просил Льва Михайловича поддержать перед В. М. Орловым его просьбу об ассигнованиях на работы по обоим направлениям. Галлер делал для этого все что мог и в последний год командования КБФ, и после того, как стал заместителем коморси. Еще до отъезда в Москву, в 1936 году, Галлер ознакомился с результатами испытаний радиообнаружителя ЛЭФИ «Буря», модифицированного для обнаружения и самолетов и кораблей. Дальность его действия, к сожалению, оказалась малой: самолет обнаруживался лишь на 10—15 километрах, корабль на 3—5⁴¹. Это была аппаратура с непрерывным излучением радиоволн. Но многое обещали работы по радиообнаружению и лаборатории И. В. Бренева в НИМИС. А. И. Берг и его институт были на пороге создания радиообнаружителя импульсного излучения. Но в 1937 году арестовали А. И. Берга и многих его сотрудников как «врагов народа»...

Уже будучи начальником ГМШ, Лев Михайлович в конце 1939 года внимательно изучил результаты испытаний станции радиообнаружения «Редут» около Севастополя. Испытаниями от ВМФ руководил А. Л. Генкин, которого Галлер помнил с середины 30-х годов слушателем Военно-морской академии, проходившим практику на сторожевике «Вихрь». Молодой инженер, призванный на флот после окончания ЛЭТИ, обратил тогда на себя его внимание не столь уж часто встречающимся умением ясно и кратко излагать самые сложные и проблемные технические вопросы, живым, ищущим умом. Вот и испытания «Редута» А. Л. Генкин провел быстро и организованно, получил интереснейшие результаты: станция, установленная на самом берегу моря, у высокого обрыва, обнаружила гидросамолет МБР-2, летевший на высоте шесть тысяч метров, на дальности около 150, а эсминец — на 20—25 километров⁴². Это было замечательно!

⁴¹ См.: Лобанов М. М. Начало советской радиолокации. М., 1975. С. 158.

⁴² Там же. С. 161.

И Лев Михайлович высказал наркому Кузнецову свое мнение: радиообнаружитель, созданный ленинградскими учеными Ю. Б. Кобзаревым и А. И. Шестаковым, открывает блестящие возможности для ПВО флота. Но испытанный вариант береговой. И нужно спешно добиться изготовления подобной станции, пригодной для установки на кораблях. Для начала необходимо снабдить «редутами» линкоры и крейсера.

В апреле 1940 года НИМИС выдал заказ на разработку корабельного варианта радиообнаружителя «Редут» — «Редута-К». Галлеру предстояло проверить, как он выполняется, и попытаться ускорить поступление станции радиообнаружения на флоты для монтажа на кораблях. Нужно было торопиться, чтобы не отстать: в ГМШ имелись сведения, что на кораблях британского флота с 1938 года началась установка радиообнаружителей самолетов.

Просматривая документы, представленные Управлением связи, Галлер убедился, что со средствами гидроакустического обнаружения дело обстоит несколько лучше, чем с радиообнаружением. На всех подводных лодках устанавливались шумопеленгаторы, с помощью которых следили за надводными и подводными кораблями. Хуже обстояло дело с шумопеленгаторами для противолодочных катеров: «слушать» с их помощью подводные лодки можно было, лишь застопорив ход. Работы же по созданию активного гидроакустического обнаружителя (потом они будут именоваться гидролокаторами) лишь разворачивались. И тут тоже следовало разобраться, помочь.

В течение тех нескольких суток, когда Галлер занимался ознакомлением с работой подчиненных ему управлений ВМФ, какое-то время было уделено боевым катерам — торпедным, противолодочным и артиллерийским. Почему замнаркома уделил им особое внимание, понятно. Развернув строительство катеров, можно было быстро усилить ВМФ на вероятных морских театрах военных действий — на Балтике и на Черном море. Наконец, строить боевые катера могли заводы, расположенные на реках.

В свое время, еще летом 1927 года, Галлер внимательно следил за испытаниями первого советского торпедного катера «Первенец» конструкции А. Н. Туполева. В 1928 году, когда он стал командиром дивизии линкоров, пришлось осваивать методы противокатерной оборо-

ны соединения на переходе морем, отражая учебные атаки первых советских серийных торпедных катеров типа «Щ-4». Потом на смену им пришли катера типа «Г-5», в том числе и управляемые по радио с самолета наведения. Катера «Г-5» и состояли в конце 1940 года на вооружении всех флотов. Но опыт боевой подготовки показал недостаточную их мореходность. На Тихоокеанском и особенно на Северном флотах применять «Г-5» было сложно. Случалось, что штормовые волны выкидывали катера на берег. Для флотов океанских требовался торпедный катер большего водоизмещения. И Лев Михайлович помнил себе, что нужно знать, как идут испытания больших торпедных катеров со стальным и деревянным корпусом, сконструированных и построенных в Ленинграде. Следовало выяснить и положение дел с удивительными катерами конструктора В. И. Левкова.

С создателем первых в мире катеров на воздушной подушке Владимиром Израйльевичем Левковым командующий КБФ Галлер познакомился в 1934 году. Будучи в Москве, вместе с коморсд В. М. Орловым побывал на испытаниях двухместного катера «Л-2» на Переяславском озере. Оба флагмана тогда решили, что катера на воздушной подушке ожидает большое будущее. Затем катера В. И. Левкова испытывались в Копорской губе под руководством заместителя коморси П. И. Смирнова и Б. В. Никитина, комбрига торпедных катеров. Испытания продолжались в 1937 и 1938 годах, катера оказались замечательными: развивали скорость до 130 километров в час, выходили с моря на пологий берег и двигались над сушей. Но подводили моторы — перегревались⁴³. Доработка моторов, устранение других замечаний по катерам приостановились после ареста В. И. Левкова и его сотрудников как «врагов народа». Потом Левкова освободили, он продолжил свою работу. И Галлер записал в тетрадь: «Узнать, что с катерами Левкова».

Конечно, этим не ограничивался перечень дел, назначенный замнаркома Галлером вскоре после 15 ноября. Были в его планах и многие другие вопросы — по тем управлениям, о которых уже шла речь: по артиллерийскому, минно-торпедному, химическому, гидрографическому. Всего не перечислить...

По архивным документам видно, что Лев Михайлович энергично занялся делами. Уже было сказано, что в но-

⁴³ См.: Никитин Б. В. Катера пересекают океан. Л., 1980. С. 86—88.

ябре он докладывал на Главном военном совете (ГВС) НК ВМФ о кораблестроении. Тогда же заслушали сообщение о мерах по ускорению строительства торпедных катеров и обесшумливанию подводных лодок. На ГВС в декабре Галлер доложил о принятии на вооружение теплогенератора «Уран» и об установке головного образца на черноморском крейсере «Красный Кавказ»; в январе наступившего 1941 года — о строительстве катеров конструктора В. И. Левкова (до августа предстояло принять три боевых катера типа «Л-5», в июле три тренировочных типа «Л-9»; «Л-5» испытать, решить вопрос о передаче заводу в серию); об установке до 1 мая на линкоре «Парижская коммуна» 37-миллиметровых зенитных автоматов. В феврале он выступает после заслушивания на ГВС доклада начальника Артиллерийского научно-исследовательского института И. И. Грена. Галлер предложил ускорить разработку новых образцов орудий и снарядов...⁴⁴ И так изо дня в день, из месяца в месяц. Перечень докладов, которые делал он на военных советах, подписанных им приказов о принятии на вооружение новых орудий и мин, торпед и снарядов, новых приборов можно продолжить. А ведь за всем этим стояла громадная работа — замнаркома держал руку на пульсе всех подчиненных ему управлений. Для этого нужна была энциклопедичность знаний в военно-морской технике и оружии, та самая, которой восхищался генерал М. М. Лобанов, и всестороннее знание флота, которое дается годами жертвенного служения делу. Всем этим обладал Лев Михайлович Галлер. И невольно задумываешься: кто бы мог еще работать на этом посту с такой же отдачей, такой же эффективностью?

Галлер спешил выполнить все намеченное, запланированное. Не изменяя своей педантичности и вежливости, усиливал требовательность, немедленно принимал меры, если видел, что промышленность или его управления срывают установленные сроки. Спешил, потому что все более убеждался в близости войны с Германией. Приближение войны понимал, конечно, и Н. Г. Кузнецов. Пусть немцы раздают авансы, обещают золотые горы — продали недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов» с обязательством ввести в строй на ленинградском заводе, для изучения опыта военного кораблестроения приняли на свои заводы на несколько месяцев группу инженеров

⁴⁴ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 170, л. 5—78.

во главе с наркомом судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяном и начальником Управления кораблестроения ВМФ Н. В. Исаченковым, который должен был провести с немцами переговоры и заказать башни главного калибра артиллерии тяжелых крейсеров типа «Кронштадт». В пору, когда многие не осмеливались четко нацелить Вооруженные Силы на отпор гитлеровским агрессорам, нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов неустанно напоминал о повышении боевой готовности, выдвинул лозунг борьбы «за первый залп». 10 декабря 1940 года, выступая на расширенном заседании Главного военного совета НК ВМФ в присутствии всех командующих флотами и флотилиями, командного состава ГМШ и управлений ВМФ, он говорил: «...наиболее вероятным противником является ближайший, соседний. Этим следует руководствоваться»⁴⁵. Это то, что мог сказать тогда нарком с трибуны. За соблюдением табу на высказывания о Германии, как политическом и военном противнике, следили люди Берии, сменившего исчезнувшего Ежова. В разговорах же наркома с командующими и начальниками штабов флота Германия прямо называлась противником, к боевым действиям против которого надлежит готовиться. И флоты соответственно планировали военные игры и учения, отрабатывая, например, боевые действия по обороне островов Моонзундского архипелага на Балтике и полуострова Рыбачий на Севере. Скоро все это пригодилось...

В январе замнаркома Галлер побывал в Ленинграде вместе с начальником Артиллерийского управления ВМФ, проверяя готовность заводов к производству новых образцов орудий — 406-миллиметровых для линкоров, 305-мм для тяжелых крейсеров, 152-мм для новых легких крейсеров типа «Чапаев», линкоров и тяжелых крейсеров (как вспомогательный калибр). Все было готово, к концу 1941 года орудия должны начать поступать на судостроительные заводы. Но Лев Михайлович думал и о перспективе. Он интересовался начавшейся разработкой универсальной спаренной 130-миллиметровой башенной установки. Галлер хотел, чтобы в дальнейшем такие башенные установки были приняты как главный калибр на эсминцах и лидерах новых проектов. Будучи универсальными, они могли вести огонь и по самолетам, и по надводным кораблям, и по берегу. В этом случае противо-

⁴⁵ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 294, л. 30.

воздушная оборона кораблей резко усиливалась. В США и в Англии уже были приняты на вооружение кораблей такие орудия, нам же еще предстояла длительная работа. И Галлер приказал И. И. Грену ускорить разработку и изготовление опытового образца. Конечно, результат мог быть получен еще не скоро. Поэтому в первые месяцы нового года замнаркома главное внимание уделял производству 37-миллиметровых зенитных автоматов. Дважды в месяц ему докладывали, сколько зенитных автоматов получено от промышленности, сколько и на какой флот отправлено для монтажа на кораблях. Галлер надеялся, что к концу года все корабли класса сторожевика и выше получат на вооружение зенитные автоматы.

До конца года... Но в феврале Галлер читал в разведсводках о появлении в Болгарии и Румынии офицеров германского флота, о начавшемся под их руководством строительстве береговых батарей близ Бургаса и Констанцы. Как-то после заседания Главного военного совета Кузнецов и Галлер заговорили с Ждановым о военных приготовлениях немцев на Черном море, напомнили о странной задержке с поставками из Германии для недостроенного крейсера «Петропавловск» (бывшего «Лютцова»). Николай Герасимович прямо сказал, что немцы ведут себя подозрительно и пора, видимо, принимать меры предосторожности. Но Жданов в ответ решительно утверждал, что немцы завязли на Западе, и нам можно спокойно заниматься своими делами⁴⁶. 7 февраля Н. Г. Кузнецов письменно доложил Сталину о прибытии в Болгарию немецких военных специалистов, орудий для береговых батарей, зенитных пушек. Однако ни указаний, ни разрешения на свободу действий по усилению боевой готовности ВМФ не получил⁴⁷.

Тревожные донесения военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова и Разведуправления ВМФ все больше беспокоили руководство наркомата — Н. Г. Кузнецова, И. С. Исакова, Л. М. Галлера. Тем более что так и не были решены многие важнейшие оперативные вопросы по взаимодействию Прибалтийского и Ленинградского военных округов с Краснознаменным Балтийским и Северным флотами. По указанию наркома ВМФ в 1940 году под руководством Галлера был создан и представлен в Генштаб документ, конкретизирующий порядок

⁴⁶ См.: Кузнецов Н. Г. Накапуне. С. 295.

⁴⁷ См.: Москва. 1988. № 5. С. 169.

взаимодействия округа и флота. Но он не был тогда утвержден Генштабом, т. е. остался обязательным лишь для флотов. Правда, в феврале 41-го появилась директива Генштаба о взаимодействии ВМФ и сухопутных войск, но она носила общий характер⁴⁸. В то же время требовали четкого согласования вопросы обороны Моонзундского архипелага, Либавской военно-морской базы и ряд других. Надеясь на благотворность личных контактов, Н. Г. Кузнецов не раз приглашал наркома обороны С. К. Тимошенко на совещания Главного военного совета НК ВМФ, когда на нем присутствовали командующие флотами. Маршал каждый раз благодарил, обещал приехать, но так ни разу и не побывал в Наркомате ВМФ⁴⁹. А приглашали его на заседания, на которых решались важные оперативные вопросы. После замены К. А. Мерецкова на посту начальника Генштаба Г. К. Жуковым взаимосвязи по линии высших штабов ухудшились.

В марте нарком ВМФ, начальник ГМШ и замнаркома по кораблестроению и вооружению собрались, чтобы составить для представления в ЦК ВКП(б) план организационных мероприятий ВМФ на 1941 год⁵⁰. После обсуждения включили важнейшее: ввод в строй новых кораблей и береговых батарей, усиление ПВО баз и кораблей за счет 353 истребителей новых типов и установки радиообнаружителей «Редут» и «Редут-К». Получалось, что выполнение мероприятий в основном приходится на вторую половину года. Лев Михайлович рассказал флотский анекдот: Николай Иванович Паттон, начальник 2-й бригады линкоров на Балтике, с мичманских времен всегда ходил в отпуск в первой половине года. А в 1914 году, уже будучи командиром эсминца, поддался уговорам жены и согласился отложить отпуск — поехать в августе в Ниццу. А тут война! Говаривал: «Еще раз меня так не проведут! Кончится мировая — отпуск опять буду брать в первую половину года». Николай Герасимович усмехнулся: «Не пойти ли нам в отпуск в первой половине года?»⁵¹.

В отпуск никто из них, конечно, не пошел. Работали и зимой, и весной с исключительным напряжением; и руководство, и ГМШ, и управления. Будто знали, что мирного времени осталось совсем немного. Но не зна-

⁴⁸ См.: Морской сборник. 1975. № 7. С. 29.

⁴⁹ См.: Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 298—299.

⁵⁰ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 1, л. 20.

⁵¹ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 91.

ли — чувствовали. Впрочем, не все. Лев Михайлович все не мог привыкнуть к беспорядку, халатности, невыполнению положенного, недостатку простой порядочности. Как не доставало организованности и профессионализма у заменивших тех, кто навсегда исчез с ярлыком «враг народа». Галлер убедился в этом, побывав с проверками на Балтийском и Северном флотах.

Об итогах инспекторской проверки СФ, принятых мерах, в результате которых одни корабли уже вступили в строй, другие заканчивали ремонт, о передаче завода Главсевморпути флоту Галлер доложил на Главном военном совете Наркомата уже 18 июня. Слишком много у наркома и его заместителей было неотложных дел во второй половине мая — первой половине июня. Дважды, например, разбирались с ходом работ по размагничиванию, принимали решение оборудовать в течение 1941 года все корабли противоминными устройствами ЛФТИ, создать на флотах контрольно-измерительные стенды⁵². В эти же недели ГМШ готовил на подпись наркому приказ о срывах и «неудачном проведении» тактических учений на Черноморском флоте, плохой постановке там разведки... Это было текущее, еще от мирной жизни.

Но уже стало ясно, что нельзя медлить с мероприятиями для сбережения кораблей, флотов в целом от неожиданного удара немцев. Вернувшись в Москву из Мурманска, Галлер сразу же приехал в наркомат, зашел к оперативному дежурному ГМШ, посмотрел дислокацию кораблей на Балтике и Черном море. В Либаве по-прежнему стояли корабли отряда легких сил, которым командовал В. П. Дрозд, два крейсера — «Киров» и «Максим Горький», два дивизиона эсминцев. Да еще там же бригада подводных лодок. А до границы — несколько десятков километров, рукой подать до немецких аэродромов в Восточной Пруссии. Опасно... Это давно беспокоило наркома ВМФ. В тот же день, когда вернулся Галлер, Н. Г. Кузнецов созвал Главный военный совет, пригласил присутствовать А. А. Жданова. Николай Герасимович поставил вопрос о немедленном перебазировании кораблей из Либавы в Рижский залив⁵³. Все члены Совета его поддерживали, но Жданов сказал, что нужно доложить Сталину. Говорить же со Сталиным об этом отказался. 24 мая 1941 года нарком направил Сталину

⁵² См.: Ткаченко Б. А. История размагничивания кораблей Советского Военно-Морского Флота. С. 45.

⁵³ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 293, л. 152.

письмо с просьбой разрешить перебазирование, но ответа все не было. Наконец ему удалось доложить Сталину лично и получить устное согласие. Отряд легких сил и бригада подводных лодок немедленно перешли в Усть-Двинск. В те же дни в сопровождении эскорта был переведен из Таллинна в Кронштадт линкор «Марат», второй линкор — «Октябрьская революция» остался в Таллинне.

Конечно, получение разрешения Сталина было удачей. Отдай такое приказание нарком сам, и не известно, чем бы это кончилось. Ведь после обстрела немецких самолетов над Либавой Кузнецов был вызван к Сталину, принявшему его в присутствии Берии. Нарком получил строгий выговор и указание немедленно отменить приказ об открытии огня по нарушителям. 1 апреля ГМШ дал на флоты директиву: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы»⁵⁴. Но и после этого Н. Г. Кузнецов делал все, чтобы поднять боевую готовность флотов. Так, были форсированы работы по установке береговых батарей, для чего разрешалось монтировать орудия на временные деревянные основания, ускоренно, даже с мелкими недоделками, принимались новые корабли, подводные лодки и катера. И боевой состав флотов пополнялся: всего за первую половину 1941 года было принято от промышленности 9 эсминцев, крейсер «Молотов», 6 подводных лодок, 2 тральщика, 16 катеров-охотников за подводными лодками, 5 торпедных катеров, 15 катерных тральщиков...⁵⁵

Стратегической внезапности, как известно, не было: в Москве понимали, что война с Германией будет. Хотя Сталин, вероятно, пытался себя уверить, что в ближайшие месяцы ничего не произойдет. Несмотря на обращения к нему наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генштаба Г. К. Жукова, он не разрешал привести хотя бы частичную мобилизацию.

Следовало лишить противника и внезапности тактической. И нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов заслужил глубокое уважение и признательность современников и потомков тем, что Военно-Морской Флот встретил начало войны в необходимой боевой готовности.

⁵⁴ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 314.

⁵⁵ См.: Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С. 139.

Шли последние десять предвоенных дней. «Я видел И. В. Сталина 13 или 14 июня, — вспоминает Н. Г. Кузнецов. — То была наша последняя встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов». Никаких вопросов о готовности флотов с его стороны не последовало»⁵⁶. Ничего не сказал Сталин наркому ВМФ и о тех предупреждениях о нападении Германии на СССР в ближайшие дни, которые поступали в Москву из самых разных источников.

Но нарком ВМФ и так понимал — нужно действовать. О необходимости повысить оперативную готовность «западных» флотов в эти дни с Н. Г. Кузнецовым не раз говорили Л. М. Галлер и В. А. Алафузов, наверняка к ним присоединился бы и начальник ГМШ И. С. Исаков, убывший в Севастополь для контроля совместных учений Черноморского флота и Одесского военного округа, 14 июня газеты опубликовали сообщение ТАСС о дружественных отношениях между СССР и Германией. Как известно, многие в Красной Армии и ВМФ, привыкшие уже считать, что все, что из Москвы — есть указание «самого», решили — беспокоиться нечего. «Сталин знает...» Но в Наркомате ВМФ думали иначе. Н. Г. Кузнецов уже знал, что У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт прислали телеграммы, предупреждающие о возможном нападении Германии на СССР⁵⁷. 19 июня нарком перевел на оперативную готовность № 2 Краснознаменный Балтийский и Северный флоты. Черноморский флот, по случаю учений, уже был в оперативной готовности № 2. Готовность его осталась прежней и после окончания учений 20 июня, когда корабли вернулись в свои базы.

В последние дни перед войной Льву Михайловичу казалось, что воздух, как перед грозой, насыщен электричеством. Кто знает, может быть, когда-нибудь учены и откроют, что высшее нервное напряжение сему способствует... 21 июня вечером, около 21 часа, Галлер зашел к наркому. Н. Г. Кузнецов вспоминает, что Лев Михайлович «заговорил о напряженной обстановке, о готовности флотов»⁵⁸. Нарком вышел из-за стола, подошел к карте Балтики, висевшей на стене. «Лев Михай-

⁵⁶ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 321.

⁵⁷ См.: Москва. 1988. № 5. С. 174.

⁵⁸ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 327.

лович около восемнадцати обзвонил флоты, приказал командному составу быть на местах. Так-то лучше... И только что от меня ушел Воронцов. Он сегодня приехал из Берлина. Говорит с абсолютной уверенностью: нападения надо ждать в ближайшие часы. Незадолго перед выездом в СССР он получил еще одну информацию через Бека, бывшего главного раввина в Берлине: немцы перейдут западную границу 21—24 июня...»⁵⁹

Галлер согласно кивнул головой: «Да, Николай Герасимович, это война. А «Октябрьская революция» все еще в Ревеле, на открытом рейде...»

Нарком и Галлер поговорили о Либавской базе — ее опасной близости к Восточной Пруссии, о текущих делах. Около 22 часов Галлер ушел, предупредив, что будет работать в своем кабинете. И действительно, заставив себя не думать о том, что будет в ближайшие часы, он сел за стол, раскрыл папку с документами по размагничиванию кораблей, недовольно покрутил ус. Медленно, слишком медленно идут работы. И еще не решен вопрос, кто поставит флоту километры необходимого кабеля...

...Вдруг позвонил оперативный дежурный ГМШ — нарком просил передать, что вызван к Тимошенко. С ним пошел Алафузов.

Лев Михайлович сложил документы в папку, убрал в сейф... Что-то случилось? Он подошел к окну — тепло! Вышел из кабинета и сразу же увидел бегущего Алафузова. Полный, всегда несколько медлительный в движениях контр-адмирал бежал! «Нарком приказал: всем флотам готовность один», — сказал он не останавливаясь.

Не раз проверенный механизм штабной службы действовал безотказно. Через считанные минуты в Полярное, Таллинн и Севастополь по телеграфу и по радио в адрес командующих флотами ушли условные сигналы, означавшие немедленный переход флота на оперативную готовность № 1. Вскоре вернулся из Наркомата обороны Н. Г. Кузнецов, из своего кабинета связался по телефону с командующими КБФ В. Ф. Трибуцем и СФ А. Г. Головко, начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым (командующий флотом Ф. С. Октябрьский находился за городом на даче) и приказал немедленно привести флоты в оперативную готовность № 1. «Машина закрутилась, — сказал он Галлеру. — Давайте прикинем, что за сюрпризы преподнесут нам немцы».

⁵⁹ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 1, л. 652.

Особенно беспокоило наркома, конечно, положение дел на Балтике. Об этом и шел разговор между ним и Галлером. Стоя у карты обсудили, какие у КБФ силы, их возможности, дислокацию. А с флотов поступали доклады о приведении в полную боевую готовность. Последним в 4 ч 25 мин перешел на готовность № 1 Северный флот, первым, около 2 ч, Черноморский. Одновременно с ЧФ перешла в готовность № 1 Дунайская флотилия. В 3 ч 15 мин 22 июня командующий Ф. С. Октябрьский доложил наркому о воздушном налете врага на главную базу Черноморского флота — Севастополь. Война началась.

В Великую Отечественную

В полдень 22 июня, когда пламя войны уже охватило приграничные районы страны и гитлеровские войска на многих направлениях прошли на восток не один десяток километров, выступил по радио заместитель председателя Совнаркома В. М. Мологов. Он заявил о начале войны и призвал отразить фашистскую агрессию...

К утру второго дня войны в Наркомате ВМФ подвели итоги: флоты выдержали внезапное нападение, не потеряли ни одного корабля. Но у Галлера не было никаких иллюзий: положение тяжелейшее. В Прибалтике немцы продвигаются... Прежде всего он думал о том, что касалось его непосредственно по должности: о кораблестроении, защите от неконтактных магнитных мин, обеспечении флотов минами, торпедами, снарядами, всем необходимым. Уже 23 июня он подписал у Н. Г. Кузнецова письмо в Наркомат судостроения⁶⁰. В этом письме были изложены требования ВМФ по скорейшему вводу в строй ремонтирующихся и достраивающихся кораблей: форсировать испытания эсминцев «Грозный» и «Статный», спешно закончить доковые работы на эсминце «Сокрушительный». Нарком ВМФ требовал в оставшиеся дни июня завершить гарантийные работы на гордости отечественного кораблестроения — подводных крейсерах «К-1» и «К-2», переведенных в 1940 году из Ленинграда на Северный флот, форсировать достройку еще четырех подводных лодок типа К и четырех типа Л, а из проходивших капитальный ремонт передать флоту в июле — августе две лодки типа Л, две типа Д, четыре типа Щ...

⁶⁰ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 345, л. 44.

Список этот можно было бы продолжить, но и из того, что перечислено, далеко не все удалось флоту получить в требуемые сроки: военная обстановка изменялась стремительно. За ходом работ на всех этих кораблях Галлер следил постоянно и по докладам военной приемки на заводах, и бывая в Наркомсудпроме.

Вскоре, однако, работы на кораблях всех классов и рангов, находившихся на заводах, стали замедляться, прекращаться. Постановлениями Государственного Комитета Обороны (ГКО) в июле было приостановлено строительство 12 линкоров и крейсеров (тяжелых и легких); 12 эсминцев, 7 сторожевых кораблей и 20 подводных лодок. 10 июля 1941 года ГКО постановил сосредоточить все силы на выполнении плана кораблестроения подводных лодок, эсминцев, тральщиков, боевых катеров — противолодочных, торпедных и артиллерийских⁶¹. Осенью 1941 года работы на заводах, даже тех, что на Волге и Каспии, шли трудно, часто вообще приостанавливались: не хватало металла и оборудования, рабочей силы. Наконец, судостроительные заводы получали задания на срочное изготовление вооружения для сухопутного фронта.

В первые же дни войны важнейшей, первостепенной задачей для Галлера стала организация работ по защите кораблей от донных неконтактных мин. Видимо, противник делал немалую ставку на этот вид оружия. Используя акустические, магнитные и магнитно-акустические мины, гитлеровцы хотели заблокировать наши корабли в базах, уничтожить на фарватерах те из них, которые выйдут в море. С этой целью с первых часов войны противник начал ставить неконтактные мины на фарватерах и рейдах Севастополя и Кронштадта, у Очакова и Одессы, Феодосии и Новороссийска, в проливах Ирбенском и Соэлозунд, близ острова Хийумаа и на подходах к Таллинну, у Мурманска и Архангельска. Если первый день войны прошел без потерь, то 23 июня в районе Хийумаа подрывался на mine и погиб эсминец «Гордый», затем на том же минном поле потерял носовую оконечность корпуса крейсер «Максим Горький». На следующий день близ Таллинна погиб на минах тральщик БТИЩ-208. В Севастопольской бухте подрывались буксир и плавкран, затем эсминец «Быстрый». Между тем к началу войны на Балтике противоминными размагничиваю-

⁶¹ ЦВМА, ф. 13, оп. 28626, д. 1, л. 65, 67, 152.

щими устройствами (РУ) успели оборудовать только линкор «Марат»: 21 июня на корабль прибыла комиссия для его приемки. На Черном море и на Севере — ни одного. Не было на флотах и тральщиков, способных тралить неконтактные и акустические мины. Пришлось бомбить фарватеры и акваторию Севастопольской бухты глубинными бомбами, чтобы вызвать детонацию лежащих на дне мин и дать возможность кораблям выйти в море.

Уже к вечеру 22 июня, вспоминал начальник научно-технического комитета ВМФ А. А. Жуков, ему позвонил Л. М. Галлер и приказал немедленно организовать группу размагничивания кораблей КБФ и приступить к работам по уже утвержденным проектам ЛФТИ. Балтийская группа размагничивания кораблей была создана 23—26 июня⁶².

Группу возглавил М. В. Щадеев, научным руководителем ее стал А. П. Александров. И уже 24 июня Галлер доложил наркому, что два тральщика оборудованы РУ и вышли в море. Затем в Кронштадте на двух деревянных тральщиках размагнитили двигатели и смонтировали петлевые электромагнитные тралы. 27 июня они начали траление на фарватерах в районе острова Котлин. Вскоре были один за другим оборудованы размагничивающими устройствами эсминцы, находившиеся в Кронштадте. Параллельно велись работы по размагничиванию кораблей в Таллинне. К началу перехода флота из Таллинна в Кронштадт успели установить РУ на всех боевых кораблях. Всего в конце августа на КБФ удалось размагнитить 53 корабля. Тогда же, в августе, балтийская группа ученых и инженеров освоила безбмоточное размагничивание подводных лодок. С радостью Галлер сообщил об этом Н. Г. Кузнецову: ведь была решена проблема, которой безуспешно занимались уже два года.

Размагничивание на флотах проводилось в соответствии с совместным приказом наркомов ВМФ и судостроения от 29 июня, который был подготовлен под руководством Л. М. Галлера. Приказ предусматривал создание групп по размагничиванию кораблей на Балтике, Черном море и Севере. В Севастополе работа группы началась 1 июля, в Архангельске на надводных кораблях — с 9 июля, с 25 сентября — на подводных лодках в Поляр-

⁶² См.: Ткаченко Б. А. История размагничивания кораблей Советского Военно-Морского Флота. С. 68.

ном. В Севастополе не только оборудовали РУ надводные корабли и размагничивали подводные лодки, но и создали под руководством А. П. Александрова особый полигон. Ни один корабль не выходил в море без проверки магнитного поля, эффективности его РУ. Можно сказать, что попытка врага заблокировать наши корабли в базах, используя акустические и магнитные мины, не удалась. В сентябре 1941 года основная работа по организации размагничивания была проведена и далее лишь совершенствовалась.

В эти же дни Л. М. Галлер контролировал, как идет дело с подготовкой к строительству боевых катеров на заводах Наркомата речного флота, проталкивал эшелоны с двумя тысячами мин к Ленинграду, готовил наркому материалы для беседы с контр-адмиралом Дж. Майлсом, главой прибывшей в Москву британской военной миссии. У нового союзника, полагал Галлер, нужно просить помощь поставками аппаратуры для измерений магнитных полей кораблей, электромагнитных тралов, гидролокаторов.

Словом, трудно нарисовать хотя бы приблизительную картину всего того, что делал в первые недели войны замнаркома по кораблестроению и вооружению. Тем более что 24 июня в Ленинград, а затем в Таллинн спешно выехал начальник ГМШ И. С. Исаков. В Москву он вернулся лишь через четыре месяца, 25 октября. Вначале Исаков был представителем наркома на КБФ, а в начале сентября Ставка назначила его заместителем главнокомандующего Северо-Западного направления по морской части. За начальника Главного морского штаба все это время оставался его заместитель В. А. Алафузов, но он нуждался в помощи — особенно во взаимоотношениях с Генштабом. Нужно было также принимать решения по кругу вопросов, которыми ведал Исаков как первый замнаркома. Конечно, все это легло на Галлера. И в отсутствие в Москве наркома — Кузнецов выезжал в Ленинград, на Север под приказами, телеграммами появлялась подпись Льва Михайловича: «за наркома, Галлер».

Только исключительная работоспособность Галлера, о которой вспоминает Н. Г. Кузнецов⁶³, поразительная память и не менее поразительная эрудиция позволяли ему справляться с все растущим объемом работы. Надо сказать, что Галлер в те дни работал в условиях быстро-

⁶³ См.: Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 13.

меняющейся, зачастую непредсказуемой обстановки. Два главных тогда центра военного кораблестроения — Ленинград и Николаев очень скоро свернули работу на своих заводах. Николаев захватили гитлеровцы, с трудом удалось отбуксировать в порты Кавказа корпуса недостроенных кораблей. Корабли, находившиеся на стапелях, пришлось взорвать. А Ленинград оказался в блокаде. Но прежде чем прервались связи города со страной, Галлер, обеспечивая выполнение постановления ГКО, организовал переброску из Ленинграда на Север по Беломорско-Балтийскому каналу 8 подводных лодок — 6 больших типа «К» и «Л» и 2 средних типа «С». Этим был существенно — более чем в полтора раза увеличен состав подводных сил Северного флота, так как к началу войны здесь находились лишь 15 подводных лодок. К концу 1941 года на Волге были сосредоточены 34 недостроенные подводные лодки. Их вводили в строй на тыловых судостроительных заводах. На Каспийское море перешли для проведения приемо-сдаточных испытаний 4 лодки типа «С» и одна типа «М». Лодки-«малютки» в дальнейшем доставляли на флоты по железной дороге, средние лодки переводили на Северный флот в доках по водным системам. Часть оставшихся в Ленинграде недостроенных подводных кораблей удалось ввести в строй к концу 1941 года, другие — к началу кампании 1943 и 1944 годов⁶⁴.

Целеустремленная организационная работа замнаркома Л. М. Галлера и Управления кораблестроения ВМФ позволила обеспечить вступление в строй до начала 1942 года 25 подводных лодок⁶⁵.

Не менее важную работу провел Л. М. Галлер по пополнению флотов боевыми катерами. В первые же дни войны он принял капитана 2 ранга Б. В. Никитина, проводившего на Черном море испытания нового торпедного катера дальнего действия типа «СМ-3» (с металлическим корпусом). Как вспоминает Б. В. Никитин, адмирал Галлер приказал ему прибыть в Ленинград и организовать отправку на Северный флот опытовых торпедных катеров типа «Д-3», тоже дальнего действия, обладавших большей мореходностью, чем катера типа «Г-5». В начале августа железнодорожный эшелон доставил на Север пять торпедных катеров. Образованный из них отряд

⁶⁴ См.: Базилювский С. А., Дмитриев В. И. Краткая история советского подводного кораблестроения. С. 171.

⁶⁵ См.: Никитин Б. В. Катера пересекают океан. С. 104—105.

стал первым подразделением торпедных катеров Северного флота⁶⁶. Пополнение отряд получил лишь в марте 1943 года: это были построенные на одном из заводов четыре торпедных катера типа «Д-3» и два полученных по ленд-лизу американских типа «Хиггинс». А в Ленинграде, уже отрезанном от Большой земли, на заводе, директором которого был энтузиаст деревянного катеростроения Е. Я. Локшин, к концу августа передали флоту еще несколько катеров типа Д-3 и малых охотников за подводными лодками типа «МО-4», главным конструктором которых был Л. Л. Ермаш. Это удалось сделать благодаря тому, что Л. М. Галлер своевременно направил в Ленинград моторы и спаренные авиационные пулеметы. Эшелон с этим очень нужным грузом успел пройти станцию Мга незадолго до того, как гитлеровцы перерезали железную дорогу.

Несколько катеров, доставленных из Ленинграда, не могли, конечно, удовлетворить потребности флотов. И Галлер приказал начальнику Управления кораблестроения ВМФ Н. В. Исаченкову послать Б. В. Никитина в начале на Каспий, чтобы ускорить приемку в Баку БО — больших охотников за подводными лодками, а затем на заводы, на которых развертывалось строительство боевых катеров различного назначения. Приемка больших охотников завершилась в декабре. Уже в новом году Б. В. Никитин проверил, как строятся торпедные катера «Д-3» и «Г-5», броневые катера и малые охотники, принял участие в испытаниях бронекатеров с реактивными установками для снарядов РС-30 и РС-82. Вскоре катера с «катушками» вошли в состав Волжской флотилии и Черноморского флота.

Несмотря на напряженную работу по кругу своих непосредственных обязанностей, Галлер внимательно следил за обстановкой на фронтах. Последние данные по оперативной обстановке ему иногда удавалось узнавать, когда по делам оказывался в Генштабе. К Б. М. Шапошникову, вновь назначенному с 1 августа начальником Генштаба, он зашел лишь однажды. Говорили, что маршал очень много работает, несмотря на болезнь. В кабинете у него кислородная подушка...

Все, что Галлеру становилось известно о положении на фронте, свидетельствовало о продолжающемся наступлении вермахта.

⁶⁶ См. там же.

В сентябре тяжелое положение сложилось под Ленинградом. Гитлеровцы непрерывно штурмовали блокированный с суши город. Авиация врага пыталась уничтожить крупные артиллерийские корабли. Тяжелейшие повреждения 23 сентября получил при попадании крупнокалиберной авиабомбы линкор «Марат», был поврежден и линкор «Октябрьская революция».

Вскоре стала прифронтовым городом и Москва. 30 сентября вермахт начал операцию «Тайфун», имевшую целью взятие Москвы. В оперативной сводке за 6 октября Галлер прочитал об оставлении Юхнова. Он раскрыл атлас, лежавший в кабинете на столе: от Юхнова через Малоярославец открывался путь на Москву. Но это и означало, что наши армии в районе Вязьмы уже в тылу у немцев. Окружены? И Галлер подумал о судьбе Особой артиллерийской группы ВМФ — двух дивизионов морской артиллерии, орудия которых недавно были установлены на рубеже обороны к западу от Вязьмы. Лишь одна батарея из восьми имела механическую тягу. Морские стотридцатки остальных батарей не отведешь на новые позиции...

На улицах Москвы строили огневые точки, в сводках замелькали названия подмосковных городов — Можайск, Волоколамск, Малоярославец. 11 октября нарком пригласил к себе Галлера. «Лев Михайлович, получено указание ГКО эвакуировать наш наркомат в Куйбышев и Ульяновск. Из Москвы выезжают все управления, Главный морской штаб. Вы остаетесь, возглавите оперативную группу наркомата. Возьмете на себя руководство флотами, связь с Генштабом. К вам будут поступать все указания и запросы ГКО. Подберите себе состав группы...» — приказал нарком.

В. А. Алафузов в 50-е годы вспоминал: приказание вылететь в Куйбышев, чтобы наладить связь с флотами и организовать работу ГМШ и управлений на новом месте, нарком отдавал ему в присутствии Галлера. Лев Михайлович, как всегда, был сдержан и подтянут, идеально выбрит, из-под стоячего воротника кителя белели уголки накрахмаленного подворотничка. Галлер подробно объяснял Алафузову, что сделано подчиненными ему связистами для связи из Куйбышева и Ульяновска по радио и проводам с флотами. Еще в июле при активном участии сотрудников Научно-исследовательского морского института связи были начаты работы по оборудованию резервного приемопередающего и телеграфного

центра ВМФ на борту сетевого заградителя «Исеть». Теперь «Исеть» перейдет в Куйбышев. Начальником узла связи назначен сотрудник института, талантливый инженер В. К. Адамский, на него можно положиться. Нет сомнений, что он обеспечит связь с Ленинградом, Полярным и Севастополем в последней декаде октября.

Все было так, как обещал Галлер. С приходом «Исети» в Куйбышев на берегу развернули выносной приемный пункт, с 22 октября ГМШ обеспечили радиосвязью с Ленинградом и Полярным, а в дальнейшем и с другими пунктами. От корабля к телеграфному узлу Наркомата связи протянули кабельные линии длиной в несколько десятков километров. Это позволило установить телеграфную связь с Севастополем, Архангельском и Полярным⁶⁷.

День отлета Алафузова в Куйбышев вспоминает и Н. Г. Кузнецов.

«— Неужели, как и в ту Отечественную войну, придется уничтожить нашу первопрестольную? — спросил меня В. А. Алафузов...

— Не может быть, не может быть! — как бы отвечая Владимиру Антоновичу, сказал А. М. Галлер...»⁶⁸

Вскоре вылетел в Куйбышев и Н. Г. Кузнецов. Нужно было убедиться в нормальном функционировании ГМШ, управлений наркомата, побывать в Генштабе, также находившемся в Куйбышеве. Лев Михайлович со своей оперативной группой разместился в небольшом доме на Скаковой аллее. Здесь, как вспоминает Н. Г. Кузнецов, располагался небольшой подземный узел связи и можно было работать и при воздушной тревоге⁶⁹.

Положение на фронтах в те дни было тревожным. Немецкие войска прорвали нашу оборону на Перекопе, вышли к Ишуньским позициям. В случае нового прорыва врагу открывался путь к Севастополю, на Керченский полуостров. К концу сентября фронт на южных и юго-западных подступах к Ленинграду стабилизировался, но враг усиливал нажим на Тихвин, а это грозило соединением немецких войск с финнами. Тогда Ленинград лишился бы и последней коммуникации с Большой землей через Ладожское озеро.

⁶⁷ См.: Крупский М. А. Исторический очерк Научно-исследовательского морского института связи и телеуправления. Л., 1971. С. 74.

⁶⁸ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. С. 88.

⁶⁹ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 18.

Драматично складывалась обстановка и в Москве.

15 октября Лев Михайлович на четверть часа заехал домой. Сестры были в волнении. Все квартиры в их подъезде уже опустели, уехали жильцы и из квартир в других подъездах. Что же делать им? Лев Михайлович постарался успокоить, напомнил, что он рядом, что без них Москву не покинет. Проверил, есть ли в доме еда, поцеловал. Сжало сердце — такие старенькие, испуганные. А на следующий день, 16-го, побывать дома не смог, хотя понимал, каково сестрам. Закрылось метро, опустели улицы. Смотрят, наверно, из окна, как осенний холодный ветер гонит по Лубянке обрывки бумаг, какой-то канцелярский мусор...

Н. Г. Кузнецов вспоминает: «Когда я прилетел из Куйбышева в Москву, адмирал Л. М. Галлер, внешне спокойный и, как всегда, аккуратный, подробно доложил обстановку в Крыму на последний момент. Из его доклада, телеграмм и оперативных сводок стало ясно, что на Ишуньских позициях идут тяжелые бои»⁷⁰. Галлер доложил также наркому, что Приморская армия эвакуирована из Одессы и под руководством Л. А. Владимирского доставлена в Севастополь. Командующий эскадрой ЧФ проявил себя как превосходный флагман. Крейсера и эсминцы отразили все атаки гитлеровской авиации — и пикировщиков, и торпедоносцев, надежно прикрыли транспорт с войсками. Потери конвой — лишь один транспорт, который шел концевым и не имел на борту войск. Команда его спасена. Передовые части приморцев уже вступили в бой на Ишуньских позициях. Но основные силы армии на марше. И еще — во исполнение решения ГКО начато формирование 25 морских стрелковых бригад. Флоты выделяют 35—40 тысяч моряков; это будет их костяк. Готовится формирование морского стрелкового батальона из частей, подчиненных Наркомату ВМФ в Москве.

Теперь нарком Н. Г. Кузнецов и его заместитель Л. М. Галлер вместе круглосуточно работали на командном пункте на Скаковой. Операторы вели на картах обстановку по сводкам, поступающим с флотов, общую карту обстановки на сухопутном фронте по сводкам Генштаба. Дважды в сутки Лев Михайлович докладывал наркому положение на флотах, информацию, поступившую от ГМШ и управлений из Куйбышева и Уль-

⁷⁰ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. С. 130.

яновска, докладывал о текущих делах и требующих его решения вопросах по своей части — как замнаркома по кораблестроению и вооружению. Работалось Льву Михайловичу, несмотря на тяжелое время, удивительно спокойно. Он слышал, конечно, об арестах в первые дни войны командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова и его начштаба генерал-лейтенанта В. Е. Климовских, замнаркома обороны генерала армии К. А. Мерецкова. И все же казалось: с началом войны ушла в прошлое ненадежность, некая иллюзорность его жизни. И не только его. Осталось дело, которое требовало отдачи всего себя во имя защиты Родины от врага. Так, во всяком случае, он это ощущал. Однажды, во время короткого сна под утро, ему приснилось нечто странное — смешались годы, первая мировая и эта война, он вдруг увидел брата Вернера, молодого и веселого, в мундире поручика, он сидел с сестрами за столом, пили кофе...

Нарком Кузнецов вспоминает те дни: «Утром, когда мы с Галлером выходили во двор подышать воздухом, были слышны выстрелы с фронта. Мы не говорили с ним о близости фронта, скорее, бодрили друг друга, хотя настроение было мрачное, ведь положение нашей столицы было серьезное. Судьба флотов в этот период зависела прежде всего от положения на сухопутных фронтах, и мы старались всячески оказать возможную помощь. В эти тяжелые для Москвы дни Галлер не нарушал ритма своей работы и уж, конечно, был на своем месте в любое время суток»⁷¹.

Враг наступал на всех фронтах. 19 октября ГКО принял решение о введении в Москве и прилегающих районах осадного положения. 22 октября немцы обошли левый фланг Ишуньских позиций и неделю спустя перешли в наступление по всему фронту, вторглись в степную часть Крыма. Несколько дней раньше замнаркома ВМФ вице-адмирал Г. И. Левченко, до войны ведавший Инженерным и Строительным управлениями Наркомата ВМФ, был назначен Ставкой командующим войсками Крыма. Но он мало что успел предпринять: гитлеровские дивизии стремительно продвигались к Севастополю и Керченскому полуострову. Тихвин же, однако, оставался недостижимым для врага, и по Ладож-

⁷¹ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 18.

скому озеру шли караваны с грузами Ленинграду, фронту и флоту.

В последние дни октября нарком Н. Г. Кузнецов вылетел в Архангельск, выполняя поручение Ставки. И. С. Исаков вернулся и приступил к фактическому исполнению обязанностей начальника ГМШ 24 октября. Через четыре дня Исаков и Галлер с беспокойством знакомились с телеграммой в адрес наркома, полученной от командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского. Их беспокойство было понятным: немцы где-то на подступах к Бахчисараю, Приморская армия отходит, а Октябрьский сообщает, что вышел из Севастополя на эсминце «Бойкий» в Потти «для подготовки баз и перебазирования флота в порты Кавказского побережья»⁷². Решение командующего флотом не одобрял, как выяснилось позже, и член Военного совета ЧФ Н. М. Кулаков⁷³. Через сутки в Севастополе было введено военное положение. Конечно, 31 октября в ГМШ еще не знали, что 51-я армия генерал-лейтенанта П. И. Батова безуспешно пытается задержать продвижение врага на восток — к Керченскому проливу, а Приморская армия генерал-майора И. Е. Петрова, направляясь к Севастополю, вынуждена отходить на юго-восток, к Ялте, так как кратчайший путь через Бахчисарай перекрыт противником. Но ощущение крайней опасности, нависшей над Севастополем, было. И Исаков в тот день направил наркому в Архангельск телеграмму с докладом о намерении Октябрьского перевести корабли в порты Кавказского побережья. В этой же телеграмме начальник ГМШ предлагал оставить артиллерийские корабли в Севастополе, порты Кавказа подготовить для базирования флота и перевести в них большую часть подводных лодок и часть вспомогательных судов.

Л. А. Владимирский рассказывал, что в 1946 году он встречался с Л. М. Галлером в Москве. Вспоминая дни войны, Галлер сказал, что в свое время не был полностью согласен с предложением Исакова, направленным наркому в Архангельск. Он тогда полагал целесообразным постоянно иметь в Севастополе один-два «старых» крейсера («Красный Кавказ», «Красный Крым» или «Червона Украина»), и эсминцы «новики». Линкору же, новым крейсерам, лидерам и эсминцам держаться в

⁷² ЦВМА, ф. 10, оп. 2, д. 19, л. 199, 209.

⁷³ См.: Кулаков Н. М. Доверено флоту. М., 1985. С. 125.

основном в море или находиться в портах Кавказа, с тем чтобы приходить в Севастополь и к побережью Керченского полуострова периодически для нанесения артиллерийских ударов по войскам врага. Исаков, однако, имел иное мнение, которое и нашло отражение в тексте телеграммы наркому. Интересно, что Л. М. Галлер и командующий эскадрой Черноморского флота Л. А. Владимирский придерживались тогда одинаковых взглядов, несмотря на то что их разделяли тысячи километров. Ссылаясь на опасность ударов немецкой авиации, Владимирский смог убедить Военный совет ЧФ, который, в отсутствие Ф. С. Октябрьского, принял решение незамедлительно вывести наиболее ценные корабли из Севастополя. Большую ответственность взяли тогда на себя начальник штаба И. Д. Елисеев и член Военного совета Н. М. Кулаков. В ночь на 1 ноября в море вышли линкор «Парижская коммуна», крейсер «Молотов», эсминец «Сообразительный»... Утром следующего дня немцы совершили массированный налет на якорную стоянку линкора. Десятки крупнокалиберных бомб сбросили пикировщики на маскировочную сеть, еще не убранную с места стоянки...

В ночь с 31 октября на 1 ноября нарком переговорил с Исаковым по телефону и одобрил его предложения. Военному совету ЧФ была немедленно отправлена директива «о выводе из Севастополя ненужных для его обороны сил флота»⁷⁴. Каково же было удивление Галлера, когда 4 ноября в наркомат пришла телеграмма от вернувшегося 2 ноября в Севастополь Октябрьского, адресованная сразу же Сталину и Кузнецову. Командующий ЧФ предлагал перенести свой командный пункт в Туапсе, переведя туда штаб и учреждения флота. В Севастополе же оставить контр-адмирала Г. В. Жукова, героя обороны Одессы, на правах заместителя командующего флотом и с подчинением ему всех сухопутных сил. Оставление главной базы флота командующим неизбежно ослабляло ее оборону...

Вечером 5 ноября в Москву вернулся нарком ВМФ и сразу же встретился в Генштабе с Б. М. Шапошниковым. Затем вызвал к себе Галлера, заслушал доклады операторов ГМШ об обстановке на Черном море и Балтике. В те часы, конечно, все внимание было уделено критическому положению в Севастополе. К этому вре-

⁷⁴ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. С. 136.

мени немцы штурмовали нашу оборону, пытаюсь прорваться в долину реки Бельбек, атаковывали и на других направлениях.

Н. Г. Кузнецов вспоминает: «После подробного обсуждения с работниками Главного морского штаба (И. С. Исаков выехал в Куйбышев. — С. 3.) и адмиралом Галлером положения в Севастополе я пришел к убеждению, что в сложившейся обстановке только Военный совет флота может эффективно руководить защитой города»⁷⁵. Обстановка требовала немедленного принятия решения — 6 ноября Октябрьский прислал телеграмму уже только на имя Сталина, не дублируя ее в Наркомат ВМФ, в которой положение в Севастополе оценивалось как критическое и сообщалось о выводе основных сил флота в базы Кавказа и назначении заместителем по обороне Севастополя контр-адмирала Жукова. Как об уже решенном деле докладывалось о предстоящем переносе флагманского командного пункта в Туапсе.

Но нарком Кузнецов согласовал с начальником Генштаба Шапошниковым проект директивы, и 7 ноября на имя Г. И. Левченко была направлена телеграмма, подписанная Сталиным, Шапошниковым и Кузнецовым. В ней ставились задачи по обороне Севастополя и Керченского полуострова. Руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского...

Решали неотложные дела по Черноморскому флоту, и как-то забывалось, что немцы рвутся к столице. Тревожно было в городе. Поздно вечером 6 ноября Лев Михайлович позвонил сестрам, трубку взяла Тоня. «Что поделяваете, милые?» — «Читаем «Войну и мир», Левушка. Удивительная книга, успокаивает...» Ту ночь вспоминает Н. Г. Кузнецов: «Было уже совсем поздно, когда мы с адмиралом Л. М. Галлером вышли на улицу. Довольно отчетливо слышались залпы крупнокалиберной артиллерии... По Ленинградскому шоссе к Химкам шли танки и пехота — там недалеко была линия фронта»⁷⁶.

7 ноября нарком присутствовал на параде на Красной площади. Как всегда, на трибуне Мавзолея стоял Сталин, приветствуя проходящие через площадь войска.

⁷⁵ Там же. С. 137.

⁷⁶ Там же. С. 92.

Лев Михайлович на параде не был — дела. Их было предостаточно. Следовало проверить, что с переводом некоторых недостроенных кораблей из Севастополя в Потти, узнать, как осваивают производство новой отличной торпеды «58-39» — скорость 51 узел, такой нет ни в одном флоте мира, и еще одной новинки, которой гордится начальник МТУ Н. И. Шибяев — неконтактного магнитного взрывателя для торпеды. И пора уже встретиться с наркомом судостроения И. И. Носенко и решить с планом поставок кораблей на 42-й год. Наконец, давно следует разобраться с тем, что удалось заказать для флота нашим представителям в США и в Англии. Нужны тральщики с электромагнитными тралями, охотники за подводными лодками и большие торпедные катера, нужны зенитные автоматы, гидролокаторы и радиолокаторы. А наши заводы, ранее работавшие на флот, загружены армейскими заказами, нарушены устоявшиеся связи между судостроением и другими наркоматами... В то же время англичане воюют на море, у них всюду развернуто производство оружия и аппаратуры для флота, да и из США получают многое. Пусть поделятся с союзником...

План военного кораблестроения Наркоматы ВМФ и судостроения согласовали своевременно, 4 декабря 1941 года его утвердил ГКО⁷⁷. Галлер был доволен: основные запросы ВМФ удовлетворены. И это в такое трудное для страны время. В следующем году ВМФ получит сотни катеров различного назначения, 12 подводных лодок... Но он думал и о ближайшей перспективе — война, вероятно, будет идти не год и не два. Прав был, пожалуй, в 31-м Свечин в споре с Тухачевским, утверждая, что война будет длительной⁷⁸. Значит, нужно основательно подсчитать запасы снарядов, торпед и мин, позаботиться об их производстве, опережающем текущий расход. А это не просто: многие заводы перепрофилированы на выпуск иной военной продукции, часть их находится в блокированном Ленинграде, некоторые эвакуированы на восток, но оставили много оборудования на оккупированной территории, им нужна большая помощь для возобновления производства.

Решение всех этих задач, которыми Л. М. Галлер занимался по должности замнаркома ВМФ, было и в

⁷⁷ ЦВМА, ф. 13, оп. 28326, д. 9, л. 62.

⁷⁸ См.: Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 18—19.

1941-м и в последующие военные годы исключительно трудным: потребности флотов в ремонте кораблей, в том числе и получивших боевые повреждения, выросли неизмеримо. В то же время возможности, определяемые наличием судоремонтных и судостроительных заводов, доков и слипов, резко снизились. «В тяжелые годы войны, — вспоминает Н. Г. Кузнецов, — бросалась в глаза организованность Галлера, его исключительная работоспособность. В период временного отступления наших войск, когда судостроительная промышленность была свернута и ряд важных баз флотов был захвачен противником, действующие флоты требовали срочного ремонта многих кораблей и их материального обеспечения, а средств для этого явно не хватало. Несмотря на ограниченные судоремонтные возможности и тяжелые условия базирования, флоты были обеспечены всем необходимым для выполнения своих боевых задач. Сделать это, однако, было нелегко, и непредвиденные обстоятельства часто требовали творческого подхода к делу...»⁷⁹

Кроме творческого подхода не менее важно умело строить отношения с промышленностью. Наркомсудпром «свой» наркомат. Командные посты там занимали видные военно-морские специалисты, переведенные туда в предвоенные годы, — А. М. Редькин, И. Г. Миляшкин, М. В. Егоров. С ними все вопросы решались быстро. Но дизели для подводных лодок изготавливали заводы Наркомата танковой промышленности И. М. Залцмана, орудия, пулеметы, бомбометы глубинных бомб и торпедные аппараты — Наркомата вооружений Д. Ф. Устинова, снаряды и взрывчатые вещества для боевых зарядных отделений торпед, глубинных бомб и мин — Наркомата боеприпасов Б. Л. Ванникова. И Лев Михайлович, хорошо зная многих наркомов и их заместителей с довоенных лет, а с иными установив отношения заново, вежливо, методично и с завидным упорством добивался максимального удовлетворения нужд ВМФ. Пожалуй, никто уже сейчас не расскажет, как решал он, казалось бы, безнадежные дела, по которым все уже (и не раз) получили вполне обоснованный отказ. Но Галлер добивался...

С 5 декабря началось контрнаступление наших войск под Москвой. Медленнее, чем хотелось, но дивизии

⁷⁹ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 18—19.

Красной Армии продвигались на запад, освобождая все новые и новые города и села. А еще через два дня пришла важная весть — Япония напала на США. Неожиданным ударом поднявшихся с авианосцев бомбардировщиков и торпедоносцев были надолго выведены из строя или уничтожены линкоры американского Тихоокеанского флота. Затем японцы вторглись на Филиппины... Начало войны на Тихом океане имело для СССР громадное значение. Ведь это означало, что на какой-то срок, очевидно, японцы отложили в сторону планы нападения на советский Дальний Восток. И Лев Михайлович подумал, что теперь возможно перебросить часть флота с Тихого океана на Север, где так не хватает и надводных кораблей, и подводных лодок. В начале 42-го Н. Г. Кузнецов и Л. М. Галлер обсудили различные варианты переброски кораблей с Дальнего Востока на Северный флот: первый — через Тихий океан, Панамский канал и Атлантику, второй — Северным морским путем. Первый вариант давал возможность осуществить перевод кораблей быстро, не дожидаясь лета 42-го года, когда откроется навигация по Северному морскому пути. Но можно ли быть уверенным, что японцы беспрепятственно пропустят корабли, не устроят какую-либо провокацию в Японском море или в Тихом океане? Второй же обещал немалые трудности иного плана, в первую очередь природные. Ведь еще ни разу боевые корабли не проводили по морям Арктики с востока на запад. Нарком решил при первой возможности доложить Сталину предложения по пополнению Северного флота кораблями с Дальнего Востока. Без его принципиального согласия начинать подготовку к переходу не следовало. Галлеру и Алафузову нарком приказал подготовить соответствующий документ.

Галлер также надеялся на пополнение Северного флота кораблями, которые предстояло получить от США по ленд-лизу, т. е. взаймы или в аренду. Действие закона о ленд-лизе правительство США распространило на СССР с 7 ноября 1941 года. Списки необходимого ВМФ вооружения уже были одобрены в ГКО и переданы в Вашингтон, туда же направился заместитель председателя советской закупочной комиссии по морской части контр-адмирал М. И. Акулин.

Куда хуже обстояло дело с пополнением Черноморского флота. Достроить выведенные из Николаева и Севастополя корабли в портах Кавказа невозможно, а по-

тери есть. Кроме того, как показал опыт первых месяцев войны и в особенности Керченско-Феодосийской десантной операции, на Черном море очень нужны малые корабли — катера, десантные суда. Их нехватка отрицательно сказывается на боевых действиях в районе Керченского пролива, у побережья Восточного Крыма. Между тем Крымскому фронту, образованному в конце января 1942 года, не удалось пока что вырваться с Керченского полуострова: до середины апреля его войска трижды переходили в наступление, но безрезультатно. Возможно, поэтому потребуется вновь высаживать десанты. Учитывая это, Л. М. Галлер приказал готовить переброску катеров различного назначения по железной дороге на побережье Кавказа. Таким же путем должны быть доставлены Черноморскому флоту баржи, разрезанные на секции. В Батуми и Поти баржи предстояло собрать, спустить на воду.

Конец весны 1942 года был отмечен нашими неудачами на фронтах. Немцы прорвали оборону Крымского фронта на Керченском полуострове, и к 19 мая вынудили его войска эвакуироваться на Тамань, 4 июля после ожесточенных боев был оставлен Севастополь. Потерпев поражение в Харьковском сражении, войска Юго-Западного фронта, а затем Брянского и Южного фронтов отступали на восток. В июле дивизии вермахта развернули наступление на Сталинград, продвигались в горах Кавказа и на Черноморском побережье...

С апреля в Крыму и на Северном Кавказе находился И. С. Исаков, назначенный заместителем главнокомандующего Северо-Кавказским направлением С. М. Буденного. 23 апреля из Москвы в Краснодар вылетел нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов. И вновь Галлеру пришлось быть за наркома и заняться кругом дел первого замнаркома. Почти полгода пробыл И. С. Исаков на юге. К исполнению обязанностей начальника ГМШ он во время войны уже не возвратился. До осени 1942 года он на Северном Кавказе, координирует действия Черноморского флота, оперативно подчиненного поочередно Крымскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому фронтам, с сухопутными войсками. 10 октября 1942 года И. С. Исаков был тяжело ранен близ Туапсе во время налета авиации противника. «Война вывела из строя начальника Главного морского штаба адмирала И. С. Исакова, — вспоминает Н. Г. Кузнецов. — После ранения в 1942 году он уже не мог вести эту работу, и

эту должность фактически выполнял длительное время замещавший начальника ГМШ контр-адмирал В. А. Алафузов. Галлер стал выполнять функции не только по кругу своих прямых обязанностей, но и как первый заместитель наркома»⁸⁰.

Между тем и по должности замнаркома по кораблестроению и вооружению работы у Галлера было более чем достаточно. К лету 1942 года подошла к концу подготовка к переходу с Дальнего Востока в Баренцево море Северным морским путем «Экспедиции особого назначения — 18»: лидера «Баку», эсминцев «Разумный» и «Разъяренный». «Решением этого вопроса также занимался Л. М. Галлер»⁸¹, — свидетельствует нарком Н. Г. Кузнецов.

С осени 1942 года в пути также находились подводные лодки тихоокеанцев. Они следовали на Северный флот через Панамский канал, пересекая Тихий океан и Атлантику. Л. М. Галлер, проанализировав все «за» и «против», убедил наркома в целесообразности этого маршрута — слишком рискованно было вести подводные лодки через арктические льды. Первыми вышли 25 сентября из Петропавловска-Камчатского подводные минные заградители «Л-15» и «Л-16». Лев Михайлович облегченно вздохнул, когда получил донесения, что они пришли в американскую базу Датч-Харбор на Алеутских островах. Несчастье, однако, было впереди: на пути к Сан-Франциско «Л-16» торпедировала неизвестная подводная лодка. «Л-15» продолжала переход уже одна... Галлер тяжело переживал гибель лодки. Может быть, следовало все же переводить Северным морским путем? Менять что-либо, однако, было уже поздно: в начале октября из Владивостока вышли тем же маршрутом четыре подводных лодки типа «С». В декабре они пришли в канадский порт Галифакс, где уже находилась «Л-15». Преодолевая штормы и обходя районы, где действовали немецкие субмарины, наши лодки двумя отрядами — в марте и в июне 1943 года — пересекли Атлантику и достигли берегов советского Заполярья.

Много внимания Галлер уделял и пополнению Северного флота кораблями, получаемыми от США по ленд-лизу. Еще в июле 1942 года, вспоминает контр-адмирал Б. В. Никитин, его вызвал Л. М. Галлер. Зам-

⁸⁰ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 18.

⁸¹ Там же. С. 19.

наркома сообщил, что ему надлежит вместе с семьей, в числе других представителей Наркомата ВМФ, выехать через Владивосток в США. Цель командировки — принимать у американцев корабли и переправлять их на Северный флот. Б. В. Никитин рассказывал, что Л. М. Галлер, с которым он встречался по службе не раз, всегда все понимал с полуслова, легко ориентировался в самых сложных специфических вопросах катеростроения, боевого использования катеров. «Он чуток ко всему новому, прогрессивному — работать с ним удивительно хорошо»⁸², — свидетельствует Б. В. Никитин. Вот и инструктируя его перед отъездом в США, Галлер со знанием дела охарактеризовал торпедные и противолодочные катера, тральщики, которые предстоит принять у американцев, особо остановился на необходимости быстро и полно освоить методологию противолодочной подготовки в ВМС США, изучить аппаратуру учебных центров, подумать, какие тренировочные комплексы следует закупить для нашего флота. Он говорил, что в противолодочной обороне, в борьбе с немецкими подводными лодками флоты США и Великобритании накопили громадный опыт. Его нужно освоить возможно лучше. Следует ожидать активизации действий немецких подводных лодок у нас на Севере. Поэтому необходимо организовать интенсивное обучение наших катерников в учебных центрах ВМС США...

Советские военные моряки принимали в США корабли в течение 1943—1945 годов. И все это время Л. М. Галлер самым непосредственным образом контролировал их работу, помогал в преодолении трудностей. Одновременно Л. М. Галлер организовал командировку в США и Англию специалистов ВМФ по радиолокации и гидроакустике для приемки аппаратуры, поставляемой союзниками, изучения методики обучения операторов, ее обслуживающих, — радиометристов, гидроакустиков-надводников и гидроакустиков-подводников. После возвращения в СССР эти специалисты возглавили на флотах школы, в которых обучались радиометристы и гидроакустики, и различные курсы переподготовки офицеров ВМФ в этой области военно-морской техники. Многие из специалистов по радиолокации и гидроакустике (впрочем, как и по другим специальностям) Лев Михайлович знал лично, не раз говорил с ними. Если по-

⁸² Никитин Б. В. Катера пересекают океан. С. 116.

являлась возможность, он сам напутствовал уезжающих в заграничные командировки, а после возвращения, как правило, беседовал с офицерами. В. Ю. Ралль, Л. М. Аронов, А. Л. Генкин и другие специалисты флота, побывавшие в годы войны за рубежом, вспоминают, с каким интересом расспрашивал Галлер о новинках военной техники, направленности ее развития, боевых возможностях и тактике применения.

Ко времени подоспело подкрепление охотниками и тральщиками Северному флоту. Начиная с августа 1942 года авиация и эсминцы противника приступили к постановке мин на подходах к полуострову Канин Нос и острову Колгуев, у северо-западных берегов Новой Земли, а его подводные лодки — у проливов Маточкин Шар и Югорский Шар, соединяющих Карское и Баренцево моря. Еще осенью 1941 года Галлер потребовал от начальника Минно-торпедного управления (МТУ) Н. И. Шibaева срочно изыскать способы борьбы с новым средством минной войны на море — акустическими минами, взрывающимися под влиянием шума винтов кораблей, а также комбинированными магнитно-акустическими минами. Он также попросил выяснить, возможно ли появление у немцев торпед с акустическим взрывателем. Какие нужны тралы для уничтожения акустических мин, какова должна быть тактика кораблей для обороны от атак подводных лодок, вооруженных акустическими торпедами? На все эти вопросы он ожидал ответа от МТУ.

В конце 1941 года, выполняя приказание Галлера, Н. И. Шibaев поручил группе Физического института Академии наук СССР (ФИАН) под научным руководством Н. Н. Андреева исследовать возможность создания излучателей, имитирующих подводный шум корабля. Создание такого излучателя позволило бы сконструировать акустические тралы и снабдить ими флоты. Уже к весне 1942 года начальник МТУ смог доложить Галлеру о разработке конструкции акустических тралов «ФИАН». В то время было необходимо протралить фарватеры от Кронштадта к Лавенсари, чтобы дать возможность подводным лодкам выйти в боевые походы. «...В мае 1942 г. по предложению адмирала Галлера в Ленинград вылетели члены группы ФИАН... Под их же наблюдением в судоремонтных мастерских строились акустические тралы. ...Уже через две недели после начала работы, — вспоминает академик Л. М. Бреховских, —

оборудованные этими тралами баржи и некоторые вспомогательные корабли начали боевое траление магнитно-акустических мин...»⁸³

В 1942 году управление Н. И. Шибаева обеспечило также принятие на вооружение бесследной электрической торпеды, четырех типов новых мин⁸⁴.

Неплохо работали и другие управления ВМФ, подчиненные замнаркома Галлеру. На всех флотах на подводные лодки устанавливались стабилизаторы глубины «Спрут-1», в положенные сроки заменялись на лодках аккумуляторные батареи... Потрудились хорошо и Управление кораблестроения. ВМФ в 1942 году получил 12 новых подводных лодок, на дальневосточных заводах возобновились работы на строящихся крейсерах и эсминцах. Все шире развертывалось на заводах строительство малых охотников за подводными лодками, бронекатеров, катерных тральщиков, десантных ботов. Проект плана военного кораблестроения на 1943 год, который Галлер представил наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову, предусматривал увеличение числа поставляемых флоту кораблей, катеров и подводных лодок. Этот план с некоторыми изменениями ГКО утвердил в марте 1943 года⁸⁵. ВМФ должен был получить 15 подводных лодок, сотни боевых катеров различного назначения. Не менее важное значение имело развертывание промышленностью производства различной необходимой флоту аппаратуры. В новом году заводы должны были начать выпускать для ВМФ новые типы радио- и гидролокаторов, приборов управления торпедной и артиллерийской стрельбой, новые типы торпед и мин...

1943 год... После разгрома гитлеровцев в Сталинградской битве наши войска стремительно продвигались на запад. В январе Краснознаменный Балтийский флот содействовал войскам Ленинградского и Волховского фронтов в прорыве блокады Ленинграда. В начале февраля враг был изгнан из Курска. Северо-Кавказский фронт генерала армии И. Е. Петрова и Черноморский флот вице-адмирала Л. А. Владимирского провели совместную операцию и 16 сентября освободили Новороссийск. В ночь на 1 ноября под их же руководством на-

⁸³ Моряки-балтийцы на защите Родины 1941—1945. М., 1986. С. 366.

⁸⁴ ЦВМА, ф. 13, оп. 28326, д. 9, л. 62.

⁸⁵ ЦВМА, ф. 13, оп. 28326, д. 9, л. 63.

чалась Керченско-Эльтигенская десантная операция, положившая начало освобождению Крыма. В Заполярье Северный флот все шире развертывал боевые действия на ближних и дальних коммуникациях противника. Гитлеровское командование, сосредоточив колоссальные силы в районе так называемого Курского выступа советско-германского фронта для операции «Цитадель», попыталось вернуть стратегическую инициативу. Но в Курской битве, завершившейся 23 августа 1943 года, противник потерпел поражение. Началось наступление Красной Армии от Валдайской возвышенности до Черного моря.

Изменение военно-стратегической обстановки сказалось, конечно, на работе Наркомата ВМФ. Необходимо было увеличивать мощь флотов. И флоты усиливали новыми кораблями, прежде всего катерами. Решить эту задачу было непросто. Особенно в тяжелом положении находился Черноморский флот, практически не имевший в портах Кавказского побережья судостроительных заводов. Да и ремонтные возможности у черноморцев были крайне ограничены. Когда в августе 1942 года торпедированный у берегов Крыма крейсер «Молотов» потребовалось поставить в ремонт, то не оказалось дока нужных размеров. Н. Г. Кузнецов вспоминает, что «по совету Галлера получивший тяжелые повреждения на Черном море крейсер был поставлен в небольшой плавучий док, и работы с огромным, но оправданным риском все же были выполнены в срок»⁸⁶. Черноморский флот проводил одну за другой крупные десантные операции и нес значительные потери в катерах и десантных средствах. Галлер делал все возможное, чтобы удовлетворить запросы командующего флотом Л. А. Владимирского, но полностью сделать это не удалось. Поэтому Лев Михайлович всячески приветствовал инициативу командующего, организовавшего, так сказать, собственное флотское судостроение.

На Лазаревской верфи матросы-черноморцы под руководством опытных мастеров начали строить деревянные десантные боты, недостроенные тральщики приспособили в мастерских Поти под танковозы — на пять Т-34 каждый, а тральщик «Земляк» приспособили даже под перевозку десяти Т-34. И вот уже Л. А. Владимирский докладывает наркому, что может перебросить и вы-

⁸⁶ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 19.

садить полноценную дивизию с тяжелой техникой⁸⁷. Да и питание Отдельной Приморской армии, которая никак не может вырваться с северо-восточной оконечности Керченского полуострова, флот обеспечивает исправно (помогают баржи, переброшенные с Волги и Каспия в разобранном виде).

Неизмеримо большими возможностями располагало кораблестроение в Ленинграде. На ленинградских заводах успешно провели ремонт тяжело поврежденных крейсера «Максим Горький», линкора «Октябрьская революция» и ряда других кораблей. Одновременно с ремонтом усиливалось зенитное вооружение. Но Л. М. Галлер считал, что промышленность Ленинграда способна развернуть строительство и кораблей новых проектов, необходимых Краснознаменному Балтийскому флоту для проведения наступательных операций. Вместе с начальником Управления кораблестроения Н. В. Исаченковым, его заместителями Г. Ф. Козьминым и Н. В. Алексеевым, уполномоченным этого управления в Ленинграде А. К. Усыскиным замваркома Галлер обсудил возможности ленинградских заводов. Было решено приступить к проектированию, а затем и строительству кораблей, необходимых Краснознаменному Балтийскому флоту, — прежде всего малых и катерных тральщиков, артиллерийских бронекатеров для боевых действий в шхерных районах и участия в десантных операциях, десантных судов, бронированных охотников за подводными лодками.

Выполняя указание Л. М. Галлера, контрольно-приемный аппарат Управления кораблестроения ВМФ сделал все возможное, чтобы при поддержке первого секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова подготовить заводы к строительству новых кораблей. За лето 1942 года удалось разработать проектную документацию и провести необходимую технологическую подготовку. В конце 1942 года Галлер с удовлетворением знакомился с планом ремонта и постройки новых кораблей для КБФ на 1942—1943 годы, утвержденным Военным советом Ленинградского фронта и предусматривавшим ввод в строй подводных лодок «К-51», «К-53» и «Л-21», окончание восстановительного ремонта лидера «Минск» и эсминца «Сторожевой», достройку двух сторожевых кораблей, турбинного тральщика. Особенно ра-

⁸⁷ ЦВМА, ф. 14, оп. 47, д. 370, л. 228.

довало Галлера включение в план постройки 19 бронированных охотников (БМО), 10 шхерных мониторов. А завод, специализировавшийся на строительстве катеров, должен был дать флоту 40 торпедных катеров и 20 малых охотников за подводными лодками. Предусматривалась также постройка 115 тендеров и 14 барж для перевозок по Ладоге⁸⁸.

Однако в этот план не было включено строительство тральщиков. Галлер считал это ошибкой. Продвижение флота на запад, содействие наступлению приморского фланга Ленинградского фронта было невозможно без траления фарватеров в буквально усеянном минами Финском заливе. Поэтому Галлер при встрече с первым секретарем горкома партии А. А. Кузнецовым просил провести через Военный совет фронта решение о строительстве тральщиков. Необходимая работа в связи с этой задачей была проведена и уполномоченным Управления кораблестроения ВМФ в Ленинграде А. К. Усыскиным. В апреле 1943 года решением Военного совета фронта в план одного из заводов было включено строительство 12 малых тральщиков-стотонников. Кроме того, в Ленинграде в большом числе строились малые деревянные катера (типа КМ), которые использовались как катерные тральщики.

Наряду с конструкторами-кораблестроителями в создании проектов бронированных охотников, шхерных мониторов и тральщиков активно участвовали адмиралы И. И. Грен — начальник артиллерии КБФ и Ю. Ф. Ралль — командующий эскадрой КБФ. Каждый проект проходил строгую проверку Л. М. Галлера и утверждался им. Так, в августе 1942 года он утвердил проект БМО, в мае того же года — проект тральщика-стотонника. Проекты двух модификаций морских бронекатеров (шхерных мониторов) также рассматривались Галлером, после чего они были утверждены наркомом ВМФ⁸⁹. Кораблестроение на ленинградских заводах набирало силу. И можно было уже не сомневаться, что Краснознаменный Балтийский флот сумеет оказать содействие Ленинградскому фронту, сумеет вырваться на просторы Балтики.

В начале 1944 года гитлеровцы разгромлены под Ленинградом, а на юге в мае освобожден Крым, наши вой-

⁸⁸ См.: Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1981. С. 386.

⁸⁹ См. там же. С. 386, 394.

ска пересекли границу с Румынией. На Черном море складывается благоприятная оперативная обстановка. Значительно более сложным было положение на Балтике и на Севере. Этим флотам Галлер уделял главное внимание.

Балтийцы вышли в море необычно рано — уже в феврале 1944 года был высажен десант на побережье Нарвского залива. В нем участвовали новые корабли — бронированные морские охотники и морские бронекатера. Галлер приказал собрать и обобщить опыт по боевому использованию и живучести новых кораблей, внести, если это необходимо, изменения в конструкцию тех, что еще строятся. Еще более суровую проверку боевые катера флота прошли в июне — июле 1944 года, когда части Ленинградского фронта при поддержке сил КБФ перешли в наступление на Карельском перешейке, освободили Выборг, повели бои за изгнание противника с островов в Выборгском заливе...

Войска Ленинградского фронта с боями освобождали Прибалтику, 22 сентября гитлеровцы были выбиты из Таллинна. Соединения тральщиков упорно прокладывали пути на запад, но минная опасность была очень велика. Нарком ВМФ, получив разрешение Ставки, решил не перебазировать в 1944 году эскадру в Таллинн; линкор, крейсера, лидеры и эсминцы оставались в Кронштадте. Но в боях за освобождение Таллинна и островов Моонзундского архипелага активное участие приняли боевые катера, в том числе построенные в годы войны в Ленинграде и переброшенные на Балтику по приказу наркома ВМФ. Имея крепкий тыл: судостроительные и судоремонтные заводы Ленинграда, балтийцы успешно решали поставленные боевые задачи.

К началу 44-го немцы имели в базах Северной Норвегии линкор «Тирпиц», 14 эсминцев и миноносцев, 18 подводных лодок, десятки тральщиков, сторожевых кораблей и катеров. В течение последующих месяцев противник перебросил в Норвегию подводные лодки с баз во Франции, доведя их число до полусотни.

Однако это не помешало активизации действий Северного флота на коммуникациях противника. В наращивании ударов по конвоям немалую роль сыграло применение радиолокаторов на торпедных катерах и в авиации — в разведывательной, торпедоносной и бомбардировочной. Наряду с американскими и английскими радиолокаторами на кораблях, катерах и самолетах устанавливалось все

больше отечественных образцов, которые в 1944 году выпускались уже серийно. В организации разработки, производства и принятии на вооружение радиолокаторов Л. М. Галлер тесно сотрудничал с инженер-контр-адмиралом А. И. Бергом. Аксель Иванович, арестованный как «враг народа» в 1937 году вместе со многими сотрудниками своего НИИ, в начале войны вновь занялся наукой. В июле 1943 года он стал заместителем наркома электропромышленности и почти одновременно получил назначение в Совет по радиолокации, созданный при СНК. Как заместитель председателя Совета, А. И. Берг принимал деятельное участие в создании для ВМФ радиолокаторов различного назначения, оказывал помощь в налаживании выпуска радиолокаторов на заводах Наркомата электропромышленности. Галлер и Берг вместе пришли к выводу о необходимости иметь в ВМФ орган, который занялся бы руководством научно-исследовательскими разработками по морской радиолокации, контролировал освоение производства радиолокационной аппаратуры промышленностью и подготовку инженерных и офицерских кадров, обеспечивал эксплуатацию радиолокационной техники на кораблях, в авиации и частях флота. По представлению Галлера в 1943 году нарком ВМФ принял решение создать для этого в Управлении связи ВМФ отдел спецприборов. Начальником отдела стал капитан 1 ранга С. В. Архипов, в дальнейшем первый начальник радиотехнической службы ВМФ.

В 1944 году КВФ пополнялся достроенными на заводах Ленинграда или построенными вновь малыми кораблями и катерами. Северный флот также увеличивал численность корабельного состава. С августа по октябрь на флот пришли из США 46 больших охотников за подводными лодками и 36 тральщиков⁹⁰. И еще на флот прибыла из Англии эскадра — линкор, крейсер и девять эсминцев. Она была сформирована из английских и американских кораблей, временно переданных Советскому ВМФ в счет кораблей подлежащего разделу между союзниками военно-морского флота капитулировавшей Италии. Л. М. Галлер непосредственно занимался подготовкой к приемке кораблей в Англии. По его предложению командиром линкора «Архангельск» (бывший «Ройал Соверин») был назначен давний его знакомый капитан

⁹⁰ См.: Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1975. С. 356.

1 ранга В. И. Иванов, один из немногих уцелевших со-служивцев со «Славы»; командиром крейсера «Мурманск» (бывший «Милуоки») — командир крейсера «Красный Крым» капитан 1 ранга А. И. Зубков. Этим великолепным командирам можно было доверить ответственное дело формирования экипажей, быстрого освоения незнакомой техники. И действительно, в течение трех месяцев североморцы приняли и освоили корабли и в августе привели их в Кольский залив.

Таким образом, к зиме 1944/45 года Северный флот значительно увеличил свою мощь. Большие охотники и тральщики, полученные из США, переданные англичанами эсминцы расширили возможности флота в борьбе с подводными лодками противника. Это имело большое значение, так как в 1944 году резко усилилась активность действий гитлеровских подлодок на наших коммуникациях. Впервые немцы применили новое оружие — торпеды с пассивным акустическим самонаведением и неконтактным магнитным взрывателем. Такие торпеды сами наводились на шумы винтов кораблей, уклониться от них маневром было почти невозможно.

Еще в начале 1944 года Л. М. Галлер через отдел внешних сношений наркомата запросил у английской военно-морской миссии материалы о способах защиты от немецких акустических торпед. Галлеру было известно, что в британском флоте, первым пострадавшем от новых торпед врага, уже разработали тактику уклонения от них и специальное буксируемое устройство «Фоксер», имитирующее шумы винтов. «Фоксер» и методику уклонения корабля от акустических торпед англичане передали, но тут же сами оказались просителями.

30 июля 1944 года в Финском заливе, близ Койвисто (Приморск), малый охотник старшего лейтенанта А. П. Коленко потопил немецкую подводную лодку «U-250». Ее удалось поднять, отбуксировать в Кронштадт и поставить в док. Под руководством О. Б. Брона из торпедных аппаратов были извлечены восемь торпед, из них три «Т-V» — с акустическим самонаведением и магнитным взрывателем. Торпеды были разоружены, и система наведения их тщательно изучена. Это позволило быстро сконструировать свой советский «фоксер», названный «ОКА». Акустический охранитель «ОКА», как и английский, буксировался на длинном тросе за кормой корабля. По приказанию Галлера «ОКА» немедленно поступили на все флоты.

Впервые секретное оружие гитлеровского флота оказалось в руках их противников. У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой передать одну из торпед британскому флоту, чтобы разработать эффективные методы борьбы с этим боевым средством. В январе 1945 года в Ленинград прибыла специальная английская миссия, которой были представлены все материалы по «Т-V»...

Войска наших фронтов продвигались на запад. Конец войны был уже не за горами. И Лев Михайлович не раз обсуждал с наркомом послевоенное будущее. Каковы будут задачи ВМФ, какой флот по составу и численности нужен стране? Конечно, неплохо бы знать, что думает об этом Сталин... Но так или иначе, а следовало и самим прийти к каким-то выводам. Потому что наркома могут вдруг вызвать, спросить. Не надо было обладать особыми способностями провидца, чтобы представить себе послевоенный мир. Германия будет сокрушена, год или два спустя такая же судьба постигнет и Японию. Останутся две сильнейшие морские державы — США и Великобритания. Впрочем, и Франция сможет быстро восстановить свой флот, отремонтировав корабли, затопленные или поврежденные в Тулоне и Ороне. Вывод: СССР необходима морская сила, способная защитить интересы страны в Мировом океане. Задача исключительно сложная, но если иметь сильные океанские флоты на Севере и Тихом океане, то к нам будут относиться уважительно.

Но что значит сильный флот? Какой он должен иметь состав? И где базироваться? Сравняться по числу линкоров и авианосцев с объединенным флотом США и Великобритании трудно, даже невозможно. Нет сомнений в необходимости мощного подводного флота. Но флот нужен сбалансированный, с кораблями всех классов. С авианосцами непременно.

По предложению Галлера запросили флоты, какие им нужны авианосцы по числу самолетов и водоизмещению, какие линкоры — по главному калибру и водоизмещению. В начале 1944 года Галлер получил ответы за подписью командующих флота, обобщил, доложил наркому. Н. Г. Кузнецов приказал подготовить письмо в адрес ГКО, Сталину, в котором изложить предложения наркомата по плану военного кораблестроения на 1945—1947 годы и предложения по переводу заводов и институтов Наркомата судостроения в прежнее русло — на строительство флота.

15 октября нарком ВМФ направил Сталину письмо по

военному кораблестроению в 1945—1947 годах⁹¹. Он предлагал в течение двух лет строить подводные лодки и легкие силы, достраивать легкие крейсера. Построить большое число тральщиков, чтобы обеспечить послевоенное траление. Нарком также просил вернуть НИИВК — Научно-исследовательский институт военного кораблестроения в состав ВМФ (после 1938 года институт вошел в Наркомсудпром). Сделав вывод, что строительство больших кораблей (линкоров, авианосцев, тяжелых крейсеров) в 1945—1947 годах невозможно, Н. Г. Кузнецов вместе с тем просил разрешить проектирование больших кораблей. Сталин незамедлительно рассмотрел предложения наркома. Было разрешено включить в план проектирование линкора, тяжелого крейсера и трех модификаций авианосцев — на 30, 45 и 60 тысяч тонн. Конструкторы начали работу...

Минул 1944 год, пришел победный, 1945-й. Наши войска взяли Кенигсберг (Калининград) и Пиллау (Балтийск), Данциг (Гданьск) и Штеттин (Щецин). В каждом из этих портов имелись кораблестроительные заводы. Следовало по возможности полнее изучить опыт немецкого кораблестроения, заимствовать все лучшее в организации производства. Для обследования немецких заводов и доков, верфей и слипов портов и военно-морских баз Н. Г. Кузнецов выделил Л. А. Владимирского. В марте 1944 года он был снят Сталиным с должности командующего Черноморским флотом, снижен в звании до контр-адмирала и назначен командовать эскадрой КБФ.

Вспоминая об этом тяжком событии в жизни адмирала Л. А. Владимирского, Н. Г. Кузнецов писал: «Ни Генштаб, ни Наркомат ВМФ не вносили предложений о смене командования Приморской армии и Черноморского флота... Для меня до сих пор не ясна причина освобождения от должности Л. А. Владимирского...»⁹²

В письме, направленном Владимирским в 1967 году министру обороны Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому, говорится: «Официальным поводом к освобождению меня от должности командующего ЧФ и снижении в воинском звании весной 1944 г. послужила гибель 3-х эсминцев в октябре 1943 г. Однако скрытыми мотивом этого явились серьезные разногласия по вопросу ведения совместных действий между мной как командующим фло-

⁹¹ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 1143, л. 17.

⁹² Кузнецов Н. Г. Курсом к победе, С. 372.

том и командующим Северо-Кавказским фронтом генерал-полковником Петровым И. Е. Можно предположить, что после снятия с должности и снижения в звании И. Е. Петрова (в феврале 1943 г. — С. 3.) «для равновесия» было решено снять и командующего флотом... Но так как флот действовал успешно, то предлогом послужили события полугодовой давности...»⁹³

Корабли эскадры КБФ, которой командовал опальный флагман, стояли в Кронштадте, и деятельный адмирал был рад заняться делом. В скором времени он представил интереснейший, почти энциклопедический отчет о немецком кораблестроении... Сам же Галлер, привлекая минимум помощников, работал над десятилетней программой Большого флота. Ее проект, в частности, предусматривал строительство девяти линкоров водоизмещением по 75 тыс. тонн, 12 тяжелых крейсеров водоизмещением по 25 тыс. тонн, 60 легких крейсеров, 9 больших и 6 малых авианосцев, более пятисот подводных лодок...⁹⁴

Над этим планом будущего Флота Л. М. Галлер работал ночами. А днем занимался решением всяческих вопросов по текущему строительству кораблей и подводных лодок. Промышленность набирала силу, продолжалась установка на кораблях радио- и гидролокаторов, совершенствовалось артиллерийское и торпедное вооружение, испытывались и внедрялись технические новшества: выдвижная радиоантенна и устройство для работы дизеля под водой на подводных лодках, на надводных кораблях — отечественные радиолокаторы различного назначения. Флот мужал в боях, креп. А Тихоокеанский флот осваивал поступившие по ленд-лизу фрегаты, тральщики, охотники за подводными лодками и торпедные катера, готовился к предстоящей войне с Японией.

Шли месяцы, нарком ВМФ выезжал на конференцию глав правительств СССР, США и Великобритании в Ялту, потом, когда пришла Победа, в Берлин. Вскоре после возвращения из Берлина вылетел на Дальний Восток, чтобы готовить Тихоокеанский флот к войне с Японией. А Лев Михайлович по-прежнему вершил все наркоматские дела и под очень многими важнейшими документами появлялась подпись: «За наркома ВМФ — Галлер». Вот и под планом строительства Большого флота на десятилетие Галлер поставил 25 августа 1945 года свою под-

⁹³ Архив Е. С. Владимирской. Письма Л. А. Владимирского.

⁹⁴ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 1143, л. 17, 45.

пись: Н. Г. Кузнецов был на Дальнем Востоке. План прежде всего попал к Л. П. Берии — с 1944 года он был председателем Оперативного бюро СНК СССР и заместителем председателя СНК. По его указанию план пришлось несколько сократить. Лев Михайлович волновался: что скажет парком, увидев это сокращение? Впрочем, план все равно был грандиозен, страна получит Большой флот, а за десять лет программа изменится не раз...

После Победы жизнь в Москве постепенно входила в мирное русло, хотя впереди еще была война с Японией. Лев Михайлович стал ездить обедать домой, чем доставлял несказанную радость сестрам. Иногда он даже позволял себе заглянуть в лавку букиниста и поискать на полках что-нибудь интересное из истории, а то и приобрести какой-нибудь роман на французском для сестер. И еще, случалось, заходил на полчаса в «Метрополь», садился за стол, официант не спрашивая — уже знали привычки высокого художавого адмирала — приносил коньяк, наливал в рюмку. Лев Михайлович пригубливал, оценивал — хорош армянский! Смотрел на оживленные, веселые лица. Сколько красивых женщин... Идет совсем рядом какая-то иная жизнь, совершенно не похожая на его личную. Что ж, каждому свое. Он вставал, садился в подкидавшую машину, бросал: «В наркомат!»

После капитуляции Японии вернулся в Москву Николай Герасимович Кузнецов. Счастливый, веселый. Галлер посмотрел на него с доброй улыбкой — хорош нарком и главнокомандующий ВМФ! Адмирал флота, Герой Советского Союза, молод еще и полон энергии, будет создавать Большой океанский флот! Он, Галлер, поможет ему во всем. Есть еще мысли, есть силы, многое хочется сделать. И, он уверен, Большой флот будет построен. Наркомсудпром, его заводы и конструкторские бюро — восстанавливаются, начинают подготовку к работам на недостроенных кораблях, к закладке новых. Много, очень много проблем, но они будут решены. А пока промышленность строит для флота корабли, тысячи матросов, старшин и офицеров можно готовить на том, что есть. В том числе на кораблях, полученных при разделе итальянского, немецкого и японского флотов. Несколько лет эти корабли еще послужат...

Суд неправый, суд без чести...

Конец сорок пятого... Лев Михайлович счастлив. Его страна, его Россия победила двух жестоких врагов. Ко-

нечно, потери народные неисчислимы. Города и села в руинах. Но если сумели восстановить экономику после гражданской, то неужто не сумеем сейчас? Война закончилась, а работы, забот отнюдь не убавилось. Скорее, прибавилось. Боротся за интересы Военно-Морского Флота с позиций государственных интересов, как понимал Лев Михайлович, приходилось даже больше, чем в военные годы. После войны появились какие-то иные приоритеты. Впервые, пожалуй, Галлер столкнулся с ними при обсуждении в Наркомате судостроения планов послевоенной программы Большого флота. Предложение наркома Кузнецова строить корабли по в корне переработанным или новым проектам было встречено неприязненно. Особенное неудовольствие вызывало предложение о скорейшем развертывании строительства авианосцев. Наркомсудпром смущало здесь многое — никогда такого не строили, нет еще самолетов авианосной авиации, необходимость иметь на корабле громадные запасы бензина... Судостроители предлагали доработать имеющиеся проекты эсминцев, крейсеров, линкоров, других кораблей — усилить зенитное вооружение, предусмотреть установку новых радиолокаторов и гидролокаторов. Основу же — конструкцию корпусов, энергетические установки, артиллерийское и минно-торпедное вооружение оставить, по существу, без изменений. Галлер спорил, отстаивал свою, с наркомом согласованную линию: как можно быстрее приступить к строительству авианосцев, ибо опыт второй мировой войны доказал, что теперь этот класс среди надводных кораблей — главный, что линкоры и тяжелые крейсера, если не отжили свое, то, скорее, служат ныне для сопровождения авианосцев, и без воздушного прикрытия линкор обречен на гибель. Целиком поддерживал Галлер и линию наркома на строительство эсминцев с универсальным главным калибром артиллерии — таким, чтобы можно было вести огонь и по кораблям, и по самолетам. «Мы согласны, — говорил Галлер судпромовцам, — получать от вас в ближайшие два-три, ну пусть четыре года достроенные эсминцы и легкие крейсера, те, для которых уже есть корпуса, машины. Но с 1950 года ВМФ должен получать корабли только новых проектов, не уступающих по тактико-техническим данным перспективным американским и английским...»

Нарком судостроения И. И. Носенко, человек волевой и прекрасный организатор промышленности, умел бороться за интересы своего ведомства. А интересы эти он

понимал так, что для восстановления судостроительной промышленности нужно получить миллиарды. Получить же их можно лишь под серийное строительство кораблей для ВМФ. Заводы его наркомата могут в короткий срок заложить десятки эсминцев довоенного, несколько улучшенного проекта «30», немало легких крейсеров также довоенного проекта «68», тоже улучшенного, в короткий срок дать ВМФ сотни подводных лодок, боевых катеров. Затем, через некоторое время, возобновить строительство линкоров и тяжелых крейсеров. Параллельно можно разрабатывать новые проекты, с тем чтобы начать воплощение их в жизнь пятилетки через две.

Нарком Кузнецов и Галлер с такой направленностью в военном кораблестроении согласны не были. Понимали: за десять лет будут затрачены миллиарды, а ВМФ получит десятки, даже сотни кораблей, военно-технический уровень которых будет ниже, чем у американцев. Проект плана строительства Большого флота на 1946—1955 годы, предложенный Наркоматом ВМФ, обсуждался где-то на «верхних» этажах — в Оперативном бюро Совнаркома у Л. П. Берии, может быть, рассматривался и самим Сталиным. Николай Герасимович хмурился при упоминании фамилии Берии, ехать к нему отстаивать проект плана, составленный Наркоматом ВМФ, явно не хотел. Как-то сказал: «Любит царь, да не любит псарь». Галлер понял так: нарком надеется на хорошее отношение к нему Сталина, на возрождение довоенного его внимания к ВМФ. И на этой основе рассчитывает преодолеть противодействие Берии. В самом деле, разве не поймет Сталин, что в количественном отношении по кораблям флоты США и Англии не догнать. Тем более требует внимания качество... Вроде бы расчеты Кузнецова были логичны. Но логика и Сталин, логика и Берия — совместимы ли? Лев Михайлович вспомнил, как война выявила недостатки в конструкции корпусов эсминцев-«семерок», как после гибели эсминца «Сокрушительный» во время шторма, повреждений корпуса эсминца «Громкий» пришлось немало потрудиться, чтобы убедить: нет тут вредительства, корпус подкрепим... А ведь кто, как не Сталин и Жданов, способствовали разработке проекта «семерки» — эсминца, уступавшего в прочности корпуса знаменитым «новикам». Попробуй напomini об этом... Вот она и логика. И Лев Михайлович исподволь, боясь задеть самолюбие наркома, говорил о соблюдении осторожности во взаимоотношениях с Оперативным бюро. Возможно, кому-то не

правится хорошее отношение вождя к наркому ВМФ... Николай Герасимович улыбался, смешливо щурил глаз — не смел, мол, не смел его заместитель, все абы да кабы...

Начался первый послевоенный год. Флоты осваивали новые базы. Корабли за войну изношены, все требуют ремонта. Держать в строю трофейные итальянские, немецкие, японские корабли было непросто. Нет запасных частей, на немецких кораблях там, где у нас цветные металлы — железо, алюминий, трубопроводы разрушаются. И в таких условиях разворачивали боевую подготовку, подтягивали дисциплину (кое-кто решил, даже среди офицеров, что с окончанием войны можно дать слабину), строили, ремонтировали, налаживали быт. Трудности можно преодолеть любые, тем более зная во имя чего. Но с первых месяцев 1946 года на душе у Льва Михайловича стало новилось все тревожнее. И не только из-за речи Черчилля, произнесенной в начале марта в Фултоне. Куда больше беспокоило его какое-то подспудное движение, кем-то инспирируемая работа не то против Наркомата ВМФ вообще, не то против Николая Герасимовича.

Началось, пожалуй, еще в 1944-м, когда в отсутствие наркома Кузнецова вдруг вышло постановление Совнаркома о переезде Наркомата ВМФ в новое помещение. С Антипьевского, обжитого и приспособленного с довоенных лет, в Козловский переулок. Год пришлось перестраивать здание, весной 1945-го переезжать. Зачем это было делать, Галлер так и не понял. Похоже, чтобы вызвать наркома на конфликт. Лев Михайлович тогда просил Николая Герасимовича извинить его: не смог отстоять, но и советовал, чтобы нарком не пытался просить Сталина изменить решение — поздно уже. Кроме того, он уже был у заместителя Сталина по Наркомату обороны Н. А. Булганина и получил решительный отказ.

Однако Н. Г. Кузнецов попытался добиться отмены решения Совнаркома, но это не удалось. Правда, в результате хлопот наркома ВМФ Сталин приказал выделить взамен отобранного другое здание, что не было предусмотрено в решении Совнаркома. «Булганин взбесился и, придя в свой кабинет, пообещал при случае вспомнить»⁹⁵, — пишет Н. Г. Кузнецов.

В январе сорок шестого все было куда серьезнее; хлопотный переезд, в конце концов, пустяк. Началось со звонка Поскребышева — пусть нарком позвонит товари-

⁹⁵ Правда. 1988. 29 июля.

щу Сталину. Н. Г. Кузнецов вспоминает сказанное тогда Сталиным: «Мне кажется, Балтийский флот надо разделить на два флота», — неожиданно начал он. Я попросил два-три дня, чтобы обдумать это предложение. Он согласился»⁹⁶. Нарком немедленно пригласил Галлера и начальника ГМШ адмирала С. Г. Кучерова (В. А. Алафузов с апреля 1945 года возглавлял Военно-морскую академию). Все тщательно взвесили... Мнение было единым — разделение КБФ на два флота не вызывается необходимостью. Когда Кучеров вышел, Галлер сказал: «Николай Герасимович, а нужно ли копы ломать? Приспособимся. Не зря, похоже, все это затеяно...» Но нарком опять-таки отнес предупреждение своего заместителя на счет его чрезмерной осторожности. Н. Г. Кузнецов пишет: «...я доложил И. В. Сталину мнение моряков: Балтийский морской театр по своим размерам невелик, поэтому на нем целесообразнее иметь одного оперативного начальника...»⁹⁷

Вернувшись из Кремля, нарком зашел к Галлеру: «Лев Михайлович, доложил наше мнение. Сталин ничего не ответил, но явно недоволен — видно, ожидал другого».

Через неделю А. А. Жданов, продолжавший оставаться членом Военного совета Наркомата ВМФ, предложил Кузнецову собрать совещание, чтобы вновь обсудить вопрос о разделении КБФ на два флота. А. А. Жданов почему-то приехал вместе с А. И. Микояном. Долго обсуждали все «за» и «против» разделения. Льву Михайловичу показалось, что Жданов хочет единодушного одобрения сталинского «мне кажется». Кучеров помалкивал, но Н. Г. Кузнецов был непреклонен. «Все моряки были согласны со мной, кроме Исакова, хотя и тот только «воздержался», — вспоминает нарком⁹⁸. Галлер поддержал его, хотя чувствовал: нарком играет с огнем. В конце совещания Николай Герасимович сказал, что наркомат наилучшим образом выполнит приказание о создании на Балтике двух флотов, если таковое будет. Однако он просит разрешения еще раз доложить Сталину о том, что делать это нецелесообразно.

«На следующий день, — вспоминает Н. Г. Кузнецов, — меня и моих заместителей, И. С. Исакова, Г. И. Левченко и С. Г. Кучерова, вызвали в кабинет Сталина. Едва мы

⁹⁶ Кузнецов Н. Г. Накапуе. С. 278.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 279.

вошли, я понял: быть грозе. Сталин нервно мерил шагами кабинет. Не спросив нашего мнения, не выслушав никого из нас, начал раздраженно:

— За кого вы нас принимаете?..

На меня обрушился далеко не вежливый разнос»⁹⁹. «Я остался на своих позициях, будучи глубоко убежденным в своей правоте. Исаков молчал. Микоян сослался на него и сказал, что Исаков за предложение Сталина»¹⁰⁰. «Я не выдержал:

— Если не пригоден, то прошу меня снять...

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Сталин остановился, посмотрел в мою сторону и раздельно произнес:

— Когда надо будет, уберем»¹⁰¹.

12 февраля 1946 года КБФ был разделен на два флота — 4-й и 8-й ВМФ. Следствием всей этой истории было назначение И. С. Исакова с 11 февраля начальником Главного морского штаба. При этом он остался и первым заместителем наркома ВМФ. В то же время были наказаны некоторые из тех, кто не поспешил проголосовать за сталинское «мне кажется». Так, начальник ГМШ адмирал С. Г. Кучеров назначается командующим Каспийской военной флотилией — явное понижение по службе.

В те дни, анализируя происшедшее, Лев Михайлович думал, что против наркома кто-то и зачем-то ведет нечестную игру, цель которой вызвать против него недовольство Сталина. И по всей видимости, Кузнецов проигрывает. Вождь злопамятен и не терпит возражений. Вернее, терпит, но в крайнем случае. Но нынче не крайний случай, война позади... И Галлер ждал следующего удара по ВМФ.

Через несколько дней нарком приехал с совещания в Кремле взволнованным, вызвал Галлера к себе и сказал: «Товарищ Сталин поставил вопрос об упразднении Наркомата Военно-Морского Флота. Генштабу приказано доложить свои соображения по этому поводу правительству, я попросил дать нам время, чтобы обсудить этот вопрос в наркомате, в ГМШ...»

Доклад составили за сутки. В руководстве ВМФ не было разногласий в том, что «современные операции действительно требуют совместного участия различных видов и родов Вооруженных Сил и управления ими из одного

⁹⁹ Правда. 1988. 29 июля.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 278—279.

центра»¹⁰². Не было и серьезных сомнений в целесообразности объединения Наркоматов обороны и Военно-Морского Флота. Однако в докладе, который подписал Н. Г. Кузнецов, указывалось, что каждый вид Вооруженных Сил должен иметь достаточную самостоятельность. Так, возглавляющий ВМФ должен иметь широкие права. Например, право обращаться самостоятельно, минуя Наркомат обороны, в правительство и другие наркоматы. Как вспоминает Н. Г. Кузнецов, в докладе также предлагалось рассматривать Генштаб как единый высший оперативный орган, в ведении которого находились бы «все оперативные проблемы, планирование развития боевых сил и средств на случай возможной войны»¹⁰³. Проблемами войны на море должен был заниматься Главный морской штаб.

Доклад своевременно направили Сталину. Но участия в обсуждении и этого доклада, и доклада Генштаба Н. Г. Кузнецов не принимал. Уже 25 февраля был образован Наркомат Вооруженных Сил, а Наркомат ВМФ упразднен... С 15 марта того же года, с переименованием наркоматов в министерства, появилось Министерство Вооруженных Сил.

Вызывалось ли, однако, в то время необходимостью упразднение Наркомата ВМФ? Приступали к строительству Большого флота, осваивались и строились новые военно-морские базы. Учитывая неизбежные трудности прохождения этажей бюрократической лестницы при решении любого вопроса, упразднение Наркомата ВМФ в тот период не помогало, а затрудняло работу. Вероятно, это понял Сталин. Ровно через четыре года, день в день, 25 февраля 1950 года было образовано Министерство Военно-Морского Флота...

Было ли, однако, упразднение Наркомата ВМФ лишь следствием сталинского неудовольствия строптивостью Н. Г. Кузнецова и некоторых его подчиненных? Не было ли это частью целенаправленной политики «приструнивания» руководящих военных кадров, начавшейся после войны? Пожалуй, началом проведения этой линии было подчинение Л. П. Берии в 1943 году особых отделов Красной Армии и Военно-Морского Флота. Это был принципиальный шаг: военные ведомство Берии, а через него, разумеется, Сталин могли лучше контролировать армию и

¹⁰² Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 276.

¹⁰³ Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 277.

флот, их руководящие кадры. Это был лишь зачин, главное началось после Победы. В марте 1946 года, т. е. в одно время с описываемыми выше событиями в ВМФ, маршала Г. К. Жукова переводят с поста главнокомандующего Группой советских войск и главноначальствующего советской военной администрации в Германии. Он назначается главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил. Но ненадолго — уже в июле командует войсками Одесского военного округа. И тогда же, в марте, министром Вооруженных Сил становится Н. А. Булганин. Ему присваивается звание генерала армии, а через год бывший председатель Моссовета и правления Госбанка, в войну член военных советов фронтов, получает полководческое звание Маршала Советского Союза.

Маршал Г. К. Жуков писал о нем: «Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах».

Казалось, что с упразднением Наркомата ВМФ ничего не изменилось. Так же как и раньше, работал Главный штаб, управления ВМС, которыми руководил заместитель главнокомандующего ВМС по кораблестроению и вооружению Л. М. Галлер. Труднее приходилось главному ВМФ Н. Г. Кузнецову. Многие вопросы, которые он раньше решал, обращаясь в правительство, требовали теперь предварительного рассмотрения министра Вооруженных Сил или его заместителей. Однако нужная работа на флотах шла, а утвержденный Верховным Советом Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. гласил: «Увеличить судостроение в 1950 г. вдвое по сравнению с 1940 г. Обеспечить строительство сильного и могучего флота».

На заводах судостроительной промышленности возобновились работы на недостроенных легких крейсерах и эсминцах, строились подводные лодки, тральщики и катера...

Как и прежде, Лев Михайлович работал много, лишь изредка вырываясь на часок-другой поведать сестер. Дома ночевал редко. Режим работы, установившийся еще до войны, оставался прежним: рабочий день начинался где-то около полудня, обедали в восемь — десять вечера, отдыхали с трех-четырех утра. Распорядок был «под Сталина» — говорили, что у него бессонница, ночью не спит. Николай Герасимович попытался после войны несколько изменить сложившийся режим, начал отпускать

из наркомата офицеров в полночь. Но однажды позвонил ночью Сталин, а нарком был на даче. Кузнецова немедленно связали по телефону с Кремлем, но Сталин был недоволен. И все вернулось «на круги своя». Так что свободным было утро, да еще после войны стали соблюдать, как правило, выходные дни.

Если Лев Михайлович ночевал у себя в кабинете, то перед сном частенько вынимал из чехла стоявшую за книжным шкафом виолончель. Теперь не война — кому он помешает ночью? Как он любил ее сочный, бархатный, певучий звук! И вот в томительную тишину здания на Козловском входят певучие звуки «Дон Кихота» Штрауса или увертюры к «Вильгельму Теллю» Россини... Ночуя и в кабинете на Козловском, и дома на Якиманке — на улицу Димитрова пришлось переехать в конце войны, дом в проезде Серова забрало ведомство Берии, — Лев Михайлович всегда вставал рано.

Впрочем, на Козловском нужно было иметь крепкий молодой сон, чтобы не проснуться от пронзительных голосов уборщиц, начинавших спозаранку уборку. Женщины были полны благих намерений, временами слышалось: «Тихе, Лев Михайлович отдыхает!» Но потом снова в полный голос начинались пересуды о последнем столкновении в коммунальной квартире («Я ей прямо сказала...»), о ценах на рынке («Это надо же — картошка пять рублей!») и последних выдачах по карточкам, о письмах от родичей, которых война разбросала по стране. Лев Михайлович делал несколько гимнастических упражнений по Мюллеру — тех, которым его научил еще отец в Очакове, принимал холодный душ, тщательно брился. Он открывал окно на улицу — хорошо, когда свежий, холодный воздух, выходил в коридор и здоровался с уборщицами. Они его любили: каждую называет по имени и отчеству, помнит их рассказы про семейные беды (прославленная галлеровская память не подводила и тут), уважали. И чувствуя в нем какую-то подлинную доброту, расположенность, человечность, совершенно не стеснялись и спрашивали обо всем, что было интересно. Н. Д. Выжеватов, отважно воевавший в морской пехоте под Ленинградом и ставший после выхода из госпиталя в 1943 году адъютантом у Л. М. Галлера, слышал однажды, как уборщицы спрашивали: «Лев Михайлович, скажите, вы вот еще такой интересный, а неженатый. Неужто никогда не женились? Почему это?» И Галлер, посмеиваясь, чуть смущенно отвечал: «Не пришлось, сударыни, не пришлось...»

Если же почевал дома, то непременно, тоже встав рано, пил с сестрами кофе, слушая их рассказы о московских новостях, повинках литературных и театральных, последних симфонических концертах, на которых они побывали. А Тоня еще хвасталась приобретенной у букинистов книжкой, каким-нибудь раритетом — сборничком Блока, Ахматовой или Белого, Кузмина или Анненского. Любовь сестер к поэзии первой четверти века оставалась неизменной.

В выходные дни Лев Михайлович иногда выезжал с сестрами за город. Шофер останавливал большую, блестящую черным лаком машину на опушке леса. Час-другой гуляли, вспоминали былое — дачу в Павловске, прогулки к Мцхета, когда жили в Тифлисе... Затем обратно в Москву. Лев Михайлович завозил сестер домой — и на службу. Работал он и в выходные дни. Очень много бывает работы, если хочешь, чтобы было все лучше... Но случалось, что в воскресенье после завтрака Галлер отправлялся в обход по книжным магазинам — по букинистическим, в книжный на площадь Мира, где просматривал каталоги и заказывал все, что находил интересным.

В выходные у себя в кабинете на Козловском работало спокойно, ничто не мешало. Можно было обдумать и сделанное за прошедшую неделю, прочитать или хотя бы просмотреть стопку книг и журналов, которыми не успел заняться ранее. Вот так однажды в летний день сорок шестого он понял, что нужно подумать о применении внутриядерной энергии для движения кораблей. Из сообщения в прессе США явствовало, что для их флота что-то по этой части делается. Он встал из-за стола, в возбуждении зашагал по кабинету. Надо поговорить с Исаченковым, надо получить информацию от Академии наук — что думают наши физики. Или без Берии не обойтись? Лев Михайлович знал: атомный проект — наш вариант америкапского манхэттенского — ведет Берия. Все в его руках...

В понедельник Галлер вызвал Исаченкова... В последний день сентября сорок шестого Н. Г. Кузнецов направил генералиссимусу И. В. Сталину письмо по вопросам, связанным с защитой от ядерной бомбы и применению внутриядерной энергии. В нем говорилось, что ВМФ ведет исследовательскую работу по методам защиты от атомной бомбы, но, видимо, она идет параллельно соответствующим исследованиям в Академии наук СССР. Возможно, что-то делается и в других видах Вооружен-

ных Сил. Не следует ли, ставил вопрос главком ВМФ, создать для этого специальный руководящий орган в Министерстве Вооруженных Сил? Далее в письме отмечалось, что исследования по внутриядерной энергии имеют для ВМФ особое значение. Н. Г. Кузнецов предлагал создать при главнокомандующем ВМФ специальный совет по противоатомной защите и «применению внутриядерной энергии для движения»¹⁰⁴ (разрядка автора. — С. 3.). И Кузнецову, и Галлеру казалось многообещающим создание нового вида энергетики для кораблей и особенно для подводных лодок.

За разработкой единого двигателя для подводных лодок (т. е. работающего и в надводном, и в подводном положении) Л. М. Галлер следил еще с довоенных лет. К осени 1938 года на опытовой подводной лодке был установлен двигатель конструкции талантливого инженера С. А. Базилевского, представляющий особый дизель, который мог работать и в подводном положении, используя жидкий кислород. Подводная лодка, на которой был установлен этот двигатель, успела до войны сделать несколько пробных выходов¹⁰⁵. Галлер также способствовал работе и других конструкторов в этом направлении. До войны началось строительство сверхмалой подводной лодки с единым двигателем конструктора В. Л. Бжезинского. Была спущена на воду в мае 1941 года и во время войны проходила испытания на Каспийском море подводная лодка с единым двигателем замкнутого цикла конструктора А. С. Кассадиера¹⁰⁶. В конце войны в Германии наши войска захватили недостроенные опытные немецкие подводные лодки с единым двигателем конструктора Вальтера. Разработке единых двигателей для подводных лодок с учетом отечественного и немецкого опыта Галлер всячески содействовал. Лодки с единым двигателем значились в плане кораблестроения. Но внутриядерный двигатель открывал куда более заманчивые перспективы...

Л. М. Галлер как замнаркома по вооружению обращал все больше внимания на неизбежность коренных изменений, которые, вероятно, внесут в боевую деятельность флота атомные боеприпасы. Ведь если появилась атомная бомба, то завтра появятся и атомные торпеды... Значит,

¹⁰⁴ ЦВМА, ф. 14, оп. 2, д. 8, л. 16.

¹⁰⁵ См.: Базилевский С. А., Дмитриев В. И. Краткая история советского подводного кораблестроения. С. 167.

¹⁰⁶ См.: Военно-исторический журнал. 1974. № 10. С. 85.

проекты кораблей должны учитывать воздействие компонентов атомного взрыва. Летом сорок шестого Лев Михайлович не раз говорил об этом с начальником Управления кораблестроения инженер-вице-адмиралом Н. В. Исаченковым, начальником Технического управления инженер-контр-адмиралом А. Н. Савиным, начальником Минно-торпедного управления контр-адмиралом Н. И. Шибаевым, начальником Артиллерийского управления контр-адмиралом В. А. Егоровым. Галлер задавал им вопросы, выслушивал ответы, снова спрашивал. Так постепенно он проверял свои мысли, готовился обобщить их в докладе главному. Видимо пора, думал он, создавать какой-то документ, который определит требования к кораблю наступающей в военном деле новой эпохи.

Разумеется, Галлер продолжал держать бразды правления повседневной и перспективной деятельностью всех этих управлений. Начальников управлений, с их слабыми и сильными сторонами, Лев Михайлович знал превосходно, умел и направить работу каждого и спросить строго и нелицеприятно. Это были руководители, с которыми Галлер прошел все военные годы. Лишь В. А. Егоров возглавил свое управление в начале сорок второго да А. Н. Савин принял Техупр ВМФ в самом конце войны — после гибели в авиакатастрофе талантливое своего предшественника инженер-контр-адмирала А. Г. Орлова. Удивительная стабильность руководящих кадров! Впрочем, Лев Михайлович, командуя флотом на Балтике, тоже старался пореже перемещать людей, не препятствуя, конечно, продвижению вверх по служебной лестнице. И Льва Михайловича радовало, что таких же взглядов придерживался Николай Герасимович — нарком, как он мысленно продолжал его называть. Действительно, чем дольше толковый человек (обязательно толковый и порядочный!) на должности, тем лучше работает, тем больше с него можно спросить. Вот и командующих флотами Кузнецов оставлял на своих местах, хотя всякое случалось, особенно в первые полтора года войны. Жаль только, что все еще не удалось предоставить Л. А. Владимирскому работу, достойную его больших организаторских возможностей и флотоводческого таланта. Лев Михайлович хотел бы видеть его в будущем на своем месте. Рано или поздно придется уступить дорогу адмиралу помоложе... А Владимирский настоящий моряк, честно прошел все ступени командования. Черноморский флот при нем действовал наступательно, умело. И немаловажно, что интеллигентен,

умен, вежлив. Соединение этих качеств случается не столь часто...

Как-то осенним утром, перед службой, Лев Михайлович заехал к главкому на дачу. Воздух был уже холоден, всходило солнце на чистом, без туч, небе. Галлер вышел из машины, пошел по аллее к дому. Навстречу уже спешила Вера Николаевна, жена главкома: «Лев Михайлович, какой вы молодец, что приехали! Сейчас будем чай пить: а до этого мой потребовал грибы — вчера набрали! Представляете, утром — грибы! Но я жена дисциплинированная...» Она говорила что-то еще и быстро, о разном. Он уже не слушал, думал: счастливо сложилась жизнь у Николая Герасимовича! Стоит во главе флота великой державы, будет созидать Большой флот, океанский, о котором мечтали поколения российских военных моряков. И молод еще, и прекрасная семья — милая жена, сыновья. Здесь, в этом счастливом доме, Льва Михайловича оставляли мрачные думы, все чаще посещавшие его в последние месяцы. И прогуливаясь после завтрака с главкомом, прежде чем вместе ехать на Козловский, Галлер не стал тревожить Николая Герасимовича. Лишь сказал, что И. С. Исаков против того, чтобы настаивать на ускорении строительства авианосцев. Если Носенко не перебороть, получим авианосцы году к шестидесятому... А что такое ныне эскадра без авианосца? Николай Герасимович кивнул — согласен, будем действовать, флот нам нужен сбалансированный...

Осенью сорок шестого Лев Михайлович взял отпуск — впервые за довоенные и военные годы. Поехал на Юг, в Кисловодск, в санаторий, как рекомендовали врачи. Настоял главком, чуть ли не приказал. Заботливый адъютант Н. Д. Выжеватов толково разместил в купе вещи, принес несколько стаканов чая («Все выпьем, Лев Михайлович, еще не хватит!»), вынул пакет с вкуснейшими пирожками, испеченными женой-мастерицей. Лев Михайлович пил чай, похваливал пирожки и смотрел в окно, пока не стемнело — полустанки, деревушки, бедно одетые люди на станционных платформах, инвалиды в повидавших виды шинелях. Россия... Народ... Что нужно, чтобы народ был счастлив? Мир на границах — для этого сильная армия, сильный флот. Мир внутри страны.

Поезд шел только до Минеральных Вод. До Кисловодска добирались местным поездом, который собравшаяся на вокзале толпа брала штурмом. Выжеватов порывался сбегать к коменданту, чтобы опесечить отдельное купе.

но Лев Михайлович не пустил: «Николай Данилович, не суетитесь, доедем, как все...» Втиснулись в тамбур адмирал и капитан-лейтенант с двумя чемоданами, стоят, сжатые плотно. Поезд тронулся. Какая-то старушка: «Место-то дайте генералу, небось не молоденький...» Выжеватов вспоминает, что Галлер отказывался: «Не беспокойтесь, благодарю, я постою». Все-таки народ потеснился, усадили, стали расспрашивать, какой он генерал, где воевал...

«Ничего в этом эпизоде, так сказать, удивительного нет, в этом весь Галлер», — вспоминал Н. Д. Выжеватов, ныне капитан 2 ранга в отставке. Он говорил о поразительной скромности замнаркома и замглавкома, адмирала, кавалера трех орденов Ленина и четырех Красного Знамени, двух орденов Ушакова I степени, ордена Красной Звезды и польского Креста Грюнвальда, дважды награжденного именными часами Реввоенсоветом — в 1919-м и 1930-м, что тогда было высокой наградой. «Полагались, например, большим начальникам представительские, по тем временам большие деньги — в месяц больше тысячи, кажется. Приношу, показываю, где нужно расписаться в ведомости. Лев Михайлович: «Отошли-те, как всегда, в детский дом, квитанцию сохраните у себя». И так из месяца в месяц. После назначения Галлера в Ленинград стал я адъютантом у его преемника. Приношу представительские — кладет к себе в карман, оформи, говорит, расписки как полагается, на что израсходовано». И Н. Д. Выжеватов вспоминает, как Галлер отказался от мебели, доставленной из Германии, как его сестры и он сам радушно, по-петербургски любезно принимали у себя в доме всех, кто приходил, независимо от чина и звания. Многие обращались к Галлеру за помощью, приходили на проходную здания ВМФ на Козловском. Это были старики-матросы или унтер-офицеры, с которыми Лев Михайлович служил на Балтике, в первую мировую или гражданскую, офицеры разных поколений и званий или члены их семей, просившие помощи, искавшие справедливости. Лев Михайлович, как бы ни был занят, принимал всех. По его указанию Выжеватов, случалось, наделял просителя и адмиральским китем, и деньгами, относил или отправлял почтой написанные для большей внушительности на бланке замглавкома ВМФ ходатайства в органы власти.

Свое 63-летие Лев Михайлович отпраздновал еще в Москве — с сестрами, с приехавшим по этому случаю из

Ленинграда В. А. Белли. А в начале 1947 года и он, и Николай Герасимович были уже в Ленинграде. С 17 января 1947 года в обязанности главкома ВМС вступил адмирал И. С. Юмашев. Дела замглавкома по кораблестроению и вооружению у Льва Михайловича принял вице-адмирал П. С. Абанькин, бывший заместитель главкома по кадрам. Начальником Главного морского штаба стал адмирал А. Г. Головкин, Впрочем, уже давно бывший им фактически. Иван Степанович Исаков остался первым заместителем главкома ВМС. Довольно скоро, в 1947 году, появилась его статья об авианосцах, как «о плавающих гробах...».

Что послужило причиной снятия Н. Г. Кузнецова с поста главкома ВМС и назначения начальником Управления военно-морских учебных заведений, а Л. М. Галлера — начальником Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова в конце 1946 года? Как уже говорилось, у Сталина копилось недовольство руководителем ВМС. Ведь Кузнецов посмел сомневаться в его «мне кажется». Наконец, стоит обратить внимание на состоявшееся 1 января 1947 года разделение Тихоокеанского флота на два — на 5-й и 7-й ВМФ. Разделение в такой же мере надуманное и нецелесообразное, как и разделение КБФ. И также впоследствии отмененное. Не высказал ли вновь тут недовольство Николай Герасимович? Был ли достаточно осторожен?

Возможно, сыграла свою роль и конфликтная ситуация в отношениях ВМС и Минсудпрома, обращения «наверх» министра И. И. Носенко с жалобами на неуступчивость главкома Н. Г. Кузнецова и его заместителя Л. М. Галлера в вопросах кораблестроения. После снятия их с должности во многом все пошло так, как хотел Минсудпром — по пути наименьшего сопротивления. В 1951 году, снова став министром ВМФ, Н. Г. Кузнецов направил доклад правительству: «В нем я писал, какие крупные недостатки у нас существуют в судостроении, на что расходуются миллиарды. Все это было похоронено в кулуарах Булганина»¹⁰⁷.

Итак, Лев Михайлович Галлер в Ленинграде. Его последний адрес — Петроградская сторона, улица Скороходова, дом 30, квартира 25. Квартира невелика, кабинет у него маловат; все книжные шкафы не расставить.

¹⁰⁷ Правда. 1988. 29 июля.

Но это не беда, часть библиотеки, решает Лев Михайлович, он со временем передаст в Центральную военноморскую библиотеку, часть в академию. Себе же оставит самое необходимое. Наконец, работать большей частью все равно придется в академии.

Переезд из Москвы в семье Галлеров воспринимается по-разному. Сестры довольны, даже в восторге от возвращения в Ленинград. Правда, Петроградская сторона им внове, вся жизнь прошла поблизости от Невского, но, в конце концов, это не беда. А вот у Льва Михайловича на душе смутно. Нет, он понимает, конечно, что нельзя вечно быть заместителем главкома, рано или поздно придется уходить на покой. Но жаль, что его сменил П. С. Абанькин, человек недалекий...

Руководить недавно образованной академией не так-то просто, предстоит много работы: проверить программы кафедр, поговорить со слушателями — то ли и так ли читают, самому побывать на лекциях и практических занятиях, убедиться в том, что научные исследования идут должным образом и в правильном, нужном флоту направлении.

Лев Михайлович все больше втягивался в дела своей академии. Появились планы существенной перестройки ее работы, установления более тесных связей и кафедр и слушателей с научно-исследовательскими институтами ВМС и системы Академии наук, конструкторскими организациями. Иногда он встречался с В. А. Алафузовым, второй год командовавшим Военно-морской академией имени К. Е. Ворошилова. Владимир Антонович своей академией руководил умело, писал интересную военно-историческую работу о германском флоте: Лев Михайлович читал ее фрагменты. Начальники академий обсуждали ход строительства кораблей, жалели, что, находясь в Москве, на ходовом мостике ВМФ, многое не успели, не сумели... Реже Лев Михайлович видел Н. Г. Кузнецова. Он много работал, реформировал учебные программы училищных кафедр, пробивал у главкома «добро» на дальние заграничные походы учебных кораблей с курсантами — в океан, на Север, в Средиземное море.

Лев Михайлович и Владимир Александрович Белли виделись теперь часто. Вместе прогуливались по Петроградской и Васильевскому острову, много говорили. Как-то дошли до Ботанического сада. Ходили по аллеям, любовались удивительными растениями в оранжереях. И вдруг перед ними предстал весь в бело-розовых цветах

тот самый красавец-олеандр, памятный обоим еще с Мессины! Не чудо ли — столько лет прошло — и война, и блокада, а он красуется на радость людям. Великой силой обладает жизнь! Порадовались, пошутили по поводу пахлынувших сентиментальных воспоминаний о былом... Но затем вернулись на грешную землю.

«Поймите, Лев Михайлович, — говорил Белли, — замена вас и Кузнецова — знамение времени. Удобнее люди, не высовывающиеся со всякими идеями и предложениями, не причиняющие начальству беспокойства. Талантливым дают ход, если без них уж совсем зарез — не обойтись. Да и то, что с ними бывает, когда отпадает в них надобность?»

В октябрьские праздники Льву Михайловичу позволили в академию от главкома: утром 10 ноября быть в Москве. Выяснилось, что одновременно вызваны Н. Г. Кузнецов, В. А. Алафузов и Г. А. Степанов, заместитель Кузнецова. Выехали вместе на «Красной стреле». Н. Г. Кузнецов вспоминает: «9 ноября 1947 года мы вместе с ним (с Галлером. — С. З.) ехали в одном поезде по вызову главкома в Москву. «Что бы такое могло быть?» — спрашивал он меня, нервно причесывая по привычке свои усики. А я сам ничего не знал. Только из намеков по телефону мы знали, что дело касается каких-то передач Главным штабом то ли чертежей, то ли описаний наших торпед англичанам во время войны»¹⁰⁸.

С трудом заставил себя уснуть в ту ночь Лев Михайлович. Было тревожно: вызваны бывший нарком и бывший заместитель наркома, Алафузов и Степанов — начальники Главного морского штаба в годы войны. Если б это был какой-то пустяк, вызвали бы одного. Странно... И Лев Михайлович вдруг подумал: вернется ли он в Ленинград, увидит ли еще сестер, лежать ли ему на Смоленском кладбище рядом с отцом и матерью? И тут же отбросил эту мысль — чушь, черт знает что лезет в голову...

На Ленинградском вокзале их ожидали автомашины, поехали на Козловский. Здесь узнали: будет следствие, которое имеет целью выявить, не переступили ли они положенные пределы служебного долга, передавая в годы войны ту или иную информацию иностранным представителям. Каждому уже выделен следователь. И начался

¹⁰⁸ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 44.

допросный марафон, растянувшийся на два месяца. Адмирал флота Н. Г. Кузнецов и адмирал Л. М. Галлер, адмирал В. А. Алафузов и вице-адмирал Г. А. Степанов — кто вы, подсудимые? Но ведь не взяты под стражу и вольны после затемно закапчивающегося допроса выйти за проходную, почевать где угодно, лишь бы к подъему флага быть снова в отведенной каждому (следователю каждого?) комнате.

Всех четырех следователи допрашивали по единой, видимо заранее утвержденной, схеме, спрашивали по специальному и тоже одинаковому вопроснику. И в первые же дни им стало ясно, откуда тянет гарью... Адмиралы могли свободно общаться во время перерывов на еду и после окончания, так сказать, рабочего дня. Но всех по одному и тому же вопросу допрашивали одновременно. Поэтому как-то согласовать ответы было невозможно. Но они быстро поняли: им явно шьют дело, причем дело, имеющее политическую окраску. Вспомнили про историю с биологами Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным. Казалось бы, биология и Военно-Морской Флот — что общего?.. Но Лев Михайлович сказал, размешивая ложечкой сахар в стакане: «Товарищи, общее есть — связь с иностранцами. Тут и так называемое преклонение, и раболепие, и все прочее. Будьте готовы...» Но никто не хотел в это поверить.

Похоже, что гнусное дело, состряпанное против тех, кто готовил к войне и с честью провел ВМФ сквозь тяжкие ее годы к славному Дню Победы, началось с доноса, выпешдшего из стен Научно-исследовательского института Минно-торпедного управления ВМС. Донос капитана 1 ранга В. А. Алферова попал к Берии и Булганину. Сам ли Алферов решил сообщить «куда надо», что передача союзникам торпеды высотного торпедометания «45-36 АВА» нанесла серьезный ущерб мощи Родины? Быть может, его кто-то умело спровоцировал, подтолкнул на бесчестный поступок? Или сыграл свою роль разгорающийся шашаш борцов «с безродным космополитизмом»? Так или иначе, но донос поступил и был встречен, очевидно, с радостью. Но, видимо, в ведомстве Берии решили, что единичного преступного деяния маловато, для дела нужно поболее. И началась работа... Поэтому допрашивали адмиралов уже не только по торпедо «45-36 АВА», но и по передаче союзникам документации по артиллерийскому вооружению кораблей, дистанционной 130-мм гранаты, некоторых навигационных карт и... аку-

стической торпеды с потопленной в 1944 году в Финском заливе немецкой подводной лодки «U-250».

Все перечисленное было действительно передано военно-морским миссиям союзников. Чем же это было вызвано? Еще 30 сентября 1942 года нарком иностранных дел В. М. Молотов направил послу Великобритании Арчибальду К. Керру письмо с текстом соглашения об обмене между СССР и его страной информацией, относящейся к «предметам вооружения»¹⁰⁹. Это был ответ на письмо британского посла с обязательством передать СССР соответствующую информацию по вооружению. Таким образом была создана юридическая основа по обмену между союзниками данными по различным видам вооружения. Позже аналогичное соглашение было заключено с США. На этом основании вначале англичане, а затем и американцы открыли доступ представителям наших военных и военно-морских миссий, нашим военным и военно-морским атташе на многие свои заводы и арсеналы, в базы и на корабли. Началась в значительных масштабах передача Советскому ВМФ технической документации по вооружению, а также поставка военной техники, в том числе кораблей (того, что передавалось по линии Генштаба и управлений Красной Армии касаться не будем).

Масштабы поставок для ВМФ значительно возросли с распространением на СССР закона о ленд-лизе. Долгое время военно-морские миссии союзников не требовали от советской стороны ответного доступа на наши заводы и арсеналы и получения специальной информации, не ставили и вопрос о поездках на действующий флот. Однако в 1943 году англичане и американцы стали выражать недовольство односторонностью обмена. наших представителей в Англии из группы вице-адмирала Н. М. Харламова и в США из группы вице-адмирала М. И. Акулина стали ограничивать в посещении промышленных и военных объектов, о чем они сообщили в Наркомат ВМФ¹¹⁰. Британское Адмиралтейство отказало в дальнейшей передаче официальной информации и технических материалов. Военно-морской атташе посольства США в Москве контр-адмирал Дункан жаловался в Наркомате ВМФ, что за год пребывания в столице СССР он один раз был на Северном флоте и один раз его повели на

¹⁰⁹ ЦВМА, ф. 14, оп. 39, д. 11, л. 4.

¹¹⁰ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 32, 87.

московскую фабрику пищевых концентратов. Аналогичные претензии предъявил представитель британского флота контр-адмирал Майлс¹¹¹. Он также выразил удивление, что уже длительное время мы не передаем просимые англичанами чертежи 130-миллиметровой дистанционной гранаты, боевое применение которой они наблюдали во время совместной операции советского и британского флотов в Баренцевом море.

Между тем к этому времени британское Адмиралтейство передало ВМФ полное описание артиллерии главных калибров линейных кораблей типа «Нельсон», «Рипаун» и «Георг V», крейсера типа «Ньюкасл» и некоторых других, а также техническую документацию на производство отдельных приборов артиллерии¹¹². Большое количество разнообразной документации поступало также с кораблями и вооружением, которые мы получали по ленд-лизу. Кроме того, представители Советского ВМФ и в США, и в Англии знакомились с кораблями и военной техникой флотов союзников, кораблестроительной промышленностью. И когда морская секция военной миссии США в Москве в январе 1944 года направила наркому ВМФ меморандум¹¹³ с длинным перечнем военно-морских баз, заводов, арсеналов и конструкторских бюро (более ста наименований), которые посетили наши офицеры в их стране, стало ясно, что просто необходимо выполнить свой союзнический долг и ответить взаимностью.

Ставил ли об этом вопрос перед Сталиным нарком Н. Г. Кузнецов? По всей видимости, ставил и получил разрешение. Но устное — письменных свидетельств этому он представить следствию не смог. Однако мы знаем из опубликованной переписки И. В. Сталина и У. Черчилля, что именно Сталин дал в 1944 году согласие на передачу трофейной немецкой акустической торпеды англичанам. Между тем передача этой торпеды стала одним из пунктов обвинения, предъявленного Н. Г. Кузнецову, Л. М. Галлеру и Г. А. Степанову, в то время временно исполнявшему должность начальника ГМШ. Понятно, что ссылаться на устное разрешение Сталина было нельзя. Вряд ли он мог забыть, что санкционировал наркому ВМФ передачу военно-технической информации и образцов вооружения. Однако он же дал указание начать

¹¹¹ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 87.

¹¹² ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 32.

¹¹³ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 99.

следствие и судить бывшее руководство ВМФ. Ссылка на Сталина при таких обстоятельствах могла лишь ухудшить дело. Таким образом, в ходе следствия обвиняемым инкриминировалась передача за границу военно-технической информации, образцов вооружения и навигационных карт без разрешения правительства.

Лишь малая часть из предъявленных обвинений в ходе следствия и суда была снята. Так, выяснилось, что переданная американцам карта Шумушира и Парамушира (северных остров Курил) с частью южной оконечности Камчатки составлена на основании дореволюционных русских и японских карт. Да и до 1944 года на юго-восточном берегу Камчатки японцы имели рыболовецкую концессию и плавали в этом районе беспрепятственно. Таким образом, ничего секретного в карте не было. Повисло в воздухе и обвинение в передаче союзникам карты Севастополя. Н. Г. Кузнецов объяснил, что карту союзникам передать было необходимо, так как в 1944 году, в период Ялтинской конференции, в Севастополь приходили их корабли. Кроме того, была передана карта специального издания, на которой отсутствовали береговые объекты. Показания Н. Г. Кузнецова спокойно и аргументированно подтвердил начальник Гидрографического управления ВМФ контр-адмирал Я. Я. Лапушкин, превосходный штурман и достойный человек.

Лев Михайлович Галлер обвинялся в передаче «за границу» торпеды «45-36 АВА» и немецкой акустической торпеды, документации по артиллерийскому вооружению; обвинение по части карт ему не предъявлялось. Итоговый документ следствия, представляющий собой ответы на предъявленные обвинения, Галлер подписал 29 декабря 1947 года¹¹⁴. Показания Галлера строго логичны, подробны и аргументированны, их отличает высокий профессионализм. Как и Н. Г. Кузнецов, он отметил, что передачу бывшим союзникам всего, о чем идет речь, нельзя рассматривать в отрыве от того, что мы получили. А получили мы много больше, чем отдали. Особенно с учетом поставок по ленд-лизу...

Галлер благодарно не говорил всего. А он мог бы сказать, что наш флот отставал по части радиолокации и гидролокации, противолодочного вооружения, средств борьбы с неконтактными минами и по приборам управле-

¹¹⁴ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 17.

ния оружием, в частности торпедной стрельбой подводных лодок. Получение от союзников соответствующей техники и оружия, документации к ним позволило усовершенствовать или разработать отечественные качественные образцы. Опережали нас союзники и по некоторым типам зенитной артиллерии; их большие торпедные катера и большие охотники за подводными лодками, тральщики и противолодочные самолеты-амфибии превосходили по своим тактическим и техническим показателям советские. Получив все это для ВМФ, мы смогли доработать старые проекты или создать новые, с тем чтобы быстро выйти на мировой уровень. Но союзные отношения не фарватер с односторонним движением. Если получил, то дай!

Но об этом прямо не говорили ни Лев Михайлович, ни другие адмиралы. Однако Галлер пытался объяснить следователю другое: ничто не вечно; то, что сегодня ново, завтра устарело. Торпеда высотного торпедометания «45-36 АВА» обладает низкими тактико-техническими характеристиками: малая скорость наведения на парашюте позволяет козвую или отдельным кораблям выйти из зоны ее действия, большая глубина, на которую она опускается, попав в воду, ограничивает район ее применения. Поэтому «45-36 АВА» в годы войны использовалась мало. Более половины торпед высотного торпедометания переделали для низкого, которое применялось нашей торпедоносной авиацией. Серьезные недостатки торпеды «45-36 АВА» заставили ускоренно разрабатывать новый образец торпеды для высотного торпедометания, испытания ее начинаются... Наконец, просто нельзя было не дать союзникам то, что они просили! Тем более что это позволяло, в свою очередь, просить англичан немедленно сообщить имеющиеся у них данные по немецким самонаводящимся акустическим торпедам, которые противник начал широко применять в 1943 году на Севере: гибли наши корабли! После передачи «45-36 АВА» от англичан нами были получены «фоксеры» — акустические охранители кораблей, тактико-технические характеристики немецкой акустической торпеды и ее чертежи, образец немецкой электроторпеды, послужившей основой для акустической. Британское Адмиралтейство передало нам также рекомендации по методам уклонения кораблей от акустических торпед. Все это в той или иной мере помогло более эффективно бороться с новым оружием противника.

Так же подробно Лев Михайлович объяснил следователю, что подобно тому как в Минно-торпедном управлении всесторонне обсудили возможность передачи союзникам торпеды, в Артиллерийском управлении, принимая решение по своей части, все взвесили. «Я считаю, — показал Галлер, и это записано в протоколе допроса, — что... передача (документации по морской артиллерии. — С. З.) не должна была нарушить интересов СССР, так как уже в течение Великой Отечественной войны было приступлено к проектированию и разработке более современных образцов»¹¹⁵.

Однако последовал очередной вопрос из апробированного заранее списка: «Какой ущерб нанесен боевой мощи ВМС передачей иностранцам торпедного вооружения и документации по артиллерийскому вооружению?» И снова Лев Михайлович объяснял, почему требовалось чем-то поделиться с бывшими союзниками, снова говорил, что получили больше, чем дали.

В протоколе зафиксирован четкий ответ Галлера: «Считаю, что передачей описаний, альбомов и чертежей по артиллерии боевой мощи СССР значительного ущерба нанесено не было. ...Передачей документации и торпеды «45-36 АВА» был нанесен ущерб, но незначительный, так как в Великой Отечественной войне она использовалась в весьма ограниченных размерах и в войне будущего безусловно использована не будет...»¹¹⁶

Итак, Л. М. Галлер признал наличие ограниченного «ущерба». Но это вовсе не было признанием в преступлении. В самом деле, если что-то отдается, то какой-то ущерб всегда неизбежен. Но ведь тогда следует сказать, что союзники понесли «ущерб» куда более значительный, потому что передали нам неизмеримо больше военной техники и военно-технической документации! И если бы весы Фемиды взвешивали все «за» и «против» честно, то сразу стало бы ясно: обвинение несостоятельно...

Но вновь Льву Михайловичу следует вопрос из перечня: «Кто является основным виновником по передаче... торпеды и документов по артиллерийскому вооружению?» Смог ли оценить следователь все благородство последовавшего ответа? Мы — можем... «...Имею возможность установить лишь мое личное участие...»¹¹⁷ — ска-

¹¹⁵ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 20.

¹¹⁶ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 21.

¹¹⁷ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 21.

зал Л. М. Галлер. Он не желал ни на кого ссылаться, перекладывать, хотя бы частично, ответственность на подчиненных, на бывшего наркома или бывшего начальника ГМШ. «Имею возможность установить лишь мое личное участие!» Такой ответ, по всей видимости, вызвал неудовольствие. На полях допросного листа кто-то из состава суда оставил для истории маргиналии: «Ответ не прямой». Нет, именно прямой, благородный ответ...

И вот пришла очередь последнего вопроса. Последнего по счету, а по значимости для следствия и суда, может быть, и первого. Вопросы, в ответе на который следовало проявить свою слепую, нерассуждающую преданность «линии партии», полное согласие с последними, 1946—1947 годов, идеологическими постановлениями сталинского ЦК ВКП(б). Предоставлялась тут возможность заниматься самобичеванием и столь распространенным с 30-х годов «признанием ошибок». Вот этот вопрос: «Какую политическую оценку Вы даете этим фактам (т. е. передаче союзникам перечисленного выше. — С. З.) в свете указаний ЦК ВКП(б) по делу Ключевой и Роскина?»

Л. М. Галлер ответил с достоинством: «Изучение письма Центрального Комитета партии по делу Ключевой и Роскина приводит к основному выводу, что было бы лучше (разрядка автора. — С. З.), если бы передача торпедного вооружения и документации по артиллерии не имели бы места или, во всяком случае, производились бы с большей осмотрительностью и должным оформлением. Вместе с тем необходимо учитывать, что значительное количество полученного от бывших союзников вооружения и техники в то время представляло собою несомненную ценность, послужившую по имевшей место обстановке на пользу Советскому Союзу». Мысль Л. М. Галлера, высказанная даже с некой скрытой иронией, здесь ясна: не передали бы или передали с получением на то письменного указания Сталина — и не было бы «дела»...¹¹⁸

Несколько иначе в тот же день ответил на этот вопрос Н. Г. Кузнецов: «Сравнивая совершенные поступки с делом Ключевой и Роскина, нужно сказать, что принципиально это одного и того же порядка поступки, исходящие из преклонения перед границей, но еще более ярко ощутимые в современной международной обста-

¹¹⁸ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 22.

новке. Разница заключается в том, что эти поступки совершены не в погоне за чьим-либо личным интересом, а в обстановке работы и желания лучше сделать для Военно-Морских Сил. Политическая оценка, данная ЦК ВКП(б) по делу Ключевой и Роскина, правильна и в отношении этого факта»¹¹⁹. Не знал, конечно, Николай Герасимович, что и Н. Г. Ключева и С. Г. Роскин не имели «личного интереса», передавая В. В. Парину рукопись труда о своих исследованиях. Он верил постановлению ЦК. Отсюда и разница в тональности ответов на один и тот же вопрос представителей двух поколений военачальников ВМФ. Для Галлера этот вопрос — глупость, как и все «дело» биологов. Он не понимает, почему нужно скрывать, если найдено лекарство от страшной болезни.

В своей оценке возможного ущерба при передаче высотной торпеды и документации по артиллерии Л. М. Галлер был убежден. Однако попросил привлечь в качестве свидетелей защиты начальника Минно-торпедного управления Н. И. Шибаева и начальника Артиллерийского управления контр-адмирала В. А. Егорова. Специалисты высокого класса, думал Лев Михайлович, подтвердят им сказанное. Ведь именно с Шибаевым и Егоровым обсуждал он целесообразность и возможность передачи торпеды «45-36 АВА» и документации по артиллерии, именно под руководством Егорова составляли перечень артиллерийских систем, документацию которых возможно передать. Подтвердят они и то, что на смену этим образцам оружия пришли или идут новые, более совершенные. И Лев Михайлович не ошибся. Н. И. Шибаев не только почти слово в слово повторил им сказанное, но и доложил следствию, что шесть торпед «45-36 АВА» в полном комплекте — с парашютами и боевыми зарядными отделениями в 1942 году попали в руки немцев при оставлении нами Севастополя. Таким образом, их секретность была утрачена задолго до передачи союзникам. Пояснил Шибаев суду и что, собственно, торпеды «45-36 АВА» секретности не представляла — была так называемой «фиумской», т. е. итальянской, изготовлявшейся по закупленной в свое время за рубежом технической документации¹²⁰.

И Егоров показал, что полученная от союзников доку-

¹¹⁹ Там же, л. 9.

¹²⁰ Там же, л. 277—278.

ментация по артиллерии более обширна, чем переданная. Кроме того, по переданной его управлением документации нельзя изготовить орудия или установить их тактико-технические характеристики. Он также сообщил, что в ходе войны на Балтике и Черном море немцам удалось захватить как военные трофеи все те орудия, документацию которых получили от нас союзники.

Н. И. Шибаев и В. А. Егоров выступали как главные свидетели защиты. Имелись, однако, и свидетели обвинения: по торпеде «45-36 АВА» их возглавлял капитан 1 ранга В. А. Алферов, по артиллерийской документации — контр-адмирал В. В. Чистосердов, начальник факультета Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова. И они, и эксперты усердно доказывали, что военной мощи Военно-Морских Сил передачей бывшим союзникам торпеды и артиллерийской документации в 1943—1944 годах нанесен серьезный ущерб.

Следует сказать, что в конкретных условиях того времени куда легче было дать такое заключение, чем согласиться с показаниями Л. М. Галлера и свидетелей защиты. Ортодоксальная позиция советского патриота в 1946—1947 годах требовала признавать все отечественное лучшим, превосходящим по своим параметрам иностранное. Иначе — «раболевание» и «преклонение» перед «иностранщиной». Наконец, над свидетелями обвинения и экспертами довели ведомственные интересы. Сказать, что торпед «45-36 АВА» и такие-то артиллерийские системы уже устарели, нуждаются в замене, не превосходят аналогичные английские и американские или уступают им, значило как бы принизить достигнутое соответствующими научно-исследовательскими институтами, контрольно-приемным аппаратом и Научно-техническим комитетом. Наконец, требовалось и мужество, чтобы выступить в поддержку снятых с должности и предаваемых суду адмиралов — бывших, именно бывших, руководителей ВМФ.

Еще до начала суда, не выдержав давления следствия, отказались, увы, от первоначальных показаний и свидетели защиты. За исключением спешно снятого с должности Шибаева... Таким образом, все свидетели защиты и свидетели обвинения, эксперты, привлеченные судом, дружно поддерживали обвинение... Следователь предъявил Л. М. Галлеру новые, измененные показания заместителя начальника Минно-торпедного управления

контр-адмирала К. И. Сокольского, контр-адмирала В. В. Чистосердова, показания экспертов — председателя НТК вице-адмирала М. И. Акулина, главного артиллериста ВМФ контр-адмирала А. А. Сагояна и некоторых других. Все они были ознакомлены с показаниями Л. М. Галлера, но никто уже не поддерживал его... Это был страшный удар для Льва Михайловича. Ведь он многие годы знал этих людей, доверял. Он верил в их высокий профессионализм, помогал продвижению по служебной лестнице — они были того достойны. Но одной лишь возможности служебных неурядиц оказалось достаточно для того, чтобы дать показания против бывшего руководства ВМФ, а тем самым против истины. Что ж, не в пример Н. И. Шibaеву, они сохранили (а кто и приумножил) и должности, и звания...

Вероятно, Лев Михайлович понял, что на предстоящем суде будет разыгран спектакль: он, Галлер, будет говорить одно, а суд, с помощью свидетелей защиты и обвинения, предоставляя слово экспертам и свидетелям, будет настаивать на другом, уличать его во лжи. Это будет нравственной мукой и для него, и, возможно, для некоторых свидетелей и экспертов. Зачем все это...

11 января 1948 года, накануне первого заседания «суда чести», Галлер дал дополнительные объяснения. Вот что он написал: «...взвешивая события 1944 года, я признаю, что давал заключение о возможности передачи, я поступил неправильно и допустил политическую ошибку (разрядка автора. — С. З.), тем более что система высотного торпедометания не была снята с вооружения... Считаю, что допустил ошибку, не убедившись в наличии соответствующего разрешения на производство передачи. ...Я прошу принять во внимание, что, принимая решение по заключению о возможности передачи системы («45-36 АВА». — С. З.), я считал, что предлагаемый мною вывод в то время являлся наиболее правильным, сулившим выгоды и преимущества для ВС СССР. ...Обобщая... докладываю: а) считаю, что передачей описаний и альбомов чертежей по артиллерии СССР был нанесен ущерб, несмотря на то что образцы этих систем в разное время попали в руки противника; б) передачей документации торпеды «45-36 АВА» был нанесен ущерб, несмотря на то что в Великой Отечественной войне она использовалась в ограниченных размерах»¹²¹.

¹²¹ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 106—110.

Но никаких новых виновников «преступления» Галлер не назвал: «По вопросу кого я считаю основным виновником по передаче: а) торпеды «45-36 АВА» и б) документации по артиллерии — имею возможность установить лишь мое личное участие в этих передачах. Теперь, анализируя происшедшее в 1943—44 годах, я прихожу к выводу, что с моей стороны не были приняты все меры, чтобы, путем соответствующей постановки вопроса, не допустить передачи или, при наличии особых оснований, провести ее с большей осмотрительностью и соответствующим документальным оформлением»¹²².

Никто из адмиралов, вначале подследственных, потом — подсудимых, кроме Галлера, не признавался в «политической ошибке». Говорили об «антигосударственных преступлениях», «преклонении перед границей», «безусловном раболепии». Видимо, помнили с тридцать седьмого — тридцать восьмого: признаешься в политической ошибке — конец... Галлер, однако, такое признание сделал. И ведь в самом деле, он допустил политическую ошибку. Не мог он себе представить в годы войны такого политического выверта в будущем, когда сотрудничество с союзниками станет преступлением. Он совершил «политическую ошибку» — определение, данное Галлером, точно. Сколько таких «ошибок» совершил военмор, флагман флота 2 ранга, адмирал Галлер! Не предавал друзей и тех, кого считал честными людьми, никого не разоблачал, не бичевал, не произносил демагогических речей и не писал такого же рода статей или книг, не славословил «вождю народов». И все-таки чудом уцелел. Но чуду пришел конец...

Следствие закончилось. 19 декабря 1947 года сам Сталин подписал постановление Совета Министров СССР о предании суду бывшего руководства ВМФ.

Состав «суда чести» был назначен приказом Министра Вооруженных Сил Н. А. Булганина. Председатель суда маршал Л. А. Говоров — главный инспектор Министерства ВС СССР, члены: генерал армии В. А. Захаров — начальник Военной академии Генштаба; генерал-полковник Ф. И. Голиков — начальник Главного управления кадров Министерства ВС СССР; адмирал Г. И. Левченко — заместитель ГК ВМС; вице-адмирал П. С. Абанькин — заместитель ГК ВМС; вице-адмирал Н. М. Харламов — заместитель начальника Генштаба по ВМС,

¹²² ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 1, л. 110—111.

вице-адмирал Н. М. Кулаков — член Военного совета, заместитель ГК ВМС по политчасти. Первое заседание суда в заполненном офицерами и адмиралами зале на Козловском утром 12 января 1948 года открыл маршал Л. А. Говоров, объявив, что будет слушаться дело по обвинению в совершенных «антигосударственных и антипатриотических поступках»¹²³. Н. М. Харламов зачитал обвинительное заключение.

Лев Михайлович сидел на сцене рядом с другими обвиняемыми. Сколько раз он вот так же всматривался в лица, находясь в президиуме по торжественным дням. В этом самом зале... Но сейчас он в совсем ином положении... А зал переполнен, заняты все места, даже стоят в проходах. Почти каждое лицо знакомо, почти каждый бывший подчиненный. Ведь в наркомате он десять лет, с тридцать седьмого по сорок седьмой... Какой позор: его обвинят в «антигосударственных», «антипатриотических» поступках на глазах всех этих людей. Нет, уничижительные слова он не произнесет, признаний «в раболепии» и прочих не сделает. Галлеры всегда были патриотами, всегда были верны присяге. Сначала царю, потом — народу. Но верны всегда. Признаться в несуществующем — предать память деда и отца, память Вернера...

Первым для дачи показаний вызвали Л. М. Галлера. Спокойно, деловито он объяснил суду мотивы передачи бывшим союзникам торпеды и документации по артиллерии, подчеркнул, что сделано это было с его согласия и одобрения. Повторяя показания, данные во время следствия, и дополнительные объяснения, четко сказал, что имел возможность информировать о «неправильности» передачи, но «этого не сделал», «допустил политические ошибки» и «неправильные действия». Не убедился в наличии разрешения, не использовал «всех возможностей для того, чтобы доложить кому следовало о целесообразности или нецелесообразности той или иной передачи, не докладывал о своих опасениях, если таковые были...»¹²⁴

Однако кое-кому из состава суда этих признаний было мало. Абанькин в довольно путаном выступлении попытался доказать, что Галлер недооценивает такого великопешного оружия, как торпеда «45-36 АВА», а Харла-

¹²³ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 2, л. 1.

¹²⁴ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 2, л. 9—17.

мов обвинил в раскрытии перед «заграницей» системы нашего оружия. Лев Михайлович хотел было напомнить, что все это еще в ходе войны оказалось у немцев, секретность была утрачена. Но задал вопрос Голиков. Голос его был пронзителен, временами он странно дергал выбритой до блеска головой. Как сквозь туман донеслось до Льва Михайловича: «Адмирал Галлер, вы признаете, что передали авиационную торпеду и чертежи артиллерийского вооружения без разрешения Советского правительства?» «Нет, этого я не могу признать!» — ответил Лев Михайлович¹²⁵.

«Господи, — думал он, — неужели военного человека, прослужившего в офицерских и адмиралских чинах сорок с лишним лет, с дисциплиной, вошедшей в плоть и кровь, можно занедозрять в свершении такого! Конечно, окончательное разрешение давал нарком Кузнецов. Но я не скажу об этом. Потому что Николай Герасимович лишен возможности сослаться на разрешение Сталина...»

Вслед за Голиковым серию вопросов с приправой из политической демагогии задал Кулаков, вновь пытаясь добиться от Льва Михайловича признания исключительных достоинств переданной торпеды, непреходящей ценности оказавшейся у англичан документации по артиллерии. Но Лев Михайлович лишь повторил свои показания: да, ущерб передачей нанесен. И сказал еще об одном, о чем решил довести до сведения суда еще накануне. Сказал о Н. И. Шибаеве... По вопросам следователя Галлер понял: на начальника МТУ следствие обозлепо (и, наверное, не только следствие). Не дает нужных показаний против обвиняемых! Значит, нужно его спасать, вывести как-то из-под удара. И Лев Михайлович заявил: «Я должен доложить, что... имеется доклад бывшего начальника МТУ контр-адмирала Шибаева, в котором он дает высокую оценку этого оружия. Таким образом, получается несоответствие между моим заключением и мнением начальника МТУ...»¹²⁶ Сказано понятно: Шибаев не виноват в передаче торпеды — он ее ценил, а я, Галлер, принял решение вопреки.

Наверное, это заявление Галлера помогло Шибаеву, но когда начался допрос свидетелей, от «атак» не избавило. Первым Шибаеву задал вопрос Голиков: «Можете

¹²⁵ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 2, л. 21—22.

¹²⁶ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 2, л. 3.

ли привести случаи, когда адмирал Галлер принуждал вас дать информацию англичанам и американцам?» «Нет, не могу»¹²⁷, — ответил Шибаев и стоял на своем, несмотря на грубый нажим со стороны Голикова и Харламова. Не удалось суду добиться от него показаний против Галлера...

Н. И. Шибаев любил и глубоко уважал Льва Михайловича. Адмирал Л. А. Владимирский рассказывал, что и через годы у этого сурового, совсем не сентиментального человека выступали на глазах слезы, когда он вспоминал Галлера и «шемякин суд» (так определил его Н. И. Шибаев). Он же назвал «цепным псом» другого свидетеля — В. И. Алферова, жаждавшего, в первую очередь, крови Н. Г. Кузнецова. Алферовым, похоже, не были забыты процессы 1937—1938 годов, и он делал все, что мог, пытаясь соединить, связать январь 1948 года с тем ужасным прошлым (будто бы прошлым, как вскоре выяснилось...). «Противодействие в создании мощной советской торпедостроительной промышленности осуществляли такие матерые враги советского народа, как Пятаков, Павлуновский и Орлов...» — говорил он, с удовольствием вспоминая, как удалось «раздавить этих гадов». Алферов заявил, обращаясь к Кузнецову: «...хотели вы то, что хотела американская и английская разведки»¹²⁸.

Лев Михайлович смотрел на этого человека, слушал произносимые им слова, и не чувство гнева, возмущения овладевало им, а чувство горького удивления. Фанатик? На память пришло из Честертона: «Фанатик не тот, кто с жаром защищает свои убеждения и соответственно оспаривает то, что с ними несовместно, а тот, кто вообще не способен увидеть чужую идею как идею...» Да нет. Какой он фанатик... В кают-компании корабля российского флота ему перестали бы подавать руку. А если б не понял, не подал бы в отставку, то заставила бы пощечина... Лев Михайлович припомнил, как Шибаев говорил когда-то: в Минно-торпедном институте мешают работать группе по новой авиационной торпеде высотного

¹²⁷ Там же, л. 140.

¹²⁸ ЦВМА, ф. 14, оп. 19, д. 2, л. 159; Орлов — В. М. Орлов, командующий ВМС РККА по 1937 г.; Павлуновский — И. П. Павлуновский, член Петроградского ВРК в 1917 г., после гражданской войны на руководящих должностях в промышленности; Пятаков — Г. Л. Пятаков, видный деятель партии и Советского государства, член ЦК ВКП(б).

торпедометания. Вот Алферов, видно, и мешал. Ишь как художественно описывает исколотые иглами руки мастера, шивших парашют для «его» «АВА». Нет, было бы слишком просто отнестись и Голикова, и Кулакова к фанатикам, размышлял Галлер, наблюдая, как они стараются растоптать человеческое достоинство Алафузова и Степанова. Да и Кузнецова тоже. Несомненно и желание угодить «начальству» — Сталину в первую очередь. Тогда и карьера обеспечена...

«Почему считаете, что ваши поступки есть раболепие и низкопоклонство, раскройте подробно, обстоятельно эти понятия!»¹²⁹ — говорил Кулаков Алафузову, и Леву Михайловичу казалось, что довольная ухмылка раздвигает его толстые губы. А затем, решив, что доза самобичевания Алафузова мала, обрушивался на его книгу «Боевое управление», вышедшую в 1942 году, с обвинением в преклонении перед иностранными авторитетами... Книгу, которую В. А. Алафузов готовил к выходу в свет, отрывая часы от сна, в желании довести до оперативных отделов флотов опыт войны на море — и наш, и зарубежный. И вот Кулаков напоминает: там, видите ли, были ссылки на немца Клаузевица! Ах, как ужасно... Потом, разделавшись с Алафузовым, стайей напали на Степанова — и он, будучи командующим Беломорской флотилией, а затем исполняя обязанности начальника ГМШ, оказывается, «преклонялся перед иностранцами». Председатель суда маршал Говоров даже бросил ему опаснейшее обвинение: «Вы... угодничали перед представителями иностранной разведки, позволяли им получать сведения, которые нанесли урон нашей мощи и нанесли серьезный ущерб государству...»¹³⁰ Неужели он и в самом деле так думает?

Какой же урон нанес Г. А. Степанов? Будучи командующим Беломорской флотилией, руководил проводкой англо-американских конвоев в ее операционной зоне на пути в Архангельск. И конечно, по службе не раз встречался с представителями ВМС США и Англии, организовывал боевое взаимодействие с союзниками для отражения ударов подводных лодок и авиации противника... Лев Михайлович видел, как оскорблен Георгий Андреевич этими обвинениями, как страдает его оскорбленная честь. Степанов из рода офицеров флота, его дед

¹²⁹ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 66.

¹³⁰ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 85.

был адмиралом, отец офицером, погиб в Цусимском бою. После окончания Морского корпуса в 1911 году Степанов служил на Балтийском флоте, сразу стал на сторону революции, в гражданскую воевал в Онежской флотилии под началом Э. С. Панцержанского и был награжден орденом Красного Знамени... И сейчас на флоте служат два его сына-офицера.

Последним суд допрашивал Н. Г. Кузнецова. И вновь, как на следствии, адмирал флота объяснял, отвечал на оскорбительные вопросы... Но его не понимали или не желали понять. Маршал Говоров отверг тезис о том, что только полученное от американцев по ленд-лизу многократно перекрывает то, что было передано нами. «За ленд-лиз было заплачено кровью!» — сказал он. Так и осталось обвинение в передаче англичанам трофейной акустической торпеды с потопленной «U-250». Не помогли никакие доводы: не желали судьи знать о долге перед союзниками, о том, что через несколько месяцев, после того как эти торпеды оказались у нас, в сорок пятом, союзники захватили их образцы на территории Германии. А документа, свидетельствующего о разрешении Сталиным показать немецкую торпеду союзникам, у бывшего наркома не было... Наблюдавшему течение суда как бы со стороны Галлеру казалось, что идет охота. Однажды, еще до первой мировой войны, знакомый французский офицер пригласил Льва Михайловича в свое имение. Тогда затравили оленя. Жаль было красавца... Вот и сейчас Кулаков пытался «загнать» бывшего своего наркома. «Правильно ли будет считаться судом чести (так в тексте. — С. З.), что вы хотите дополнительно охаять наше оружие, умалить свою вину?» — спросил он после того, как Н. Г. Кузнецов дал объяснение по торпед- «45-36 АВА». И далее настаивал: «Мне хотелось бы, чтобы вы дали политическую оценку ваших поступков...»¹³¹

Он желал, чтобы бывший нарком произнес уничижительные слова, желал унизить его...

Всему приходит конец.

Председатель суда маршал Л. А. Говоров объявляет об окончании следствия. Он говорит, что суду ясен ущерб, нанесенный Советскому государству передачей иностранным миссиям документации по артиллерии и торпедному оружию, даже не упоминает, что секретность

¹³¹ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 128.

переданного была утрачена в ходе войны. Впрочем, если сказать об этом, то все обвинение станет безосновательным. «Следствие по делу об антипатриотических и антигосударственных поступках обвиняемых Кузнецова, Галлера, Алафузова и Степанова считаю законченным»¹³², — подводит он итог и объявляет десятиминутный перерыв. Теперь на очереди следующие действия фарса: последнее слово подсудимых, речь обвинителя вице-адмирала Н. М. Кулакова и, наконец, вынесение судом приговора.

Члены суда чести в последний раз занимают свои места. Один за другим поднимаются подсудимые, чтобы произнести последнее слово. Первым вызывают Галлера. Он встает, приглаживая усы. Сидящим в зале кажется, что адмирал совершенно спокоен: говорит, как всегда, внятно и громко, ни одного сбоя, повтора. «Я проявил политическую близорукость, не учел политической обстановки и политического значения передачи документов, вооружения нашего советского проектирования и советского изготовления. За все это я подлежу законной ответственности»¹³³. Кулаков даже чуть привстает на стуле, ожидая покаянных слов о «раблении». Но Галлер уже сказал все. Вслед за ним произносят последнее слово В. А. Алафузов и Г. А. Степанов. Последним — Н. Г. Кузнецов. Голос его вздрагивает, когда он говорит, что так или иначе, но он привел своих подчиненных на скамью подсудимых¹³⁴. Лев Михайлович с тревогой смотрит на своего наркома — смертельно бледен, голос сел. Нелегко дались эти дни Николаю Герасимовичу. Впрочем, и Лев Михайлович чувствует, как неведомая сила сжимает сердце. А в зале такая мертвая тишина, что, кажется, слышно биение сердца...

На трибуну поднимается обвинитель Н. М. Кулаков. Звучно, с нафосом произносит он стандартные слова о гениальном полководце и вожде, о славных достижениях на пути построения социализма. «Мы обвиняем адмирала флота Кузнецова, — продолжает он, — в том, что, преклоняясь перед иностранщиной, барски-пренебрежительно относясь к интересам Советского государства, не вникая в существо дела, он самовольно, без ве-

¹³² Там же.

¹³³ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 190—191.

¹³⁴ Там же, л. 197.

дома Советского правительства, разрешил передачу английским и американским миссиям ряда ценных секретных сведений об отечественном вооружении, составляющем государственную тайну и приоритет советского ВМФ в области высотного торпедометания и артиллерийского вооружения... Мы обвиняем адмиралов Галлера, Алафузова и Степанова в том, что, раболепствуя перед иностранщиной, они поступились интересами нашей Родины, ...нанесли серьезный ущерб нашему государству и боевой мощи Советского ВМФ»¹³⁵.

Кулаков с высоты сцены орлом оглядывает притихший зал. Может быть, ему кажется, что наступил его «звездный час»? Что теперь будет многие годы, как один из его предшественников генерал-полковник И. В. Рогов, стоять на мостике ВМС, возглавляя политические органы? Его ценят в ЦК, к нему благоволит Жданов... И с новой силой, форсируя голос: «Мы обвиняем их в том, что, потеряв чувство национальной гордости и политической зоркости, они оказались на поводу иностранных разведок и пошли на национальное самоуничтожение...»¹³⁶

Слушать все это ужасно. Лев Михайлович знал: пощады не будет, ждал потока лжи. Но одно дело предвидеть, другое — выслушивать все это в переполненном офицерами и адмиралами зале. Вот Кулаков уделяет внимание и персонально ему: «Адмирал Галлер... раболепствуя перед заграницей, забыв о чести и совести советского адмирала, беспечно относился к своему служебному долгу...» Скоро ли он кончит? Лев Михайлович нащупывает в кармане валидол, прикрыв носовым платком, быстро подносит таблетку ко рту. Нет, им нельзя показать свою слабость. А голос Кулакова продолжает греметь: «Я считаю своим долгом подчеркнуть, что эти обанкротившиеся, пресмыкающиеся перед заграницей бывшие руководители...» Обвинитель говорит еще что-то о живучести пережитков капитализма, «силе традиций и привычках преклонения этих адмиралов перед иностранщиной», цитирует перлы из доклада А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» в сорок шестом...¹³⁷

Слава богу, конец. Адмиралы-подсудимые уходят в комнату, примыкающую к залу, курят. Говорить не хо-

¹³⁵ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 208.

¹³⁶ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 231.

¹³⁷ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 234.

чется. Надо ждать; уже известно, что Говоров уехал в Кремль. Всем понятно зачем: согласовать со Сталиным приговор. Перерыв затягивается. Подсудимые обедают, просматривают свежие газеты — война в Китае, война в Индонезии, сепаратные действия западных держав в Германии... Но все это не помогает забыть о том, что Говоров в Кремле, что сейчас решается их судьба.

Проходит несколько часов, и вновь заполнен зал, суд занимает места. Маршал Говоров зачитывает постановление суда чести. Лев Михайлович пропускает мимо ушей «угодничество» и «низкопоклонство», «практику раболепия»... Вот главное: «...признавая виновность адмирала флота Кузнецова Н. Г., адмирала Алафузова В. А., вице-адмирала Степанова Г. А. и адмирала Галлера Л. М. по настоящему делу полностью доказанной и считая... что все обвиняемые своими действиями нанесли большой ущерб боевой мощи Военно-Морского Флота и тем самым, по существу, совершили тяжкое преступление против нашей Родины, постановляет: ходатайствовать перед Советом Министров СССР о предании... виновных в передаче иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну, суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР»¹³⁸.

Минута-другая в зале полное молчание. Потом люди встают, не глядя друг на друга расходятся. Лев Михайлович подходит к окну. Обычная московская улица, куда-то спешат прохожие. Свободные... С ним, вероятно, покончат навсегда. Только сам Сталин может вырвать кого-то из застенков, в которые определяет не знающий пощады Ульрих, издавна возглавлявший Военную коллегию. Не счесть числа тех, кого он приговорил к смерти, к лагерям. Говорят, Сталин освободил из заключения Рокоссовского, Мерецкова, Ванникова... Но то было накануне войны, в войну. Была в них нужда. А зачем Сталину сейчас он, Галлер? Давно уже нет в живых Бориса Михайловича Шапошникова. Да и вряд ли бы он смог что-нибудь сделать... Бедные сестры, беспомощные старые женщины. Сестре Жене в этом году будет 70, Тоне — 78, Ане — 79. Но что делать, что делать... «Одно терние опыта полезнее леса наставлений», — любила повторять мать. Вот к нему пришло еще одно «терние опыта». Именно терние. Но опыт уже ни к чему.

¹³⁸ ЦВМА, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 256.

На следующий день адмиралы в последний раз встретились на Козловском. Поговорили, попытались предположить, что с ними будет дальше. Предстоящая встреча с В. В. Ульрихом не обещала ничего хорошего. «В тех условиях ничего не оставалось, как написать формальное письмо в высшую инстанцию и покориться судьбе»¹³⁹, — вспоминал в 60-е годы Н. Г. Кузнецов. Письма они передали...

Письмо Л. М. Галлера сохранилось¹⁴⁰. Оно адресовано председателю Совета Министров И. В. Сталину и министру Вооруженных Сил маршалу Н. А. Булганину. «Сам того не желая, я совершил крупные политические ошибки и неправильные поступки», — писал в нем Галлер. И здесь он не поступился своими представлениями о чести. В письме нет явно требуемых моментом признаний в «низкопоклонстве» и «раболепии», «преклонении перед иностранщиной». «Мне шестьдесят пятый год, но я еще чувствую в себе достаточно силы на выполнение заданий, которые мне будут поручены, и прошу Ваших указаний предоставить мне эту возможность». Так закончил Лев Михайлович. Письмо действия не возымело... А руководство ВМС в те дни не обратилось к Сталину с просьбой об облегчении судьбы осужденных адмиралов. Более того, им спешно писали негативные характеристики и аттестации. Так, П. С. Абанькин в аттестации на Л. М. Галлера указывал, что он «в руководстве с подчиненными не имеет твердости, там, где нужно потребовать, приказать и даже наказать, допускает уговоры», и, наконец, «являясь односторонним специалистом, мало уделял внимания своему политическому образованию»¹⁴¹. И это сказано о человеке, в библиотеке которого В. А. Белли видел тома Гегеля и К. Маркса на немецком с маргиналиями владельца на полях! Впрочем, что можно было ожидать от сменившего Галлера на должности заместителя Главкома ВМС Абанькина, как вспоминает его адъютант, не раз обрушивавшегося на своих подчиненных с нецензурной бранью. Уж этому «многостороннему» специалисту «уговоры» свойственны не были...

«13 февраля, — вспоминает Н. Г. Кузнецов, — нас предупредили, что к 9 часам утра надлежит быть в ка-

¹³⁹ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 45.

¹⁴⁰ ЦВМА, личное дело адмирала Л. М. Галлера, л. 23—24.

¹⁴¹ ЦВМА, личное дело адмирала Л. М. Галлера. С. 20.

бинете одного из зам. главкома. ...Нам было предложено отправиться в Военную коллегию Верховного суда на Никольской улице. В большой машине «ЗИС-110» мы подкатили к парадному входу, стараясь внешне казаться спокойными»¹⁴².

Лев Михайлович ожидал, что немедленно возьмут под стражу. Но их провели в обычную комнату и стали по очереди вызывать на допрос в небольшой зал. Вопросы были уже привычными — теми же, на которые отвечали в декабре — январе. И Галлер не добавил ничего нового. Ему показалось, что члены коллегии и сам Ульрих, полный, небольшого роста человек с невыразительным, каким-то стертым лицом, ничего нового и не пытаются уяснить. Быть может, им достаточно того, что «раскрыл» суд чести: передачи иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну? Это уже тянет на расстрел...

«Никто не ссылался на соседа, и каждый готов был принять на себя полную ответственность, — вспоминает о допросе на Военной коллегии Н. Г. Кузнецов. — ...Вежливое, на первый взгляд, приглашение нас в это учреждение и предоставление нам отдельной комнаты с питанием к вечеру стало принимать иной оборот. Чьи-то попытки позвонить по телефону были пресечены. Желание кого-то выйти хотя бы на 5—10 минут из помещения не было удовлетворено»¹⁴³. Допрос закончился уже к полудню: в ведомстве Ульриха все делали быстро. Адмиралы сидели в комнате, томительно тянулось время. «...Около 2-х часов ночи нас по очереди стали вызывать в зал заседаний и расставлять по новому порядку — Алафузов, Степанов, Галлер, Кузнецов, с приставленными по бокам часовыми. Все старались быть спокойными, но нервы находились на пределе»¹⁴⁴, — пишет Н. Г. Кузнецов. Он же вспоминает, что надеялся на условное осуждение: «Ведь дико осуждать людей, только что прошедших всю войну, даже если они ошиблись. Но нет, в то время действовали какие-то другие законы»¹⁴⁵. Надеялся ли на это же Галлер? Жизненный опыт у него был побольше, больше знал и о репрессиях — с 1918-го и до сороковых годов. И очень мно-

¹⁴² Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 48.

¹⁴³ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 46.

¹⁴⁴ Там же. С. 47.

¹⁴⁵ Кузнецов Н. Г. Адмирал Л. М. Галлер. С. 47.

го лет ждал он ночного звонка в квартиру, ночного стука в дверь своей каюты, служебного кабинета. Не мог надеяться хотя бы на относительно благополучный исход. Его даже удивило малое число лет, на которые они были осуждены: ему четыре года, Алафузову и Степанову по десять. Почему различие в сроках? Он не понимал. Впрочем, все это ерунда. Ему скоро 65, четыре года в тюрьме ему не вынести... А вот и радость: Николай Герасимович освобожден, лишь снижен в звании до контр-адмирала. Да, Галлер был искренне рад. Кузнецов еще молод, а Сталин не вечен. Быть может, жизненный корабль наркома еще выйдет в открытое море...

Потом была тюрьма в Казани. Лев Михайлович болел, лежал в тюремной больнице. Долго не было писем от сестер, видимо, не знали адреса. Наконец пришло: писала Тоня, ее почерк. Писала, что любят, что их Левушка всегда с ними. У них все хорошо — много ли старушкам надо. Здоровы, гуляют, берегут себя, обязательно дождутся милого брата, пусть он будет в этом уверен. Отправляют посылку... А осенью, в октябре все того же 1948 года, пришло письмо и посылка от Владимира Васильевича Чистозвонова. Благородная душа! Лев Михайлович понимал — это поступок. Быть может, капитану 1 ранга Чистозвонову, преподавателю Высших офицерских классов, за это придется и поплатиться... Вспомнилось знакомство — 1928 год, молодой выпускник училища имени Фрунзе, но с «пятном», как сказал кадровик. Мальчик, оказывается, привез в Казань своей знакомой девушке швейную машину. А девушка-то не только бывшая соученица и подруга детства, а еще и выходец из «социально чуждых» — дочь священника! Да и сам выпускник «из семьи бывшего царского чиновника». Лев Михайлович взял юношу себе в адъютанты, затем помог перейти на подводные лодки. Чистозвонов командовал «щукой», потом был арестован как «германо-турецкий шпион», но через некоторое время освобожден...

Сохранилась открытка, посланная Львом Михайловичем из тюрьмы В. В. Чистозвонову. «Уважаемый Владимир Васильевич! 22 октября был очень обрадован Вашим письмом, посылкой и подарком. В условиях моего пребывания получение таких продуктов представляет собой исключительную ценность. В этой обстановке. Я себя чувствую значительно лучше, надеюсь, скоро вполне выздоровею. Прошу передать Вашей семье мою боль-

шую благодарность за внимание. ...Я с удовольствием вспоминаю нашу совместную службу во флоте. Благодарю за Ваше предложение воспользоваться в случае необходимости гостеприимством Вашей семьи. С искренним уважением, Ваш Л. Галлер. 23 октября 1948 года».

Это последняя записка от Л. М. Галлера, ныне известная...

Надежды Льва Михайловича на выздоровление не оправдались. Он подолгу болел, было плохо с сердцем. Шли дни за днями, шли медленной чередой. Но он не надеялся получить свободу и через четыре года. Помнил: со второй половины 30-х «политическим» — таким, как он, всегда набавляли срок. Редко кто выходил из тюрьмы, из лагеря... Значит, и ему суждено здесь закончить дни. 17 ноября Галлеру исполнилось шестьдесят пять, к этому дню пришло письмо от сестер. Они вспоминали какие-то смешные подробности жизни в Тифлисе... Вспоминал и Лев Михайлович. Вот отец, полюбив за плечи юного кадета, говорит, смешливо морща губы: «Помнишь «Капитанскую дочку»? Так вот: «Слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Что ж, завет отца он выполнил. А то, что случилось с ним, вовсе не бесчестие. Кажется, Калигула говорил: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Сталин страшнее: он еще хочет, чтобы его почитали как живого бога. Обожествление римских цезарей ничто в сравнении с обожествлением Сталина. Да и никто из цезарей не истреблял миллионы подданных... И вот парадокс: толпы уцелевших, толпы потенциальных жертв ликуют, прославляя «вождя народов»! Так ли он жил, надо ли было всю жизнь, по крайней мере с середины двадцатых годов, заниматься своего рода мимикрией, чтобы иметь возможность делать то, что считал необходимым стране? Вспомнил из Достоевского: «Воистину, всякий перед всеми и за все виноват». И он виноват: не вступал в бой за осужденных. За Мишу Петрова, за Сашу Пышнова... Погибли лучшие: буря валит дубы, а ивы гнутся. Дед Рихард сказал бы: «Блаженны изгнаны правды ради, ибо их еси Царствие Небесное». Но выросли новые поколения. Неужто и из них вырвут с корнями самых талантливых и умных, самых благородных и смелых? Неужто не придет час справедливости?

Лев Михайлович Галлер не дождался этого часа. Он

умер в тюрьме в Казани 12 июля 1950 года. Могила его не найдена...

Через месяц после смерти Сталина, 4 апреля 1953 года, все газеты поместили сообщение об освобождении врачей, арестованных по обвинению во вредительстве, шпионаже и террористических действиях. Через день, 6 апреля, «Правда» напечатала передовую «Советская социалистическая законность неприкосновенна». Заместитель министра госбезопасности Рюмин был назван в ней «преступником» и «презренным авантюристом»... Если этот номер «Правды» попал в тюрьмы и лагеря, то, наверное, проснулась надежда на освобождение у В. А. Алафузова, Г. А. Степанова, А. А. Пышинова и многих других офицеров флота, у всех томившихся в сталинских застенках. Затем был снят со своих постов, судим и расстрелян Берия... Прошло еще два-три года, и свобода пришла к узникам лагерей и тюрем. По ходатайству министра ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова в 1953 году были освобождены и восстановлены в воинских званиях осужденные вместе с Л. М. Галлером адмиралы — В. А. Алафузов и Г. А. Степанов. Постановлением Совета Министров № 1254-504 от 13 мая 1953 года был посмертно восстановлен в звании адмирала и Лев Михайлович Галлер. И вот парадокс: постановление подписал тот самый Н. А. Булганин, подпись которого стояла под приказом министра обороны Вооруженных Сил от 3 марта 1948 года об увольнении разжалованного Л. М. Галлера «из кадров Вооруженных Сил СССР». Сталинский маршал из председателей Моссовета тогда еще крепко сидел в своем кресле...

Память об адмирале Льве Михайловиче Галлере, флотоводце, выдающемся деятеле Советского ВМФ, верном сыне Отечества — жива. Служба его Отечеству — благородный пример новым поколениям советских военных моряков.

Основные даты жизни и деятельности адмирала Л. М. Галлера

1883, 17(29).
ноября

— Родился в Выборге в семье потомственного дворянина, начальника Кронштадтского инженерного управления полковника Михаила Фердинандовича фон Галлера и

- Юлии Рихардовны, урожденной Паукер.
- 1902, 1 сентября¹ — Поступил в младший специальный класс Морского корпуса в Петербурге.
- 1905, 21 февраля — Выпущен из морского корпуса и произведен в мичманы. Зачислен в 12-й Ея Величества королевы Эллинов экипаж.
- 1905, 27 апреля — Назначен вахтенным начальником на крейсер 2-го ранга «Азия», переведен во 2-й флотский экипаж.
- 1905, 16 декабря — Назначен в 1-й морской батальон.
- 1906, 9 марта — Возвращен во 2-й флотский экипаж.
- 1906, 14 мая — Назначен вахтенным начальником на учебное судно «Генерал-адмирал».
- 1906, 29 сентября — Назначен вахтенным начальником на учебное судно «Герцог Эдинбургский».
- 1907, 1 августа — Назначен исполняющим должность ревизора и вахтенным начальником на линкор «Слава».
- 1908, 6 декабря — Произведен в лейтенанты.
- 1910, 8 марта — Назначен командиром 2-й роты линкора «Слава».
- 1911, 23 сентября — Зачислен слушателем в Артиллерийский офицерский класс.
- 1912, сентябрь — Произведен в старшие лейтенанты, назначен младшим артиллерийским офицером линкора «Андрей Первозванный».
- 1913, январь — Назначен старшим артиллерийским офицером линкора «Андрей Первозванный».
- 1914, июль — Назначен флагманским артиллеристом штаба 2-й бригады линкоров Балтийского флота.
- 1916, сентябрь — Назначен старшим офицером эсминца «Автроил».
- 1917, 14 января — Назначен старшим офицером лин-

¹ Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

- кора «Слава». Произведен в капитаны 2 ранга.
- 1917, октябрь — Назначен командиром эсминца «Туркменец-Ставропольский».
- 1918, 26 июля² — Назначен командиром эсминца «Мечислав».
- 1919, 3 февраля — Назначен командиром крейсера «Баян».
- 1919, 2 апреля — Назначен командиром линкора «Андрей Первозванный».
- 1920, 17 апреля — Назначен начальником штаба Действующего отряда кораблей (ДОТ) Балтийского флота (БФ).
- 1920, 26 сентября — Назначен начальником Минной дивизии БФ.
- 1921, 29 января — Назначен временно исполняющим обязанности начальника штаба БФ.
- 1921, 15 апреля — Назначен начальником штаба БФ.
- 1925, 6 октября — Зачислен слушателем курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военно-морской академии.
- 1926, 15 апреля — Назначен начальником штаба Морских сил Балтийского моря (МС БМ).
- 1927, 17 ноября — Назначен командиром дивизии линкоров (с 1930 — бригада линкоров) МС БМ.
- 1929, 22 ноября — Командует переходом отряда в составе линкора «Парижская коммуна» и крейсера «Профинтерн» из Балтийского моря в Черное.
- 1930, 18 января — Назначен временно исполняющим обязанности командующего МС БМ.
- 1932, март — Назначен командующим МС БМ (с 11 января 1935 года КБФ).
- 1936, 20 февраля — Присвоено воинское звание флагман флота 2 ранга.
- 1937, январь — Назначен заместителем начальника МС РККА.

² Здесь и далее даты указаны по новому стилю.

- 1938, январь — Начальник главного морского штаба (ГМШ) РККФ.
- 1940, 4 июля — Присвоено воинское звание адмирал.
- 1940, октябрь — Назначен заместителем наркома ВМФ главнокомандующего ВМФ по кораблестроению и вооружению.
- 1947, 19 февраля — Назначен начальником Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова.
- 1948, 10 февраля — Постановлением Совета Министров СССР № 282-113 лишен адмиральского звания. Уволен из кадров ВС СССР и заключен в тюрьму.
- 1950, 12 июля — Скончался в тюрьме города Казань.
- 1953, 13 мая — Постановлением Совета Министров СССР № 1254-504 посмертно восстановлен в воинском звании адмирал.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ЧАСТЬ I. ОФИЦЕР	3
В МОРСКОМ КОРПУСЕ	—
ТРУДНЫЕ ДНИ	21
В ДАЛЬНИХ ПЛАВАНИЯХ	28
УРОКИ ТУЛОНА	54
Артиллерист «АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО»	62
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ	81
В МООНЗУНДСКОМ СРАЖЕНИИ	99
ЧАСТЬ II. ФЛАГМАН	122
«ОБЕЩАЮ ЧЕСТЬЮ И ВЕРНО СЛУЖИТЬ...»	—
ЗАЩИТИМ ПЕТРОГРАД!	141
НАЧАЛЬНИК ШТАБА	180
ВОЗРОЖДЕНИЕ	204
ВСЕ ДРЕДНОУТЫ СТРАНЫ	227
КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ	251
ЧАСТЬ III. ЗАМНАРКОМА	279
ТУЧИ НА ЗАПАДЕ	—

	Стр.
ПОЛГОДА ДО ВОЙНЫ	321
В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ	340
СУД НЕПРАВЫЙ, СУД БЕЗ ЧЕСТИ...	370
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИРАЛА Л. М. ГАЛЛЕРА	410

Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе над книгой В. Н. Кузнецовой, Е. С. Владимирской, адмиралу М. Н. Хронопуло, вице-адмиралам В. Е. Селиванову, А. Л. Генкину и А. М. Гонтаеву, контр-адмиралу В. И. Захарцеву, капитанам 1 ранга П. Я. Вольскому, И. Н. Соловьеву, Я. Б. Рабиновичу, И. Ф. Цветкову и В. Д. Доценко, капитанам 2 ранга Н. Д. Выжеватову и А. А. Раздолгину, сотрудникам ЦВМА А. А. Лучко и Л. А. Толстову, ЦГАВМФ — И. А. Лившицу и А. Е. Иоффе, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — П. Л. Вахтиной.

Сергей Александрович ЗОНИН

АДМИРАЛ Л. М. ГАЛЛЕР

Художник *Е. А. Михельсон*

Художественный редактор *А. Я. Салтанов*

Технический редактор *Ю. Н. Мишачева*

Корректор *И. А. Цеханова*

ИБ № 3932

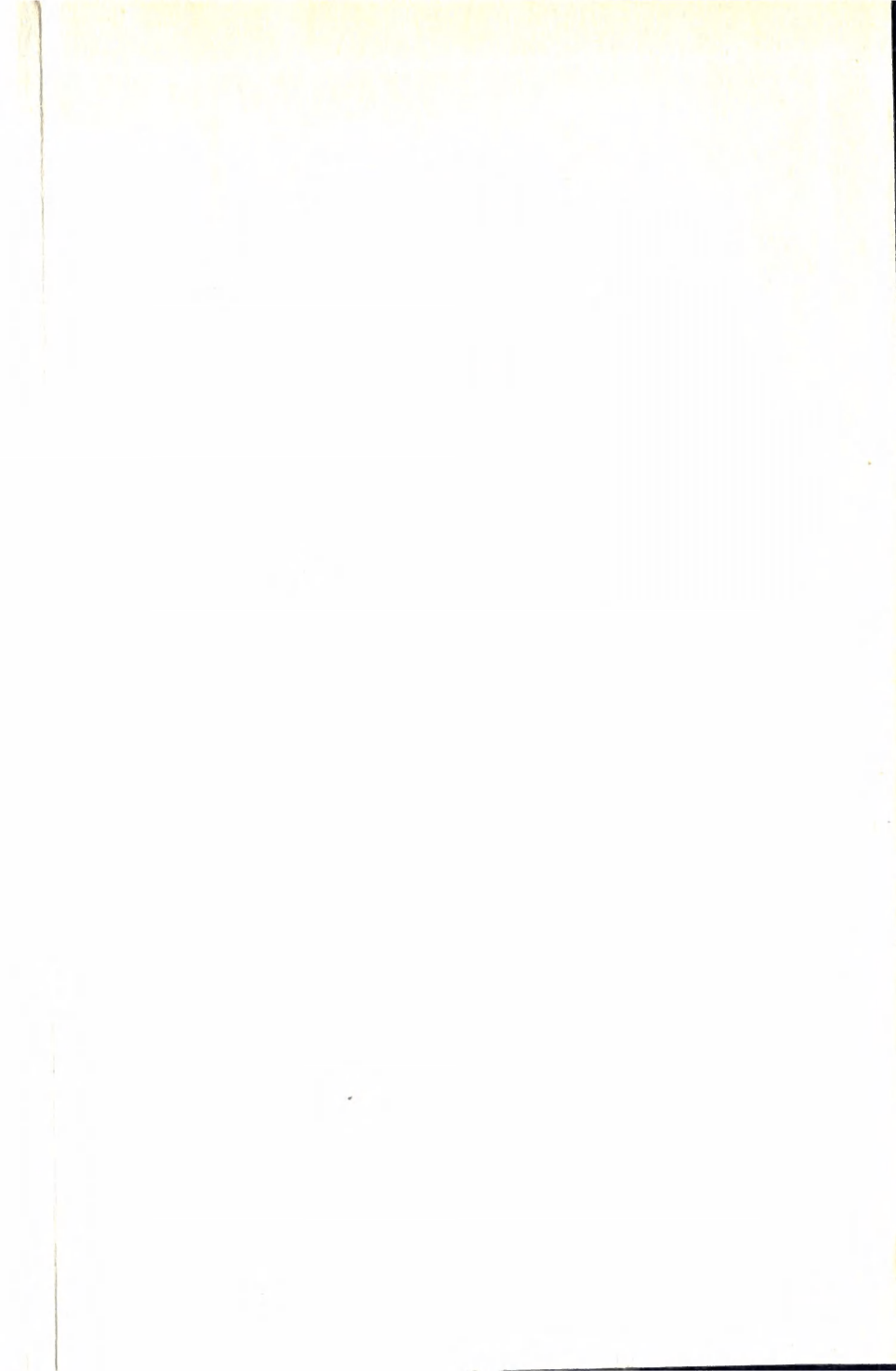
Сдано в набор 16.03.90. Подписано в печать 16.08.90. Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 2. Гарн. обычная. Печать высокая. Печ. л. 13.
Усл. печ. л. 21,84 + 2 вкл. — 9³/₂ печ. л.; 0,47 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 22,31.
Уч.-изд. л. 24,46. Тираж 50 000 экз. Изд. № 2/5076. Зак. 53.
Цена 3 р. 80 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, д. 3.

—
ра-
ра-
Л.
ка-
би-
га
А.
Е.
—

ՀԱՅՈՒՄԻ

Ազմարաթ

Յ.Մ. ԲԱՅԻՐ

Բ

